МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ



№ 4 / 2016

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT



№ 4 / 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissencahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые друзья и коллеги!

Наконец, перед Вами номер, завершающий серию выпусков международного научного журнала «Исторический формат» за 2016 год. Он вышел с небольшим календарным отставанием, и это связано с техническими обстоятельствами. Тех, кто хорошо знаком с научной периодикой, этим не удивить. Увы, это реалии нашего времени, и мы от них зависим в той же степени, что и любое академическое издание. Не станем говорить о том, что «штатные» научные журналы подпитываются бюджетным финансированием (казалось бы, с них и отдача должна быть выше!), а независимым журналам в этом отказано. Мы должны быть выше обстоятельств, и в этом залог позитивного развития «Исторического формата».

Для нас самое важное – это сохранить журнал, чтобы он оставался такой же независимой научной трибуной для интересных, незаурядных исследователей, был бы всегда в свободном доступе для читателей. На протяжении двух лет нам это удавалось. Уверен, что удастся и в будущем. Однако в 2017 году мы запланировали не четыре выпуска, а два, которые будут сдвоенными. Первый сдвоенный номер постараемся выпустить к лету, второй – к концу года. В остальном же всё будет по-прежнему, так что оставайтесь с нами!

Напоминаем, что связаться с редакцией по любым вопросам Вы можете по электронной почте: **mail@histformat.com**

Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук
главный редактор

УДК 94(47)

О ПЕРСОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ОПРИЧНОГО ДВОРА ИВАНА ГРОЗНОГО[1]

А.Л. Корзинин

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
e-mail: a.korzinin@spbu.ru
Reseacher ID: G-5890-2015
http://orcid.org/0000-0003-3249-1249
SPIN-код 7986-8603

Авторское резюме

В центре изучения находится персональный состав Опричного двора Ивана Грозного в 1565-1572 гг. Используя данные источников, ранее не привлекавшихся исследователями, автор обнаруживает имена новых представителей Опричного корпуса (около 66 человек), а также уточняет сведения об опричниках, ранее приведенные в работах В.Б. Кобрина. В публикации реконструирована чиновная структура Опричного двора, сделаны наблюдения над составом территорий, включенных в опричнину, земельной принадлежности опричников, динамике казней представителей удельного двора. Автор делает вывод о наборе царем Иваном Грозным нового Опричного двора преимущественно из старого доопричного с целью противопоставления представителей дворянских родов друг другу ради укрепления единоличной власти.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, Государев двор, опричнина, придворная борьба.

REGARDING THE OPRICHNIKI PERSONNEL AT THE COURT OF IVAN THE TERRIBLE

Alexander Korzinin

Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: a.korzinin@spbu.ru

Abstract

The focus of this study is on the Oprichniki personnel at the court of Ivan the Terrible from 1565-1572. From sources never before used by researchers, the author uncovers some previously unknown names of oprichniks (66 people), as well as clarifying already-available information about the tsar's guardsmen provided in the works of Vladimir B. Kobrin. In the article the administrative institutions of the Oprichnina are reconstructed, and some observations are made regarding the territories included in the Oprichnina's jurisdiction, place attachment of the oprichniks, and waves of executions by Oprichniki of appanage princes' courts. The author draws the conclusion that Tsar Ivan the Terrible composed the new Oprichniki court mainly of the same people that formed the tsar's court before the Oprichnina, with the purpose of opposing the representatives of different nobility clans for the sake of strengthening his individual power.

Keywords: Ivan the Terrible, tsar's court, Oprichnina, court fight.

---

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-01-12013в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

* * *

В исторической науке персональный состав Опричного двора Ивана Грозного остается дискуссионным вопросом. По свидетельству официальной Никоновской летописи, государь Иван Васильевич при введении опричнины в феврале 1565 г. включил в число опричников «князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов» (ПСРЛ. XIII: 395). Сохранившиеся данные источников об опричниках фрагментарны и не позволяют в полной мере раскрыть эту цифру, но с учетом новых документов можно расширить наши представления о составе Опричного корпуса и о социальном присхождении опричной гвардии.

В своем послании Василию Грязному царь Иван Грозный в 1574 г. обмолвился, что опричники подобно Грязному были набраны из рядов худородных слуг, мужиков, «страдников»: «*А что сказываешься великой человек – ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды*» (Послания Ивана Грозного 1951: 193). Это царское высказывание, вырвавшееся в минуту запальчивости, о неродовитом происхождении царских любимцев подхватил С.М. Соловьев (Соловьев 1896: 504). По мнению В.О. Ключевского, в опричники набирались худородные представители рядового дворянства вроде В.Г. Грязного (Ключевский 1987: 172). В.О. Ключевский отметил, что, хотя в опричный корпус «попадали знатные люди вроде князей Трубецкого, Одоевского, Телятевского, но известно, что в опричнине не любили ни родословных людей, ни родословных счетов» (Ключевский 1902: 337). После В.О. Ключевского историки стали писать о происхождении опричников преимущественно из кругов среднего и мелкого служилого люда, из худородных дворян, которым противопоставляли родовитое боярство (Дьяконов 1908: 429-430; Довнар-Запольский 1910: 221-222; Покровский 1922: 237–239; Платонов 1923: 127).

Одним из первых, кто обратил внимание на аристократическое происхождение одного из близких царю опричников В.Г. Грязнова из рода ростовцев Ильиных был П.А. Садиков. Ученый заметил, что род Ильиных «не был “худым”, “обышным”, и члены его, по-видимому, также тянулись вверх, добиваясь более честной службы, если не при блестящем великокняжеском дворе, то, по крайней мере, при дворах удельных князей и крупных духовных феодалов, владык-архиепископов» (Садиков 1924: 40).

Подсчетами опричников и выяснением их социального происхождения впервые специально стали заниматься Л.М. Сухотин, Г.Н. Бибиков, С.Б. Веселовский и П.А. Садиков (Сухотин 1940: 53-59; Бибиков 1941: 5-28; Веселовский 1963: 200-238; Садиков 1950: 48-50). Л.М. Сухотин составил список опричников (из 288 имен) и обратил внимание на родовитость многих из них, на княжеское происхождение ряда опричников (Сухотин 1940: 53). Список опричников Л.М. Сухотина весьма представительный (несмотря на ошибки и неточности в фамилиях дворовых), однако в него попали некоторые лица, принадлежность которых к удельному двору в феврале 1565 г. – осенью 1572 г. сомнительна: Болотниковы, Воейковы, Милослав-

ские, князь И.М. Глинский (все они были записаны в декабре 1572 г. в разряде полков на Пайду, когда опричнина уже была отменена), царевич Чингизид Михаил Кайбулович, Т.Г. Митусов и др. Любопытно предположение Л.М. Сухотина о вхождении в опричнину мелких землевладельцев, получивших поместья в Ярославском уезде во время его пребывания в уделе с 1569 г.: Скворца и Соловья Борщовых, Петра Ивановича Маркова и его сына Василия, Федора Малышкина (Сухотин 1911: 3, 29-31). Известно, что в 1568-1569 гг. Соловей Борщов бы вотчинником, а Скворец Елин сын Борщов помещиком в Пажецкой волости в Заболотье Ярославского уезда (Писцовые материалы Ярославского уезда 2000: 23).

В списке опричников С.Б. Веселовского (которому не была известна реконструкция Л.М. Сухотина) можно найти сведения о 100 наиболее видных опричников (правда, отсутствуют князья Вяземские, Черкасские и др.). С.Б. Веселовскому принадлежит точка зрения о наборе нового, опричного двора из старого двора: «Царь Иван набрал себе новых дворян вовсе не из худородных людей и не из «мужиков», как выражались Таубе и Крузе, а из состава старого двора» (Веселовский 1963: 143-144). Исследователь полагал, что Опричный двор «получил значение базы для борьбы царя со старым двором».

В 1949 г. Д.Н. Альшиц издал список раздачи жалованья «бояром, и околничим, и дияком, и дворяном, и приказным людем» от 20 марта 1573 г. по списку XVIII в. (Список опричников 2003). Ученый предложил существенно расширить состав Опричного двора, реконструированного В.Б. Кобриным, включив в него детей боярских, получивших жалованье в 1573 г. Оппонентом Д.Н. Альшица выступила О.А. Яковлева. Исследовательница обратила внимание на заголовок документа, опубликованного Д.Н. Альшицем, утраченный при копировании (Яковлева 1951: 235). С точки зрения О.А. Яковлевой, заголовок указывает на то, что это список не опричников и даже не дворовых («опричнины, хотя бы не под названием "опричнины", а под названием "двора", в это время уже не существовало»), а «просто список людей, составлявших придворный штат Ивана Грозного». В.Б. Кобрин не согласился с аргументами Д.Н. Альшица об опричниках 1573 г., т.е. спустя год после отмены опричнины (Кобрин 2008: 15). Р.Г. Скрынников рассматривал список 1573 г. как перечень дворовых Ивана Грозного (Скрынников 1971; 193; 1992: 461-462, 470-471). А.Л. Станиславский, посвятивший анализу списка 1573 г. отдельное исследование, как и Р.Г. Скрынников, пришел к выводу, что в нем зафиксирован не Опричный, а «особный» двор Ивана Васильевича, причем не менее его половины (Станиславский 1976: 139). Следует согласиться с аргументами В.Б. Кобрина, Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского о том, что в список раздачи жалованья марта 1573 г. не могли быть записаны опричники, так как опричнины в то время уже не существовало, но появился Особый двор, куда попали перечисленные в документе дети боярские.

А.А. Зимин и В.Б. Кобрин, как Л.М. Сухотин и С.Б. Веселовский, подчеркивали аристократическое происхождение опричной гвардии (Зимин 2001: 220; Кобрин 2008: 128, 131-132). К сходным выводам о незначительной доле представителей неродословных и худородных фамилий и о решительном преобладании выходцев из княжеско-боярской среды (правда, из младших ветвей родов) среди опричных

воевод пришел новейший исследователь Д.М. Володихин (Володихин 2011: 256-261). По наблюдениям В.Д. Назарова, в опричном дворе «преобладали все же представители менее знатных родов, младших линий, относительно молодых поколений» (Назаров 1990: 197).

В.Б. Кобрин предпринял последнее по времени тщательное исследование источников по Опричному двору и отыскал сведения о 277 опричниках (Кобрин 2008: 13-137). Исследователь посвятил кандидатскую диссертацию (опубликованную сравнительно недавно почти в полном объеме, но без историографического обзора) социальному составу Опричного двора, анализу землевладения, семейных связей опричников (Кобрин 2008: 99-137). Любопытны подсчеты историком приблизительного числа дворовых и городовых детей боярских Опричного корпуса (к 1570 г. примерно в 4500–5000 человек) (Кобрин 2008: 100-102).

А.А. Зимин не согласился с количеством опричников В.Б. Кобрина и добавил к нему более сотни лиц (Зимин 2001: 213-220). Затем в дискуссию вмешался Д.Н. Альшиц, как уже было отмечено, обнаруживший список раздачи денежного жалованья 1573 г., объявленный им списком опричников (Альшиц 1988: 177-192). Чтобы судить о составе Опричного двора и установить тех представителей Государева двора 1550-1565 гг., кто в дальнейшем попал в ряды опричников, следует разобраться с отправными моментами упомянутой дискуссии, с источниками, указывающими на опричников.

Можно предположить, что в список опричников В.Б. Кобрина попала основная часть членов Опричного двора, его верхушка. Мы не располагаем сведениями о большинстве городовых детях боярских-опричниках. Возможно, их следует искать в писцовых книгах среди землевладельцев уездов, взятых в опричнину. Известно, что при введении опричнины в феврале 1565 г. царь давал поместья опричникам «*в тех городех с одново, которые городы поимал в опришнину*». А вотчинников и помещиков, «*которым не быти в опришнине*», тех велел вывести из городов, и «*подавати земли велел в то место в ыных городех*» (ПСРЛ. XIII: 395). Методикой по выделению слоя дворовых детей боярских, получивших земли в уездах после их включения в государевы владения, для Шелонской пятины Новгорода, взятой в 1576 г. в удел «Иванца Московского», пытался воспользоваться П.А. Садиков (Садиков 1950: 179-180). Но такая методика не дает стопроцентных гарантий. Не всегда можно уверенно говорить о выселении всех земских землевладельцев и передаче всех вотчинных земель в опричном уезде в поместья опричным слугам. Кто-то из земских мог и остаться в виде исключения, переселять могли не обязательно опричников. Для убедительных выводов требуются дополнительные сведения по каждому конкретному землевладельцу.

Один из недостатков исследования В.Б. Кобрина заключается в его «описательности». В этой работе в алфавитном порядке перечислены обнаруженные ученым опричники без выделения и обоснования различных периодов включения того или иного лица в опричный корпус, таким образом, не выявляется динамика развития Опричного двора, соответственно не прослеживается логика включения представителей различных родов в разное время в состав опричников (Скрынников 1992: 225; Колобков 2014: 141-142, 400-401, 424-427). В действительности опричнина

включала несколько этапов, и, если судить по отрывочным данным документов и общим наблюдениям В.Б. Кобрина, деятели, стоявшие у истоков опричнины, например Ф.А. Басманов, князь А.И. Вяземский и др., подобно лидерам начального этапа Великой Французской революции (если прибегать к известным историческим параллелям), попали к 1570 г. под смертельный пресс своего детища и вскоре погибли, сметенные алчущими занять их места и получить богатства конкурентами – опричниками новой волны М. Скуратовым, В. Грязным и др. (Кобрин 2008: 135-137).

В списке В.Б. Кобрина может вызывать некоторые сомнения принадлежность к опричникам лиц, внесенных в крестоцеловальные записи (по князю И.П. Охлябинину и З.И. Очину-Плещееву в 1565/1566 г.), составленные, предположительно, в опричнине. Их служебный статус трудно определить из-за недостатка источников (С.И., П.Н. и З.Н., П.А. Варнавиных, З.Б. Горбатого, Т.А. Горкина, Г.М. и Д.М. Дерловых, Г.К. Жукова, И.А. и Ф.Т. Захаровых, Б.И. и Ш.Б. Корокрейских, Б.Е. Лужецкого, Ш.К. Нестерова, А.Ф. Новокрещенова, Я.Ф. Охотникова, И.Н. и О.Н. Плещеевых-Павлиновых, Т.И. Родионова, В.Т. Столыпина, М.А. и Ю.А. Темировых, Т.П. Чижовкина, У.Г. Щедрина, А.Ж. Яковлева: Кобрин 2008: 30, 38, 40, 41, 49, 49, 55, 58, 67, 75, 79, 81, 95, 96). Вероятно, эти лица были выходцами из верхов уездного служилого дворянства, из городовых детей боярских. В целом предположение об опричном характере крестоцеловальных записей 1565/1566 г., впервые высказанное Г.Н. Бибиковым, кажется убедительным (Бибиков 1941: 7-8). А.А. Зимин не считал возможным считать всех поручителей опричниками, лишь 12 из 58 (Зимин 2001: 131-132).

В.Б. Кобрин считал опричным разряд, ошибочно помещенный в Частной редакции разрядных книг под 1564/1565 г. (Разрядная книга 1981: 191). Скорее всего, данный разряд опричных полков в Калуге следует датировать концом 1560-х гг., до получения князем Ф.М. Трубецким (первого воеводы большого полка) боярского чина. А.А. Зимин считал, что Трубецкой стал боярином в 1568 г., а С.Б. Веселовский и В.Б. Кобрин относили его боярство к 1572 г., к концу опричнины (Зимин 1958: 74; Веселовский 1963: 235; Кобрин 2008: 84). В действительности князь Ф.М. Трубецкой впервые упомянут с высшим думным чином летом 1570 г., затем в октябре 1571 г. на свадьбе царя и Марфы Собакиной (Разрядная книга 1982: 261, 286, 319, 320, 362).

Кроме того, список опричников В.Б. Кобрина неполон. В.Д. Назаров добавляет к нему опричника Ивана Андреевича Бутурлина, пропущенного историком (Акты 1998: 473). У С.Б. Веселовского есть дополнительный перечень опричников, определяемых им по косвенным данным: это Б.Д. Арцыбашев, А.П. и С.Ф. Благово, князь И.В. Охлябинин, З.И. Сабуров, А.Г. Совин (Веселовский 1963: 200-201, 204-205, 222, 231-233; Кобрин 2008: 97-98). В.И. Корецкий считал опричным дьяка Посника Суворова (Корецкий 1967: 44). Р.Г. Скрынников прибавил опричников Василия Федоровича (постельничего в 1564/1565 г.) и Василия Ивановича Наумовых (Скрынников 1992: 227-228). Новейший исследователь Д.М. Володихин к опричникам относит князя Василия Ивановича Горбатого Мосальского, Игнатия Борисовича Салтыкова (предположительно), Дмитрия Федоровича Шаферикова-Пушкина, Афанасия Ивановича Новокщенова и др. (Володихин 2011: 135-136). А.А. Зимин

добавил к списку В.Б. Кобрина больше всего опричников (123 лица) (Зимин 2001: 214-216, 378-380). Разберемся с аргументами А.А. Зимина.

А.А. Зимин полагал, что опричниками являлись участники свадьбы Ивана Грозного и М. Собакиной (октябрь 1571 г.): «Свадьбы царя Ивана с Марфой Собакиной и его старшего сына с Евдокией Сабуровой (13 ноября) происходили, по всей вероятности, в Александровой слободе. На них присутствовало 26 видных опричников (в том числе Малюта Скуратов, Богдан Бельский, трое Годуновых, И.С. Черемисинов и Ф.М. Трубецкой» (Зимин 2001: 215; Сахаров 1849: 63-64). Далее историк замечает, что среди присутствовавших находились и те, кто опричником не был (И.В. Меньшой Шереметев, дьяк В. Щелкалов). Если в свадебном разряде записаны не только опричники, но и земские дворовые, вряд ли правомерно всех приглашенных на свадьбу гостей зачислять в Опричный корпус. В сноске 243 на с. 379 А.А. Зимин перечисляет среди опричников, присутствовавших на свадьбе, князей Михаила и Владимира Андреевичей Трубецких, Андрея Тулупова (по данным писцовых книг, опричника). В действительности на торжествах присутствовали не сами князья Трубецкие, а их жены – княгиня Аксинья, жена Михаила Андреевича Трубецкого, княгиня Настасья, супруга Василия [не Владимира!] Андреевича Трубецкого (Сахаров 1849: 63). Известно, что князь М.А. Трубецкой умер 5 декабря 1556 г., а князь В.А. Трубецкой скончался 9 мая 1561 г., оба были похоронены в родовой усыпальнице князей Трубецких в Троицком соборе г. Трубчевска (Левенок 1960: 248, 249). Князь Андрей Тулупов в писцовой книге Шелонской пятины вовсе не назван в опричнине (Новгородские писцовые книги 1905: 518). Еще одна неточность допущена относительно опричного «дьяка» Василия Щербины, оставленного «Иваном IV летом 1572 г. в Великом Новгороде вместе с наместником князем С.Д. Пронским и дьяком Посником Суворовым» (Зимин 2001: 215). В тексте Новгородской летописи В. Щербина не назван дьяком, он просто записан после дьяка П. Суворова (ПСРЛ. III: 121). Л.М. Сухотин считал В. Щербину опричником, но не дьяком (Сухотин 1940: 59). Не ясен социальный стутус и должностное положение Щербины, хотя очевидна его близость к опричникам князю С.Д. Пронскому и П. Суворову. Можно предположить, что речь идет Василии Иванове сыне Щербинине, городовом тысячнике 2-й статьи из Великого Новгорода. Он присутствовал как дворянин 1-й статьи на Земском соборе 25 июня – 2 июля 1566 г. Впоследствии в 1571-1574 гг. был казнен (Собрание 1813: 550; Веселовский 1963: 475; Скрынников 1992: 544).

Опираясь на свидетельство Пискаревского летописца (царь «по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом») А.А. Зимин полагал, что Юрьев был включен в опричнину (ПСРЛ. XXXIV: 190; Зимин 2001: 90, 222, 382). А.А. Зимина в недавнее время поддержал С.Н. Богатырев (Богатырев 1995: 100). В.Б. Кобрин заметил, что нет фактов, указывающих на пребывание Юрьева в опричнине, но нет и надежных свидетельств принадлежности его к земщине (Кобрин 2008: 96, 289). Р.Г. Скрынников считал В.М. Юрьева земским боярином (Скрынников 1992: 268). Следует согласиться с мнением Р.Г. Скрынникова. Во-первых, В.М. Юрьев в качестве земского боярина участвовал в работе Земского собора в июне 1566 г. (Русский дипломатарий 2004: 173). Во-вторых, в переговорах с посланниками польской Паны-рады в июне

1566 г.–сентябре 1567 г. он обозначался с титулом наместника Ржевского (Сборник РИО 1892: 353, 531). Ржев в опричнину не входил, лишь некоторые земли Ржевского уезда. В-третьих, до своей смерти 3 апреля 1567 г. он нигде в источниках не упоминался опричником.

Неубедительным кажется зачисление А.А. Зиминым в «кромешники» всех воевод весеннего разряда 1572 г. (Зимин 2001: 215-216, 379-380). В литературе уже отмечалось, что данный разряд нельзя назвать опричным, он по сути смешанный, в нем встречаются как опричные, так и земские воеводы (Разрядная книга 1982: 302-305; Скрынников 1992: 447). В итоге дополнительный перечень опричников А.А. Зимина не всегда подкреплен надежными данными источников.

Конечно, и реконструируемый В.Б. Кобриным перечень опричных деятелей неполон по причине того, что историка интересовали прежде всего родословные люди. Аналогично поступили А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина. В их список представителей Особого двора Ивана IV в 1575–1576 гг. попали люди «в чинах» и не служившие «с городом», выделявшиеся из массы провинциальных детей боярских (Мордовина, Станиславский 1977: 154). К тому же, историк не избежал ошибок и неточностей при анализе сведений о представителях дворянских фамилий. В списке В.Б. Кобрина могу вызывать подозрения несколько лиц, ошибочно причисленных им к опричникам. Князь Иван Никитич Приимков- Ростовский, по мнению В.Б. Кобрина, ссылавшегося на Синбирский сборник, в действительности не упоминался как опричник ни в 1567 г., ни в 1571 г. (Кобрин 2008: 70; Синбирский сборник 1844: 22). Очевидно, исследователь спутал его с князем Иваном Федоровичем Гвоздевым-Приимковым. Иван Никитич Приимков начал службу в чине жильца (куда набирали молодых людей) только в 1589 г. (в боярском списке назван уменьшительным именем «Иванец») (Станиславский 2004: 212).

Имя Романа Никитина сына Сурвоцкого, поддатни у рынды с копьем у царевича Ивана Ивановича в опричном царском походе против Девлет-Гирея в сентябре 1570 г., стоит только в Сокращенной редакции разрядных книг (Синбирском сборнике). В других списках разрядных книг (Государевых разрядах, Пространной редакции) он обозначен как Рохман (Рахман) Сурвоцкий (Синбирский сборник 1844: 30; Разрядная книга 1974: 73; Разрядная книга 1966: 236; Разрядная книга 1982: 268, 279). Точно также и имя Тришки (Трифона) Никитина сына Сурвоцкого, поддатни у рынды с большим саадаком у царевича Ивана Ивановича в опричном царском походе против Девлет-Гирея в сентябре 1570 г., есть только в Синбирском сборнике. Во всех остальных списках разрядных книг его записали как Гришку (Григория) Никитина сына Сурвоцкого (Синбирский сборник 1844: 27; Разрядная книга 1974: 73; Разрядная книга 1966: 236; Разрядная книга 1982: 267). Вероятно, братьев Романа и Трифона в роду Сурвоцких не существовало (Веселовский 1963: 450).

В.Б. Кобриным опричником считал Василия Черемисинова сына Ошанина, поддатню у рынды с большим саадаком в царском опричном походе против Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. (Разрядная книга 1966: 236; Разрядная книга 1974: 66; Разрядная книга 1982: 267). В роду Ильиных-Ошаниных не было таких редких имен как Черемисин. В списке опричников С.Б. Веселовского также его не находим

(Веселовский 1963: 213-216). Можно допустить, что это Василий Федорович Ошанин, о котором сохранились прямые известия о службе в опричнине (Разрядная книга 1982: 226, 278; Древняя Российская вивлиофика 1791: 51; Сборник РИО 1892: 637). Следовательно, «Черемисинов сын» – ошибочное отчество, правильно «Федоров сын». Но может быть, фамильное обозначение «Ошанин» – это ошибка позднего переписчика и речь в источнике шла о Василии из рода Черемисиновых-Карауловых, родного брата И.С. и Ф.С. Карауловых-Черемисиновых? Василий Караулов в июле 1557 г. был отправлен в полки передать наказ «за печатью» Ивана IV обвинить князя И.А. Шуйского перед князем И.Д. Бельским за то, что «он к нему не поехал и речи не говорил» (Разрядная книга 1966: 164). Оба брата Иван и Федор Семеновичи Черемисиновы входили в опричнину (Кобрин 2008: 90-91).

Князь Иван Келмамаевич Келмамаев – это в действительности князь Иван Келмамаевич Канбаров, женатый на одной из дочерей Малюты Скуратова (Кобрин 2008: 44-45; Источники 1985: 198, 230; Вотчинные хозяйственные книги 1980: 6, 9).

Опричником был не дьяк Иван Ишук Иванов сын Бухарин Наумов, казненный после ноября 1567 г., а его сын Иван Иванов сын Ишуков Бухарин, опричный воевода летом 1569 г. (Кобрин 2008: 62-63; Скрынников 1992: 529; Разрядная книга 1982: 250; Станиславский 2004: 198).

Информацию об опричном дьяке Дмитрии Михайлове сыне Пивове и его «чисто опричном поручении» В.Б. Кобрин и другие историки черпают исключительно из сообщения С.Б. Веселовского о том, что дьяк Дмитрий Пивов в 1569 г. вместе с князем В.И. Темкиным ездили в Соловецкий монастырь проводить расследование против митрополита Филиппа Колычева (Веселовский 1963: 224; Кобрин 2008: 60; Колобков 2014: 306). Ни в тексте Соловецкого летописца начала XVII в., ни в наиболее раннем списке Тулуповской редакции «Жития Святого Филиппа» имя дьяка Д. Пивова среди членов следственной комиссии отсутствует (НИОР РГБ. Ф. 304. № 694. Л. 118–118 об.; Колобков 2014: 61, 343, 549). С.Б. Веселовскому, очевидно, был известен какой-то источник, где содержалась ценная информация о Пивове, который пока не обнаружен. Принимая во внимание добросовестность и авторитетность ученого, его указанию можно доверять.

В.Б. Кобрин механически объединил сведения о И.Ф. Большом Мишурине, поручителя по З.И. Очину-Плещееву в 1566 г., со служебными данными об Иване Меньшом Федоровиче Мишурине, подрынде к большому копью в опричном походе царя из Москвы к Дворцам осенью 1567 г. (Собрание 1813: 560; Разрядная книга 1982: 224; Кобрин 2008: 51). На самом деле, это два разных человека, вернее два родных брата Иван Большой и Иван Меньшой Федоровича Мишурины, оба опричники. Иван Большой к 1571 г. принял монашеский постриг и укрылся за стенами Троице-Сергиева монастыря под именем старца Ионы. В 1571/1572 г. он сделал вклад по отце и по матери и дал обители свою вотчину в Костромском уезде жеребей в селе Горки с 6 деревнями, 3 пустошами (Вкладная книга 1987: 65).

Аналогично Мишуриным В.Б. Кобрин объединил в одно лицо Василия Сапуна Тихоновича Аврамова имена двух братьев Сапуна и Василия Тихоновых детей Аврамовых. Опричником был старший брат Сапун Тихонов сын Аврамов,

опричный подьячий в марте 1571 г., с 1577 г. дьяк (Кобрин 2008: 21; Акты 1998: 23, 427-428).

Странным кажется упоминание в списке В.Б. Кобрина и в Синбирском сборнике имени Владимира Торкова (Торхова, Тархова), поддатни у рынды с копьем в царском походе против Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. В других списках разрядных книг вместо Владимира Тархова записан другой человек: Владимир Васильев сын Пивов (Синбирский сборник 1844: 30; Разрядная книга 1974: 73; Разрядная книга 1966: 236; Разрядная книга 1982: 267). Может быть, имя Торкова попало не в ранний вариант разрядной записи, а является результатом механической ошибки переписчика документа? О Торховых нам мало что известно.

Остановимся на источниках, прямо указывающих на опричников и не отраженных в реконструкции Опричного двора В.Б. Кобрина. В писцовой книге Шелонской пятины 1571 г. сказано о взятии «в государеву опричнину» из Быстреевского погоста Афанасия Жиборова, из Лосицкого погоста Петра Григорьева Щулепникова, Андрея Веригина сына Благова, Степана Фендрикова сына Благова, Ивана, Дементия и Михаила Семеновых детей Лугвеневых, из Сабельского погоста Василия Хлопова (Новгородские писцовые книиги 1905: 489, 508, 509, 512, 517).

В 1567 г. в «уделе» оказался Иван Афанасьев сын Ергольский (ОР РНБ. СПбДА. А I/17. Л. 756 об.–757 об.; Садиков 1950: 69-70).

Имена двух опричников находим в писцовой книге Рузского уезда 1567–1569 гг.: Андрея Иванова сына Унковского и Василия Титова (Рузский уезд 1997: 169, 180, 215). Иван Емельян (Омеля) Иванов сын в 1568 г. был опричным воеводой в Мценске. Кроме того, он являлся землевладельцем в Рузском уезде в 1567–1569 гг. (Разрядная книга 1982: 232; Рузский уезд 1997: 180).

Немец на русской службе Генрих Штаден называл опричниками стрелецкого голову Кураку Тимофеева сына Унковского (Штаден 2009. Т. 1: 143, 145; Т. 2: 233-237), «приказного человека» Булата Дмитриева сына Арцыбашева (Штаден 2009. Т. 1: 143, 145; Т. 2: 233-237; Сборник РИО 1892: 754).

В 1569 г. упомянут опричник из Никольского погоста Высоцкого Шелонской пятины Михаил Коренев сын Ильин и скрепивший грамоту «из опришнины» дьяк Никита Титов (Самоквасов. Архивный материал. Т. 1. Отд. 1. С. 160). В 1571 г. взят в опричнину помещик Водской пятины Юрий Андреев сын Нелединский (Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 54).

В списке В.Б. Кобрина отсутствуют многие опричные дьяки и подьячие. Опричниками являлись в 1565 г. дьяк Подвинской четверти Важской земли Федор Рылов, в 1569 г. дьяк опричной Четверти Иван Курган Васильев сын Лапин (Садиков 1950: 150, 314-315, 454), дьяк Посник Суворов (Штаден 2009. Т. 1: 143, 145; Т. 2: 233-237; Корецкий 1967: 44), Василий Владимиров сын Дядин (дьяк в опричном походе из Новгорода в Литву в сентябре 1567 г.: Разрядная книга 1982: 222), Иван Савин (в 1569 г. дьяк опричной Четверти: Садиков 1950: 327), Ушак Микитин (в 1570 г. опричный подьячий: Садиков 1950: 328), Максим Трифонов (опричный подьячий, в 1565 г. отписывал вотчины у Стародубских князей: Садиков 1950: 107, 109), Степан Ковезин (в 1570 г. опричный подьячий: Садиков 1950: 328; Корецкий 1967: 44).

Семен Путило Михайлов сын Нечаев Митрофанов, согласно новейшим исследованиям, в 1569–1570 гг. занимал пост опричного казначея (Богатырев 1991: 38-39; 1995: 107; Рыков 2012: 484). Другим опричным казначеем в июне 1569 г. являлся Пивов Угрим Львов (Садиков 1950: 286, 287, 311-312).

Вероятно, опричным дьяком был Иван Иевлев (не ранее 1568/1569 г. писец дворцовых сел опричного Вологодского уезда) (Писцовые книги Русского Севера 2001: 35; Каталог писцовых описаний 2015: 74), опричным подьячим Василий Жмакин (в 1565/1566 г. отдельщик земель в Костромском уезде, в 1566/1567 г. – в опричном Галичском уезде, в 1568/1569 г. писец опричного Белевского уезда с Г. Гридкиным) (Каталог писцовых описаний 2015: 68, 69, 73).

К опричнине принадлежали также Михаил Тимофеев сын Плещеев, значащийся в поручной записи 1566 г. по З.И. Очине-Плещееве (Русский дипломатарий 2004: 55; Зимин 2001: 371) и пропущенный В.Б. Кобриным, в 1567-1569 гг. Образец Малыгин (Писцовые материалы Ярославского уезда 1999: 30; Садиков 1950: 126), Григорий [Иванов сын] Вяземский (в 1568/1569 г. проводил межеванье в опричной Варзужской волости) (Садиков 1950: 203-204, 462), в 1572 г. Дмитрий Андреев сын Замыцкий (Временник 1852: 87-88; Зимин 2001: 214).

Не ясно, кто скрывался под именем князя Андрея Овцына (Штаден 2009. Т. 1: 143; Т. 2: 233)? В родословной князей Овчининых-Оболенских такого лица нет. Может быть, это Андрей Овцын из рода Владимира Даниловича Красного Снабди, потомков муромских князей и их однородцев Лыковых, Злобиных, Замятниных, Вельяминовых и Федцовых (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. № 104. Л. 203-204 об.)?

К опричникам следует отнести боярина Дмитрия Андреевича Бутурлина, в сентябре 1569 г. от имени царя выдавшего грамоту на земли в опричном Вологодском уезде Корнильеву монастырю (Зимин 2001: 416-417, 423).

В 1571 г. был принят в опричнину Яков [Матвеев сын] Змеев[1], получивший поместья в Полоцком повете (Писцовые книги Московского государства 1877: 481, 483; Иван Грозный 2014: 30, 232, 417.)[2].

Весной 1572 г. в царском походе из Великого Новгорода против шведов опричным боярином назван князь Иван Андреевич Шуйский (Разрядная книга 1982: 302). Почему-то В.Б. Кобрин сомневался в назначении его опричным боярином, между тем на данный факт есть прямое указание Разрядов (Кобрин 2008: 98). Косвенным доказательством пребывания князя Ивана Шуйского в опричнине служит то, что его сыновья Андрей и Василий Ивановичи к весне 1574 г. упоминались в Особом дворе Ивана Грозного, в 1575–1576 гг. также значились в нем, а в 1577–1584 гг. в удельный двор входили уже четверо сыновей князя И.А. Шуйского Андрей, Василий, Дмитрий и Александр (Разрядная книга 1982: 362; Мордовина, Станиславский 1977: 191; Корзинин 2016: 502).

Еще один опричник, «комнатный дворянин», государев псовник, Десятый Баранов (Боранов), в апреле 1570 г. прибыл от государя из Александровой слободы в

[1] Я.М. Змеев, в Дворовой тетради из Мещевска, принадлежал к Государеву двору. В ноябре 1562 г. в разряде царского похода в Полоцк он был поддатней у другого копья (Разрядная книга 1966: 199), 26 марта 1566 г. был отправлен послом в Крым (ПСРЛ. XIII: 401).

[2] В 1571 г. Яков Матвеев занимал должность казацкого сотника.

Москву с зайцами, приподнесенными в дар польским послам (Сборник РИО 1892: 634).

Михаил [Иванов сын Замятнин] Белкин в октябре 1565 г. занимал должность опричного воеводы в Белеве. В сентябре 1567 г. он был вторым воеводой передового полка опричного войска в Калуге (Разрядная книга 1981: 208; 1982: 221; Веселовский 1963:).

Севрюк Клавшов в 1571 г. был отправлен с жалованьем «из опричнины» к послам в Крыму А.Ф. Нагому и Ф.А. Писемскому (Садиков 1950: 139).

Медведь Панин в июне 1565 г. по поручению царя прибыл из Александровой слободы в столицу к боярам с инструкцией о встрече крымских послов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 350).

Вероятными опричниками были: в 1567 г. носивший титул можайского дворецкого Василий Иванович Наумов (Сборник РИО 1910: 137; Зимин 2001: 214), в 1569 г. отправленные в Англию «ближний дворянин» Андрей Григорьевич Совин и дьяк Семен Севастьянов (Зимин 2001: 214; Толстой 1875: 69), в 1570 г. сопровождавший в Москву из Новгорода архиепископа Пимена Федор Ошанин (Духовные и договорные грамоты 1950: 483; Веселовский 1963: 213; Зимин 2001: 214). Правда, Федора Ошанина не находим в родословной Ильиных (Архив СПб ИИРАН. Ф. 131. Оп. 1. № 112. Л. 71–76). Быть может, это Федор Молчанов, который в июне 1556 г. в разряде царского похода в Серпухов и в июле 1557 г. в войске в Коломне занимал пост поддатни при рынде с копьем (имел чин жильца) (Разрядная книга 1966: 157, 163)?

Немало писцов опричных уездов не было включено В.Б. Кобриным в список опричников. Достоверно неизвестно, входили ли писцы включенных в опричную территорию уездов, в опричный корпус, но это можно предполагать с большой долей вероятности. Ниже перечислим писцов уездов, входивших в опричнину.

Никита Авксентьев в 1571–1573 гг. проводил обыск в входившем в опричнину Переславском уезде (Веселовский 1916: 615; Баранов 2015: 79).

Григорий Гридкин в 1568/1569 г. был писцом опричного Белевского уезда (Баранов 2015: 73).

Поликарп Гридков в 1571/1572 г. являлся дозорщиком опричного Малоярославецкого уезда (Веселовский 1916: 641; Баранов 2015: 79).

Федор Михайлов сын Ласкирев в 1568/1569 г. известен как писец опричного Костромского уезда (Баранов 2015: 73).

Яков Васильев сын Мещеринов в 1570/1571 г. был писцом опричного Ростовского уезда (Веселовский 1916: 623; Баранов 2015: 75).

Василий [Иванов сын] Непейцын в 1567/1568 г. [не ранее 1568/1569 г.] описывал дворцовые села опричного Вологодского уезда (Писцовые книги Русского Севера 2001: 35; Баранов 2015: 74).

Опричником следует считать Суботу Осетра Осорьина, исходя из специфичного чисто опричного поручения, которое он выполнил. В сентябре 1571 г. в Великом Новгороде Субота Осетр [очевидно, имелся в виду Осорьин] затравил медведем дьяка Данилу Бартенева (ПСРЛ. III: 107; Сухотин 1940: 57; Скрынников 1992: 416-417; Колобков 2014: 442). Субота был почетным гостем на свадьбах царя

Ивана Васильевича. В октябре 1571 г. он «место ведал и всякую рухлядь столовую» на свадьбе государя и М.В. Собакиной, осенью 1574 г. был на свадьбе Ивана Грозного и Анны Васильчиковой (Сахаров 1849: 64; Васильчиков 1900: 12).

Вероятными опричниками были землевладельцы опричных уездов.

Иван Зегзюлин в 1567 г. владел поместьем в опричном Вологодском уезде (Назаров 1968: 107, 113; Зимин 2001: 417, 429-430).

Богдан Дмитриев сын Мартьянов в 1571 г. был верстан «государевым жалованием» поместьем в опричной Обонежской пятине Новгородской земли (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Новгороду. Стб. 438/42740. Л. 233; Корецкий 1967: 44). Искач Степанов сын Скрипицын в 1571 г. также получил поместье в Обонежской пятине в опричное время (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Новгороду. Стб. 437/42740. Л. 136-137; Корецкий 1967: 44).

Скворец Елин сын Борщов в 1569 г. был помещиком Ярославского уезда. Ему и его брату Соловью была дана в поместье отобранная в опричнину бывшая вотчина И.А. Долгово-Сабурова (Сухотин 1911: 3; 1940: 54; Писцовые материалы Ярославского уезда 2000: 23). Соловей [Елин сын?] Борщов в 1569 г. также упоминается в источниках как землевладелец Ярославского уезда (Сухотин 1911: 3; 1940: 54; Писцовые материалы Ярославского уезда 2000: 23). Земли Долгово-Сабурова в Ярославском уезде в 1569 г. были розданы в поместье помимо Борщовых Федору Малышкину (Сухотин 1911: 3; 1940: 56), Петру Ивановичу Маркову (тысячнику 3-й статьи из Москвы, в Дворовой тетади из Ярославля) и его сыну Василию (Сухотин 1911: 3, 29-31; 1940: 56).

Вотчинником Вологодского уезда в опричные годы был Григорий Федоров сын Матафтин (Назаров 1968: 108, 112). Его родственник Илья Матафтин в 1565 г. присутствовал в Москве на переборе людишек при введении опричнины (Садиков 1940: 140-141, 181-182).

Наконец, Андрей Радков, в 1569/1570 г. землевладелец опричного Боровского уезда, по мнению П.А. Садикова, вероятно тоже входил в число опричников (Садиков 1940: 146).

Таким образом, список В.Б. Кобрина можно дополнить еще 66 опричниками[1], но даже цифра в 340 человек вряд ли отражает весь Опричный двор. Скорее всего, наши данные ограничиваются преимущественно верхушкой двора, опричниками высшего и среднего ранга. Нам неизвестно подавляющее число городовых детей боярских, влившихся в царский двор, дворовых землевладельцев опричных уездов. Опричный двор, вероятно, насчитывал не менее 1 тыс. человек (на эту цифру указывает царский указ), как дворовых, так и городовых. Со временем его численность должна была возрасти за счет включения городовых детей боярских, о чем писал В.Б. Кобрин.

Если сравнить реконструируемый Опричный двор (1565–1572 гг.) с доопричным Государевым двором (1550-1565 гг.) (Корзинин 2016), то окажется, что в состав опричников попало значительное число представителей прежнего Государева

[1] Список представителей Опричного двора 1565–1572 годов будет размещен на сайте: http://russian-court.spbu.ru

двора: 36% (121 человек) из всех известных нам опричников (всего 340). 34% (117 человек) опричников были сыновьями, родными братьями либо ближайшими родственниками членов двора 1550–1565 гг. Примерно 30% лиц (102 человека) впервые оказалось в царском дворе. Среди них следует назвать представителей худородных фамилий Авксентьевых, Барановых, Баушевых, Безопишиных, Бельских, Борщовых, Бормосовых, Бутиковых, Гридкиных, Гридковых, Дерловых, Ергольских, Жиборовых, Залесских, Зегзюлиных, Клавшовых, Константиновых, Корокрейских, Лугвеневых, Лужецких, Малыгиных, Мартьяновых, Матафтиных, Мачехиных, Микулиных, Никифоровых, Охотниковых, Паниных, Понточиных, Потаповых, Радковых, Редриковых, Реутовых, Родионовых, Столыпиных, Сурвоцких, Титовых, Толстых, Трегубовых, Чемесовых, Чижовкиных, Щулепниковых и других. Среди 308 опричных слуг (не считая 32 дьяков и подьячих) находим 44 тысячников, 36 сыновей и родных братьев «лучших слуг». Таким образом, 26% опричных дворовых Ивана Грозного составили сами тысячники, либо их дети и близкие родственники. Эти наблюдения и подсчеты служат дополнительным аргументов в пользу предположения о разделении царем Иваном IV старого двора на две части – на Земский и Опричный двор и о противопоставлении опричников земцам.

В годы опричнины, видимо, неслучайным было то, что члены одной семьи, близкие родственники служили раздельно, одни в опричнине, а другие в земщине. Очевидно, такая политика проводилась намеренно для того, чтобы внести раскол в дворянские роды, противоставить представителей одной фамилии друг другу, внедрить конкуренцию, страх, недоверие, неприязнь и доносительство в личные и семейные отношения. Нередко дворовые утягивали за собой в опричнину своих родных, но так было не всегда. Близкие родственники видных опричников служили в земщине: Р.Д. Бутурлин, Л.Г. и Ф. Велины, Б.В. и И.Б. Воейковы, В.Д. Волынский, И.Д. Воронцов, М.В. Годунов, Г.Б. Меньшой Грязной, Б.Б. Захаров, И.Г. Зюзин, А.Я. Измайлов, А.Ф. Кашкаров, И. и С. Кузьминские, А.И. Мятлев, Ф.М. Панин, Ю.С. Пушечников, В.И. Бобрищев-Пушкин, И.П. Рясин, князь Д.Ю. Сицкий, Б.К. Таптыков, Г.Д. Темирев, князь Т.Р. Трубецкой, князь А.В. Тулупов, М.Е. и С.Е. Хитрово, Д.И. Черемисинов и др.

Согласно царскому указу, в начале 1565 г. Иван Грозный учинил «князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов и поместья им подавал в тех городех с одново, которые городы поимал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех» (ПСРЛ. XIII: 395). Указ о введении опричнины напоминает указ об избранной тысяче. Также учреждался корпус из 1000 детей боярских дворовых и городовых (в Тысячную книгу записано немало городовых детей боярских Северо-Запада). Вероятно, главная цель упоминания в тексте указа цифры в 1000 опричников состояла в том, чтобы противопоставить доопричный двор, созданный Тысячной реформой 1550 г., Опричному двору.

Озвученная указом программа действий выполнялась на практике. В опричнину среди прочих были взяты города и уезды с развитым вотчинным и поместным землевладением: в 1565 г. – Суздаль, Галич, Малый Ярославец, Медынь, Вязьма, Можайск, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Юрьевец на р. Волге с

уездами; Костромской уезд – с 1567 г.; Старицкий уезд, некоторые земли Боровского и Угличского уездов, Ярославль и Ростов с уездами – с 1569 г.; Пошехонье, часть земель Белозерского уезда – с 1569/1570 г.; Торговая сторона Новгорода, Бежецкая и Обонежская пятины Новгородской земли – с 1571 г.; части Ржевского и Клинского уездов (Садиков 1950: 146, 157-191; Веселовский 1963: 156–177; Каштанов 1973: 64; Зимин 2001: 194-212; Скрынников 1992: 217-218, 302-303, 350, 351, 352, 409; Ивина 1996: 362-363; Анхимюк 1992: 128). В опричнину были включены некоторые земли Стародуба Ряполовского. В 1566/1567 г. в Стародубе Ряполовском вошло в опричнину село Петровское, выморочная вотчина князя Михаила Нырка Юрьевича Ромодановского. В тексте разъезжей грамоты говорится о вотчине князя Михаила Ромодановского: «*А от дубов и от прудца старою межею к воротцом к опришнине к деревне х Костянтинову села Петровского царя и великого князя* <…> *А от опришнины не межевано, потому что в те поры в тех местех из опришнины писцов и межевщиков не было*» (РГАДА. Ф. 281. Суздаль. № 11831/52. *Л*. 3; НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 545. *Л*. 151). Из взятых в опричнину регионов выселялись местные вотчинники, опричники получали там земли на поместном праве, сохраняя вотчины в других районах.

Вопрос о масштабах переселений земских дворовых во времена опричнины, о степени ослабления материальных позиций титулованной и нетитулованной знати нами уже был затронут, хотя и требует специального изучения (Корзинин 2016: 286-334). Что касается анализа землевладения представителей Опричного корпуса, то следует сделать некоторые наблюдения. В.Б. Кобрин тщательно изучил этот сюжет, но при подведении итогов ученый учитывал земли опричников по всем уездам или по всем группам уездов, где у них были владения разных видов, как поместные, так и вотчинные (Кобрин 2008: 104-116). Если взять только те уезды, из которых феодалы служили и соответственно были записаны в Тысячной книге и Дворовой тетради 1550-х гг. (действовавшей как делопроизводственный документ до начала 1560-х гг.), то картина будет следующей:

Новгород, Вязьма……………………………......... по 11 чел.
Переславль ……………………………………... 10 чел.
Москва, Коломна, Ярославль.................................. по 7 чел.
Можайск, Кашира, Торжок, Бежецкий
Верх, Ростов, Суздаль, Кострома............................ по 4 чел.
Кашин, Тверь, Белая, Козельск, Муром................... по 3 чел.
Калуга, Боровск, Юрьев, Мещевск …...................... по 2 чел.

В Опричном дворе преобладали землевладельцы из северо-западных (Новгород), западных (Вязьма) и центральных (Переславский, Московский, Коломенский) уездов. Это не было случайным, поскольку служилые корпорации феодалов из данных уездов были наиболее многочисленными и превалировали также в Земском дворе. Можно согласиться с наблюдениями В.Б. Кобрина о преобладании среди опричников землевладельцев из опричных уездов (Вяземского, Можайского, Переславского, Ярославского, Ростовского, Суздальского, Костромского, Козельского, Боровского и др.).

Попытаемся восстановить чиновную структуру Опричного двора. Основным источником для указаний на принадлежность к опричнине и на факты пожалования дворовыми чинами являются Государевы разряды и Частная редакция разрядных книг (опричные разряды от сентября 1567 г., осени 1567 г., сентября 1570 г., мая 1571 г.) (Разрядная книга 1966: 227-230, 235-237, 239-244; Разрядная книга 1982: 221-226, 266-268, 277-281), а также дипломатические документы по отношениям России с Польшей, Швецией, Крымским ханством, Турцией. Информация из источников сверена с работами А.А. Зимина и В.Б. Кобрина (Зимин 1958: 72-76, 80; 1958: 198-200; Кобрин 2008: 21-97). В скобках после каждого имени указано время первого упоминания лица с дворовым чином (по хронологии).

Бояре

Алексей Данилович Басманов-Плещеев (в феврале 1565 г.), Захарий Иванович Очин-Плещеев (в 1566 г.), князь Василий Андреевич Сицкий (в сентябре 1567 г.), Василий Петрович Яковлев (в сентябре 1567 г.), Иван Андреевич Бутурлин (весной 1568 г.), князь Василий Иванович Тёмкин-Ростовский (в октябре 1569 г.), Иван Яковлевич Чеботов (в мае 1570 г.), Федор Иванович Умной-Колычев (в мае 1570 г.), князь Федор Михайлович Трубецкой (в конце лета 1570 г.), Лев Андреевич Салтыков (в сентябре 1570 г.), князь Никита Романович Одоевский (в мае 1571 г.), князь Петр Данилович Пронский (в декабре 1571 г.), князь Семен Данилович Пронский (в декабре 1571 г.), князь Петр Тутаевич Шейдяков (в январе 1572 г.), князь Иван Андреевич Шуйский (весной 1572 г.).

Окольничие

Василий Иванович Умной-Колычев (осенью 1567 г.), князь Василий Иванович Вяземский (осенью 1567 г.), князь Дмитрий Иванович Хворостинин (летом 1569 г.), Никита Васильевич Борисов (в сентябре 1570 г.), Дмитрий Андреевич Бутурлин (в сентябре 1570 г.), князь Осип Михайлович Щербатов (весной 1572 г.).

Оружничий[1]

князь Афанасий Иванович Вяземский (в июне 1566 г.) (Сборник РИО 1892: 353, 431; Разрядная книга 1982: 222).

Дворецкие

Лев Андреевич Салтыков (в январе 1570 г.) (ПСРЛ. III: 341, 349; Кобрин 2008: 76), Иван Яковлевич Чеботов (в 1569 г.) (Богатырев 1995: 107; Сборник РИО 1892: 666).

Казначеи

Угрим Львович Пивов (в июне 1569 г.), Семен Путила Михайлович Митрофанов (в 1569 г.).

---

[1] А.А. Зимин допускал, что должность оружничего в 1572/1573 г. мог занимать опричник князь Иван Мовкошеевич Тевекелев (Зимин 1958: 200; 2001: 229, 385; Кобрин 2008: 80, 283-284). Однако сохранившаяся о нем информация противоречива, возможно князь Тевекелев был оружничим в Особом дворе Ивана Грозного в 1573 г.

Думные дворяне

Петр Васильевич Зайцев (в июне 1566 г.), Григорий Малюта Лукьянович Скуратов Бельский (в мае 1570 г.), Иван Федорович Воронцов (в мае 1570 г.), Василий Григорьевич Грязной (в мае 1570 г.), Иван Семенович Черемисинов (в мае 1570 г.), Роман Васильевич Алферьев (в декабре 1571 г.) (Сборник РИО 1892: 354, 428, 666; Сборник РИО 1910: 216; Разрядная книга 1982: 292).

Постельничие

Дмитрий Иванович Годунов (в сентябре 1567 г.), Петр Андреевич Поярков (в сентябре 1567 г.), Иван Дмитриевич Овцын (весной 1572 г.) (Разрядная книга 1982: 222, 302).

Спальник

Григорий Большой Борисович Грязной (в 1571/72 г.) (Послание 1922: 54; Садиков 1924: 41).

Печатник

Роман Васильевич Алферьев (в декабре 1571 г.) (Разрядная книга 1982: 292).

Кравчий

Федор Алексеевич Басманов-Плещеев (в сентябре 1567 г.) (Разрядная книга 1982: 225).

Сокольничий

Иван Иванович Бобрищев-Пушкин (в сентябре 1567 г.) (Разрядная книга 1982: 222; Зимин 1958: 200).

Ловчий

Григорий Дмитриевич Ловчиков (в сентябре 1567 г.) (Разрядная книга 1982: 222).

Ясельничий

Василий Федорович Ошанин (в 1570/1571 г.) (Древняя Российская вивлиофика 1791: 51; Сборник РИО 1892: 637; Садиков 1924: 41, 47, 49; Зимин 1958: 201).

Стольники

князь Андрей Васильев сын Волконский, князь Юрий Иванович Вяземский, князь Даниил Андреевич Друцкий, князья Василий Андреевич и Михаил Дмитриевичи Охлябинины, Григорий Осипов сын Полев, Семен Михайлов сын Пушкин, князья Василий, Иван и Федор Васильевичи Сицкие, князь Федор Иванович Хворостинин, Протасий Васильевич Юрьев (все – осенью 1567 г.), Федор Иванов сын Годунов, князь Иван Борисович Жировой-Засекин, Василий Львов сын Салтыков, князья Андрей и Петр Ивановичи Хворостинины (все – в сентябре 1570 г.), князь Семен Иванович Борятинский, Роман Дмитриев сын Бутурлин, Василий Федоров сын и Яков Афанасьев сын Годуновы, князь Иван Келмамаев Канбаров, князь Никита Романович Трубецкой (все – в мае 1571 г.), Семен Григорьев сын Велин (декабрь 1572 г.).

Стряпчие

Семен Федорович Блудов, Федор [Андреев сын] Волынский, Борис Федорович Годунов, Григорий [Васильев сын] Львов, Борис Иванов сын Челищев (все – в сентябре 1567 г.).

Жильцы

Дмитрий Иванов сын Болобанов, князь Федор Федорович Борятинский, Никита Григорьев сын Меньшого Грязной, Иван Борисов сын Захаров, Петр Ильин сын Кашкаров, Василий и Федор Невежины дети Копнины, Иван Меньшой Федоров сын Микулин, Иван и Матвей Ивановы дети Молчановы, Петр Суворов сын Наумов, Андрей Матвеев сын Панин, Иван Андреев сын Полуектов, Никита Семенов сын Путилов, Василий, Докучай и Никита Дмитриевы дети Пушкины, Алексей Кузьмин сын и Василий Третьяков сын Ртищевы, Севастьян Дмитриев сын Скрипицын, Григорий Павлов сын и Кузьма Петров сын Совины, Бровка и Иван Васильевы дети, Петр Булгаков сын Сомовы, Григорий и Рахманин Никитины дети Сурвоцкие (все – осенью 1567 г.), Богдан Яковев сын и Верига Третьяков сын Бельские, Федор Петров сын Бутиков, Афанасий и Иван Васильевы дети Головленковы, Петр Григорьев сын Дашков, Константин Васильев сын Зегзюлин, Даниил и Иван Меньшого дети Исленьевы, Василий Наумов сын Константинов, Илья Невежин сын Копнин, князь Даниил Мурза Кубкеев, Василий Иванов сын Молчанов, Василий Черемисинов, Митька, Фома Меньшого сын Панины, Владимир и Михаил Васильевы дети Пивовы, Семен Андреев сын Пушечников, Никита Михайлов сын Пушкин, Богдан Дмитриев сын Редриков, Степан Васильев сын Трегубов, Иван Григорьев сын Хитрово (все – в сентябре 1570 г.), Григорий Иванов сын Микулин, Григорий Федоров сын Милюков, Михаил Васильев сын Молчанов, Петр Михайлов сын Пивов, Григорий Григорьев сын Пушкин, Казарин Редриков, Федор Григорьев сын Совин, Григорий Степанов сын Толстой, Василий Петров сын Тургенев (все – в мае 1571 г.).

Дьяки

Федор Игнатьев сын Рылов (в 1565 г.), Петр Григорьев (в сентябре 1567 г.), Василий Владимиров сын Дядин (в сентябре 1567 г.), Лука Васильев сын Ефимьев (в сентябре 1567 г.), Дружина Владимиров Лазарев (в сентябре 1567 г.), Третьяк Нардуков (в сентябре 1567 г.), Иван Иванов сын Реутов (осенью 1567 г.), Иван Иевлев (в 1567/1568 г.), Никита Титов (в 1568 г.), Дмитрий Михайлов сын Пивов (в 1569 г.), Иван Курган Васильев сын Лапин (в 1569 г.), Иван Савин (в 1569 г.), Семен Севастьянов (в 1569 г.), Посник Суворов (в 1571 г.), Семен Федоров сын Мишурин (в 1571 г.), Семен Матвеев сын Грибцов (в декабре 1571 г.), Алферий Григорьев (в декабре 1571 г.), Афанасий Игнатьев сын Демьянов (в декабре 1571 г.), Осип Ильин (в декабре 1571 г.), Василий Иванов сын Низовцев (в декабре 1571 г.), Гаврила Михеев сын Станиславов (в декабре 1571 г.), Василий Семенов сын Нелюбов-Суков (в январе 1572 г.).

Подьячие

Максим Трифонов (в 1565 г.), Сувор Васильев (в 1565/1566 г.), Василий Жмакин (в 1566/1567 г.), Рудак-Лука Иванов сын Толмачев (в 1567/1568 г.), Степан Ковезин (в

1570 г.), Ушак Микитин (в 1570 г.), Сапун Тихонов сын Аврамов (в марте 1571 г.), Василий Коломенский (в 1572 г.).

Приведенный выше список носителей высших думных и дворовых чинов демонстрирует аристократический состав опричной гвардии, куда набирались, как правило, выходцы из младших ветвей прославленных нетитулованных и титулованных родов (в Опричную думу входило 3 представителей рода Андрея Кобылы, 3 Ратшичей, 2 Плещеевых, 2 Служилых князя, 2 Ярославских князя, 2 Пронских князя), и в виде исключения – из родов малоизвестных и худородных (князья Вяземские). Опричнина открыла пути в царский двор для целого ряда представителей уездного мелкого дворянства, просочившихся в состав жильцов (куда набирали молодых людей, только начавших службу), а также думных дворян (Бельские, Болобановы, Захаровы, Микулины, Панины, Пановы, Путиловы, Сурвоцкие, Трегубовы и др.). В других условиях попадание значительного числа подобных людей в придворную элиту было невозможно.

Царский удельный двор подвергался регулярным чисткам вследствие непрекращающейся придворной борьбы. Из 340 известных нам к настоящему времени удельных слуг в опричнину и после нее было казнено 37 человек (11%), 1 насильственно пострижен в монахи (И.Я. Чеботов в 1571 г.). Однако исполнение смертных приговров в отношении опричников происходило реже, чем казни представителей Земского двора (было уничтожено 18,5% земцев от их общего числа)[1]. Основные волны чисток опричной гвардии пришлись на 1565–1572 гг., пик наблюдался в 1570 и 1571 годах (всего казнено 19 человек, 1 пострижен в монахи) и на 1575 г., особенно на август, октябрь и ноябрь (истреблено 14 человек). Меньше всего опричников было убито в 1571–1574 гг. (5 лиц). Борьба за власть в высшем окружении Ивана Грозного приводила к смене различных группировок опричников (в 1570, 1571 гг.), а затем дворовых из его удела (в конце лета, осенью 1575 г.). Если представить по хронологии казни слуг Ивана Грозного, то динамика чисток будет выглядеть следующим образом (Веселовский 1963: 354–477; Скрынников 1992: 529-545).

Период времени	**Казнены**
декабрь 1569 г. – январь 1570 г.	*Я.М. Змеев, И.Н. Павлинов*
1570 г.	*князь А.И. Вяземский, Г.Д. Ловчиков, А.Д. и Ф.А. Басмановы-Плещеевы, З.И. и И.И. Очины-Плещеевы*
1571 г.	*И.Ф. Воронцов, П.В. Зайцев, Л.А. Салтыков, князь М.Т. Черкасский, В.П. Яковлев*
1572 г.	*К.Т. Унковский, дьяк П. Суворов*

[1] Наша статья «Земский двор в 1565–1572 гг.», помещенная в юбилейном сборнике в честь В.К. Зиборова, в настоящее время находится в печати.

в опричнине (год точно неизвестен)		*Т.Г. Велин, Н.Г. Грязной, [князь] А. Овцын*
1571–1574 гг.		*князья В.И. и И.В. Темкины-Ростовские, Д.Д. Пушкин, В.И. Щербинин, Б.Д. Арцыбашев*
1575 г.	июль	*князь Н.Р. Одоевский*
	август	*князь Б.Д. Тулупов, М.Т. Плещеев, В.И. Умной-Колычев, А.М. Старой Милюков*
	осень	*И.А. Бутурлин*
	24 октября	*В.М. Желнинский, В.Ф. Ошанин, П.М. Юрьев*
	27 ноября	*Д.А. Бутурлин, Н.В. Борисов, дьяки Д. Лазарев и О. Ильин, князь Д.А. Друцкий*

Из известных нам земских деятелей в опричнину перешло сравнительно немного, примерно 44 человека, из них 4 дьяка (П. Григорьев, С.М. Митрофанов, Д.М. Пивов, П. Суворов). Вероятно, земских старались не набирать в удельный двор и если это и делали, то за особые заслуги, опричную службу родственников, учитывали знатность рода. Из княжат опричниками впоследствии стали В.И. Барбашин, П.И. Борятинский, П.И. Вяземский, И.С. и Ю.С. Козловские, А.П. и В.И. Телятевские, Ф.М. Трубецкой, А.П. Хованский, И.А. Шуйский, Д.М., И.М. и О.М. Щербатовы. Из носителей думных чинов в опричный корпус включили Н.В. Борисова, Д.А. Бутурлина, Ф.И. и В.И. Умных-Колычевых, князя Н.Р. Одоевского, И.П. и Р.В. Охлябининых, З.И. Очина-Плещеева, князя П.Д. Пронского, Л.А. Салтыкова, И.Я. Чеботова.

Единственный пример перехода из земщины в опричнину, а затем обратно в земщину представляет собой случай с Иваном Ивановичем Мятлевым, тысячником 3-й статьи из Вязьмы. В апреле 1566 г. он был поручителем по князю М.И. Воротынскому, то есть входил в число земцев (Русский дипломатарий 2004: 58). Затем он был назван дворянином в стане у государя в опричном походе из Великого Новгорода в Литву в сентябре 1567 г. (Разрядная книга 1982: 222). Но уже в 1571/1572 г. Мятлев стал судьей на Земском дворе (в Земском приказе), то есть опять вернулся в земщину (Разрядная книга 1974: 83; Штаден 2009. Т. 1: 75; Т. 2: 142; Кобрин 2008: 52).

В заключении работы вновь вернемся к словам Ивана Грозного о наборе опричников вроде Василия Грязного из числа «страдников». Учитывая обнаруженные к настоящему времени имена представителей Опричного корпуса, можно признать справедливость этого пассажа только для некоторой части удельных слуг (не более 30%). Все же остальные опричники, не менее две трети личного состава, были выходцами из прежнего доопричного двора и представляли дворянские роды, давно известные своей верной службой московским великим князьям.

ЛИТЕРАТУРА

Акты 1998 - Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998.

Альшиц 1988 - *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Анхимюк 1992 - *Анхимюк Ю.В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992.

Архив СПб ИИ РАН - Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Баранов 2015 - *Баранов К.В.* Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века. М., 2015.

Бибиков 1941 - *Бибиков Г.Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 14. М., 1941.

Богатырев 1991 - *Богатырев С.Н.* Путила Михайлов: поместный дьяк и опричный казначей // Реализм исторического мышления. Проблемы Отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991.

Богатырев 1995 - *Богатырев С.Н.* Ближняя дума в последней четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570) // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995.

Васильчиков 1900 - *Васильчиков А.А.* Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковою // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. Отд. III. СПб., 1900.

Веселовский 1916 - *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916.

Веселовский 1963 - *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Вкладная книга 1987 - Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Володихин 2011 - *Володихин Д.М.* Социальный состав Русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.

Вотчинные хозяйственные книги 1980 - Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70-80-х гг. / Под ред. А.Г. Манькова. Ч. 1. М.; Л., 1980.

Временник 1852 - Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. XIV. М., 1852.

Довнар-Запольский 1910 - *Довнар-Запольский М.В.* Русская история в очерках и статьях. М., 1910.

Древняя Российская вивлиофика 1791 - Древняя Российская вивлиофика. Ч. 20. М., 1791.

Духовные и договорные грамоты 1950 - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

Дьяконов 1908 - *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.

Зимин 1958 - *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958.

Зимин 1958 - *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957. М., 1958.

Зимин 2001 - *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001.

Иван Грозный 2014 - Иван Грозный – завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны) / Сост. В.Ю. Ермак. СПб., 2014.

Ивина 1996 - *Ивина Л.И.* Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII в. (на примере Угличской земли) // Средневековая и Новая Россия. Сб. научных статей к 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996.

Источники 1985 - Источники по социально-экономической истории России XVI-XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подгот. В.Б. Павлов-Сильванский. М., 1985.

Каталог писцовых описаний 2015 - Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века / Сост. К.В. Баранов. М., 2015.

Каштанов 1973 - *Каштанов С.М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае // Ученые записки Казанского педагогического института. Вып. 116. Казань, 1973.

Ключевский 1902 - *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. 3-е издание. М., 1902.

Ключевский 1987 - *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 2. М., 1987.

Кобрин 2008 - Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.

Колобков 2014 - *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2014.

Корецкий 1967 - *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Вопросы истории. 1967. № 5.

Корзинин 2010 - *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550-1565 гг.). М.; СПб., 2016.

Левенок 1960 - *Левенок В.П.* Надгробия князей Трубецких // Советская археология. 1960. № 1.

Мордовина 1977 - *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977.

Назаров 1968 - *Назаров В.Д.* Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3.

Назаров 1990 - *Назаров В.Д.* Опричнина в контексте историографической ситуации. (Заметки и размышления) // Спорные вопросы Отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990.

НИОР РГБ - Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Новгородские писцовые книги 1905 - Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб., 1905.

ОР РНБ. СПбДА - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Писцовые книги Московского государства 1877 - Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877.

Писцовые книги Русского Севера 2001 - Писцовые книги Русского Севера. М., 2001.

Писцовые материалы Ярославского уезда 1999 - Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Вотчинные земли / Сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев, Е.И. Колычева. СПб., 1999.

Писцовые материалы Ярославского уезда 2000 - Писцовые материалы Ярославского уезда. Поместные земли / Сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев. СПб., 2000.

Платонов 1923 - *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923.

Покровский 1922 - *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1922.

Послание 1922 - Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922.

Послания Ивана Грозного 1951 - Послания Ивана Грозного / Подг. Д.С. Лихачев и Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Вып. 2. СПб., 1879.

ПСРЛ. XIII - Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000.

ПСРЛ. XXXIV - Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М., 1978.

Разрядная книга 1966 - Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1974 - Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974.

Разрядная книга 1981 - Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981.

Разрядная книга 1982 - Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982.

РГАДА - Российский государственный архив древних актов.

Рузский уезд 1997 - Рузский уезд по писцовой книге 1567-1569 годов. М., 1997.

Русский дипломатарий 2004 - Русский дипломатарий / Отв. ред. А.В. Антонов. Вып. 10. М., 2004.

Рыков 2012 - *Рыков Ю.Д.* Вклады государева дьяка П.М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного // Русское средневековье. Сб. статей в честь Ю.Г. Алексеева. М., 2012.

Садиков 1924 - *Садиков П.А.* Царь и опричник // Века. Исторический сборник. Пг., 1924.

Садиков 1940 - *Садиков П.А.* Из истории опричнины // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940.

Садиков 1950 - *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Сахаров 1849 - *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 6. СПб., 1849.

Сборник РИО 1892 - Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892.

Сборник РИО 1910 - Сборник РИО. Т. 129. СПб., 1910.

Синбирский сборник 1844 - Синбирский сборник. М., 1844.

Скрынников 1971 - *Скрынников Р.Г.* Княжение Семиона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575-1576 гг. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971.

Скрынников 1992 - *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.

Собрание 1813 - Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813.

Соловьев 1896 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 7. СПб., 1896.

Список опричников 2003 - Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста Д.Н. Альшица // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003.

Станиславский 1976 - *Станиславский А.Л.* Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4.

Станиславский 2004 - *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

Сухотин 1911 - *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610-1611 гг. М., 1911.

Сухотин 1940 - *Сухотин Л.М.* Список опричников Грозного // Новик. Вып. 3. Нью-Йорк, 1940.

Толстой 1875 - *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553-1593. СПб., 1875.

Штаден 2009 - *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1-2. М., 2009.

Яковлева 1951 - *Яковлева О.А.* К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573 г.) // Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 13. Саранск, 1951.

REFERENCES

Akty 1998 - Akty Rossijskogo gosudarstva. Akty moskovskih monastyrej i soborov XV – nachalo XVII vv. [Acts of the Russian state. Acts of the Moscow monasteries and cathedrals XV – the beginning of the 17th centuries], Moscow, 1998 [in Russian].

Al'shic 1988 - *Al'shic D.N.* Nachalo samoderzhavija v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The beginning of autocracy in Russia. The state of Ivan Terrible], Leningrad, 1988 [in Russian].

Anhimjuk 1992 - *Anhimjuk Ju.V.* Zapisi letopisnogo haraktera v rukopisnom sbornike Kirillo-Belozerskogo sobranija - novyj istochnik po istorii oprichniny [Entries of annalistic character in the hand-written collection of Kirillo-Belozersky meeting – a new source on oprichnina stories], in: Arhiv russkoj istorii. Vyp. 2 [Archive of the Russian history. Release 2], Moscow, 1992 [in Russian].

Arhiv SPb II RAN - Arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN [Archive of the St. Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences] [in Russian].

Baranov 2015 - *Baranov K.V.* Katalog piscovyh opisanij Russkogo gosudarstva serediny XV – nachala XVII veka [The catalog of written descriptions of the Russian state of the middle XV – the beginning of the XVII century], Moscow, 2015 [in Russian].

Bibikov 1941 - *Bibikov G.N.* K voprosu o social'nom sostave oprichnikov Ivana Groznogo [To a question of social composition of guardsmen of Ivan the Terrible], in: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja. Vyp. 14 [Works of the State Historical Museum. Release 14], Moscow, 1941 [in Russian].

Bogatyrev 1991 - *Bogatyrev S.N.* Putila Mihajlov: pomestnyj d'jak i oprichnyj kaznachej [Putila Mikhaylov: local clerk and oprichnik treasurer], in: Realizm istoricheskogo myshlenija. Problemy Otechestvennoj istorii perioda feodalizma. Chtenija, posvjashhennye pamjati A.L. Stanislavskogo. Tezisy dokladov i soobshhenij [Realism of historical thinking. Problems of National history of the period of

feudalism. The readings devoted to A.L. Stanislavsky's memory. Theses of reports and messages], Moscow, 1991 [in Russian].

Bogatyrev 1995 - *Bogatyrev S.N.* Blizhnjaja duma v poslednej chetverti XVI v. Chast' vtoraja (1560-1570) [Near thought in the last quarter of the XVI century. Part second (1560-1570)], in: Arheograficheskij ezhegodnik za 1993 g. [the Arkheografichesky year-book for 1993], Moscow, 1995 [in Russian].

D'jakonov 1908 - *D'jakonov M.A.* Ocherki obshhestvennogo i gosudarstvennogo stroja Drevnej Rusi [Sketches of a social and political system of Ancient Russia], St. Petersburg, 1908 [in Russian].

Dovnar-Zapol'skij 1910 - *Dovnar-Zapol'skij M.V.* Russkaja istorija v ocherkah i stat'jah [The Russian history in sketches and articles], Moscow, 1910 [in Russian].

Drevnjaja Rossijskaja vivliofika 1791 - Drevnjaja Rossijskaja vivliofika. Ch. 20 [Ancient Russian vivliofika. Part 20], Moscow, 1791 [in Russian].

Duhovnye i dogovornye gramoty 1950 - Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV-XVI vv. [Spiritual and contractual testaments of grand and specific dukes of the XIV-XVI centuries], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Istochniki 1985 - Istochniki po social'no-jekonomicheskoj istorii Rossii XVI-XVIII vv. Iz arhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyrja / Podgot. V.B. Pavlov-Sil'vanskij [Sources on social and economic history of Russia XVI-XVIII centuries. From archive of the Moscow Novodevichy Convent / V.B. Pavlov-Silvansky Prepared], Moscow, 1985 [in Russian].

Ivan Groznyj 2014 - Ivan Groznyj – zavoevatel' Polocka (novye dokumenty po istorii Livonskoj vojny) / Sost. V.Ju. Ermak [Ivan the Terrible is the conqueror of Polotsk (new documents on stories of Livonsky war) / the Originator V.Yu. Yermak], St. Petersburg, 2014 [in Russian].

Ivina 1996 - *Ivina L.I.* Jevoljucija sostava uezdnogo dvorjanstva vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVII v. (na primere Uglichskoj zemli) [Evolution of structure of the district nobility in the second half of XV – the first third of the XVII century (on the example of the Uglichsky earth)], in: Srednevekovaja i Novaja Rossija. Sb. nauchnyh statej k 60-letiju prof. I.Ja. Frojanova [Medieval and New Russia. Sb. scientific articles to the 60 anniversary of professor I.Ya. Froyanov], St. Petersburg, 1996 [in Russian].

Jakovleva 1951 - *Jakovleva O.A.* K voprosu o spiske sluzhilyh ljudej 7081 (1573 g.) [To a question of the list of sluzhily people of 7081 (1573)], in: Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Sovete ministrov Mordovskoj ASSR. Vyp. 13 [Notes of Research institute at Council of ministers Mordovian the Autonomous Soviet Socialist Republic. Release 13]. Saransk, 1951 [in Russian].

Kashtanov 1973 - *Kashtanov S.M.* Vozniknovenie russkogo zemlevladenija v Kazanskom krae [Emergence of the Russian land tenure in the Kazan region], in: Uchenye zapiski Kazanskogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 116 [Scientific notes of the Kazan teacher training college. Release 116], Kazan, 1973 [in Russian].

Katalog piscovyh opisanij 2015 - Katalog piscovyh opisanij Russkogo gosudarstva serediny XV – nachala XVII veka / Sost. K.V. Baranov [The catalog of pistsovy descriptions of the Russian state of the middle XV – the beginning of the XVII century / Originator K.V. Baranov], Moscow, 2015 [in Russian].

Kljuchevskij 1902 - *Kljuchevskij V.O.* Bojarskaja duma Drevnej Rusi. 3-e izdanie [Seigniorial thought of Ancient Russia. Third edition], Moscow, 1902 [in Russian].

Kljuchevskij 1987 - *Kljuchevskij V.O.* Sochinenija: v 9 t. T. 2 [Compositions: in 9 volumes Volume 2], Moscow, 1987 [in Russian].

Kobrin 2008 - *Kobrin V.B.* Oprichnina. Genealogija. Antroponimika: Izbrannye trudy [Oprichnina. Genealogy. Antroponimika: Chosen works], Moscow, 2008 [in Russian].

Kolobkov 2014 - *Kolobkov V.A.* Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samoderzhavija: Oprichnina Ivana Groznogo [Metropolitan Philip and formation of the Moscow autocracy: Oprichnina of Ivan the Terrible], St. Petersburg, 2014 [in Russian].

Koreckij 1967 - *Koreckij V.I.* Zemskij sobor 1575 g. i postavlenie Simeona Bekbulatovicha «velikim knjazem vsea Rusi» [Territorial cathedral of 1575 and Simeon Bekbulatovich's postavleniye «the grand duke of a all of Russia»], in: Voprosy istorii [History questions], 1967, № 5 [in Russian].

Korzinin 2010 - *Korzinin A.L.* Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v doprichnyj period (1550-1565 gg.) [The monarchic yard of the Russian state during the doprichny period (1550-1565)], Moscow; St. Petersburg, 2016 [in Russian].

Levenok 1960 - *Levenok V.P.* Nadgrobija knjazej Trubeckih [Gravestones of princes Trubetskoy], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1960, № 1 [in Russian].

Mordovina 1977 - *Mordovina S.P., Stanislavskij A.L.* Sostav Osobogo dvora Ivana IV v period «velikogo knjazhenija» Simeona Bekbulatovicha [Structure of the Special yard of Ivan IV during «great reigning» of Simeon Bekbulatovich], in: Arheograficheskij ezhegodnik za 1976 g. [Arkheografichesky year-book for 1976], Moscow, 1977 [in Russian].

Nazarov 1968 - *Nazarov V.D.* Iz istorii agrarnoj politiki carizma v XVI veke [From history of an agrarian policy of tsarism in the XVI century], in: Sovetskie arhivy [Soviet archives. 1968. No. 3], 1968, № 3 [in Russian].

Nazarov 1990 - *Nazarov V.D.* Oprichnina v kontekste istoriograficheskoj situacii. (Zametki i razmyshlenija) [Oprichnina in the context of a historiographic situation. (Notes and reflections)], in: Spornye voprosy Otechestvennoj istorii XI–XVIII vekov. Tezisy dokladov i soobshhenij Pervyh chtenij, posvjashhennyh pamjati A.A. Zimina [Controversial issues of National history of the 11-18th centuries. Theses of reports and messages of the First readings devoted to A.A. Zimin memory], Moscow, 1990 [in Russian].

NIOR RGB - Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research department of manuscripts of the Russian state library] [in Russian].

Novgorodskie piscovye knigi 1905 - Novgorodskie piscovye knigi. T. 5 [Novgorod pistsovy books. Volume 5], St. Petersburg, 1905 [in Russian].

OR RNB. SPbDA - Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki. Sankt-Peterburgskaja Duhovnaja Akademija [Department of manuscripts of the Russian state library. St. Petersburg Spiritual Academy] [in Russian].

Piscovye knigi Moskovskogo gosudarstva 1877 - Piscovye knigi Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Otd. 2 [Pistsovy books of the Moscow state. Part 1. Department 2], St. Petersburg, 1877 [in Russian].

Piscovye knigi Russkogo Severa 2001 - Piscovye knigi Russkogo Severa [Pistsovy books of the Russian North], Moscow, 2001 [in Russian].

Piscovye materialy Jaroslavskogo uezda 1999 - Piscovye materialy Jaroslavskogo uezda XVI v. Votchinnye zemli / Sost. V.Ju. Belikov, S.S. Ermolaev, E.I. Kolycheva [Written materials of the Yaroslavl county of the XVI century. Patrimonial lands / Originators V.Yu. Belikov, S.S. Yermolaev, E.I. Kolycheva], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Piscovye materialy Jaroslavskogo uezda 2000 - Piscovye materialy Jaroslavskogo uezda. Pomestnye zemli / Sost. V.Ju. Belikov, S.S. Ermolaev [Written materials of the Yaroslavl county. Local lands / Originators V.Yu. Belikov, S.S. Yermolaev], St. Petersburg, 2000 [in Russian].

Platonov 1923 - *Platonov S.F.* Ivan Groznyj [Ivan the Terrible], Petrograd, 1923 [in Russian].

Pokrovskij 1922 - *Pokrovskij M.N.* Russkaja istorija s drevnejshih vremen. T. 1 [The Russian history since the most ancient times. Volume 1], Moscow, 1922 [in Russian].

Poslanie 1922 - Poslanie Ioganna Taube i Jelerta Kruze [Johann Taube and Elerta Cruz's message], in: Russkij istoricheskij zhurnal. Kn. 8 [Russian historical magazine. Book 8], Petrograd, 1922 [in Russian].

Poslanija Ivana Groznogo 1951 - Poslanija Ivana Groznogo / Podg. D.S. Lihachev i Ja.S. Lur'e [Messages of Ivan the Terrible / were Prepared by D.S. Likhachev and Ya.S. Lurye], Moscow; Leningrad, 1951 [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III. Vyp. 2 [Complete collection of the Russian chronicles. Volume III. Release 2], St. Petersburg, 1879 [in Russian].

PSRL. XIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XIII [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XIII], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. XXXIV - Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXXIV], T. XXXIV, Moscow, 1978 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1966 - Razrjadnaja kniga 1475-1598 gg. [Digit book of 1475-1598], Moscow, 1966 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1974 - Razrjadnaja kniga 1559-1605 gg. [Digit book of 1559-1605], Moscow, 1974 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1981 - Razrjadnaja kniga 1475-1605 gg. T. 2. Ch. 1 [Digit book of 1475-1605. Volume 2. Part 1], Moscow, 1981 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1982 - Razrjadnaja kniga 1475-1605 gg. T. 2. Ch. 2 [Digit book of 1475-1605. Volume 2. Part 2], Moscow, 1982 [in Russian].

RGADA - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts] [in Russian].

Russkij diplomatarij 2004 - Russkij diplomatarij / Otv. red. A.V. Antonov. Vyp. 10 [Russian Diplomatariya / Editor-in-chief A.V. Antonov. Vypsk 10], Moscow, 2004 [in Russian].

Ruzskij uezd 1997 - Ruzskij uezd po piscovoj knige 1567-1569 godov [The Russian county according to the pistsovy book of 1567-1569], Moscow, 1997 [in Russian].

Rykov 2012 - *Rykov Ju.D.* Vklady gosudareva d'jaka P.M. Mitrofanova v russkie monastyri v jepohu carja Ivana Groznogo [Deposits of the monarchic clerk P.M. Mitrofanov to the Russian monasteries to an era of the tsar Ivan the Terrible], in: Russkoe srednevekov'e. Sb. statej v chest' Ju.G. Alekseeva [Russian Middle Ages. The collection of articles in honor of Yu.G. Alekseev], Moscow, 2012 [in Russian].

Sadikov 1924 - *Sadikov P.A.* Car' i oprichnik [Tsar and guardsman], in: Veka. Istoricheskij sbornik [Centuries. Historical collection], Petrograd, 1924 [in Russian].

Sadikov 1940 - *Sadikov P.A.* Iz istorii oprichniny [From oprichnina history], in: Istoricheskij arhiv. T. III [Historical archive. Volume III], Moscow; Leningrad, 1940 [in Russian].

Sadikov 1950 - *Sadikov P.A.* Ocherki po istorii oprichniny [Sketches on oprichnina stories], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Saharov 1849 - *Saharov I.P.* Skazanija russkogo naroda. T. 2. Kn. 6 [Legends of the Russian people. Volume 2. Book 6], St. Petersburg, 1849 [in Russian].

Sbornik RIO 1892 - Sbornik RIO. T. 71 [Collection of the Russian historical society Volume 71], St. Petersburg, 1892 [in Russian].

Sbornik RIO 1910 - Sbornik RIO. T. 129 [Collection of the Russian historical society. Volume 129], St. Petersburg, 1910 [in Russian].

Shtaden 2009 - *Shtaden G.* Zapiski o Moskovii. T. 1-2 [Notes about Moskovia. Volume 1-2], Moscow, 2009 [in Russian].

Sinbirskij sbornik 1844 - Sinbirskij sbornik [Sinbirsky collection], Moscow, 1844 [in Russian].

Skrynnikov 1971 - *Skrynnikov R.G.* Knjazhenie Semiona Bekbulatovicha i vozrozhdenie oprichniny v 1575-1576 gg. [Semion Bekbulatovich's reigning and revival of oprichnina in 1575-1576], in: Istoricheskie zapiski. T. 87 [Historical notes. Volume 87], Moscow, 1971 [in Russian].

Skrynnikov 1992 - *Skrynnikov R.G.* Carstvo terrora [Terror kingdom], St. Petersburg, 1992 [in Russian].

Sobranie 1813 - Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. Ch. 1 [Collection of the state diplomas and contracts. Part 1], Moscow, 1813 [in Russian].

Solov'ev 1896 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 2. T. 7 [History of Russia since the most ancient times. Book 2. Volume 7], St. Petersburg, 1896 [in Russian].

Spisok oprichnikov 2003 - Spisok oprichnikov Ivana Groznogo / Podg. teksta D.N. Al'shica [List of guardsmen Ivan the Terrible / Preparation of the text of D.N. Alshits], in: Rukopisnye pamjatniki. Vyp. 7 [Hand-written monuments. Release 7], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Stanislavskij 1976 - *Stanislavskij A.L.* Kniga razdachi denezhnogo zhalovanija 1573 goda [Book of distribution of a monetary salary of 1573], in: Istorija SSSR [History USSR], 1976, № 4 [in Russian].

Stanislavskij 2004 - *Stanislavskij A.L.* Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI-XVII vekov [Works on stories of the monarchic yard in Russia of the XVI-XVII centuries], Moscow, 2004 [in Russian].

Suhotin 1911 - *Suhotin L.M.* Zemel'nye pozhalovanija v Moskovskom gosudarstve pri care Vladislave 1610-1611 gg. [Land grants in the Moscow state at the tsar Vladyslav of 1610-1611], Moscow, 1911 [in Russian].

Suhotin 1940 - *Suhotin L.M.* Spisok oprichnikov Groznogo [List of guardsmen of Grozny], in: Novik. Vyp. 3 [Novick. Release 3], New York, 1940 [in Russian].

Tolstoj 1875 - *Tolstoj Ju.* Pervye sorok let snoshenij mezhdu Rossiej i Angliej 1553-1593 [The first forty years of the intercourses between Russia and England 1553-1593], St. Petersburg, 1875 [in Russian].

Vasil'chikov 1900 - *Vasil'chikov A.A.* Chin brakosochetanija carja Ivana Vasil'evicha s cariceju Annoju Vasil'chikovoju [Rank of wedding of the tsar Ivan Vasilyevich with tsaritseyu Annoyu Vasilchikovoyu], in:

Izvestija Russkogo genealogicheskogo obshhestva. Vyp. 1. Otd. III [News of the Russian genealogical society. Release 1. Office of III], St. Petersburg, 1900 [in Russian].

Veselovskij 1916 - *Veselovskij S.B.* Soshnoe pis'mo. Issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozhenija Moskovskogo gosudarstva. T. 2 [Juicy letter. Research on history of the inventory and pososhny taxation of the Moscow state. Volume 2], Moscow, 1916 [in Russian].

Veselovskij 1963 - *Veselovskij S.B.* Issledovanija po istorii oprichniny [Researches on oprichnina history], Moscow, 1963 [in Russian].

Vkladnaja kniga 1987 - Vkladnaja kniga Troice-Sergieva monastyrja [Supplementary book of the Trinity Lavra of St. Sergius], Moscow, 1987 [in Russian].

Volodihin 2011 - *Volodihin D.M.* Social'nyj sostav Russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV [Social composition of the Russian voivodes case at Ivan IV], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

Votchinnye hozjajstvennye knigi 1980 - Votchinnye hozjajstvennye knigi XVI v. Prihodnye i rashodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrja 70-80-h gg. / Pod red. A.G. Man'kova. Ch. 1 [Patrimonial economic books of the 16th century. Receipts and expenses books of the Iosifo-Volokolamsky monastery of the 70-80th / Under A.G. Mankov edition. Part 1], Moscow; Leningrad, 1980 [in Russian].

Vremennik 1852 - Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih. Kn. XIV [Vremennik of Society of history and antiquities Russian. Book XIV], Moscow, 1852 [in Russian].

Zimin 1958 - *Zimin A.A.* O sostave dvorcovyh uchrezhdenij Russkogo gosudarstva konca XV i XVI v. [About structure of palace institutions of the Russian state of the end of the XV and XVI century], in: Istoricheskie zapiski. T. 63 [Historical notes. Volume 63], Moscow, 1958 [in Russian].

Zimin 1958 - *Zimin A.A.* Sostav Bojarskoj dumy v XV–XVI vv. [Structure of the Seigniorial thought in the XV-XVI centuries], in: Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 [Arkheografichesky year-book for 1957], Moscow, 1958 [in Russian].

Zimin 2001 - *Zimin A.A.* Oprichnina [Oprichnina], Moscow, 2001 [in Russian].

Корзинин Александр Леонидович – Кандидат исторических наук, доцент
института Истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).
Alexander Korzinin – Candidate of historical sciences, associate professor
of the History institute of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: a.korzinin@spbu.ru

УДК (94)47.034

ОБ УЧАСТИИ НОВГОРОДЦЕВ В КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: azbelev@mail.ru

Авторское резюме

Молчание большинства летописей о том, что новгородский контингент был в составе армии Дмитрия Донского, одержавшей победу в 1380 году, имело вескую причину. При возвращении в Новгород с Куликова поля понёсшие тяжёлые потери в ожесточённой битве новгородцы были атакованы свежим литовским войском. Литовцы не оказали обещанной помощи татарам в великом сражении, но захотели отнять военную добычу у тех победителей, которые возвращались вдоль литовского рубежа. Поражение новгородцев в этом втором бою и побуждало новгородских летописцев умалчивать о событиях 1380 года. Но память о них сохраняли храмы, возведённые участниками войны в Новгороде, церковные поминания погибших и устные сказания о военной помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Содержимое этих сказаний передавали повести, сохранившиеся в многочисленных рукописях последующего времени.

Ключевые слова: Великий Новгород, Литва, Куликовская битва, новгородские летописи, устные сказания, исторические повести.

REGARDING NOVGORODIANS AND THE BATTLE OF KULIKOVO

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: azbelev@mail.ru

Abstract

The silence of most chronicles regarding Novgorodians' participation in the army of Prince Dmitri Donskoy—who won the Battle of Kulikovo in 1380—is well justified. On their way back to Novgorod from Kulikovo Field, having suffered heavy losses in the fierce battle, they were attacked by fresh Lithuanian troops. Lithuanians did not help the Golden Horde at Kulikovo Field as they promised, but decided to take away the spoils of war from the winners heading back home along the border with Lithuania. The defeat in this second battle prompted the Novgorod chroniclers to stay silent about the events of 1380. But the memory of them was preserved in the temples erected by war veterans, in church remembrances of the victims, and in oral tales about Novgorod military aid to Dmitri Donskoy. Numerous later manuscripts preserved these historical narratives and passed down the content of these tales.

Keywords: Novgorod the Great, Lithuania, the Battle of Kulikovo, Novgorod chronicles, oral tales, historical narratives.

* * *

В книге о новгородском летописании я отметил, что более полное освещение вопроса об участии Великого Новгорода в освободительной войне 1380 года требует «привлечения и нелетописных источников, объём которых намного превышает то, что может быть попутно рассмотрено в рамках разговора о новгородских летописях» (Азбелев 2016а: 173). Сведения об участии новгородцев в этой войне сохранены не только некоторыми летописями, но и большим количеством текстов иного жанра, которые дошли до нас в сохранившихся рукописях XV-XVIII столетий. Письменная традиция произведений Куликовского цикла постоянно испытывала воздействие традиции устной. Будучи записаны, устные сказания и рассказы о событиях 1380 года продолжали бытовать и в рукописях, редакторы и переписчики которых вносили дополнения и поправки на основании известных им устных вариантов.

1

В полном виде то сказание, о котором далее пойдёт речь, возможно, было зафиксировано только дважды (по крайней мере, дошедшие до нас рукописи отображают всего два достаточно развернутых текста). Но оно постоянно использовалось на протяжении длительного времени в ряде произведений о войне 1380 г., в частности, разными редакторами Повести о Мамаевом побоище[1], и самими летописцами. В одних случаях перед нами запись (полная или частичная), сохраняющая стиль и ритм устного сказания. В других это, по-видимому, сокращенный пересказ центральной его части, а есть и развёрнутые литературные обработки. Встречаются даже тексты, которые, не отражая непосредственно содержания сказания, содержат основанные на нем предположения средневекового книжника.

Пратексты произведений, восходящих к устным оригиналам, до нас, за редкими исключениями, не дошли. В таких случаях приходится из массы разночтений восстанавливать для особо важных частей текста чтения архетипа[2].

В наиболее подробном изложении Сказание о новгородцах отразила так называемая распространенная редакция Повести о Мамаевом побоище. Обозначим условно соответствующую часть ее текста как *вариант 1.* В составе этой редакции читается особый заголовок: «Скажу вам иную повесть о мужах новгородцах Великого Новгорода» (Повести 1959: 130). Некогда академик М.Н. Тихомиров обращал внимание на то, что весь последующий текст «представляет собой переделку какого-то старинного новгородского сказания» (Тихомиров 1955: 18). Это, действительно, переделка, а если сказать более точно, литературная обработка устного произведения.

[1] В научной литературе недавних десятилетий стало довольно обычным называть это произведение «сказанием», что терминологически недостаточно оправданно, так как при этом исчезает грань между устным сказанием и его литературной обработкой.

[2] О содержании употребленных здесь и далее текстологических терминов см. в статьях: Азбелев 1966: 260-302; Азбелев 1966а: 81-106.

Суммирую содержание этой «повести о мужах новгородцах»[1]. Она состоит из пяти эпизодов, которым предшествует вступление, говорящее в прошедшем времени о могуществе и самостоятельности Новгородской республики.

1. В первом эпизоде рассказывается, каким образом в Новгороде узнали о происходящих событиях. Когда в Москву пришла весть, что Мамай «идет пленити землю их Московскую с великою силою» и что великий князь литовский и рязанский князь вступили в союз с Мамаем, то московский великий князь Дмитрий Иванович «в печали бысть, и вся земля Московская смятеся». Но затем, преодолев скорбь, Дмитрий Иванович повелел своему войску собираться в поход, дабы «пострадати» за православную веру. Обо всем этом услышали новгородские купцы, находившиеся в то время в Москве «с товаром, торгу ради». Купцы (трое из них названы по именам) поспешили в Новгород и известили о случившемся его посадников[2].

2. Посадники приходят к архиепископу Евфимию и пересказывают услышанные вести. Архиепископ молится за победу над Мамаем, затем спрашивает посадников о цели их прихода. Те отвечают, что пришли испросить благословения «пострадати» вместе с москвичами «Христова ради имени». Евфимий повелевает собрать вече, дабы узнать мнение народа.

3. Народ стекается на зов вечевого колокола, посадники водворяют тишину. Архиепископ призывает новгородцев выступить на стороне московского великого князя против войск Мамая, который хочет «веру Христову осквернити и святыа церкви разорити и род христианьскый искоренити». Все выражают готовность отдать жизнь «веры ради Христовы» и помочь Москве: «*А немочно, господине, нам оставити великого князя Дмитреа Ивановича московскаго единаго. Аще ли, господине, князь великый спасен будет, то и ми спасени будем*». Новгородцы просят лишь один день на сборы. Затем участники веча тут же избирают шесть «*воевод крепкых и мудрых зело*» (перечислены их имена), «и с ними отрядиша избраннаго войску 40 000» (из общего числа 80 000).

4. На другой день войско собирается по звону колокола, как было условлено, «на дворище у Святого Николы». Ратников окропляют святой водой, архиепископ обращается к ним с напутственными словами. Все воины «яко едиными усты» заявляют о своей готовности умереть за правое дело. Архиепископ благословляет войско, затем напутствует воевод поспешать. «*И оны же вседши на коня и наполнишася духа ратнаго, и начаша, яко златопарни орли по воздуху, парящы, ищущи въсточныя светлости, так и сие скоро идущы. И глаголаша: Дай же нам, Господи, въскоре видите любезного великого князя!*».

5. В пути новгородские воеводы узнают, что великий князь уже выступил из Москвы в Коломну. Новгородцы направляются туда, выслав вперед вестников. Дмитрий Иванович, услышав от новгородских гонцов, «*яко идут 6 воевод, а с ними 40 000 избраннаго воинства новгородскаго*», не удержал слез радости и возблагодарил Бога

[1] См.: Повести 1959: 130-134. Издания по другим рукописям: Поведание 1838: 69-74; Записки Императорской Академии наук. СПб. 1864, Т. 5. Приложение. № 2. С. 39-42; Шамбинаго 1906. Тексты: 96-101.

[2] Новгородская республика управлялась в тот период коллегией из шести посадников, верховным же главой ее в вопросах внешней политики считался архиепископ.

— «яко от нечаяных даеши помощ!». Великий князь «посла многых витезей» навстречу новгородцам. Войско их, прибыв к Коломне, остановилось в поле. Дмитрий Иванович призвал к себе новгородских воевод и «больших витезей», принял их «любезно», затем устроил «пир честен и радостен», на который «и многих от воинства их повеле звати».

Этим, в сущности, оканчивается самостоятельный текст «о мужах новгородцах». Но и далее цитируемая редакция Повести о Мамаевом побоище содержит несколько упоминаний о них. На следующий день великий князь повелел устроить смотр всем войскам. При этом новгородские полки «особ стояще чинно, велми уряжены по достоянию, яко немочно зрети на полки великого князя» (Шамбинаго 1906. Тексты: 101). Дмитрий Иванович, «*приихав к полкомь новгородцкым и, видев их, подивися им, яко чюдно зрети учрежение их нарочито зело к боеви*» (Повести 1959: 135). Устанавливая порядок расположения войск и командование ими — перед переправой через Оку, для дальнейшего похода, великий князь отводит новгородцам одно из почетных мест: «*Праву же руку уряди себе брата своего, а левую руку уряди новгородцъких посадников*» (там же). Далее говорится, как вступивший в союз с Мамаем рязанский князь Олег был устрашен известием, что к Дмитрию Ивановичу пришли «на помощь новгородцы со многою силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело» (Шамбинаго. Тексты: 102).

Следующее упоминание — при описании начала Куликовской битвы: «*А водит передовыи полци Дмитрей Всеволж да Владимер, брат его, правую же руку водит Микула Василиевич с Коломны и новгородское посадникы*» (Повести 1959: 147). Последний раз о новгородцах упоминается при подсчете павших на Куликовом поле бояр: «*И говорит Михаило Александрович, боярин московьскый: "Нет, государь, у нас 40 бояринов московских, да 12 князей белозерскых, да 30 посадников наугородскых, да 20 бояринов коломенскых..."*» (далее перечислены аналогичным образом потери еще от двенадцати областей и княжеств) (там же: 153-154).

Рассмотрим сначала пять эпизодов, которые составляют сплошной рассказ о новгородцах.

Язык и стиль текста обработаны местами довольно интенсивно в соответствии с литературной традицией древнерусской воинской повести. Однако за этой оболочкой угадываются контуры устного протографа. Так, например, трижды почти в одних и тех же выражениях (а отчасти и с дословными совпадениями) повествуется о замыслах Мамая и его союзников и о решимости Дмитрия Ивановича: в 1-м эпизоде сам рассказчик излагает это как сведения, полученные купцами; во 2-м эпизоде это же рассказывают посадники со слов купцов архиепископу; в 3-м эпизоде архиепископ пересказывает это со слов посадников новгородцам, собравшимся на вече. Прием обычный для фольклора, но необычный для литературы. Вполне в духе фольклорной традиции и пир, устроенный князем для прибывших к нему новгородских «витезей». Заметим, что даже в этой же редакции Повести о Мамаевом побоище Дмитрий Иванович более ни разу не устраивает в походе пиров, хотя к нему на помощь прибывают и другие крупные военные отряды — не менее важные для него и возглавляемые князьями.

Именно для устного предания характерно обилие прямой речи, которая составляет более половины изучаемого текста, если не считать вступления. Само же это вступление заслуживает того, чтобы привести его полностью. «*Тогда же бысть Великий Новгород самовластен, не бысть над ними государя, егда сиа победа бысть Донскаа. Ноугородци тогда владящи самы собою. Воиньства же их бысть тогда у них избранного 80 000. И с многыми странами во смирении живущи храбрости ради своеа. Яко же многажды зело приходящи немцы и литва на украины их, и хотяще пленити землю их, и оны же вышод побиваху их и со срамом прогоняху их. Сами же ноугородцы в велице славы живуще и много богатства купящы. Самы же пасомы быша Софеею премудрыю Божиею и Варлаамом чюдотворцем, бывшим игуменом у святого Спаса на Хутыне, и архиепископ Великого Новагорода епискупьствова Еуфимий. Послушайте мене, братиа*» (Повести 1959: 130-131). Вступления подобного рода довольно обычны для исторического предания или устного героического сказания[1] (с таким сказанием приведенный только что текст сближают и довольно ясно ощущаемые остатки его ритмической структуры). Вместе с тем, ничего аналогичного по содержанию нет ни в других частях самой Повести о Мамаевом побоище, ни в других повестях литературного происхождения.

Устный протограф «повести о мужах новгородцах» выдает и ее характерная фактическая ошибка. Архиепископом Новгорода был в то время не Евфимий, который играет важную роль и многократно упоминается в этом тексте по имени, а Алексей (1360-1388 гг.). Имя Евфимий носили только два новгородских архиепископа, занимавшие кафедру значительно позже (1424-1428 и 1428-1458 гг.). Одним из самых популярных политических деятелей в истории Новгородской республики был Евфимий II, много потрудившийся для возвеличения Новгорода и апологии новгородской старины. Он находился на этой выборной должности в течение 30 лет вплоть до своей кончины (вскоре после нее по заказу новгородских почитателей Евфимия Пахомий Логофет написал его житие).

Неудивительно, что в устной традиции с его именем позднее стали связывать ту версию Сказания о новгородцах, в которой выдающаяся роль отводилась архиепископу. После падения независимости Новгородской республики имя Евфимия в наибольшей степени ассоциировалось с представлениями о могуществе Новгорода в период его равноправного сосуществования с Москвой. Если бы «повесть о мужах новгородцах» являлась сочинением литературным, то автором ее мог бы быть лишь образованный церковный книжник Новгорода. Но в этом случае столь вопиющая ошибка сочинителя в области истории новгородской церкви была бы невозможна. Вместе с тем такому книжнику вполне могла принадлежать внешняя литературная обработка весьма популярного в Новгороде устного сказания, привычное доверие к которому не предполагало критической проверки.

Перечень шести воевод, которые возглавили новгородское войско, в рукописях имеет разночтения. Приведем этот перечень полностью в том его чтении, которое, по-видимому, наиболее близко к первоначальному. «*Избраше шесть воевод крепких и храбрых зело: перваго — Ивана Васильевича, второго — посадника, сына его, Аньдрея*

[1] Из наиболее близких аналогий можно указать на текст № 317 в сборнике «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева» (М., 1985. Т. 2) или на «Рассказ о встрече Петра I со шведским королем на Ладожском озере» в публикации Е.В. Барсова (Барсов 1872).

Волосатого, третьяго — Фому Михайлова Красного, четвертаго — Дмитрия Даниловича Заберского, пятого — Михаила Панальовича, шестаго — Георгия Захарьича Хромого»[1]. В большинстве списков посадником назван не Андрей Иванович, а Иван Васильевич. Несомненно, что первоначальное чтение сохранено меньшинством. Легко понять позднейшего переписчика, который «исправил» текст, сочтя, что посадником должен был быть главный воевода, а не сын его. Переделка же текста в обратном направлении была бы невозможна. Отвлечёмся пока от объяснения того странного на первый взгляд факта, что посадник фигурирует здесь на втором месте, а не на первом, равно как и проверки достоверности самих имен. Обращает на себя внимание то, что количество воевод вполне соответствует именно новгородской практике того времени. Начиная с середины XIV века войска Новгородской республики возглавляются в походах, как правило, пятью или шестью воеводами (Никитский 1870: 18; Рабинович 1949: 56-57). Это соответствовало числу городских «концов» — самоуправлявшихся частей тогдашнего Новгорода. В.Л. Янин установил, что в середине XIV столетия восторжествовала практика кончанского представительства; в результате посадничество стало коллективным: вместо одного посадника Новгородской республикой стали управлять одновременно шесть посадников (Янин 2003: 262-298).

Если разобранные эпизоды сплошного повествования «о мужах новгородцах» позволяют усматривать фольклорный сюжет, положенный в основу, то нельзя сказать это относительно последующих упоминаний новгородского войска. Два из них представляют собой более подробное изложение того, что говорится в соответствующих местах «основной» редакции Повести, но без пассажа о новгородцах. Таковы фрагменты о смотре полков и об испуге князя Олега Рязанского. (Ср.: Повести 1959: 56 и 57). Двум другим упоминаниям соответствуют иного рода сведения «основной» редакции. При описании переправы вместо упоминания новгородских воевод в ней говорится: «*...а левую руку себе сътвори князя Глеба Бряньского*». Но хорошо известный по летописям князь Глеб Брянский погиб за 40 лет до Куликовской битвы. При описании начала боя в «основной» редакции говорится: «*...правую руку плък ведеть Микула Васильевичь с коломничи, а левую же руку плък ведеть Тимофей Волуевичь с костромичи*». Но эти данные расходятся тем, что сообщает о командовании полками в бою летопись[2]. Таким образом, вопрос о том, являются ли упомянутые фрагменты плодом литературного творчества редактора Повести или они восходят к устному сказанию о новгородцах, требует еще выяснения.

Обратим теперь внимание на последнее упоминание новгородцев - при перечислении количества убитых воевод. В сходных вариациях этот перечень

---

[1] РНБ: Q.XVII.22, л. 175 об.—176. Сходно в рукописях: РНБ: собр. Титова, № 1121, л. 464 (478) об.; РГБ: ф. 29, № 1516, л. 325 и ф. 299, № 211, л. 147 об.; ГИМ: Музейское собр., № 1388, л. 80 (105) и собр. Щукина, № 610, л. 185 об. Не исключено, что прозвище четвертого воеводы правильнее читать «Заверяжский» (от названия реки Веряжи под Новгородом); так читается, например, в рукописях РНБ: Q.IV.151, л. 399 об.; Q.IV.374, л. 264 об.—265; Q.XVII.223, л. 308—308 об. и др. Отчество пятого воеводы в большинстве списков явно испорчено — «пан Львович», сходно же с цитированной рукописью в списках РНБ: Q.IV.354, л. 73 об.—74 («Паналвич») и др.

[2] См.: Повести 1959: 56 и 68. О Глебе Брянском и летописных сведениях о расположении полков в бою см.: Бегунов 1966: 492-493 и 501-502.

содержат и другие редакции Повести о Мамаевом побоище (в числе их ряд разновидностей «основной» редакции), а также часть списков Задонщины. Фольклорное происхождение всего этого эпизода было уже предположено А.И. Никифоровым (Никифоров 1940, папка 1: 121-124)[1]. Весьма вероятно, что и в списки Задонщины, и в Повесть о Мамаевом побоище счет убитых попал из общего источника — устного сказания.

Трудно сомневаться в том, что это было Сказание о новгородцах. Во-первых, новгородские бояре упомянуты сразу после белозерских князей — ранее, чем бояре всех других княжеств, за исключением московского. Во-вторых, говорится, что подсчет павших производит «боярин московьскый» — это объясняет, почему московские бояре названы им ранее белозерских князей, и одновременно указывает на немосковское происхождение всего текста: московское сказание вряд ли стало бы оговаривать то обстоятельство, что московский князь Дмитрий Иванович поручил сосчитать убитых именно московскому боярину.

В разных вариантах эпизода число павших новгородских бояр указано обычно либо 13, либо 30. При этом названы они в разных рукописях то «боярами посадниками»[2], то просто боярами[3], то просто посадниками[4]. Очевидно, что в XIV столетии в новгородском отряде не могло быть столько посадников. Перед нами фольклорный домысел, легко объясняемый. Как выяснил В.Л. Янин, к середине XV века число одновременных посадников в Новгороде достигло нескольких десятков, практически совпадая с числом боярских фамилий[5], и здесь наметилось бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник». Что же касается москвичей и жителей других областей Руси, то термины «боярин» и «посадник» могли смешиваться ими применительно к Новгороду уже в XIV в., когда стало известно, что там управляют несколько посадников одновременно и что почти каждый знатный боярин какую-то часть своей жизни занимает должность посадника.

Мы остановились на этом эпизоде подробно в связи с тем, что еще придется к нему обращаться в дальнейшем. Поскольку его содержит в таком же виде «основная» редакция Повести о Мамаевом побоище — и в тех ее разновидностях, которые других упоминаний о новгородцах не имеют, — следует полагать, что именно отсюда этот эпизод мог попасть в распространенную редакцию и что он не

---

[8] Здесь приведены параллели из произведений, засвидетельствованных в устном репертуаре. Ранее С.К. Шамбинаго писал (не аргументируя) о «близости» этого отрывка к «народнопоэтическому творчеству» (Шамбинаго 1906: 130).

[2] См. например: РНБ, F.IV.228, л. 19 об.; Q.XV.27, л. 337; Q.XVII.6, л. 96-96 об.

[3] См. например: РНБ, Q.XV.31, л. 192 об.

[4] См. например: РНБ, собр. Погодина, № 1555, л. 99 об.; Q.IV.342, л. 36 об.; Q.XV.70, л. 53 об.; Q.XVII.79, л. 425.

[5] См.: Янин 2003: 390—416. После утраты Новгородом независимости и ликвидации должности посадника слово это сами новгородцы стали смешивать даже со словом «пособник», имевшим несколько иное значение, чем теперь: помощник, защитник, заступник (см.: Словарь русского языка XI-XVII вв., М., 1991. Вып. 17. С. 202). Так, Новгородская 4-я летопись, составленная в середине XV в., в известии о восстании 1421 г. против посадника Андрея Ивановича упоминает, что было убито 20 человек «Андреевых пособъников» (ПСРЛ. IV. Часть 1: 431). А Новгородская 2-я летопись, рукопись которой относится к концу XVI — началу XVII в., передавая это же известие в почти тождественном тексте, сообщает об убиении 20 «Андреевых посадников» (ПСРЛ. XXX: 166).

обязательно содержался в рассмотренной только-что версии устного Сказания о новгородцах.

Возвращаясь к самой этой версии, можем пока сделать следующий вывод: она подробно сообщала о том, как новгородцы отправились на помощь великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, и о том, что они догнали его главные силы у переправы через Оку (говорилось ли в этой версии об их дальнейших действиях, судить пока трудно). Назовем ее *пространной версией* Сказания.

2

Иная разновидность Сказания о новгородцах отразилась в генетически независимой от только что рассмотренных письменных текстов группе списков «основной» редакции той же Повести о Мамаевом побоище. Назовем эту разновидность *вариантом 2*. Здесь текстовые фрагменты, касающиеся новгородцев, сравнительно невелики, и мы приведем их полностью. Первым четырем эпизодам рассмотренной выше «повести о мужах новгородцах» соответствий нет. Пятому эпизоду соответствует следующее: «*Того же дни приехали из Великаго Новагорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Костянтинович Микулин к великому князю Дмитрею Ивановичю на помощь, а с ними прииде наугороцкие силы 30 000 князей и бояр и всяких людей. Рад же бысть великий князь Дмитрей Иванович и биша челом посадником и целоваша их с великою радостию: "Воистинну есте дети Аврамли, яко в велицеи беде мне есть пособницы!"*» (Русские повести 1958: 28).

Второе упоминание новгородцев — при описании объезда Куликова поля великим князем после победы: «И поеха по побоищу и наехав убита крепкаго своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича, да новгородцких посадников Тимофея Костянтиновича Микулина, да Якова Зензина, да около них вкупе лежат побиты семьсот новгороцких выборных дворян. Над ними же нача князь великий плакатися: "Любимыи мои братия, приехали вы есте своею волею ко мне, а не по моему велению, видя мене в беде великой, и главы свои поклали"» (там же: 36-37). Вскоре за этим следует общее перечисление потерь: «*И рече, стоя, московской большой боярин, князь Михаило Александрович Воронцов: "Убито, государь, 40 бояринов московских, да 12 князей московских же, да два посадников наугороцких. Да убито, государь, князей и бояр и выборных дворян и воевод твоей государевы руской вотчины и Великаго Новагорода, и всех войска православных христиан* <...> *полтретя ста тысящ, а осталось живых от побоища 50 000"*» (там же: 37).

Приведенные фрагменты несут на себе гораздо меньше следов стилистической обработки в духе литературного канона, чем *вариант 1*. Но полностью возводить их к устному Сказанию о новгородцах оснований не больше, чем в предыдущем случае. Последний отрывок подвергся, очевидно, редакционному изменению для согласования с использованной разновидностью Сказания о новгородцах. Трудно было бы утверждать, что Сказание содержало соответствующую часть второго отрывка. Она представляет собой вставку в обширный эпизод, рассказывающий об объезде поля боя великим князем и оплакивании им павших, - вставку, которая могла быть домыслом самого книжника. Ничего аналогичного этому нет в *варианте 1*, хотя в

содержащей его распространенной редакции Повести о Мамаевом побоище сам эпизод с объездом и оплакиванием описан сходно. Все три отрывка обнаруживают смутные представления о некоторых реалиях XIV века. Никак не ранее последней четверти XV столетия могли здесь появиться упоминания «новгороцких выборных дворян», а самого Новгорода – как «вотчины» великого князя. Трудно сказать, принадлежит ли это самому книжнику или было уже в использованной им тогдашней версии устного сказания.

Рассмотрим ее несомненные отличия от предыдущей версии. Наиболее существенных разноречий четыре: 1) иное количество новгородских воевод; 2) другие имена их; 3) несколько иная общая численность новгородского войска; 4) новгородцы присоединяются к войскам великого князя не перед переправой через Оку, а после нее.

Начнем с предпоследнего. Цифра 30 000, по-видимому, тоже гиперболична, но можно думать, что она появилась в устной традиции раньше, чем 40 000[1]. Последнее разночтение связано, надо полагать, с какими-то данными составителя о том, что новгородцы еще не успели присоединиться к москвичам при общем сборе войск у Коломны до переправы через Оку. Видимо, эта версия Сказания в текстуально не дошедшей до нас части позволяла сделать такой вывод (дальнейший материал позволит это разъяснить).

Наиболее важны первые разноречия. Два посадника во главе отряда — как видно, довольно позднее привнесение, отразившее, во-первых, забвение военной практики XIV в., а во-вторых, — позднейшее понимание термина «посадник». Имена этих «посадников», неизвестные по другим источникам, восходят, скорее всего, к какому-то семейному (или вообще — географически локальному) преданию о павших в 1380 г. новгородцах. Маловероятно, чтобы внесение именно этих двух имен произошло в устной традиции с изъятием шести других имен пространной редакции. По-видимому, для дополнения была использована какая-то безымянная разновидность Сказания о новгородцах, из которой и были почерпнуты общие сведения (о численности новгородского отряда, о встрече его великим князем и др.). Из семейного предания могли быть взяты имена двух лиц и указание на 700 человек, погибших вместе с ними. Переделка же в данном изводе Повести общего числа павших новгородских «посадников» принадлежит, без сомнения, составителю: дополняя текст Повести данными новгородского сказания, он, очевидно, рассудил, что убитых новгородских посадников не могло быть больше, чем отправившихся в поход.

По-видимому, та же версия Сказания о новгородцах отразилась и в одной из поздних летописей Новгорода. Это Новгородская Забелинская летопись, составленная в 1680—1681 гг. (см.: Черепнин 1945: 121, 127; Азбелев 2016: 121). В неё

[1] Вообще численность новгородского отряда в разных письменных текстах варьируется следующим образом: 7000, 13 000, 30 000, 40 000, 70 000. Исходной следует признать, очевидно, цифру 7000, а производной от нее — вследствие слуховой ошибки в устном репертуаре — 70 000. Цифра 13 000 появилась, вероятно, под влиянием сведений о гибели 13 новгородских бояр. Цифра 30 000, очевидно, также результат слуховой ошибки (тринадесять — тридесять), а 40 000 — по-видимому, результат ошибочного прочтения в письменном тексте близкой по начертанию цифры 30 000. Из письменных текстов цифра 40 000 могла попасть и в устный репертуар.

входит особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. В литературе уже высказывалось предположение, что некоторые его дополнения «имеют в своей основе какие-то устные предания, которые были созданы на материале реальных исторических фактов» (Повести 1959: 469).

К числу именно таких дополнений следует отнести следующий отрывок (назовем *вариант 3):* «Того же дни приехаша после числа за Оку реку к великому князю посадники новгородцкие Великого Новаграда, а с ними силы пришло 30 000, и биша челом великому князю Дмитрию Ивановичи)» (там же: 181). Здесь нет имен, но численность новгородского отряда та же, что в *варианте 2*. С последним этот текст связывает и то, что он вставлен после аналогичного (но не тождественного по содержанию) эпизода пересчета собравшихся войск после переправы через Оку.

Наконец, как и в *варианте 2*, мы имеем здесь только один эпизод прибытия — в отличие от пространной редакции. Повести о Мамаевом побоище Можно полагать, что *вариант 3* восходит как раз к той редакции Сказания, результаты дополнения которой отражает *вариант 2.* Отнесение *вариантом 2* прихода новгородцев ко времени после переправы через Оку естественнее всего связывать с прямым указанием на это *варианта 3,* отображенного в Новгородской Забелинской летописи[1].

Назовем представленную этими вариантами версию Сказания краткой версией, а ее редакции — безымянной (*вариант 3*) и семейной (*вариант 2*).

Краткая версия Сказания о новгородцах (очевидно, в её безымянном варианте) повлияла и на одну из принадлежавших редактору Никоновской летописи вставок в текст использованной этой летописью Киприановской редакции Повести о Мамаевом побоище. В ней сообщалось, что после переправы русского войска через Оку и получения новых известий о приближении армии Мамая великий князь собрал всех князей и воевод для обсуждения дальнейших действий.

Затем помещён отсутствующий в иных редакциях Повести пересказ дискуссии военачальников о том, следует ли уже готовой для сражения русской армии переправляться через Дон. Долгое обсуждение будто бы не имело никакого результата — «и скорбь велиа всем». После этих слов информация о дискуссии внезапно обрывается пассажем: «И ту приидоша много пешаго воинства: и житийстии мпози людие и купци изо всех земель и градов. И бе видети зело страшно, многое множество людей собрашяся, грядущее в поле противу татар» (ПСРЛ. XI. 56). Под странным термином «житийстии люди» следует, конечно, разуметь житьих людей, которые в Новгородской республике составляли отличную от купцов прослойку состоятельных горожан. Перед нами как бы завуалированное повторное привлечение использованного новгородского источника (с малопонятным расширением географического охвата).

[1] К области литературного домысла книжника следует, очевидно, отнести в этом виде Повести добавление во фразе о рассылке гонцов. В других рукописях данной редакции Повести сказано: «А сам князь великий по всей Русской земли скорые гонци разослав с своими грамотами по всем градом: да все готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны» (Шамбинаго 1906. Тексты: 45). В Новгородской Забелинской летописи читается «по всем городам своим и в Великий Новгород» (Повести 1959: 174).

Привлекая его, редактор Никоновской летописи, видимо, реализовал намерение подкрепить понравившуюся ему чрезмерную гиперболизацию общего числа русских войск. В завершение цитированного нами только что пассажа он написал: «*И начаша считати, колико ихъ всехъ есть, и изочтоша вящше четырехсотъ тысящъ воинства коннаго и пешего*» (там же). А обратившись к возобновлению дискуссии, приостановленной, будто бы новым подсчётом войск, редактор продолжает: «*И, въставше, начаша глаголати литовстии князи Олгердовичи…*». Обсуждение завершается молитвой и приказом великого князя форсировать Дон (там же).

В предшествующих моих статьях были уже отмечены и объяснены некомпетентные вставки редактора Никоновской летописи (Азбелев 2015: 27; Азбелев 2016б: 25-26).

3

Обратимся теперь к последней версии Сказания о новгородцах — последней по порядку их рассмотрения, но отнюдь не по хронологии. Здесь мы имеем дело не с литературной обработкой устного текста и даже не с его пересказом, а именно с записью, которая, очевидно, представляет собой дословную или почти дословную передачу устного оригинала. Эта запись дошла в единственной рукописи из собрания Уварова, содержащей особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище, текст пока еще не изданный, в котором сильнее, чем в других, отразилось влияние фольклорных произведений и имеется несколько случаев дословной передачи их. Одно из таких включений и является записью Сказания о новгородцах. Этот фрагмент опубликовал дважды (оба раза неточно) С.К. Шамбинаго[1].

Приводим точный текст отрывка (назовем его *вариант 4*) по рукописи. «В то же время в Великом Новеграде стоят мужи новгородцы у святыя Софеи на площади, бьют вече великое, говорят мужи таково слово: “Уже нам не поспеть на пособ к великому князю Дмитрею, кажут он Оку реку перевозится. А токо нам к нему не ехать, а ему будет не пособь, ино нам будет Новымгородом не отсадится”. И борзо мужики новгородцы наряжались, отпускали з города 13 посадников больших новогороцких, с ними же силы немного, только 13 тысящ, а все люди нарядные, пансыри, доспехи давали з города. И рекоша: “Пойдите, братия, с одново на безбожнова”. И пришла сила новогороцкая к великому князю Дмитрею, оному же Оку реку перевезшуся. И рад бысть князь Дмитрей Иванович, и рече им: “Исполать вам, мужи новгородцы, что мя есте не отдали”. И почтив их вельми»[2].

Уже первый исследователь этого текста С.К. Шамбинаго заключал, что данный отрывок относится «к народной поэзии» (Шамбинаго 1906: 392). Такой вывод его был

[1] См.: Шамбинаго 1906: 301; История русской литературы. Литература 1220-1580-х годов. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 218.

[2] ГИМ: собр. Уварова, № 802, л. 184—185 об. Эта рукопись была использована для исправления описок в параллельных местах Ермолаевского списка, текст которого напечатан (ПКЦ 1998: 226-250). Но в нем нет данного фрагмента, как и упоминания новгородцев, о котором у нас речь идет ниже.

поддержан и в последовавших работах (см., например: Адрианова-Перетц 1951: 132-133). Что касается жанровой принадлежности текста, то в этом вопросе не было определенности. Ясно выраженная ритмическая структура его показалась С.К. Шамбинаго «песенным складом» (Шамбинаго 1906: 300). Правда, он высказался на этот счет очень осторожно: «Напрашивается предположение — не был ли этот рассказ вначале действительно песней» (там же: 301). Заканчивая рассмотрение, автор заключал: «За отсутствием доказательств я не могу утвердительно ставить такое предположение» (там же: 302). Позднее А.И. Никифоров высказывал убеждение, что приведенный нами отрывок является текстом былины (Никифоров 1940, папка 1: 251-253), а Б.Н. Путилов писал, что это историческая песня (Путилов 1961: 120-123). На наш взгляд, отнесению текста к былинам препятствует, прежде всего, несвойственная им историческая конкретность. Степень фактичности здесь такова, что упомянутым авторам не удалось отыскать убедительные параллели не только в былинах, но даже в старших исторических песнях. Перед нами устное героическое сказание в форме ритмизированного повествования (подробно о таких сказаниях см.: Азбелев 1971а).

Хотя этот текст дошел до нас (так же как и предыдущие) в рукописи XVII в., не приходится сомневаться, что он отражает более ранний этап эволюции Сказания, чем варианты 1, 2 и 3. Здесь нет намека на сетования об утрате Новгородом самостоятельности, как в варианте 1, нет и несвойственных периоду этой самостоятельности исторических реалий, как в варианте 2. Единственный анахронизм — «13 посадников», заставляющий полагать, что запись устного оригинала произошла, скорее всего, позже середины XV столетия (но, может быть, еще до падения новгородской независимости в конце 70-х гг.). В дальнейшем мы будем именовать эту версию Сказания *первоначальной версией*.

По содержанию ее текст имеет, как видим, соответствия не только последнему эпизоду пространной версии Сказания, но и двум предшествовавшим её эпизодам. Сама же первоначальная версия содержит три эпизода: обсуждение на вече, отправление в поход и прибытие.

В дальнейшем тексте этой Уваровской рукописи новгородцы упомянуты в отрывке, повествующем о действиях великого князя литовского: «И прииде ж Волгирд ко Одуеву, и слышав, яко князь великий Дмитрей Иванович совокупися со многою силою — словены и болгары, и с новгородцы, иде же кождо, услышав, яко Олег резанский убоялся, и пребыл ту и оттеле неподвижен»[1]. Текст испорчен при переписке. В других рукописях читается следующее: «И прииде к граду Одоеву, и слышав, яко князь великий съвокупи многое множество въинства — всю русь и словены, и пошол к Дону противу царя Мамаа, и слышав, яко Олег убоася, и пребысть ту оттоле неподвижым» (Повести 1959: 58). Если упоминание в Уваровском тексте болгар — явная ошибка, возникшая, очевидно, под влиянием сходных перечислений в других известных книжнику письменных текстах, то добавление новгородцев связано, несомненно, с использованным в этой рукописи Сказанием.

[1] ГИМ: собр. Уварова, № 808, л. 187 об. — 188. Кроме того, имеющийся в конце счет убитых воевод содержит обычное для этой Повести упоминание «тринатцати бояринов посадников новогородцких» (л. 213).

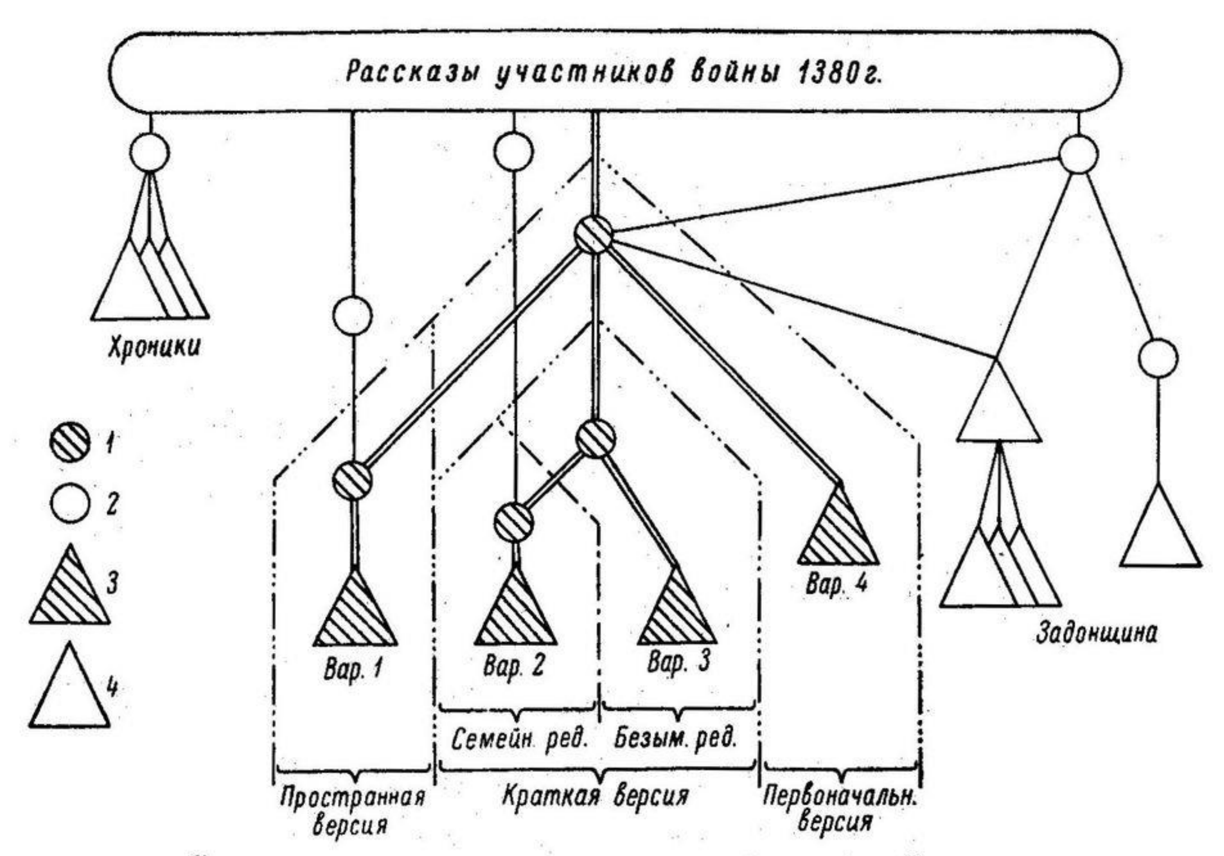


Схема генетических взаимоотношений текстов Сказания.

Условные обозначения: *1* — **устные тексты Сказания о новгородцах;** *2* — **другие устные тексты;** *3* — **записи и обработки Сказания о новгородцах;** *4* — **другие письменные тексты.**

В распространенной редакции Повести о Мамаевом побоище, как мы помним, было сходное добавление в сходном контексте: там известие о прибытии новгородцев обескураживает не литовского князя, а второго союзника Мамая — князя рязанского. Так как оба добавления текстологически независимы, есть все основания считать, что в самом Сказании после эпизода прибытия новгородцев к Дмитрию Ивановичу говорилось что-то об устрашающем действии этого факта на кого-то из союзников татар. Что первоначально это был именно литовский князь, а не рязанский, свидетельствует основной текст данной редакции Повести, не подвергшийся еще дополнению. Иносказательно о новгородцах речь идет уже в нем: словенами в древних летописях называли именно новгородцев. Если составитель «основной» редакции Повести счел нужным употребить этот архаизм, по-видимому, он имел на то причины.

Для разрешения возникающих загадок необходимо обратиться к установлению исторической основы рассмотренных текстов.

4

В общеисторических трудах давно утвердилось мнение, что Новгород не принял никакого участия в освободительной войне 1380 г. Тексты, о которых говорилось выше, были наполовину известны авторам этих трудов, но содержание

таких текстов признавалось недостоверным и даже квалифицировалось как баснословие. Мнение это обосновывали ссылками на то, что летописи молчат об участии в Куликовской битве новгородского войска (см., например: Соловьев 1845: 121, 191; Иловайский 1880: 58). Правда, иначе думал крупнейший исследователь летописей академик А.А. Шахматов. Он писал, что «самый скептический ум не решится признать выдуманными некоторые факты» войны 1380 г., несмотря на молчание о них сохранившихся летописных текстов. В числе данных о таких именно фактах А.А. Шахматов тут же прямо называл упоминание «о прибытии новгородцев в числе 7000 человек» (Шахматов 1910: 175). Впрочем, это никак не повлияло на последующие работы по русской истории, где традиционное мнение продолжало повторяться (см., например: Пресняков 1918: 321; Тихомиров 1955: 18)[1].

Источниковедческий анализ совокупности свидетельств о помощи Новгорода великому князю Дмитрию Ивановичу произведен не был. Обширная статья, специально посвященная рассмотрению исторической основы Повести о Мамаевом побоище, обошла этот вопрос молчанием (см.: Бегунов 1966)[2].

До того как Новгородская республика прекратила существование в 70-х гг. XV в., когда ее территория была включена в состав Московского великого княжества, отношения между ними по большей части были натянутыми, а нередко и враждебными, вплоть до открытых военных столкновений. Но был период продолжительностью около 10 лет, когда отношения эти стали настолько дружественными, что превратились в военный союз, оформленный даже особым договором. Этот период относится к правлению Дмитрия Донского. Оборонительный союзный договор между ним и Новгородской республикой, заключенный в первой половине 70-х годов XV века. (т. е. за 5-8 лет до Куликовской битвы), предусматривал взаимные обязательства против потенциальных общих противников, точно названных в тексте. Татары, непосредственно никогда не угрожавшие Новгороду, в договоре не упомянуты. Но зато на первом месте названы литовские князья, не раз воевавшие до того и против Новгорода, и против Москвы. Договор обязывал новгородцев в случае войны Литвы против московского великого князя Дмитрия Ивановича оказать ему помощь своими войсками[3].

Все летописи, где содержится сколько-нибудь подробное описание войны 1380 г., сообщают, что литовский великий князь Ягайло вступил в союзные отношения с Мамаем и что литовское войско отправилось на соединение с татарским как только Мамай вступил в пределы русских земель. О том, что литовские войска участвовали в войне на стороне татар, сообщают и независимые от

[1] Единственное известное мне исключение составляет беглое замечание академика Б.Д. Грекова: «По недавно открытым материалам можно считать, что и какая-то часть новгородского войска участвовала в Куликовской битве». К сожалению, автор здесь не сообщал, что это за материалы, где и кем они открыты (см.: Греков и Якубовский 1950: 241).

[2] Трудно определить точку зрения Л.А. Дмитриева, поскольку в одной работе он упоминал известия об участии новгородцев в Куликовской битве как достоверные (см.: Русские повести 1958: 363), а в другой — как недостоверные (см.: Дмитриев 1966: 426, примечание 54).

[3] «Аж будет обида со князьми литовскими <...> Новугороду всести на конь со мною, со князем великим и с моим братом со князем Владимиром с одного» (ГВНП 1949: 31, № 16). Все предлагавшиеся датировки этого договора имеют в виду заключение незадолго до 1380 года.

русских летописей немецкие хроники того времени (ниже их сведения будут приведены). Следовательно, Новгород должен был оказать военную помощь Москве даже независимо от соображений общерусского патриотизма, а просто вследствие своих договорных обязательств.

Тем более, что уже весной 1380 г., т. е. всего за несколько месяцев до начала военных действий, взаимные обязательства были, очевидно, подтверждены прибывшим в Москву новгородским посольством, беспрецедентным по авторитетности его участников. Новгородская летопись сообщает, что во время этих переговоров великий князь торжественно подтвердил свои прежние обязательства по отношению к Новгороду. Вряд ли можно сомневаться, что аналогичные заверения были даны и со стороны Новгородской республики. От ее имени переговоры вели глава этой республики — архиепископ Алексей, а также два посадника и три боярина от городских концов (таким образом, каждый из пяти концов Новгорода прислал своего отдельного полномочного представителя)[1].

Согласно летописям, великий князь узнал о выступлении Ягайла на помощь татарам довольно поздно — в августе 1380 года, т.е., не более как за месяц до сражения на Куликовом поле, когда войска Мамая были уже у русских границ[2]. Еще через несколько дней эта весть могла достичь Новгорода. Собрать ополчение в разгар полевых работ, вооружить его и совершить пеший переход на расстояние около тысячи километров было почти невозможно за короткий срок, оставшийся до ожидаемого соединения армий Мамая и Ягайла. Очевидно, этот вопрос и обсуждался на новгородском вече.

Разумеется, на Руси уже давно ожидали известий подобного рода. Вероятно, Дмитрий Иванович получил какие-то сведения о переговорах Ягайла с Мамаем задолго до того, как литовское войско могло отправиться на соединение с татарами. Возможно, что именно это обсуждалось в Москве на переговорах с новгородцами и их помощь тогда была обещана, а размеры ее оговорены. Если это так, то Дмитрий Иванович вправе был ожидать, что Новгород подготовится к войне заблаговременно. А правители Новгорода в свою очередь, возможно, ожидали подтверждения слухов о союзе Ягайла с Мамаем.

Как бы то ни было, но в ситуации, отраженной летописями, была реально осуществима только весьма ограниченная поддержка, которую мог оказать московскому князю Новгород. Это отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, которые содержались Новгородом постоянно на случай

---

[1] См. Новгородскую первую летопись (ПСРЛ. III: 376). Краткое известие об этом посольстве содержится в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (ПСРЛ. IV. Часть 1: 311; ПСРЛ. VI. Вып. 1: 454).

[2] «Бысть же месяца августа приидоша орды таковыя вести ко христолюбивому великому князю Дмитрию Ивановичю, оже воздвизаятся на хрестианы измаилтяне. Олгу же отпадъшю сана своего <...> послав к великому князю Дмитрию Ивановичю весть лестную, что "Мамаи идет со всем царством <...> и князь литовскии идеть на тебя же со всею силою своею"» – Новгородская летопись по списку Дубровского (РНБ: F. IV.238, л. 250). Предпочитаю цитировать по рукописи, поскольку обе публикации этой важной летописи малоудачны. Но это же известие есть и в ряде других летописей. См., например, Новгородскую четвертую летопись (ПСРЛ. IV. Часть. 1: 312) и Софийскую первую летопись (ПСРЛ. VI. Вып. 1: 456). Краткая редакция летописной повести относит ошибочно получение великим князем сведений о союзе Ягайла с Мамаем на еще более позднее время: «И переехав Оку, прииде ему пакы другая весть, поведаша ему Мамая за Доном събравшася» – Симеоновская летопись (ПСРЛ. XVIII: 129) и Рогожский летописец (ПСРЛ. XV. Вып. 1: 139). Ср.: Азбелев 1976: 90-91.

непредвиденной военной опасности. Очевидно, что правители Новгородской республики, ожидая войны с Литвой, границы которой находились вблизи Новгорода, и, имея к тому же постоянную угрозу со стороны Тевтонского ордена, не желали оставить сам Новгород без надежной защиты. Значительная часть его наличных военных сил была сохранена в пределах Новгородской земли. Вероятно, это и отразилось в Сказании.

За именами новгородских воевод пространной версии Сказания могут быть узнаны реально существовавшие тогда деятели Новгорода. Во всяком случае, имена двух первых воевод идентифицируются довольно просто. Первый воевода Иван Васильевич — это, очевидно, новгородский боярин Иван Васильевич Машков, который трижды упоминается в новгородских летописях под 1366-1399 гг. Два первых упоминания представляют особый интерес: в 1366 г. он и его отец были неожиданно и без всякой вины схвачены в Москве по приказу великого князя Дмитрия Ивановича — в качестве заложников в связи с походом новгородских ушкуйников; только в следующем году эти лица были отпущены в Новгород[1]. Назначение именно боярина И.В. Машкова первым воеводой отряда, посылаемого в помощь тому же Дмитрию Ивановичу, имело, вероятно, политический подтекст: Новгород как бы подчеркивал этим, что выполняет взятые обязательства, невзирая на прежние обиды со стороны Москвы. Такое напоминание могло интерпретироваться как своего рода противовес ощущению неполноценности оказываемой военной помощи в количественном отношении.

Второй воевода, названный Андреем, сыном предыдущего, посадником, — это, по-видимому, Андрей Иванович, который был, действительно, посадником, но не в 1380 г., а позднее — в первой четверти XV в. Новгородские летописи упоминают его четыре раза[2]. Ему же как посаднику адресована берестяная грамота, датируемая 10-20-ми гг. XV в. (Арциховский и Борковский 1963: 142, № 310). Становится понятным, почему Сказание, перечисляя воевод, посадника упоминало на втором месте, а не на первом. В 1380 г. Андрей Иванович был еще молод, и его назначили вторым воеводой, но впоследствии он был одним из самых известных посадников. Видимо, в Новгороде хорошо знали, о ком конкретно идет речь в Сказании, и естественно, что боярина, избранного посадником, стали соответственно этому и называть[3]. Не имеем достаточных данных для идентификации остальных воевод[4]. Впрочем, она не столь важна. Важно, что их общее число точно соответствует военной практике, обычной именно в то время для Новгорода.

---

[1] ПСРЛ, III: 369; ПСРЛ. IV. Часть. 1: 292-294. Третье упоминание — о постройке И.В. Машковым каменной церкви Алексея у Богородицы в Торгу — под 1399 г. (см.: ПСРЛ. IV. Часть 1: 383).

[2] В 1401 г. он был взят в плен москвичами, но вскоре отбит; в 1411 г. он воевода новгородского войска, ходившего на шведов; в 1415 г., будучи уже посадником, он вводит в дом св. Софии новоизбранного архиепископа Симеона; в 1421 г. против этого посадника восстают Неревский и Славенский концы (см.: ПСРЛ. III: 396, 402, 405; ПСРЛ. IV. Часть 1: 390, 411, 414, 431; ПСРЛ. XXX: 166, 179).

[3] Посадник Андрей Иванович упомянут также в данной грамоте Палеостровскому монастырю (ГВНП 1949: 147, № 90), датировавшейся по этой причине 1415-1421 гг. Но В.Л. Янин на основании упомянутых здесь же других имен убедительно относит этот документ к 30-м гг. XV в. — времени второго Андрея Ивановича, бывшего степенным посадником, согласно выводам В.Л. Янина, в 1434-1435 гг. (Янин 2003: 360-362).

[4] С воеводой Юрием Захарьевичем может быть сопоставлен Юрий Захарьин, упомянутый в документе начала XV в. как один из послухов при покупке Корельского наволока за 2000 белок (ГВНП 1949: 185, № 128).

Сохранявшаяся в Москве Летописная повесть о Куликовской битве, которая вошла в летописные своды XV-XVI вв., основное внимание уделяет, естественно, самому Дмитрию Ивановичу и его подручным князьям. Эта повесть крайне суммарно говорит о сборе войск из русских земель под знамена великого князя московского: «...и събравъ вои своих 100000 и 50000, опрочно рати княжеи и воеводъ местныхъ <...> Беаше всеа силы и всих ратей числом с полтораста тысящь или с двесте» (ПСРЛ. IV. Часть 1: 314; ср.: ПСРЛ. VI. Вып. 1: 458; ПСРЛ. VIII: 35 и др.). Здесь не упомянуто ни одного княжества и ни одной области, хотя из текста явствует, что в помощь Москве другие области Руси прислали крупные по тому времени силы — от 40 до 90 тысяч воинов. Неудивительно, что эта Летописная повесть, написанная уже в период враждебных отношений между Москвой и Новгородом, об участии его в войне не сообщает.

Но представляют интерес ее известия о литовском войске. Здесь говорится, что «*князь Ягаило литовьскыи прииде со всею силою литовьскою, Мамаю посабляти и поганымъ татаром на помощь, а христианомъ на пакость, но и техъ Богъ избавил, не поспеша на срокъ за малымъ, за одино днище или менши*». Узнав об исходе Куликовской битвы, «*Ягаило со всею силою литовьскою побежа назадь со много скоростью, никим же гонимъ, не видеша тогда великого князя,его ни рати его, ни оружия его, токмо имени его бояхуся и трепетаху*» (ПСРЛ. VI. Вып. 1: 468).

Оба отрывка, несомненно, тенденциозны и написаны, очевидно, с целью умолчать о том, что нежелательно было упоминать. Ягайло не мог прибыть «со всею силою литовскою», так как в Литве происходила в то время острая борьба за власть между Ягайлом и другими членами княжеского рода (см.: Соловьев 1960: 278-280). В помощь Мамаю могло быть направлено лишь сравнительно небольшое литовское войско. Присоединение его к огромной армии татар представляло бы меньшую опасность для Руси, чем неожиданный удар литовцев в тыл или во фланг. Литовская граница проходила приблизительно в 200 км на запад от Куликова поля, поэтому угроза такого удара должна была быть очевидной для русских с самого начала. Поскольку Новгород, согласно договору, обязывался оказать военную помощь именно против Литвы, естественнее всего было использовать как раз новгородский кнтингент в качестве заслона от ожидавшегося удара со стороны Ягайла.

Становится понятной отмеченная выше «странность» всех трех версий Сказания о новгородцах: разработанность мотивов отправки новгородского войска и скомканность мотива соединения с московским (по пространной версии, новгородцы так и не влились в него, а «особ стояше» и далее двигались самостоятельно). Очень возможно, что новгородский отряд действительно не должен был вливаться в главные силы русской армии.

Поскольку до подхода русских к Куликову полю отряды Ягайла не соединились с войском Мамая, предстояло обезопасить себя на случай их внезапного флангового удара в день самого боя. Поэтому вполне правдоподобным оказывается упомянутое выше, при рассмотрении пространной версии, указание о расположении новгородцев на правом фланге в день Куликовской битвы. Однако сражаться им пришлось не против литовского войска. Оно, как известно, предпочло дождаться исхода боя. Очевидно, что как раз на это и намекает отмеченный выше мотив

замешательства литовского князя, когда тот узнал о прибытии новгородцев на помощь Москве. Иная трактовка этого же обстоятельства скрывается за ссылкой московского летописца на Божью помощь, благодаря которой произошел удивительный факт: Ягайло «не успел» к Куликовской битве всего на один дневной переход или даже меньше.

Невразумителен и второй летописный отрывок. Когда литовцам стал известен результат сражения на Куликовом поле, у них не было причин бежать «со многою скоростию». Хорошо известно, что победа досталась дорогой ценой. Согласно летописям, из двухсоттысячного русского войска в живых осталось 40 или 50 тысяч. Не литовцам следовало опасаться нападения со стороны остатков русской армии, а возвращавшимся с поля боя русским — нападения литовских сил, не участвовавших в битве.

Летописная повесть сообщает кратко лишь о возвращении войск Дмитрия Ивановича в Москву. Новгородцам же предстояло двигаться в Новгород не через Москву, которая находилась в стороне от направления их пути, а вдоль литовской границы, проходившей в то время недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Сведений о возвращении новгородского отряда в русских источниках нет. Немалую ценность представляют в данном случае показания немецких хроник, посему-то очень редко привлекаемые историками войны 1380 г. Эти данные помогают объяснить странное лишь на первый взгляд молчание почти всех новгородских летописей об участии в войне новгородцев.

Две современные событиям хроники, Детмара и Иоганна фон Позильге, достаточно конкретно сообщают под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами: «Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и [литовцы] отняли у русских их добычу и убили их много на поле» (цитировано по Детмару)[1]. Сходно сообщает о битве и писавший 100 лет спустя немецкий историк Альберт Кранц. Он привёл некоторые подробности относительно тогдашней методики ближнего боя и о его участниках, ошибочно отнеся, однако, само событие к 1381 г. Здесь же он указал, что в этом году в Любеке собрался съезд представителей всех городов Ганзы (Krantz 1619: 207).

На последнее обстоятельство обратил внимание Н.М. Карамзин, заметивший, что «оно может изъяснить, каким образом сведали в Германии о Донской битве: купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новагорода, с ними союзного» (Карамзин 1892, Примечания к тому 5: 25). Дело в том, что Детмар писал свою хронику как раз в Любеке, а Позильге свою писал в Ризенбурге[2], расположенном вблизи городов Данцига и Эльбинга, делегаты которых

---

[1] Detmar-Chronik von 1101-1395 mit der Fortsetzung von 1395—1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19. S. 568. В сходном тексте это известие есть в более ранней хронике Детмара, доведенной только до 1386 г. (Ibid. S. 180). Позднее оно было повторено почти дословно так называемой хроникой Руфуса (Ibid. Leipzig, 1899. Bd 26. S. 257).

[2] Подробно см.: Lorenz 1870: 183-186. Текст хроники с упомянутым известием о Куликовской битве см.: Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. T. 3. P. 114-115. Там же краткое известие об этой битве торунского анналиста, не содержащее интересующих нас деталей, кроме указания места боя — «Blowasser» (P. 114).

участвовали в ганзейском съезде в июне 1381 г. Это был крупный съезд, на котором обсуждался ряд вопросов, непосредственно относившихся к Новгороду[1].

Несомненно, что хроника Детмара, хроника Позильге и «Вандалия» Альберта Кранца в данном известии имеют общий немецкий источник. Это доказывается их общей географической ошибкой: они сообщают, что «великая битва» русских с татарами в 1380 г. произошла «у Синей Воды» («bi Blowasser», «bie dem Bloen Wassir»), причем даже латинский текст Кранца дает название по-немецки («Flawasser»). Ошибка объясняется тем, что новгородцы подверглись разбойному нападению литовцев при своём возвращении с Куликова поля. Дождавшись исхода битвы и не оказав обещанной помощи Мамаю, литовцы захотели отнять военную добычу у той части победителей, которая направилась в Новгород вдоль литовского рубежа. Сражение новгородцев с литовцами произошло, вероятно, у берегов речки Синяя Тулица. Это приток Тулицы, являющейся правым притоком Упы – в семи километрах на северо-восток и от теперешней Тулы и в семидесяти километрах севернее места сражения с тарами не Куликовом поле.

Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывавшиеся о союзниках Мамая, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, возвращавшееся в Москву. Эти летописи сообщают о враждебных действиях князя Олега Рязанского в отношении тех, «кто поехалъ с Доновьского побоища домовь, въсквозе его отчину Рязанскую землю», хотя это были не боевые столкновения военных отрядов, а всего лишь случаи задержания отдельных лиц, затем отпущенных после отнятия добычи: «велелъ имати и грабити, и нагих пущати» (ПСРЛ. VI. Вып 1: 469; ср.: ПСРЛ. VIII: 41; ПСРЛ. XXV: 205 и др.).

Остается признать единственно приемлемым самое естественное объяснение. Немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также татары: часть бежавших с Куликова поля ордынцев могла присоединиться к литовским отрядам.

О том, что это нападение реально произошло, позволяет судить источник, независимый от новгородской устной традиции. Сохранилась запись Епифания Премудрого, бывшего тогда монахом Троице-Сергиева монастыря, на богослужебной рукописи, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): «*Весть приде, яко литва грядут с агаряны*» (т. е. с татарами) (Срезневский 1882: 241). Эта весть, заставшая, по-видимому, войско Дмитрия Донского на подходе к Коломне, вероятно, и побудила его приостановить здесь с 21 сентября на четыре дня свое обратное движение к Москве[2].

---

[1] См.: Die Recesse und andere Acten der Hansetage von 1256-1430. Leipzig, 1872. Bd 2. S. 278-288, 1875. Bd 3. S. 329-330. С 1381 по 1386 г. (до которого доведена впервые включившая это известие хроника Детмара) состоялось еще много ганзейских съездов, причем свыше десяти — в Любеке. Но они были менее связаны с Новгородом.

[2] Об остановке в Коломне см., например: ПСРЛ. XI: 67.

Однако столкновение с новгородцами, надо думать, достаточно исчерпало военный потенциал литовского войска, а отнятая добыча побуждала вернуться, не подвергая себя риску сражения с более крупными русскими силами. Остатки же новгородского отряда, очевидно, и принесли в Новгород вести, которые попали к немецким хронистам от новгородских участников ганзейского съезда 1381 года.

Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 года. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней русских войск за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточно существенным для закрепления в летописи[1].

Но в 1381 году в Новгороде возводят два каменных храма: Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле. Старшие летописи Новгорода сообщили об этом скупо. Однако уже из одного факта постройки церкви в честь небесного покровителя Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы очевидна связь одного события с другим. Сохранилась краткая летопись самого храма Дмитрия Солунского. В ней говорится, что храм был возведен «по обещанию великаго князя Димитрия Донского», данному во время сражения на Куликовом поле[2]. Новгородская Погодинская летопись указала, что церковь заложена «по завету о победе на Мамая»[3], что это — церковь, «обещанная, чтобы Бог пособил победити Мамая безбожнаго князю Димитрию»[4].

Что касается храма Рождества Христова, на Поле то его синодик даже называл Дмитрия Донского создателем этой церкви в 1381 году[5]. Постройка церкви «по обещанию», по «завету», даваемому в критических обстоятельствах, — довольно обычное явление в средневековой Руси. Но, естественно, что Дмитрий Иванович не был бы причастен к постройке этих церквей, если бы Новгород, в нарушение договора с ним, не принял участия в войне. Если обещание самого великого князя расценивать как позднейший домысел летописца церкви Дмитрия Солунского, то в таком случае построить в Новгороде «обещанную» церковь в связи с войной 1380 г. могли только участвовавшие в этой войне новгородцы.

Девяносто семь лет назад был опубликован древний новгородский синодик, принадлежавший некогда церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Основная часть синодика была переписана в середине XVI века. В этой части содержится поминовение «на Дону избиеных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи». Несомненно, что речь здесь идет именно о павших в 1380 г. новгородцах, так как все остальные поминания этого раздела синодика явно

---

[1] Новгородские летописи того времени не раз умалчивали и о других военных мероприятиях новгородцев. Сведения о происходивших в тот же период походах новгородских ушкуйников известны по преимуществу из неновгородских источников, хотя эти походы сопровождались даже взятием важных городов и возглавлялись иногда видными новгородскими боярами, один из которых впоследствии был даже посадником. См. исследование о походах ушкуйников XIV-XV вв. в кн.: Бернадский 1961: 36-51.

[2] Азбелев 1958: 367-368. Здесь опубликован полный текст.

[3] ГИМ, собр. Черткова, № 331, л. 135 (первоначальная редакция летописи).

[4] РГБ, собр. ОИДР, № 129, л. 45 об. (краткая редакция летописи). Подробнее см. в статье: Азбелев 1971.

[5] Макарий 1860: 558-559. Кроме Дмитрия Донского синодик называл здесь 13 других имен, среди которых на первом месте стояло имя Андрей (это могли быть оставшиеся в живых новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г.). Архимандрит Макарий сообщал, что синодик был переписан с древнего в XVIII в.

относятся только к жителям Новгорода и Новгородской земли, погибшим в разных военных столкновениях более чем за 200 лет: с 1240 по 1456 г.[1] Последним по хронологии является поминовение новгородцев, погибших в 1456 году под Руссой от войск Василия Темного, когда потерпевший поражение новгородский отряд составлял 5000 воинов (Соловьев 1960, кн.2: 424-425). Но в синодике нет поминания павших в 1471 г. в Шелонской битве от войск Ивана III, когда было побеждено новгородское ополчение, потерявшее только убитыми 12 000 человек (Соловьев 1960, кн. 3: 19). Это свидетельствует, что оригинал интересующей нас части синодика был написан, во всяком случае, ранее 1471 г. Следовательно, эта часть синодика завершена в то время, когда после войны 1380 г. прошло от 76 до 90 лет, т. е. ещё при сыновьях участников этой войны.

Таким образом, упоминание синодика о новгородцах, убитых на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче, заслуживает полного доверия. Это прямое свидетельство надёжного источника окончательно убеждает в том, что непосредственное участие новгородцев в войне 1380 года — исторический факт[2].

Из совокупности показаний других источников следует, что участие это было ограниченным. Новгород принял решение о вступлении в войну, по-видимому, позже, чем того ожидал великий князь Дмитрий Иванович, а задержка явилась причиной малочисленности новгородского отряда. Естественно, что в Москве это запоздание могли истолковать как маневр, позволивший уклониться от участия в войне большими силами.

5

Следует обратиться ещё раз к первоначальной версии Сказания о новгородцах. Исследователи не раз отмечали чрезвычайную близость текста, который мы обозначили как *вариант 4,* и одного из фрагментов так называемой Задонщины. Он содержится в ее эпизоде, описывающем сбор войск и находящемся в четырех рукописях. Три из них дают сходный текст, в четвертой пассаж о новгородцах имеет существенное отличие.

---

[1] Приводим полностью соответствующий отрывок: «Покои Господи избиенных на Неве от немець при велицем князе Александре Ярославичи и княжих воевод, и новгородцькых воевод, и всех избиеных братии нашей; и на ледом избиеных от нимець братии нашей; и на Ракоборе избиеных от немець братии нашей; и у Венца избиеных от немец при князе Андреи; и у Выбора избиеных от немець братии нашей при князе Юрьи; и в Орехове скончавшихся братии нашей; и под Корельским городом избиеных от немець братии нашей; и на Нарове избиеных при князе Александре Ярославлице; и на Мурманех, и на Печере, и в Перме и на Югре избиеных братин нашей; и под Псковом избиеных братии нашей; и в полону скончавшихся братии нашей, и в поганьском языкы; и на Дону избиеных братии нашей при велицем князе Дмитреи Ивановичи; и под Торжком избиеных братии нашей от князя Михаила, и згоревших от огня в Торьжку; и в Новомгороде избиеных братии нашей; и на Русе избиеных боляр новгородцкых и иных братию нашю от князя Василья Васильевича» (см.: Шляпкин 1911: 6-7 отдельной пагинации). Приведённый нами выше контекст свидетельствует о безосновательности предположения М.Н. Тихомирова и Л.А. Дмитриева относительно того, что слова «на Дону избиеных <...> Дмитреи Ивановичи» «могли быть взяты из общего поминовения убитых в битве 1380 г.» (Повести 1959: 287).

[2] Своим сомнениям относительно того, что новгородцы участвовали в сражении на Куликовом поле, посвятил недавно статью археолог Г.Е. Дубровин. Дабы рассеять его сомнения, я показал ложность доводов этого автора. Сперва – кратко (Азбелев 2006: 73-78), а затем – развёрнуто (Азбелев 2007: 257-270).

Приводим этот фрагмент в контексте по обеим его разновидностям. В рукописи из собрания Ундольского (далее сокращенно: У) читается: «*На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Рускои, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезе. Звонять в колоколы вечныя в Великом Новегороде, стоят мужи новгородцкие у Софеи премудрые, а ркут тако: "Уже нам, брате, не поспеть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю". И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андреевичю. К славному граду Москве сьехалися вси князи руские, а ркут таково слово: "У Дуная стоят татаровя поганые, и Момаи царь на реки на Мечи, межу Чюровым и Михайловым брести хотят, а предати живот свои нашей славе"*» (ПКЦ 1998: 113). Аналогичный текст в рукописях Музейского собрания (далее сокращенно: М) и Синодального (далее сокращенно: С)[1]. Легко заметить, что пассаж о новгородцах полностью согласуется в существе с первоначальной версией нашего Сказания и даже близок к ней текстуально. Но численность новгородского войска здесь не 13 тысяч, а 7 тысяч.

Приводим вторую разновидность этого фрагмента в Задонщине — по рукописи Кирилло-Белозерского собрания (далее сокращенно: К-Б). «*Кони ржуть на Москве, бубны бьють на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли Русськои. Чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светяться калантыри злачены. Звонят колоколи вечнии в Великом в Новегороде, стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: "Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети". Тогды аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так: "Господине князь великыи, уже погании татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають, стоят межю Доном и Днепромь на рице на Чече. И мы, господине, поидемь за быструю реку Дон, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память"*» (ПКЦ 1998: 89). Как видим, здесь ничего не говорится о выезде новгородского войска: речь идет только о «жалобе» новгородцев по поводу того, что они не успевают прибыть на помощь великому князю московскому.

Сопоставим внимательно эти тексты. Первое впечатление, что во втором отрывке пропущена фраза о выступлении новгородцев в поход, оказывается ошибочным. Очевидно, что как раз отрывок, где нет фразы о выезде новгородцев, передает первоначальный текст, а вторичный текст — в другом отрывке, где эта фраза является вставкой. В тексте К-Б пассаж о съезде князей начинается трехчленной формулой отрицательного параллелизма: «аки орли слетошася» — «не орли слетошася» — «съехалися все князи русскыя». В тексте же У в результате неловкого включения фразы о выезде новгородцев оказались две стилистические неувязки. Во-первых, сравнение съезда князей со *слётом* орлов неудачно перенесено на *выезд* новгородцев: «аки орли слетешася» — «не орли слетешся» — «выехали посадники».

[1] Они отличаются по существу только цифрой численности новгородского отряда — 70 000.

Во-вторых, в результате такого переноса первых двух частей этой формулы ее третья часть, где речь идет о съезде князей, оказалась не связана стилистически с предшествующим текстом[1]. Эта вторая стилистическая неловкость еще более заметна в рукописи М, где читается следующее: «И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешеся, и выехали посадники из Великого Новагорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондреевичю на пособье к славъному граду Москве. То те сьехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондреевичю, а рькучи им...» (и т.д.)[2].

Не станем вдаваться здесь в рассмотрение общего взаимоотношения рукописей Задонщины. Заметим только, что разделяем в принципе точку зрения Е.В. Барсова и согласных с ним исследователей относительно того, что рукопись К-Б отразила раннюю редакцию Задонщины (ср.: Барсов 1887. Т. 1: 437-438). В работах И.И. Срезневского, П.Н. Полевого, И.П. Хрущова, А.Н. Пыпина, В.Ф. Ржиги, В.П. Адриановой-Перетц и других исследователей было высказано и обосновано мнение, что Задонщина возникла первоначально как произведение устной поэзии[3]. Фундаментально этот тезис был доказан в исследовании А.И. Никифорова (Никифоров 1940, папка 1: 79-261). Нам представляется, что основу всех дошедших рукописей Задонщины составило устное героическое сказание Софония. Одну из разновидностей этого Сказания о Задонщине отразила рукопись К-Б, восходящая к записи устного текста на слух или по памяти.

Сопоставим эти данные о происхождении Сказания о Задонщине с выводами относительно исторической основы Сказания о новгородцах. Созданное вскоре после Куликовской битвы для прославления ее живых героев и оплакивания погибших, Сказание о Задонщине отражало в первую очередь настроения московского великого князя, его «подручных» князей и бояр. Это ясно видно из содержания. Новгородские бояре не входили в состав вассалов Дмитрия Донского, которые прибыли, очевидно, к нему по первому зову со всеми своими военными силами. И Софоний счел, как видно, уместным напомнить в своей «похвале» о том, что новгородцы слишком поздно стали «звонить в колоколы вечные». Ясно, что фраза о новгородцах в тексте К-Б имеет в виду именно это. Если бы Софоний думал, что Новгород вообще «не успел» принять участия в войне, то такие сведения вряд ли получили бы освещение в этом героическом Сказании, а если бы и были упомянуты, то совсем в иных выражениях и в ином контексте[4].

[1] Это наблюдение принадлежит А.А. Зимину (см.: Зимин 1966: 27).

[2] ПКЦ 1998: 127. В рукописи С фраза о князьях оказалась пропущена, что не улучшило стилистический облик текста, но исказило смысл: «Як тые слова измолвим, а уже какъ орли слетишася, выехали посадники все из Великого Новогорода 70 000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андреевичу на пособъ ко славному граду Москве: "У Дону великого стоят татарове поганыи... "» и т.д. (Там же: 98). В результате ошибки - пропуска фразы о съезде князей – оказалось, будто бы вести о продвижении татар приносят в Москву новгородцы, в устах которых, учитывая географическое положение Новгорода, это, конечно, выглядит весьма неожиданно.

[3] Подробно об этом см.: Азбелев 2001: 79-98.

[4] Вместе с тем, очевидно, что цитированная выше фраза о новгородцах не является позднейшим привнесением в тексте К-Б, добавленным после записи устного оригинала. Присутствие этого пассажа в самом устном сказании подтверждает так называемый печатный вариант «основной» редакции Повести о Мамаевом

Надо полагать, что, когда устное Сказание о Задонщине оказалось занесено в Новгород, пассаж о новгородцах был воспринят здесь совсем иначе, чем в Москве. Новгородцев такое упоминание должно было серьезно задеть. Появилось естественное стремление «продолжить» фразу Софония о новгородцах, сообщив, что происходило после упомянутого им веча. Подобного рода «продолжения» и «ответы» представляют собой доныне весьма распространённое явление в устной традиции[1]. Сказание о новгородцах как раз и явилось таким продолжением соответствующего пассажа Сказания о Задонщине и одновременно ответом на ту реакцию, которую оно вызывало, без сомнения, в Новгороде.

Само же Сказание о новгородцах в свою очередь, вероятно, стало широко известно. Его даже привлёк составитель позднейшей редакции Задонщины. В этой редакции было использовано не только более раннее Сказание о Задонщине, принадлежавшее самому Софонию, но, очевидно, и несколько других аналогичного рода сказаний, появившихся после Куликовской битвы. Среди них было и Сказание о новгородцах. Если в дошедшем до нас виде оно преувеличило численность новгородского отряда (скорее всего, под влиянием сведений о тринадцати погибших в этой войне новгородских боярах) до 13 тысяч, то Задонщина сохранила, вероятно, более раннюю и близкую к истине цифру — семь тысяч[2].

Мы не знаем, присутствовало ли упомянутое дополнение уже в устном сказании о Задонщине. Разобранные выше текстовые фрагменты свидетельствуют, о том, что вставка была внесена непосредственно в письменный пратекст рукописей У, М и С. Эта редакция Задонщины включила из того же Сказания о новгородцах и перечень числа убитых бояр, который использован также в Повести о Мамаевом побоище и который рассматривался выше.

Так как мы не располагаем пока ни одной отдельной записью всего Сказания о новгородцах, восстановление первоначального состава этого произведения – дело будущего.

Однако уже теперь есть все основания утверждать, что это Сказание было создано на основе реальных фактов. Последующая эволюция его происходила, как можно судить по имеющимся материалам, в двух направлениях: в сторону сокращения и в сторону распространения. Как в первом, так и во втором случае происходили контаминации с другими устными произведениями о событиях 1380 г. В результате сокращения Сказание, может быть, свелось, наконец, к одному только

побоище. Пратекст этой разновидности ее особенно обильно использовал вставки из Сказания о Задонщине, но вставки эти взяты не по рукописи, сходной с К-Б, а либо из устного источника, либо по другой записи, весьма отличной от К-Б. Одна из таких вставок в сходном контексте передает ту же фразу о новгородцах: «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ многогласно и часто коне ржуть. Звенить слава по всей Руской земли. Велико вечье бьютъ в Великом Новеграде, стоят мужи Новъгородцы у святыя Софеи премудрости Божия, а ркучи межу собою таковое слово: "Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию. Уже бо яко орли слеталися со всей Руской земли, съехалися дивныя удалцы храбрыхь своих пытати"» (Поведание 1838: 26-27).

[1] См. например: Очерки 1952: 39. В подобных случаях порой выражают уверенность, что перед нами новое явление в фольклоре. Однако дело, по-видимому, просто в том, что такие явления возникают лишь в определенных ситуациях, которые случались и ранее, но прежде наукой не фиксировались.

[2] Упоминание о выезде семитысячного новгородского войска попало и в большинство списков Вологодско-Пермской летописи (см.: ПСРЛ. XXVI: 130).

эпизоду — прибытию новгородского отряда, численность которого, однако, сильно увеличилась по сравнению с первоначальной версией. Контаминация с локальным историческим преданием дала семейную редакцию Сказания.

Сама же краткая версия повлияла, очевидно, на редактирование Никоновской летописи (Азбелев 2015: 324-325). Основой обоих внесенных её редактором дополнений послужило довольно неуклюжее косвенное использование непопулярного тогда в Москве новгородского устного источника. Это была как раз та разновидность Сказания о новгородцах, которая существовала в живом репертуаре вплоть до конца XVII века, когда она отразилась в Новгородской Забелинской летописи.

Пространная версия возникла на основе достаточно характерной для исторического фольклора тенденции подробно объяснить сообщаемые факты. Приходится думать, что эта версия развилась в культурной среде опытных носителей устной традиции Великого Новгорода. Источником распространения был не только художественный домысел, которому почти целиком обязаны, вероятно, два первых эпизода, а в значительной степени — и содержание трех остальных. Не были выдуманы имена новгородских воевод, хотя нельзя, конечно, утверждать, что все эти имена в одинаковой степени историчны. Историческое предание, из которого они только и могли быть взяты, само, вероятно, прошло некоторую эволюцию ко времени его контаминации с героическим сказанием. К подобного же рода преданию восходят, видимо, и имена купцов, принесших якобы первыми в Новгород весть об угрозе Москве.

Несомненно, что после событий 1380 года в Новгороде, как и повсеместно на Руси, циркулировало немало связанных с ними устных рассказов, часть которых выкристаллизовалась затем в предания. Эти предания, конечно, далеко не во всем были достоверны. Очень возможно, что та версия Сказания о новгородцах, которая дошла в виде литературно обработанного *варианта 1*, бережно сохранялась и даже культивировалась после утраты Новгородом независимости в промосковски настроенной части потомков политических деятелей Новгородской республики. Именно они могли быть более всего заинтересованы в той идеализированной трактовке событий, какая присутствовала, в устном оригинале *варианта 1*.

После включения в состав единого Русского государства Новгород в течение еще столетия сохранял положение в нескольких отношениях исключительное. Благодаря этому продолжало культивироваться идейно-художественное наследие периода его независимости. Только жестокий разгром Иваном IV, а несколько позднее и разорение в период шведской оккупации начала XVII века уравняли Новгород с другими крупными городами России. Но в области культуры традиции прошлого продолжали еще жить вплоть до XVIII столетия.

С конца XVII века получает широкое распространение Синопсис — первая печатная книга по русской истории, за 100 с лишним лет изданная более 20 раз. В состав Синопсиса вошла одна из сокращённых редакций Повести о Мамаевом побоище, в которой сведения об участии в войне 1380 г. новгородцев были исключены. Из Синопсиса данная редакция Повести перешла в массовые издания настенных лубочных листов с изображениями подвига Пересвета и без упоминаний

о роли новгородцев. Таковы те внешние причины, которые привели к постепенному исчезновению Сказания о новгородцах из устного репертуара.

Основанное на исторических фактах, это сказание было порождено стремлением отстоять престиж Великого Новгорода перед Москвой в период его независимости. После утраты этой независимости Сказание поддерживалось воспоминаниями о ней и существованием локальных преданий о новгородцах — участниках событий 1380 года. Позднее оно разделило, очевидно, судьбу почти всех устных произведений об этих событиях: оказалось вытеснено печатной продукцией, которая предлагала адаптированное переложение Повести о Мамаевом побоище.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1951 - *Адрианова-Перетц В.П.* Историческая литература X – начала XV в. и народная поэзия // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М.; Л., 1951.

Азбелев 1958 - *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958.

Азбелев 1966 - *Азбелев С.Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260-302.

Азбелев 1966а - *Азбелев С.Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 81-66.

Азбелев 1971 - *Азбелев С.Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сборник статей к 60-летию В.В. Мавродина. Л., 1971.

Азбелев 1971а - *Азбелев С.Н.* Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.

Азбелев 1976 - *Азбелев С.Н.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. М., 1976.

Азбелев 2001 - *Азбелев С.Н.* Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001.

Азбелев 2006 - *Азбелев С.Н.* Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело: Альманах. Великий Новгород, 2006. № 1 (25).

Азбелев 2007 - *Азбелев С.Н.* Новгород и Куликовская битва // Новгород и Новгородская земля: История и археология. (Материалы научной конференции: Новгород, 23-25 января 2007). Вып. 21. Великий Новгород, 2007.

Азбелев 2015 - *Азбелев С.Н.* Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летою со дня рождения). СПб., 2015.

Азбелев 2016а - *Азбелев С.Н.* Летописание Великого Новгорода: Летописи XI-XV веков как памятники культуры и как исторические источники. СПб.; М., 2016. 280 с.

Азбелев 2016б - *Азбелев С.Н.* Место сражения на Куликовом поле по летописным данным // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65).

Арциховский и Борковский 1963 - *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963.

Барсов 1872 - *Барсов Е.* Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. Кн. 5.

Барсов 1887 - *Барсов Е.В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М., 1881.

Бегунов 1966 - *Бегунов Ю.К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.

Бернадский 1961 - *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

ГИМ - Государственный исторический музей, Отдел рукописей.

Греков и Якубовский 1950 - *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Дмитриев 1966 - *Дмитриев Л.А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.

Зимин 1966 - *Зимин А.А.* Две редакции «Задонщины» // Труды Московского гос. историко-архивного института. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР. Вып. 2. М., 1966.

Иловайский 1880 - *Иловайский Д.* Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880.

ИРЛИ - Институт русской литературы РАН, Рукописный отдел.

Карамзин 1892 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. СПб., 1892.

Макарий 1860 - *Макарий, архимандрит*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Часть 1. М., 1860.

Никитский 1870 - *Никитский А.И.* Военный быт в Великом Новгороде XI-XV ст. (Исторический очерк) // Русская старина. 1870. Т. 1.

Никифоров 1940 - *Никифоров А.И.* «Слово о полку Игореве» – былина XII века. Л., 1940 (машинопись) // ИРЛИ: разряд V, коллекция 120, папки 1-4.

Очерки 1952 - Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. М., 1952.

ПКЦ 1998 - Памятники Куликовского цикла / Составители: А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. СПб., 1998.

Поведание 1838 - Поведание и Сказание о побоищи великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго / Изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. Т. 3. Кн. 1. М., 1838.

Повести 1959 - Повести о Куликовской битве / Издание подготовили М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.

Пресняков 1918 - *Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПСРЛ. IV. Часть 1 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. VI. Вып. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. VI. Выпуск 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ. VIII - Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Воскресенская летопись. СПб., 1859.

ПСРЛ. XI - Полное собрание русских летописей. Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1897.

ПСРЛ. XV. Вып. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. XV. Выпуск 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ. XVIII - Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ПСРЛ. XXV - Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод. М.; Л., 1949.

ПСРЛ. XXVI - Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

ПСРЛ. XXX - Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Новгородская вторая летопись. М., 1965.

Путилов 1961 - *Путилов Б.Н.* Куликовская битва в фольклоре // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 17. М.; Л., 1961.

Рабинович 1949 - *Рабинович М.Г.* Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII-XV вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. XXX. М.; Л., 1949.

РГБ - Российская государственная библиотека, Отдел рукописей.

РНБ - Российская национальная библиотека, Отдел рукописей.

Русские повести 1958 - Русские повести XV-XVI веков / Составитель М.О. Скрипиль. Л., 1958.

Соловьев 1845 - *Соловьев С.М.* Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845.

Соловьев 1860 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960.

Срезневский 1882 - *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков). Изд. 2-е. СПб., 1882.

Тихомиров 1955 - *Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 года // Вопросы истории. 1955. № 8.

Черепнин 1945 - *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. Т. 14. М., 1945.

Шамбинаго 1906 - *Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. 375 с. + [Тексты] 190 с.

Шахматов 1910 - *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910.

Шляпкин 1911 - *Шляпкин И.А.* Синодик 1552-1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск 5. Новгород, 1911.

Янин 2003 - *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003.

Krantz 1619 - *Krantz A.* Vandaliae. Hanoviae, 1619.

Lorenz 1870 - *Lorenz O.* Deutschlands Geschichisquellen in Mittelalter von der Mitte des Dreizehnten bis zum Ende Vierzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1870.

REFERENCES

Adrianova-Peretc 1951 - *Adrianova-Peretc V.P.* Istoricheskaja literatura X – nachala XV v. i narodnaja pojezija [Historical literature of X – the beginnings of the 15th century and national poetry], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 8 [Works of Department of Old Russian literature. Volume 8], Moscow; Leningrad, 1951 [in Russian].

Arcihovskij i Borkovskij 1963 - *Arcihovskij A.V., Borkovskij V.I.* Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956-1957 gg.) [The Novgorod diplomas on birch bark (from excavation of 1956-1957)], Moscow, 1963 [in Russian].

Azbelev 1958 - *Azbelev S.N.* Novgorodskie mestnye letopiscy [Novgorod local chroniclers], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Works of Department of Old Russian literature], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Azbelev 1966 - *Azbelev S.N.* Osnovnye ponjatija tekstologii v primenenii k fol'klornomu materialu [The basic concepts of textual criticism in application to folklore material], in: Principy tekstologicheskogo izuchenija fol'klora [Principles of textual studying of folklore], Moscow; Leningrad, 1966, pp. 260-302 [in Russian].

Azbelev 1966a - *Azbelev S.N.* Tekstologija kak vspomogatel'naja istoricheskaja disciplina [Textual criticism as auxiliary historical discipline], in: Istorija SSSR. 1966. № 4 [History USSR. 1966. No. 4], pp. 81-66 [in Russian].

Azbelev 1971 - *Azbelev S.N.* Mladshie letopisi Novgoroda o Kulikovskoj bitve [Younger chronicles of Novgorod about Battle of Kulikovo], in: Problemy istorii feodal'noj Rossii: Sbornik statej k 60-letiju V.V. Mavrodina [Problems of history of feudal Russia: The collection of articles to V.V. Mavrodin's 60 anniversary], Leningrad, 1971 [in Russian].

Azbelev 1971a - *Azbelev S.N.* Ustnye geroicheskie skazanija o Kulikovskoj bitve [Oral heroic legends on Battle of Kulikovo], in: Sovremennye problemy fol'klora [Modern problems of folklore], Vologda, 1971 [in Russian].

Azbelev 1976 - *Azbelev S.N.* Ob ustnyh istochnikah letopisnyh tekstov (na materiale Kulikovskogo cikla) [About oral sources of annalistic texts (on material of the Kulikovsky cycle)], in: Letopisi i hroniki [Chronicles and chronicles], Moscow, 1976 [in Russian].

Azbelev 2001 - *Azbelev S.N.* Fol'klorizm Zadonshhiny [Folklorizm of Zadonshchina], in: Dmitrij Donskoj i jepoha vozrozhdenija Rusi: Sobytija, pamjatniki, tradicii [Dmitry Donskoy and Renaissance of Russia: Events, monuments, traditions], Tula, 2001 [in Russian].

Azbelev 2006 - *Azbelev S.N.* Uchastie novgorodcev v Kulikovskoj bitve [Participation of Novgorodians in Battle of Kulikovo], in: Chelo: Al'manah [Forehead: Almanac], Velikij Novgorod, 2006, № 1 (25) [in Russian].

Azbelev 2007 - *Azbelev S.N.* Novgorod i Kulikovskaja bitva [Novgorod and Battle of Kulikovo], in: Novgorod i Novgorodskaja zemlja: Istorija i arheologija. (Materialy nauchnoj konferencii: Novgorod, 23-25 janvarja 2007). Vyp. 21 [Novgorod and Novgorod earth: History and archeology. (Materials of a scientific conference: Novgorod, on January 23-25, 2007). Release 21], Velikij Novgorod, 2007 [in Russian].

Azbelev 2015 - *Azbelev S.N.* Ob unikal'nyh izvestijah Nikonovskoj letopisi [About unique news of the Nikonovsky chronicle], in: Akademik A.A. Shahmatov: Zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letoju so dnja rozhdenija) [Academician A.A. Shakhmatov: Life, creativity, scientific heritage (to a 150-leta since birth)], St. Petersburg, 2015 [in Russian].

Azbelev 2016a - *Azbelev S.N.* Letopisanie Velikogo Novgoroda: Letopisi XI-XV vekov kak pamjatniki kul'tury i kak istoricheskie istochniki [Annals of Veliky Novgorod: Chronicles of the 11-15th centuries as monuments of culture and as historical sources], St. Petersburg; Moscow, 2016, 280 p. [in Russian].

Azbelev 2016b - *Azbelev S.N.* Mesto srazhenija na Kulikovom pole po letopisnym dannym [The place of battle on Kulikovo Field according to annalistic data], in: Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Ancient Russia: Mediyevistika questions], 2016, № 3 (65) [in Russian].

Barsov 1872 - *Barsov E.* Petr Velikij v narodnyh predanijah Severnogo kraja [Peter the Great in national legends of the Northern region], in: Beseda. 1872. Kn. 5 [Conversation. 1872. Book 5] [in Russian].

Barsov 1887 - *Barsov E.V.* Slovo o polku Igoreve kak hudozhestvennyj pamjatnik Kievskoj druzhinnoj Rusi. T. 1 [Tale of Igor's Campaign as art monument Kiev team of Russia. Volume 1], Moscow, 1881 [in Russian].

Begunov 1966 - *Begunov Ju.K.* Ob istoricheskoj osnove «Skazanija o Mamaevom poboishhe» [About a historical basis of «The legend on Mamayevy slaughter»], in: «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla [«Tale of Igor's Campaign» and monuments of the Kulikovsky cycle], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].

Bernadskij 1961 - *Bernadskij V.N.* Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke [Novgorod and the Novgorod earth in the 15th century], Moscow; Leningrad, 1961 [in Russian].

Cherepnin 1945 - *Cherepnin L.V.* «Smuta» i istoriografija XVII veka [«Distemper» and historiography of the 17th century], in: Istoricheskie zapiski. T. 14 [Historical notes. Volume 14], Moscow, 1945 [in Russian].

Dmitriev 1966 - *Dmitriev L.A.* Vstavki iz «Zadonshhiny» v «Skazanii o Mamaevom poboishhe» kak pokazateli po istorii teksta jetih proizvedenij [Inserts from Zadonshchina in «The legend on Mamayevy slaughter» as indicators on stories of the text of these works], in: «Slovo o polku Igoreve» i pamjatniki Kulikovskogo cikla [«Tale of Igor's Campaign» and monuments of the Kulikovsky cycle], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].

GIM - Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, Otdel rukopisej [State Historical Museum, Department of manuscripts] [in Russian].

Grekov i Jakubovskij 1950 - *Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju.* Zolotaja Orda i ee padenie [Golden Horde and its falling], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Ilovajskij 1880 - *Ilovajskij D.* Kulikovskaja pobeda Dmitrija Ivanovicha Donskogo [Kulikovsky victory of Dmitry Ivanovich Donskoy], Moscow, 1880 [in Russian].

IRLI - Institut russkoj literatury RAN, Rukopisnyj otdel [Institute of the Russian literature of RAS, Hand-written department] [in Russian].

Janin 2003 - *Janin V.L.* Novgorodskie posadniki [Novgorod posadnik], Moscow, 2003 [in Russian].

Karamzin 1892 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. 5 [History of the state Russian. Volume 5], St. Petersburg, 1892 [in Russian].

Krantz 1619 - *Krantz A.* Vandaliae [Vandaliya], Hanoviae, 1619 [in German].

Lorenz 1870 - *Lorenz O.* Deutschlands Geschichisquellen in Mittelalter von der Mitte des Dreizehnten bis zum Ende Vierzehnten Jahrhunderts [Germany in the Middle Ages from the middle of the thirteenth up to the end the fourteenth centuries], Berlin, 1870 [in German].

Makarij 1860 - *Makarij, arhimandrit.* Arheologicheskoe opisanie cerkovnyh drevnostej v Novgorode i ego okrestnostjah. Chast' 1 [The archaeological description of church antiquities in Novgorod and its vicinities. Part 1], Moscow, 1860 [in Russian].

Nikiforov 1940 - *Nikiforov A.I.* «Slovo o polku Igoreve» – bylina XII veka. Leningrad, 1940 (mashinopis') [«Tale of Igor's Campaign» – the bylina of the 12th century. Leningrad, 1940 (typewriting)], in:

IRLI: razrjad V, kollekcija 120, papki 1-4 [Institute of the Russian literature: category V, collection 120, folders 1-4] [in Russian].

Nikitskij 1870 - *Nikitskij A.I.* Voennyj byt v Velikom Novgorode XI-XV st. (Istoricheskij ocherk) [Military life in Veliky Novgorod the XI-XV St. (Historical sketch)], in: Russkaja starina. 1870. T. 1 [Russian old times. 1870. Volume 1] [in Russian].

Ocherki 1952 - Ocherki russkogo narodnopojeticheskogo tvorchestva sovetskoj jepohi [Sketches of the Russian narodnopoetichesky creativity of the Soviet era], Moscow, 1952 [in Russian].

PKC 1998 - Pamjatniki Kulikovskogo cikla / Sostaviteli: A.A. Zimin, B.M. Kloss, L.F. Kuz'mina, V.A. Kuchkin [Monuments of the Kulikovsky cycle / Originators: A.A. Zimin, B.M. Klos, L.F. Kuzmina, V.A. Kuchkin], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

Povedanie 1838 - Povedanie i Skazanie o poboishhi velikago knjazja Dimitrija Ivanovicha Donskago / Izd. I. Snegireva [Povedaniye and Legend on slaughter of the grand duke Dimitrii Ivanovich Donskago/Prod. I. Snegireva], in: Russkij istoricheskij sbornik. T. 3. Kn. 1 [Russian historical collection. Volume 3. Book 1], Moscow, 1838 [in Russian].

Povesti 1959 - Povesti o Kulikovskoj bitve / Izdanie podgotovili M.N. Tihomirov, V.F. Rzhiga, L.A. Dmitriev [Stories about the Battle of Kulikovo / Edition were prepared by M.N. Tikhomirov, V.F. Rzhiga, L.A. Dmitriyev], Moscow, 1959 [in Russian].

Presnjakov 1918 - *Presnjakov A.E.* Obrazovanie velikorusskogo gosudarstva: Ocherki po istorii XIII-XV stoletij [Formation of the great Russian state: Sketches on history XIII-XV of centuries], Petrograd, 1918 [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete collection of the Russian chronicles. Volume III Novgorod first chronicle of the senior and younger izvod], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. IV. Chast' 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Chast' 1. Novgorodskaja chetvertaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Part 1. Novgorod fourth chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. VI. Vyp. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VI. Vypusk 1. Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VI. Release 1. Sofia first chronicle of the senior recension], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. VIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VIII. Voskresenskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VIII. Voskresensky chronicle], St. Petersburg, 1859 [in Russian].

PSRL. XI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XI. Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XI. Patriarchal or Nikonovsky chronicle], St. Petersburg, 1897 [in Russian].

PSRL. XV. Vyp. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XV. Vypusk 1. Rogozhskij letopisec [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XV. Release 1. Rogozhsky chronicler], Petrograd, 1922 [in Russian].

PSRL. XVIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XVIII. Simeonovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XVIII. Simeonovsky chronicle], St. Petersburg, 1913 [in Russian].

PSRL. XXV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXV. Moscow annalistic arch], Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

PSRL. XXVI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXVI. Vologodsko-Permskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXVI. Vologda and Perm chronicle], Moscow; Leningrad, 1959 [in Russian].

PSRL. XXX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXX. Novgorodskaja vtoraja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXX. Novgorod second chronicle], Moscow, 1965 [in Russian].

Putilov 1961 - *Putilov B.N.* Kulikovskaja bitva v fol'klore [Battle of Kulikovo in folklore], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 17 [Works of Department of Old Russian literature. Volume 17], Moscow; Leningrad, 1961 [in Russian].

Rabinovich 1949 - *Rabinovich M.G.* Voennaja organizacija gorodskih koncov v Novgorode Velikom v XII-XV vv. [The military organization of the city ends in Veliky Novgorod in the 12-15th centuries], in: Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury. XXX [Short

messages on reports and field researches of Institute of history of material culture. Volume 30], Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

RGB - Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka, Otdel rukopisej [Russian state library, Department of manuscripts] [in Russian].

RNB - Rossijskaja nacional'naja biblioteka, Otdel rukopisej [National Library of Russia, Department of manuscripts] [in Russian].

Russkie povesti 1958 - Russkie povesti XV-XVI vekov / Sostavitel' M.O. Skripil' [Russian stories of the 15-16th centuries / Originator M.O. Skripil], Leningrad, 1958 [in Russian].

Shahmatov 1910 - *Shahmatov A.A.* Otzyv o sochinenii S. Shambinago: Povesti o Mamaevom poboishhe [Review of S. Shambinago's composition: Stories about Mamayevy slaughter], in: Otchet o dvenadcatom prisuzhdenii Imperatorskoj akademieju nauk premij mitropolita Makarija v 1907 godu [The report on the twelfth award Imperial academy sciences of awards of the metropolitan Makari in 1907], St. Petersburg, 1910 [in Russian].

Shambinago 1906 - *Shambinago S.K.* Povesti o Mamaevom poboishhe [Stories about Mamayevy slaughter], St. Petersburg, 1906, 375 p. + [Teksty] 190 p. [in Russian].

Shljapkin 1911 - *Shljapkin I.A.* Sinodik 1552-1560 g. Novgorodskoj Borisoglebskoj cerkvi [Sinodik 1552-1560. Novgorod Borisoglebsk church], in: Sbornik Novgorodskogo obshhestva ljubitelej drevnosti. Vypusk 5 [Collection of the Novgorod society of fans of antiquity. Release 5], Novgorod, 1911 [in Russian].

Solov'ev 1845 - *Solov'ev S.M.* Ob otnoshenii Novgoroda k velikim knjaz'jam [About the attitude of Novgorod towards grand dukes], Moscow, 1845 [in Russian].

Solov'ev 1860 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since the most ancient times], Moscow, 1960 [in Russian].

Sreznevskij 1882 - *Sreznevskij I.I.* Drevnie pamjatniki russkogo pis'ma i jazyka (X-XIV vekov). Izd. 2-e [Ancient monuments of the Russian letter and language (10-14th centuries). Edition 2], St. Petersburg, 1882 [in Russian].

Tihomirov 1955 - *Tihomirov M.N.* Kulikovskaja bitva 1380 goda [Battle of Kulikovo of 1380], in: Voprosy istorii [History questions. 1955. No. 8], 1955, № 8 [in Russian].

Zimin 1966 - *Zimin A.A.* Dve redakcii «Zadonshhiny» [Two editorial offices of Zadonshchina], in: Trudy Moskovskogo gos. istoriko-arhivnogo instituta. T. 24. Voprosy istochnikovedenija istorii SSSR. Vyp. 2 [Works the Moscow state. historical and archival institute. T. 24. History USSR source study questions. Release 2], Moscow, 1966 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич – Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.
Sergey Azbelev– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: azbelev@mail.ru

УДК 904

KIRPEHNEN/ПОВАРОВКА-1 И KIRPEHNEN-II/ПОВАРОВКА-2: ДАННЫЕ РАСКОПОК

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

В конце XIX – начале XX вв. частичным раскопкам подвергся грунтовой могильник Kirpehnen/Поваровка-1, расположенный на Янтарном берегу. В статье представлены воссозданные по архивным данным комплексы раннеримского времени, выявленные в результате упомянутых работ. Материал данных погребений свидетельствует о присутствии раннеримское время в западной части полуострова Самбия групп германцев. В начале XX вв. частичным раскопкам подвергся грунтовой могильник Kirpehnen-II/Поваровка-2, расположенный на Янтарном берегу. В статье представлены воссозданные по архивным данным комплексы раннеримского времени, выявленные в результате упомянутых работ. Материал данных погребений свидетельствует о наличии на исследуемом участке могильника погребений начальной фазы прусской культуры.

Ключевые слова: Самбия, Янтарный берег, археологические раскопки, восстановленные комплексы, эпоха Великого переселения народов.

KIRPEHNEN/POVAROVKA-1 AND KIRPEHNEN-II/POVAROVKA-2: THE EXCAVATION DATA

Vladimir Kulakov

Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The author reconstructs from archival data the Early Roman era's complexes which were discovered during partial excavations on the Amber Coast of the Kirpehnen/Povarovka-1 burial ground (late-19th to early-20th century) and of the Kirpehnen-II/Povarovka-2 burial ground (early-20th century). The burials at Kirpehnen/Povarovka-1 demonstrate the presence of Germanic tribes on the western part of the Sambia Peninsula in the Early Roman period. The burials from the site under research at Kirpehnen-II/Povarovka-2 reveal the initial stage of Prussian culture.

Keywords: Sambia, the Amber Coast, archeological excavations, reconstructed burial complexes, the Migration Period.

* * *

ЧАСТЬ I. KIRPEHNEN/ПОВАРОВКА-1: ДАННЫЕ РАСКОПОК ЭМИЛЯ ХОЛЛАКА И КАРЛА ФОН ШТАДИ (1902 г.)

Грунтовой могильник Kirpehnen/Поваровка-1 расположен на западном янтароносном побережье полуострова Самбия (**рис. 1**), в 0,5 км к северо-западу от пос. Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), на возвышенности моренного происхождения (уроч. Galgenberg, прусск./нем. «Гора/гора» - **рис.2**) к югу от дороги Germau/Русское – Palmnicken/Янтарный. Прусское поселение Kirpehnen (известно с 1405 г. как Kirpaynen) своё название получило от прусского имени собственного (Gerullis 1922: 63).



Рис. 1. Космическая съёмка полуострова Самбия (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) Местоположение могильника Kirpehnen/Поваровка-1 показано красной стрелкой.

Грунтовой могильник, расположенный рядом с Kirpehnen/Поваровка, был обнаружен в нач. XIX в., вторично обследован 1877 г. Тогда в результате выборки песка в угольях землевладельца фон Монтовт-Кирпенен, почётного члена Общества по изучению древностей «Пруссия» рабочими были обнаружены слои остатков погребального костра (ОПК), конские кости, удила, стремя, железные подпружные пряжки и наконечники копий. Офицер сапёрных войск Г. фон Бёнигк, будучи членом Общества по изучению древностей «Пруссия», оперативно провёл первичное обследование данного памятника археологии. Им были обнаружены

несколько трупосожжения с захоронениями коней (эпоха викингов) и безинвентарное трупоположение. Кроме того, археолог-любитель обнаружил в уроч. Galgenberg два расположенных концентрически каменных круга диам. ок. 20 и 18 м, перекрытых камнями. Раннеримским временем из находок Г. фон Бёнигка можно датировать безурновую кремацию (далее – КРМ) с четырьмя сосудами-приставками, двумя бронзовыми фибулами «прусской серии» и с глиняным пряслицем (Bönigk 1878: 9-16).

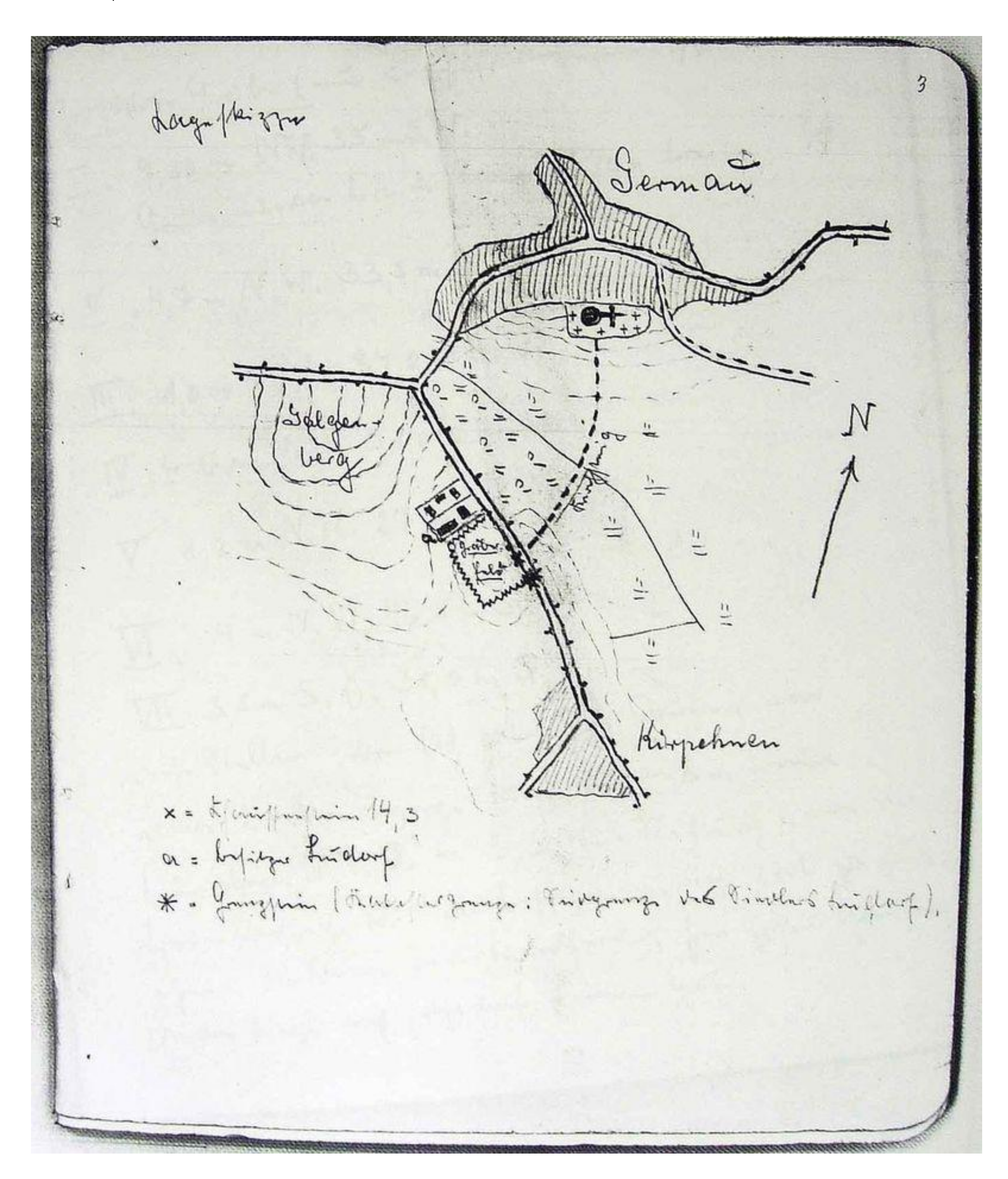


Рис. 2. Схема расположения грунтового могильника Kirpehnen/Поваровка-1 на возвышенности Galgenberg (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

Ян Ясканис сообщал в своей сводке данных о погребальных памятниках эстиев, что ещё в 1807 г. на могильнике провёл раскопки Ауэр (данные не сохранились), в 1902 г. могильник раскапывали Э. Холлак и К. фон Штади, в 1907 г. – Адальберт Беценбергер (Jaskanis 1977: 313). К настоящему времени в результате публикации Клаусом Раддатцом части своего архива и по архиву Prussia-Museum, сохранённому в Музее протоистории и ранней истории в Берлине, можно воссоздать несколько комплексов, раскопанных на могильнике Kirpehnen/Поваровка-1 Э. Холлаком и К. фон Штади.

Погр. Ki-III (Inv. Prussia-Museum V 352, 8506 – Eggers 1951: 102) – урновая КРМ, расположенная на вершине холма Galgenberg. Лощёные урна коричневого цвета и сосуд-приставка красного цвета располагались на глуб. 0,5 м, были перекрыты одним большим камнем и находились на каменной кладке (Stadie 1909: 366). Урна (по К. фон Штади - № I) выс. 28,5 см, с остатками гусеницеобразной ручки, содержала обломки кальцинированных костей и следующий инвентарь (по К. фон Штади - № III): конское оголовье типа Vimose "a" с бронзовыми цепными поводьями («первый конь»), конское оголовье типа Vimose "b" (Кулаков 2005: 338) с бронзовой налобной пластиной и серебряными заклёпками («второй конь»), бронзовая фибула «прусской серии» типа AIII,61, бронзовая посеребренная провинциально-римская фибула типа Feugère 26c1a, костяной одночастный гребень типа Thomas AI (Chilińska-Früboes 2015: 102), нож дл. 17 см, с обломанным концом, бронзовый ложковидный наконечник ремня дл. 4,5 см с закрученным в кольцо концом (тип Raddatz J.III.1 – Nowakowski 1996: 50), кресало, три железных пинцета, наконечник дротика, четыре точила, втульчатый топор, железные накладки (Stadie 1909: S. 366, 367). Сосуд-приставка красного цвета с ушком под венчиком (обозначен К. фон Штади как «урна II»), содержал песок и следующий инвентарь (обозначен К. фон Штади как IV): фрагментированный умбон щита, наконечник копья дл. 23,5 см, узкий втульчатый топор дл. 13 см, два железных пинцета, двухчастная железная пряжка, кресало (?), фрагменты железных предметов (обломки оковки щита – Кулаков 2005: 338) (**рис. 3**). Очевидно, все эти предметы поступили в сосуд-приставку после пребывания на погребальном костре. Иначе как можно объяснить попадание в него разрозненных остатков щита. Урну № I А. Чилиньска-Фрюбоес справедливо отнесла к типу Ida, характерному для керамики «богачевской» культуры, сосуд-приставка («урна № II») отнесён Агатой Хилиньска-Фрюбоес к местному типу «кружка Викау» (Chilińska-Früboes 2015: s. 100).

Несмотря на то, что К. фон Штади обозначил урны I-IV как отдельные комплексы, А. Хилиньска-Фрюбоес относит их к одному комплексу и датирует его по провинциально-римской фибуле фазами B_2 или B_2/C_1 (Chilińska-Früboes 2015: 106). Моя датировка погр. Ki-III (и Ki-IV, коль скоро оба сосуда перекрыты одним камнем, что является архаическим пережитком семейных захоронений носителей культуры западнобалтийских курганов, встреченный также на могильнике Dollkeim/Коврово – Кулаков 2004: 15) по «глазчатой» фибуле типа AIII,61 – фаза B_{1a} (Кулаков 2003: рис. 21; Он же, 2005: 339). Этой дате не противоречат вполне архаичные формы конских оголовий данного погребения, содержащего, очевидно, останки двух знатных воинов раннеримского времени.

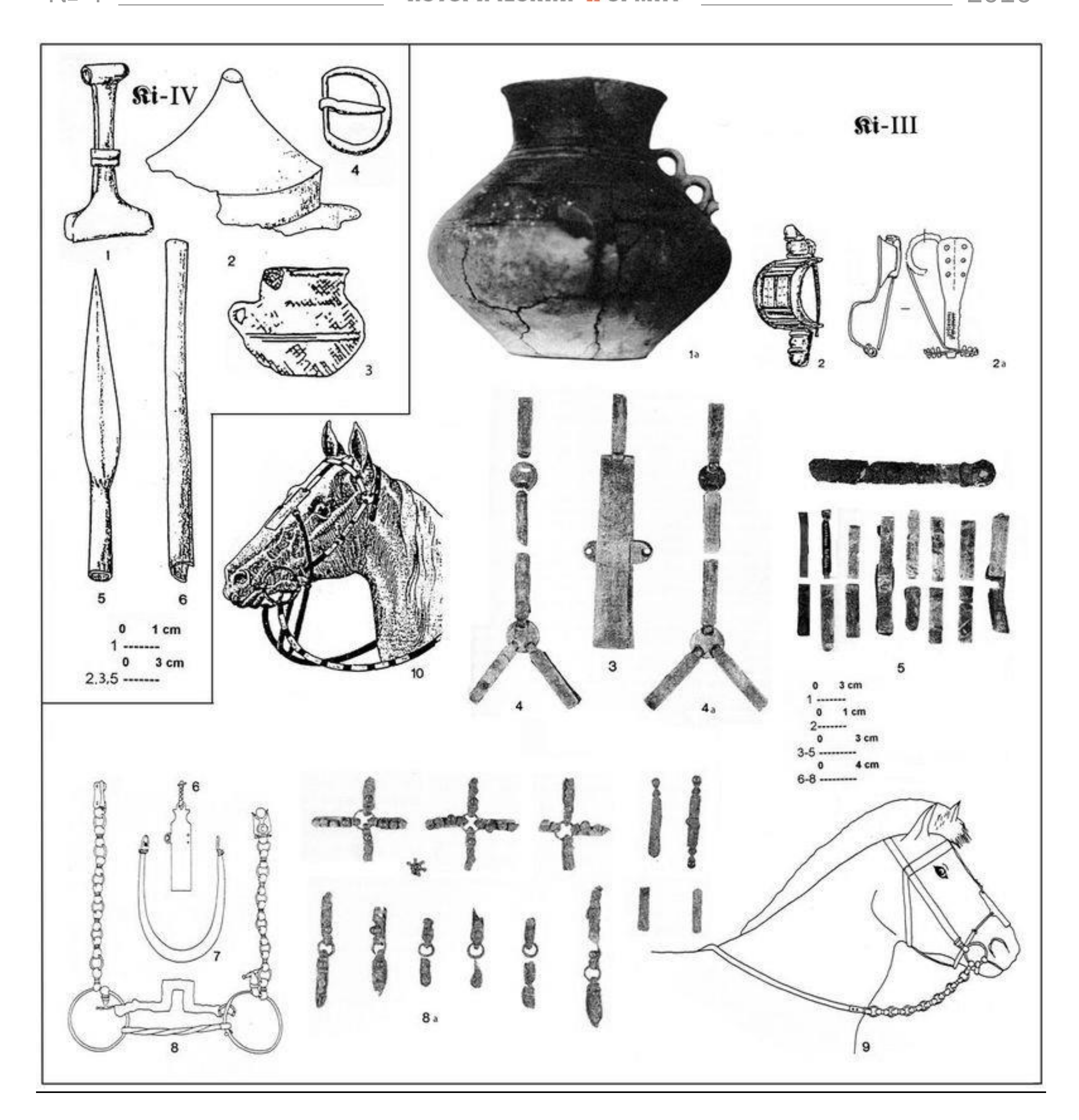


Рис. 3. Вещевой комплекс погр. Ki-III (включая содержимое сосуда-приставки «урна II»): 1а – урна («урна III»); 2 – бронзовая посеребренная фибула; 2а – бронзовая фибула; 3-5 – бронзовые с серебряными заклёпками и железная (изображена горизонтально) накладки «второго» коня; 10 – реконструкция оголовья «второго» коня; 6-8 – бронзовые накладки, удила с цепными поводьями и налобник «первого « коня; 9 – реконструкция оголовья «первого» коня (1-10 – Кулаков 2003: рис. 21; 1а, 2а. 4а, 8а - Chilińska-Früboes 2015: ryc. 2, 3). Вещевой комплекс погр. Ki-IV: 1 – железный пинцет; 2 – умбон щита; 3 – сосуд-приставка «урна II»; 4 – железная пряжка; 5 – наконечник копья; 6 – железная оковка щита (1, 2, 4-6 – Nowakowski 1996: Taf. 83,1-6; 3 - Кулаков 2003: рис. 21).

Погр. Ki-V – урновая (?) КРМ с фибулой типа AVI,133**.** Прочий инвентарь: умбон щита, пряжка с круглой рамкой, умбон щита (Nowakowski 1996: Taf. 83,7-11), пара железных шпор типа Knopfspore, бронзовый пинцет, фрагмент бронзовой

гривны (?), два бронзовых перстня, окаменевший (?) кусок дерева, янтарное кольцо диам. 3,9 см, шесть кусков янтаря-сырца, биконический сосуд-приставка с оттисками круглого штемпеля под венчиком (Stadie 1909: 368, 369). Захоронение воина датируется по фибуле, характерной, как правило, для женских комплексов вельбарской культуры, концом фазы B_2 – фазой B_2/C_1 (Nowakowski 1998: 198).

Погр. Ki-VI – урновая (?) КРМ с бронзовой, покрытой серебром фибулой «как тип AV,121» (?). Этап застёжка. Скорее всего, родственна фибулам типа AIII,61 и близка застёжкам типа AIII,62 (Кулаков 2016: 35). Прочий инвентарь: обломок наконечника копья, бронзовый пинцет, рукоять щита, железное кольцо от удил и проч. (Nowakowski 1996: Taf. 80,5-10), втульчатый топор дл. 12,7 см, нож с горбатой спинкой, фрагментированные ножницы, два наконечника копий, кольцо от удил (?), короткое кресало, обломки железных предметов (в т.ч. – с отпечатком серебряного окисла), 4 гвоздя и 12 бронзовых заклёпок, три бронзовые шайбы с отверстиями, соединённые в древности (судя по остаткам кожи) кожаным лоскутом, 2 бронзовых наконечника ремней (Stadie 1909: 369, 370). Упомянутые Карлом фон Штади бронзовые детали с остатками кожаныз ремней являются, очевидно, фрагментами поясного набора типа cinqulum (Archiv R. Grenz). По фибуле комплекс мужчины-воина предварительно можно датировать II – нач. III вв. н.э. (Machajewski 1998: Abb. 2).

Погр. Ki-VII – урновая (?) КРМ с инвентарём: бронзовые пара фибул и браслет, пряжка, пара бронзовых (?) шпор типа Ginalski B2, бронзовые детали оковки щита, реконструированный Вольфгангом Ла Бом в виде прямоугольной конструкции (La Baume W., 1941, Abb. 3,b), бронзовая рукоять щита, фрагмент наконечника копья, фрагмент скребницы, две железные ведёрковидные подвески выс. 2,6 и 2,1 см, две железные пряжки, железный крюк дл. 30,5 см, кресало, три обломка железных предметов, оселок. По шпорам воинское захоронение датируется фазой C_2 (Кулаков 2005: 212, рис. 29).

Погр. Ki-X – КРМ (?) с круглой провинциально-римской фибулой с умбоном в центре диам. 4,3 см (застёжка-фалера ?), с обломками «ладьевидных» накладок самбийского пояса (Chilińska-Drapella 2009-2010: tabl. 38), обломок бронзового браслета, обломок бронзовой гривны (?) дл. 3,2 см, ведёрковидная бронзовая подвеска (?) дл. 2,5 см, железная накладка (Stadie 1909: 371, 372). Женское захоронение датируется по остаткам самбийского пояса ок. фазы B_2.

В 1885 г. на могильнике Kirpehnen/Поваровка-1 было случайно (?) обнаружено несколько погребений, индексы которых образованы от инвентарных номеров, соответствовавших этим комплексам в фондах Prussia-Museum:

Погр. Ki-«1047» (Kirpener Fund, Pr. Mus. Inv. III 188, 1047), безурновая КРМ (Eggers 1951: 102) с инвентарём: бронзовая с серебряной плакировкой «шапкообразная» фибула типа AVI,130, бронзовая фибула типа AVI,141, римский бронзовый черпак для вина типа E160 (**рис. 4**), янтарная бусина типа Pauckenperle, два небольших браслета, уплощённый браслет с коническими навершиями, маленькая пряжка. Фрагмент бронзовой гривны из тордированного дрота с замком в виде «кнопок» (Кулаков 1998: 44, рис. 26). По бронзовому римскому черпаку для вина комплекс датируется 50-186 гг. н.э. (= фаза B_2/C_1) (Nowakowski 1985: s. 89).

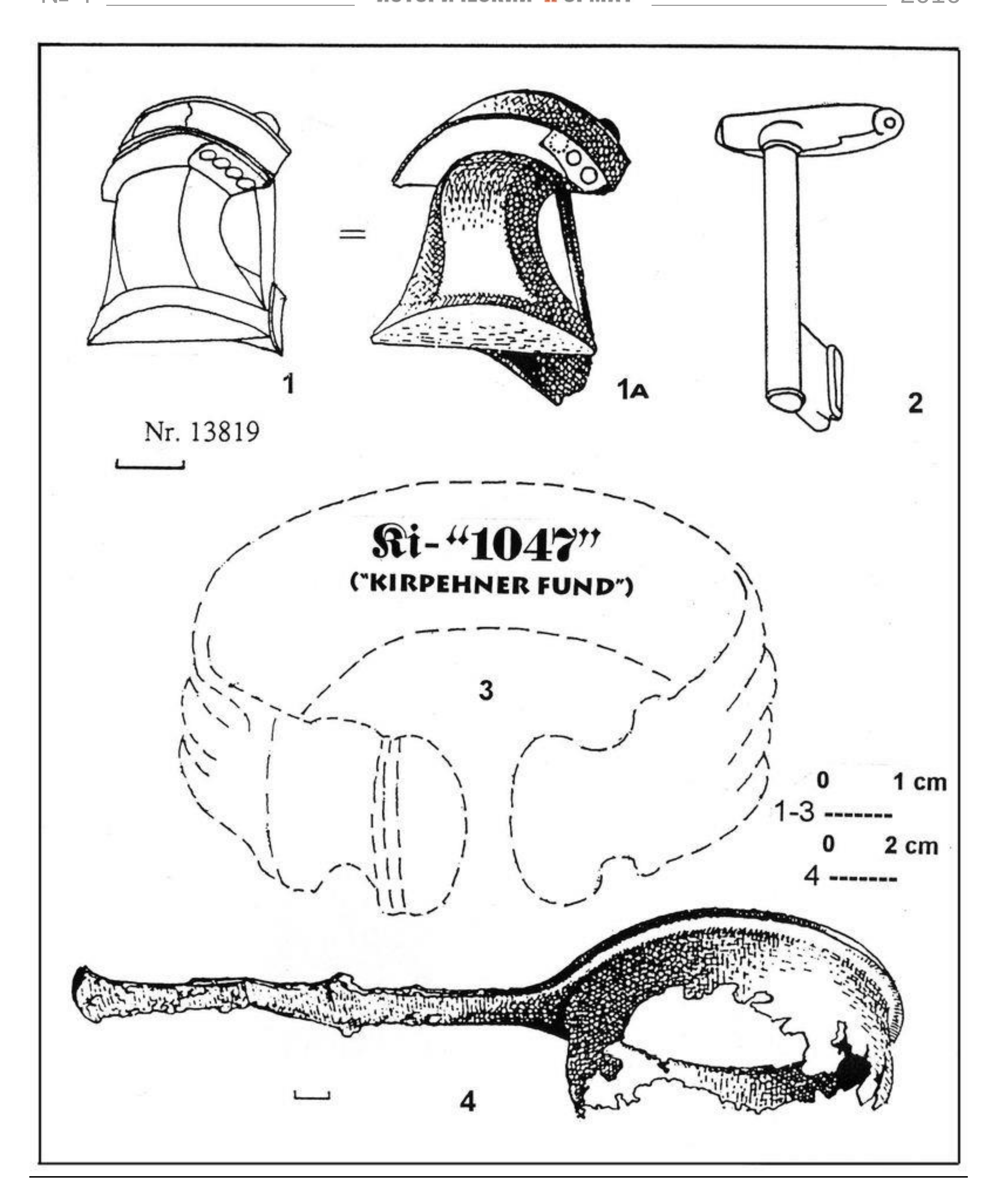


Рис. 4. Вещевой комплекс погр. Ki-«1047» (Kirpehner Fund): 1, 1a – фибула типа AV,130: 2 – фибула, близкая к типу AV,137; 3 –браслет типа Koddien; 4 – черпак для вина типа E 160 (1 – Kopienkatalog RGZM, Nr 13819; 1a, 2, 4 - Bezzenberger 1904: Fig. 99, 100, 98).

Погр. Ki-«2107» - урновая КРМ (Pr. Mus. Inv. Nr III 283, 2107) с инвентарём: серебряная с железными накладками фибула типа AIV,88-93, самбийский пояс с бронзовыми накладками в стиле opus interrasile с остатками кожаной подосновы,

серебряный S-видный замок ожерелья (**рис. 5**), 158 золотостеклянных бусин, стеклянные и бронзовые бусины, три небольших сосуда-приставки, три бронзовые фибулы, железная фибула, фрагменты железной фибулы с серебряными накладками, два бронзовые браслета с железными накладками, тордированное серебряное кольцо, малая бронзовая пряжка, перстень, два малых бронзовых кольца, обломки серебряных и бронзовых предметов, куски дерева (остатки шкатулки ?) (Jankuhn 1933: 61, Abb. 10). Захоронение двух (?) женщин (одни из которых – знатная) по самбийскому поясу датируется фазой B_2 (Кулаков 2005: 326).

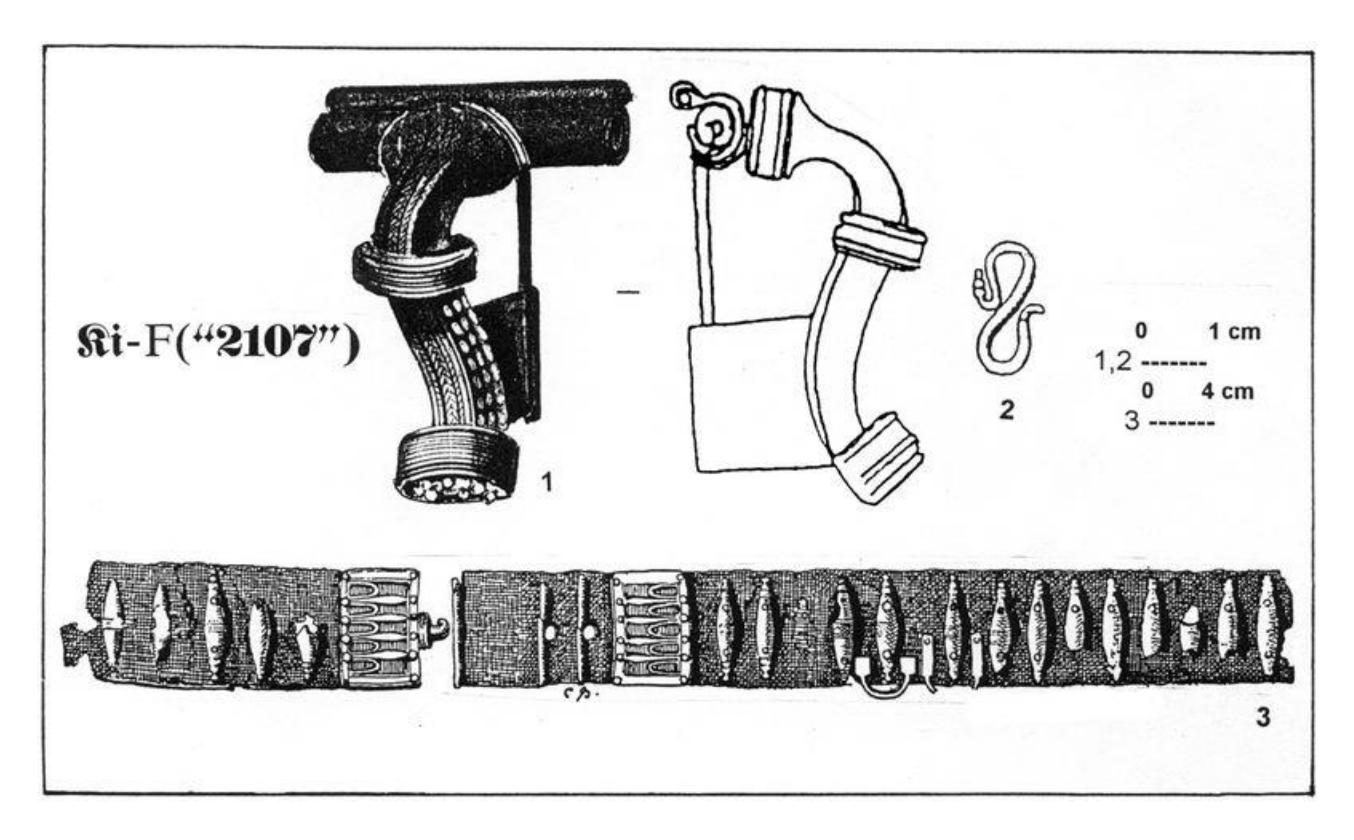


Рис. 5. Вещевой комплекс погр. Ki-«2107»: 1 - фибула типа AV,88; 2 – замок ожерелья; 3 – самбийский пояс (Кулаков 2005: 326, рис. 43).

Погр. Ki-«2120» - КРМ (?) с инвентарём: серебряная гривна с концами, обмотанными проволокой (тип Kossinna Ib) (**рис. 6**), серебряная фибула с подвязной ножкой, денарий Императора Домициана (81-96 гг. н.э.) (Bezzenberger 1904: 79, Fig. 97; Bolin 1926: 214). Согласно готландской аналогии, гривна из этого комплекса, прародиной которой является долина р. Рейн (Cieśliński 2010: 75), датирует погребение фазой C_2 (Andersson 1995: 90, fig. 56).

Погр. Ki-«8644» - конское захоронение (Pr. Mus. Inv. V 381, 8644), расположенное к северу от уроч. Galgenberg и содержавшее инвентарь: железные детали конского оголовья типа (**рис. 7**), две мозаичные бусины с так наз. «шахматным узором» (нем. Schachbrettmuster) (Wilbers-Rost 1994: 206, Taf. 8A). По конскому оголовью захоронение коня (его кости в описании не отмечены) датируется фазами B_2-B_2/C_1.

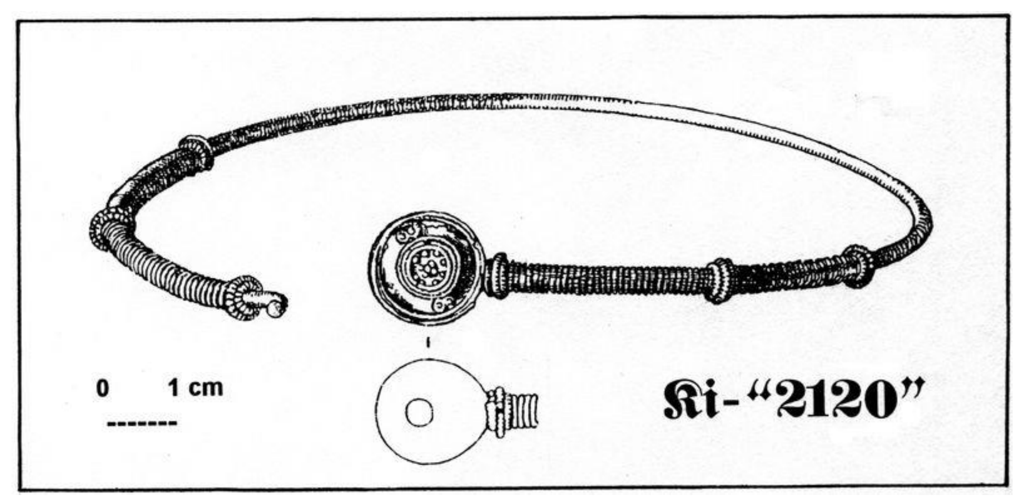


Рис. 6. Серебряная гривна из погр. Ki-«2120» (Bezzenberger 1904: 79, Fig. 97).

Ki-“8644”

0 2 cm

Рис. 7. Детали конского оголовья из погр. Ki-«2107» (Wilbers-Rost 1994: Taf. 8A).

Погр. Ki-«2352» (Pr. Mus. Inv. III 363, 2352) - захоронение коня (?), обнаруженное в уроч. Galgenberg с инвентарём: бронзовые детали конского оголовья типа Vimose, бронзовый пинцет, обломок бронзовой оковки щита (Wilbers-Rost 1994: 207; La Baume 1941: 7). Предварительная дата комплекса – фазы B_2 и B_2/C_1.

Ki-Dépot cinéraire (фр. «клад с ОПК»), Pr. Mus. III,190.1048 - безурновая (?) КРМ с инвентарём: фрагмент бронзовой фибулы типа AII,41 (?), бронзовая с золотыми накладками фибула типа AVI,130, бронзовая с железными накладками перекладчатая фибула типа AV,96, кольчатые удила, бронзовое кольцо с обоймицей (от оголовья типа Vimose ?), бронзовая и железная (?) ведёрковидные подвески, пара бронзовых браслетов типа Trömpau с железными накладками в виде спиральных нитей (**рис. 8**), бронзовая спираль, остатки обожжённых стеклянных бусин, спекшиеся с железным кольцом диам. 8 см (Raddatz 1991/1992: Abb. 16). По фибуле типа AVI,130, характерного для женского убора носителей вельбарской культуры (Machajewski 1998: 190) парное (мужчина-? и женщина) захоронение датируется фазой B_2 (Кулаков 2016: 83).

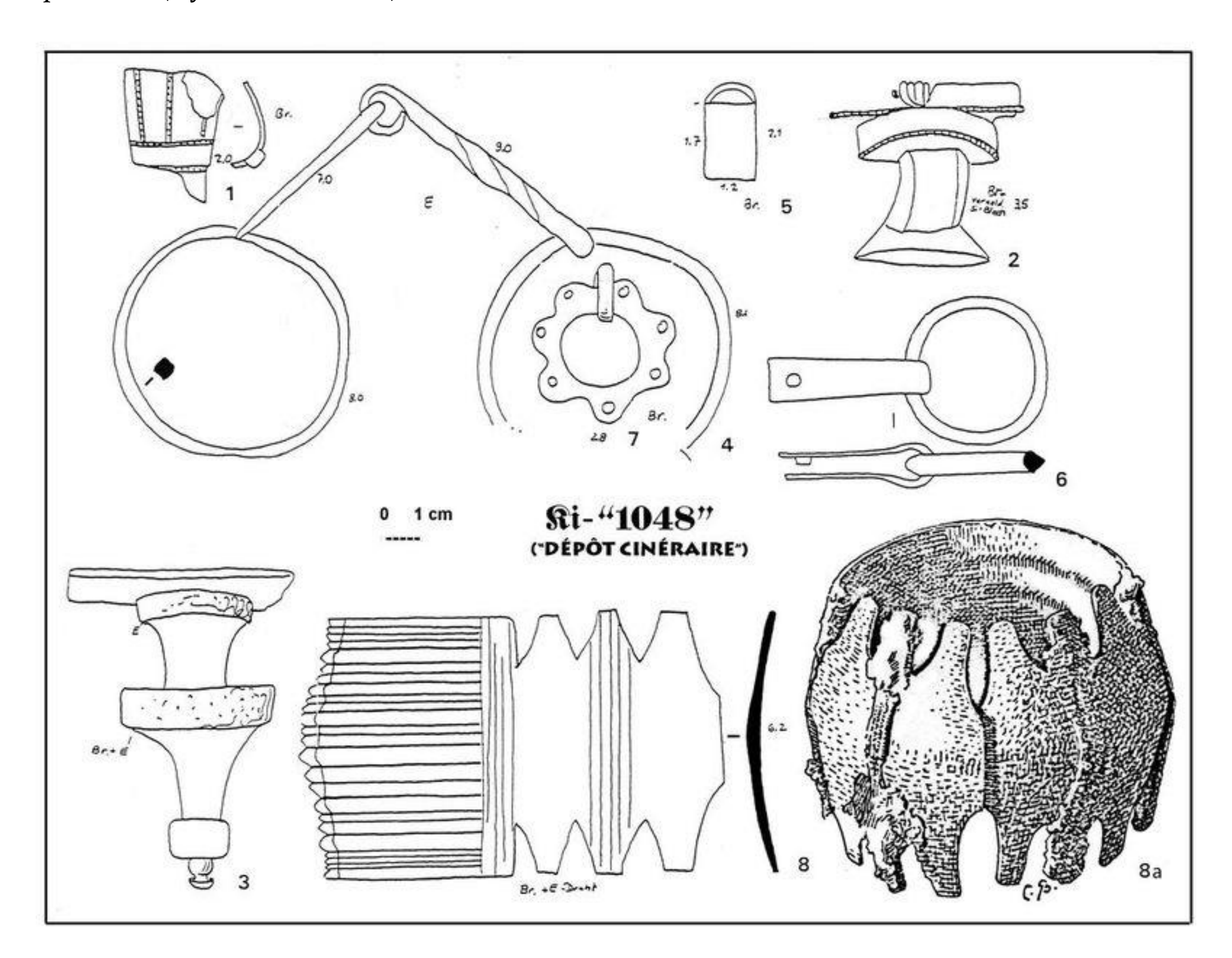


Рис. 8. Находки, сделанные в погр. Ki-«1048»
(1-8 - Raddatz 1992/1993: Abb. 16; 8a – Gaerte 1929: Abb. 179,a).

Даже небольшая часть комплексов, вскрытых раскопками на грунтовом могильнике Kirpehnen/Поваровка-1 в кон. XIX – нач. XX вв., поражает богатством и разнообразием компонентов погребального инвентаря. Ян Ясканис относит эти погребения к фазам B_2-D (Jaskanis 1977: 314), однако описание находок Г. фон Бёнигк, сделанных в 1877 г. (см. выше), позволяет предполагать наличие на холме Galgenberg и прусских захоронений эпохи викингов. Кроме отдельных черт древностей эстиев (сосуды, стоящие в могиле рядом и перекрытые одним камнем, достаточно проблематичные конские захоронения, от которых сохранились только оголовья), восстановленные в предложенной статье погребальные комплексы не содержат признаков древностей западных балтов римского времени. Характер вещевого материала, как уже не раз отмечалось в тексте статьи, неоднократно подчёркивал древнегерманскую этно-культурную принадлежность мужчин-воинов и знатных женщин, погребённых на холме Galgenberg на фазах B_2-C_1. Следует полагать, что во второй пол I – III вв. н.э. на западном побережье Самбии, на легендарном Янтарном берегу разместились группы германцев (в том числе - уроженцы Скандинавии, на что указываю некоторые черты обрядности, в т.ч. – каменные круги и ряд деталей инвентаря), привлечённые сюда перспективой контроля над добычей и торговлей янтарём (Кулаков 2014: 73).

* * *

ЧАСТЬ II. KIRPEHNEN-II/ПОВАРОВКА-2: ДАННЫЕ РАСКОПОК КАРЛА ЭНГЕЛЯ (1929 г.)

Грунтовой могильник Kirpehnen-II/Поваровка-2 расположен на западном янтароносном побережье полуострова Самбия (Кулаков 2016: рис. 1), на северной окраине пос. Kirpennen/Поваровка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), на восточном склоне возвышенности моренного происхождения (уроч. Galgenberg, прусск./нем. «Гора/гора» - **рис. 1**), к югу от пос. Germau/Русское. Информация об открытии этого памятника археологии отсутствует. С 26 июня по 30 августа 1930 г. этот могильник раскапывался Карлом Энгелем. Данные материалы так и не были никогда опубликованы, наши зарубежные коллеги информацией о Kirpehnen-II/Поваровка-2 не располагают (Bitner–Wróblewska, Rzeszotarska-Nowakiewicz, Nowakiewicz 2011: 241, 241).

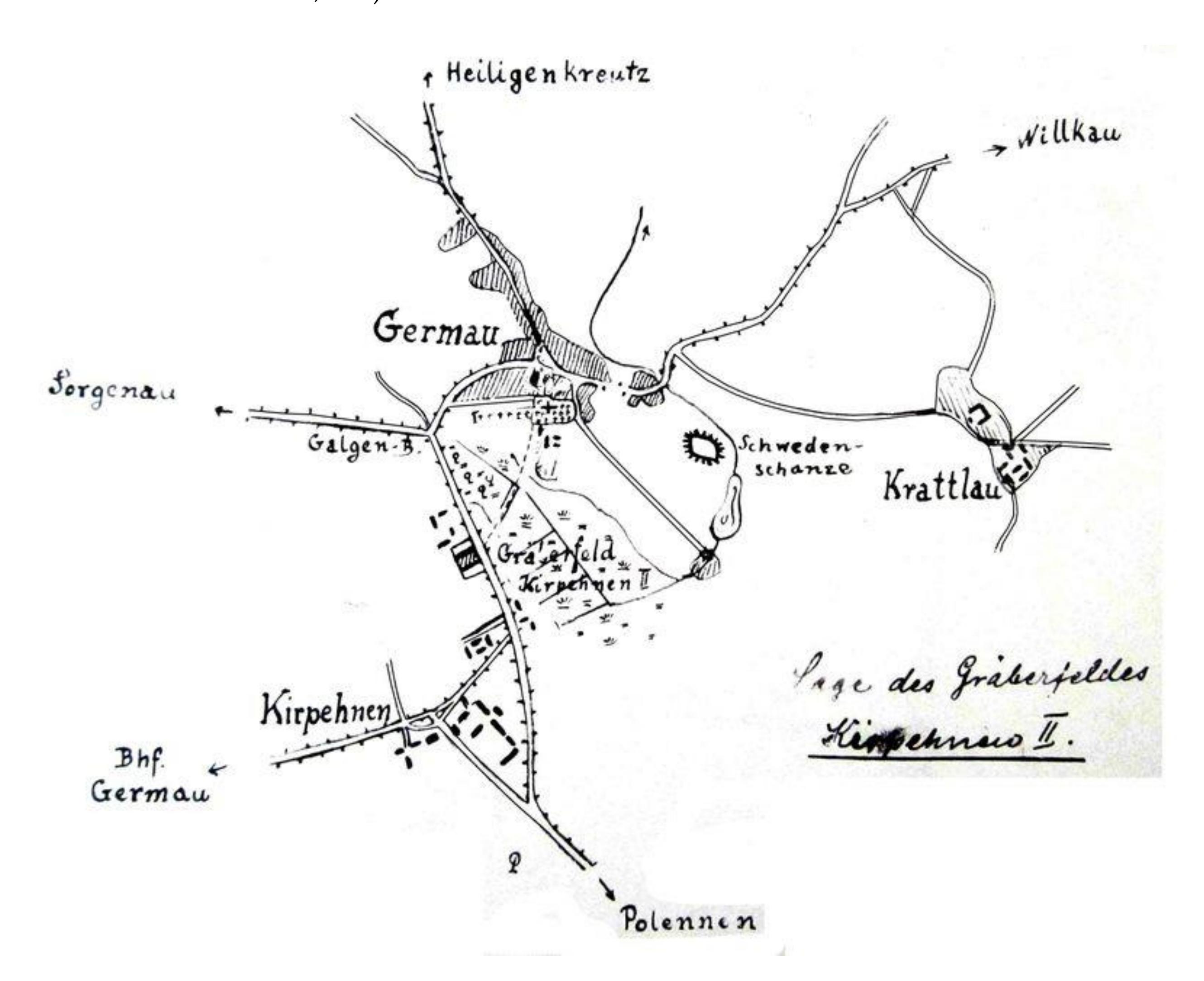


Рис. 1. Схема расположения грунтового могильника Kirpehnen-II/Поваровка-2 (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

Будучи недавним выпускником Университета Тюбинген, Карл Энгель с 1 апреля 1929 г. был принят на работу в Музее «Пруссия» (Кёнигсберг) в должности научного ассистента. С самого начала работы К. Энгеля в этом Музее и в течении

многих лет он тесно сотрудничал с известным в то время художником и чертёжником Фридрихом Йеншем (**рис. 2**), взявшим на себя графическую часть полевых работ, выполнявшихся сотрудниками Музея (Beran 1997: 135). Однако отчёт о первых раскопках К. Энгеля как сотрудника Музея «Пруссия», проведённых им на грунтовом могильнике Kirpehnen-II/Поваровка-2 был сделан, очевидно, молодым археологом собственноручно (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/1, 1730/2). Занимаясь ранее в Восточной Германии изучением древностей эпохи неолита и раннего железного века (La Baume 1953: 279), К. Энгель, тем не менее, со всей возможной тщательностью подошёл к фиксации малоизвестного ему материала римского времени, открытого в раскопках у пос. Kirpehnen/Поваровка. К сожалению, полевой отчёт К. Энгеля был подготовлен им лишь в рукописной версии (почерк будущего видного прусского археолога более чем неразборчив) и с небольшим числом иллюстрации. Поэтому восстановлению могут быть подвергнуты лишь несколько из раскопанных им грунтовых 329 погребений (Jaskanis 1977: 313).



Рис. 2. Карл Энгель (в центре) и Фридрих Йенш (справа) в процессе раскопок (грунтовой могильник Linkuhnen/Ржевское, ныне – Славский р-н, 1931 г.) (Archiv R. Grenz).

Каталог части погребений,
вскрытых на грунтовом могильнике Kirpehnen-II/Поваровка-2
(*Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/1, 1730/2*):

Погр. Ki-6 (1929) – урновое трупосожжение (далее – КРМ), перекрытое каменной кладкой овальной в плане формы разм. 1,30 х 2,20 м, толщ. 0,4 м, вытянутой, возможно, по линии запад-восток (**рис. 3**). Камень, на плане погр. Ki-6 обозначенный цифрой 1, стоял вертикально и отнесён к типу Merkstein (нем. «знаковый камень»). Под камнями была выявлена могильная яма овальной в плане формы разм. ок. 2,10 х 1,30 м. В юго-восточном (?) углу этой могилы были обнаружены три урны.

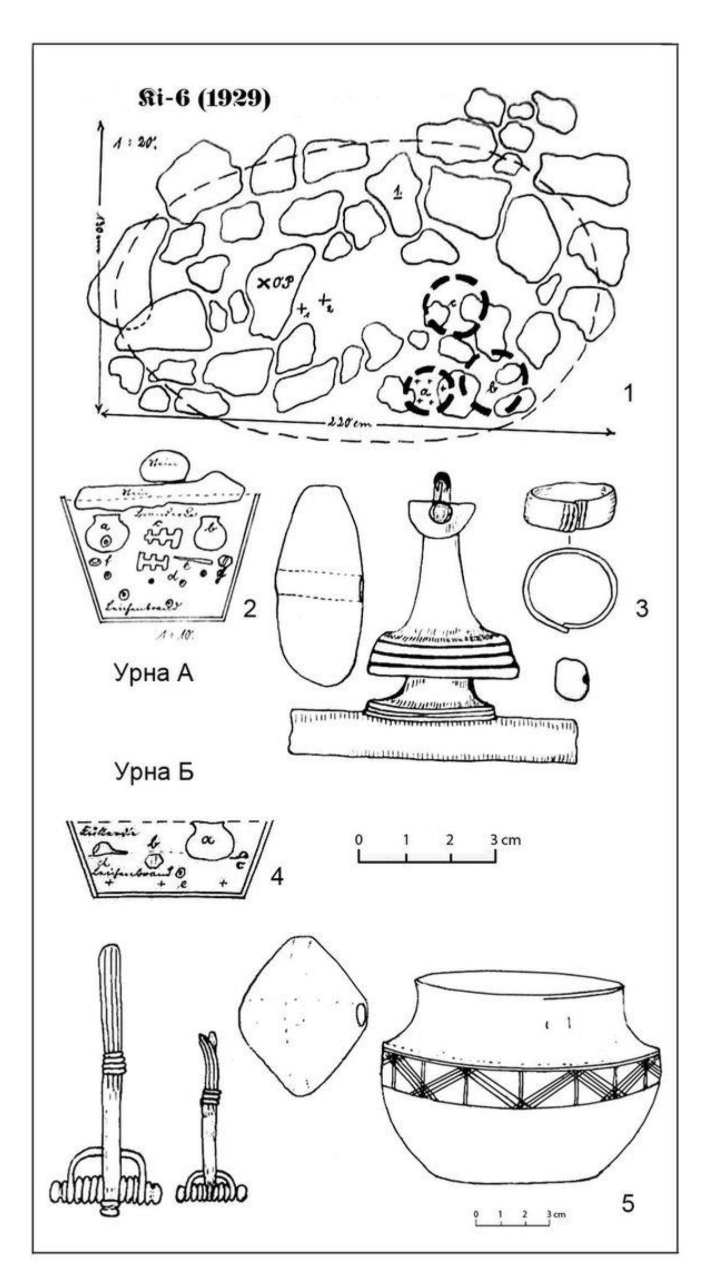


Рис. 3. Погр. Ki-9 (1929): 1 – план каменной кладки и расположения под камнями урн (их венчики показаны пунктиром); 2 – сечение урны А; 3 – инвентарь урны А; 4 – сечение урны Б; 5 – инвентарь урны Б (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

Урна А имела выс. 0,8 м, была перекрыта большим плоским камнем, на котором лежал небольшой «знаковый камень» (**рис. 3**). В заполнении урны, содержащем рассеянные обломки кальцинированных костей, встречены два сосуда-приставки (**рис. 3,2,** a, b) с S-видным профилем, по своим очертаниям напоминающие сосуды типа Dollkeim, относимого польскими археологами к фазе B_2/C_1 (Nowakowski 1996: 60), пара (одна из них – на **рис. 3,2,** c) бронзовых «перекладчатых» фибул (нем. die Dreisproßenfibeln), восходящих к типу AIV, 93 и относящихся к группе 1 «мазурских фибул» фазы C_1 (Kulakov 2005: 23, fig. 41), бронзовый пластинчатый перстень (f), железная булавка (e), несколько стеклянных бусин.

Урна Б имела верхнюю часть своего тулова вместе с венчиком уничтоженной (при завале могилы камнями). У дна урны встречены обломки кальцинированных костей. По центру заполнения урны было встречено глиняное биконическое пряслице (**рис. 3**,4, b), у борта урны находился сосуд-приставка типа Dollkeim с прорезным (пролощёным-?) орнаментом в виде полосы, составленной из линейных зигзагов (**рис. 3**,4, a), две бронзовые (?) фибулы типов AVII,162 и AVII,163 (тип Nydam с тремя «кнопками») с подогнутой ножкой (**рис. 3**,4, c, d), стеклянная (?) бусина (e), характерные для западных балтов на фазе C_{1a} (Nowakowski 1995: 30).

Урна С в тексте полевого отчёта К. Энгеля не отмечена. Возможно, она не содержала никаких находок. Урны А и Б датируются согласно обнаруженным в них фибулам фазой С и, вероятно, поставлены в могилу или одновременно, или с небольшим временным промежутком. Нахождение трёх урн под единой каменной кладкой в данном комплексе является одним из немногих сохранившихся в римское время пережитков обрядности местных балтов, носителей традиций культуры западнобалтийских курганов раннего железного века (Кулаков 2016: 19), доживших до позднеримского времени. Таким образом, пример этой черты обрядности в погр. Ki-6 (1929) является позднейшим в известном нам материале погребальных памятников эстиев.

Погр. Ki-7 (1929) – КРМ в четырёх скоплениях остатков погребального костра (в одной могиле-?), перекрытых единой каменной кладкой, камни которой частично могут быть переотложены из-за распашки территории могильника. Информация о находках отсутствует. Дата комплекса не ясна.

Погр. Ki-8 (1929) – урновая КРМ, перекрытая каменной кладкой овальной в плане формы разм. 1,4 х 1,2 м. Камни кольца имеют средний диам. ок. 0,3 м. Урна по своему периметру окружена каменным кольцом диам. ок. 1 м (**рис. 4**). Информация о находках отсутствует. Дата комплекса не ясна.

Погр. Ki-90 (1929) – урновая КРМ, урна имеет выс. 48 см, максимальный диам. её тулова – 34 см. Глуб. залегания урны – 119 см от уровня современной дневной поверхности. Вне урны в могильной яме обнаружена бронзовая накладка с двумя заклёпками (**рис. 5**,1). У дна урны, заполненной остатками погребального костра, найдены маленькая стеклянная бусина (на сечении урны – 4), бронзовое кольцо (**рис. 5**,2), голубые стеклянные бусины и фрагменты бронзовых (?) предметов. Предварительно погр. Ki-90 (1929) датируется IV-V вв. н.э.

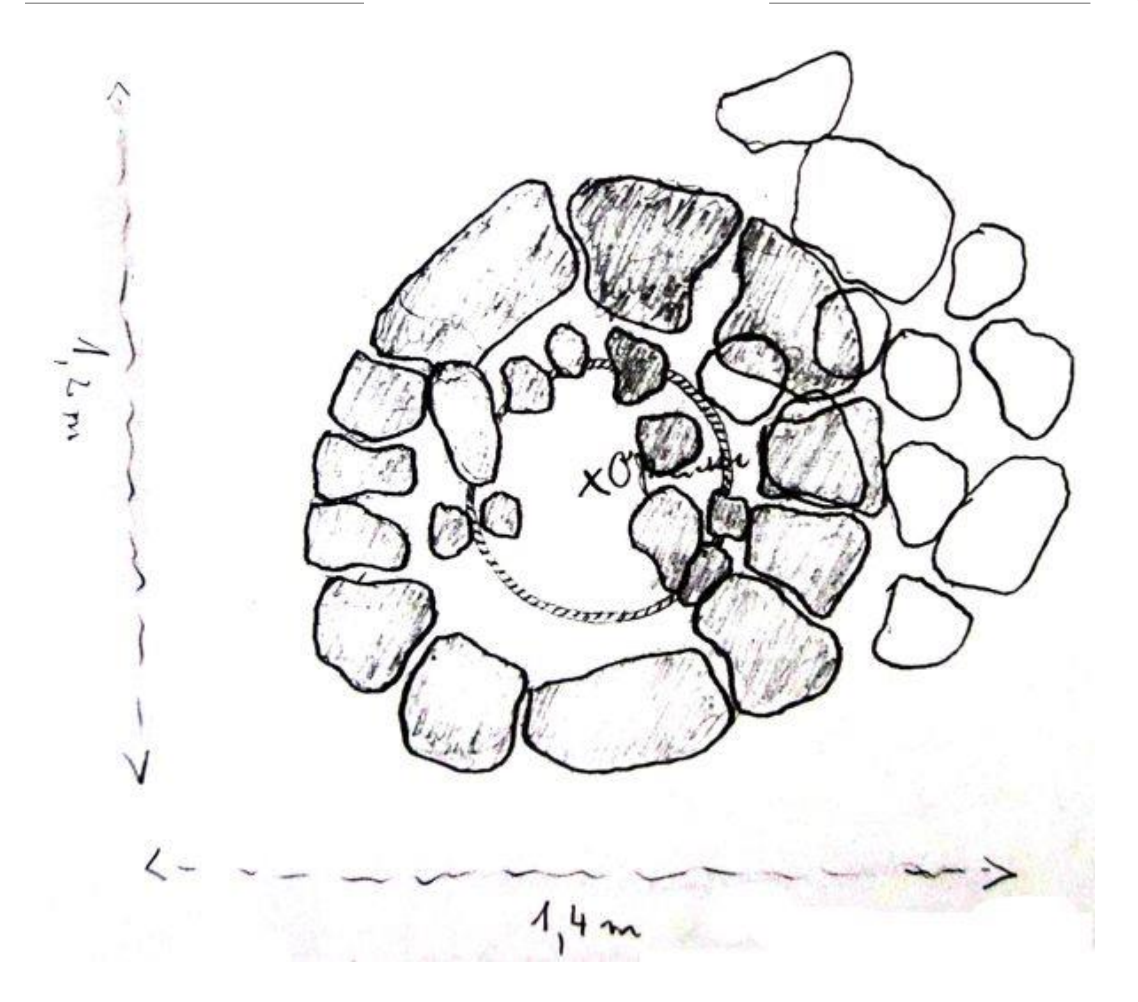


Рис. 4. План погр. Ki-8 (1929 г.) (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

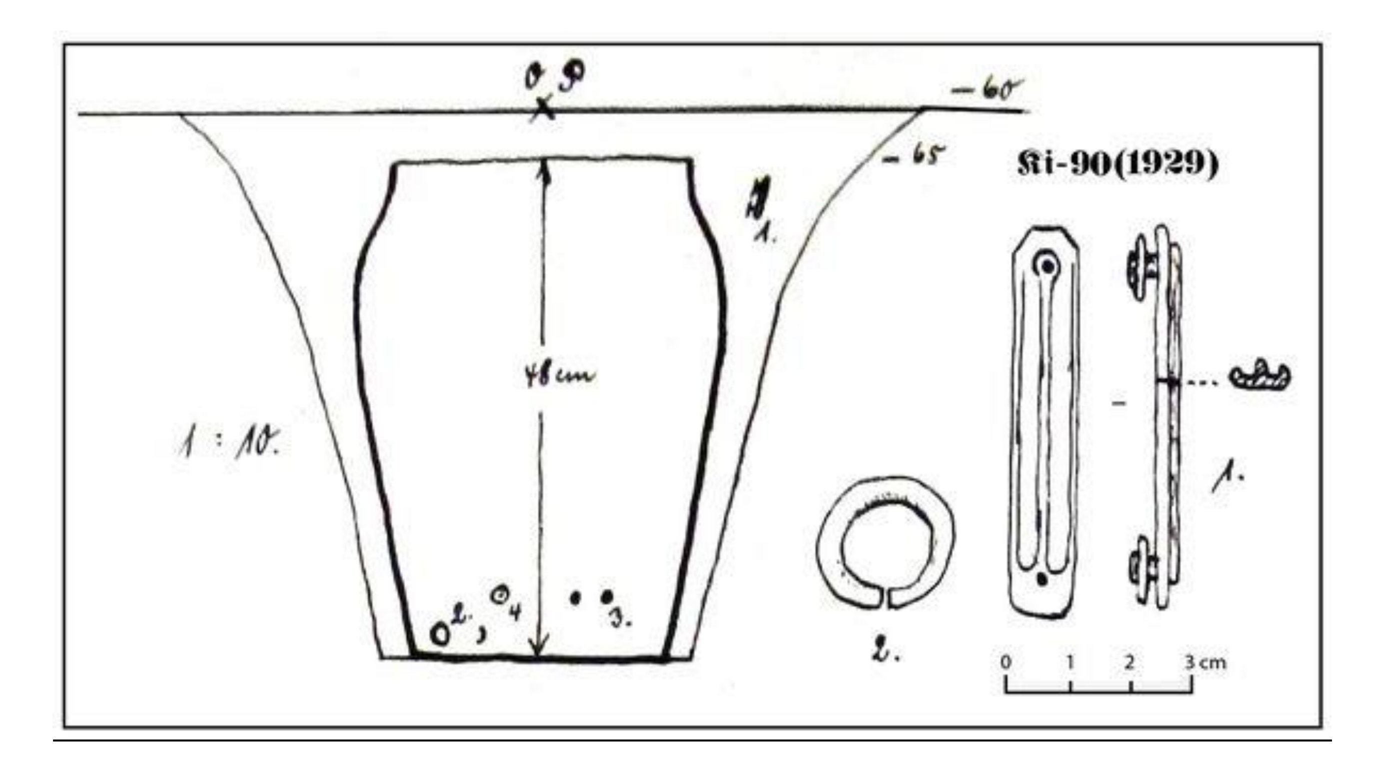


Рис. 5. Сечение погр. Ki-9 (1929 г.), обнаруженная вне урны накладка (1) и найденное в урне кольцо (2) (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

Погр. Ki-91 (1929) – КРМ, расположенного в овальной в плане могильной яме разм. 0,9 x 1,0 м, перекрытой пятью крупными валунами. Верхний уровень заполнения ямы находится на глуб. -60 см от современной дневной поверхности, дно могилы – на глуб. – 130 см. Могила содержит линзу остатков погребального костра мощ. 0,25 м у своего дна. В этой линзе найдены остатки двух оплавленных стеклянных бусин и бронзовый предмет. Дата комплекса не ясна.

Погр. Ki-92 (1929) – КРМ под каменной кладкой разм. 0,5 x 0,8 м. Инвентарь, обнаруженный в могиле: нож-кинжал с врезным орнаментов на клинке, дополненным по контуру оттисками треугольного чекана (**рис. 6**,1), нож (рис. 6,2), фрагменты бронзовой (?) фибулы типа Duratón (**с. 6**,3,4), наконечник копья (**рис. 6**,5). По фибуле комплекс мужчины-воина, относящийся к ранней фазе развития прусской культуры, датируется фазой D_2 (Кулаков 2003: рис. 121).

Погр. Ki-93 (1929) – КРМ расположено на глуб. -60 м, под каменной кладкой, повреждённой распашкой. Часть камней лежит по периметру могильной ямы округлой в плане формы (диам. 0,8 м), расположенной под упомянутой кладкой. Глуб. могилы достигает 0,8 м от её края. Могила в своей верхней части заполнена остатками погребального костра мощ. 0,4 м, у дна которой выявлена узкая прослойка скопления обломков кальцинированных костей. Характер придонной части заполнения могилы не ясен. В могиле обнаружены: янтарная бусина крупных размеров (диам. 4 см), маленькая стеклянная (?) бусина и прочий инвентарь. Женский комплекс Ki-92 (1929) по бусине датируется фазой D.

Кроме того, К. Энгель в своём полевом отчёте привёл рисунки арбалетовидных фибул, обнаруженных им в различных погребениях могильника Kirpehnen-II/Поваровка-2. Эти фибулы немецкий археолог расположил на листе в хронологическом порядке, от самой ранней до позднейшей (**рис. 7**). Фибула из погр. Ki-303 (1929), украшенная по своей ножке чеканным спиральным орнаментом в позднеантичном стиле, близка фибулам типа AVI,190 и может быть отнесена к застёжкам типа Duratón. На ранней фазе прусской культуры такие находки, относящиеся, как правило, к мужским комплексам, датируются фазами D_2-D_2/D_3 = ок. 380-480 гг. н.э.) (Кулаков 2011: 40, рис. 44). Фибула из погр. Ki-303 (1929) принадлежит к серии прусских дериватов застёжек типа Duratón (фаза D_2) (**рис. 7**,2), а фибула из погр. Ki-215 (1929) входит в вариант 2а2, который по мазурским аналогиям отнесён к нач. VI в. (Кулаков 1989: 151).

К сожалению, на этом заканчивается доступная на современном этапе исследований конструктивная информация относительно раскопанных на могильнике Kirpehnen-II/Поваровка-2 погребальных комплексов. Даже то их небольшое количество, которое удалось восстановить по архивным данным, показывает общую дату части могил, изученных К. Энгелем в 1929 г. – IV – нач. VI вв. н.э., т.е. переходной период между древностями эстиев (самбийско-натангийская группа западнобалтской культуры) и ранней фазой прусской культуры. К сожалению, местонахождение находок, сделанных в ходе упомянутых работ, до сих пор не установлено.

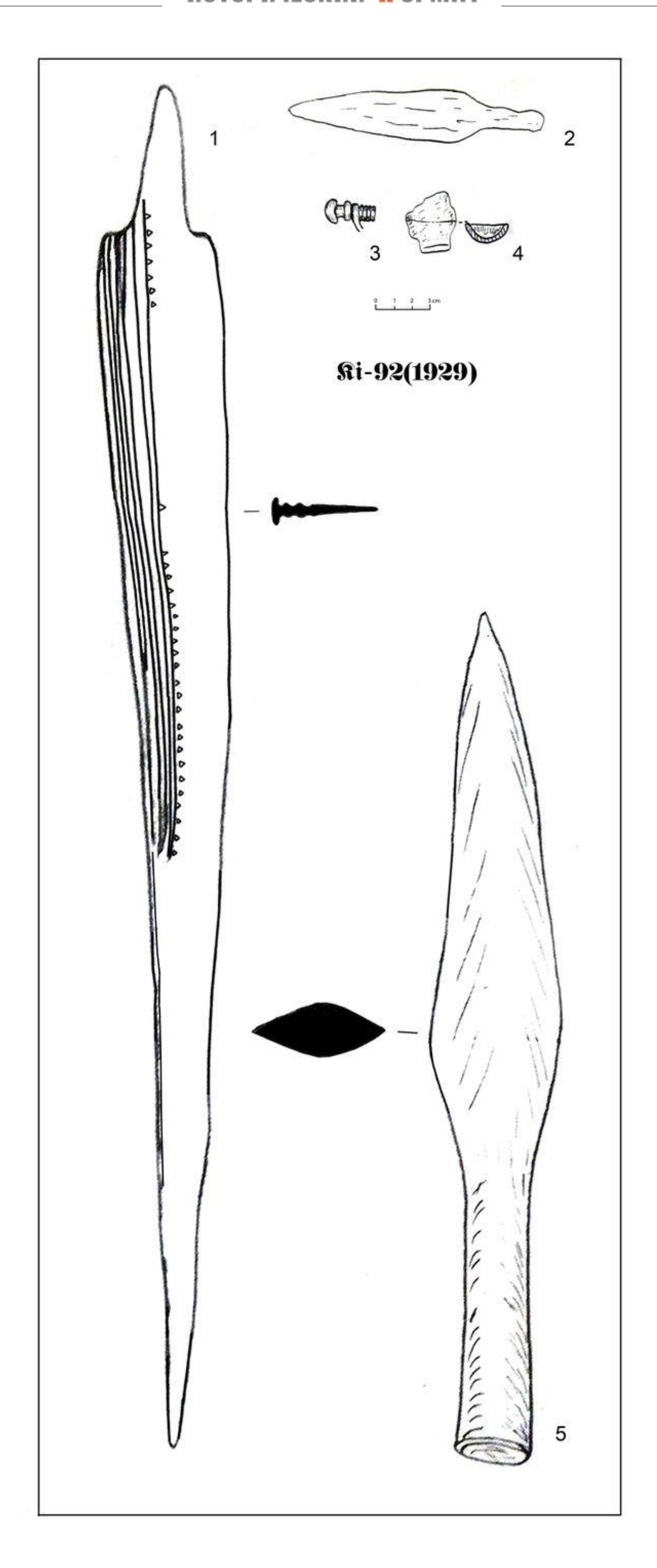


Рис. 6. Инвентарь погр. Ki-92 (1929 г.): 1 – нож-кинжал; 2 – нож; 3 – обломок бронзовой фибулы; 4 – обломок бронзовой накладки (?); 5 – наконечник копья (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

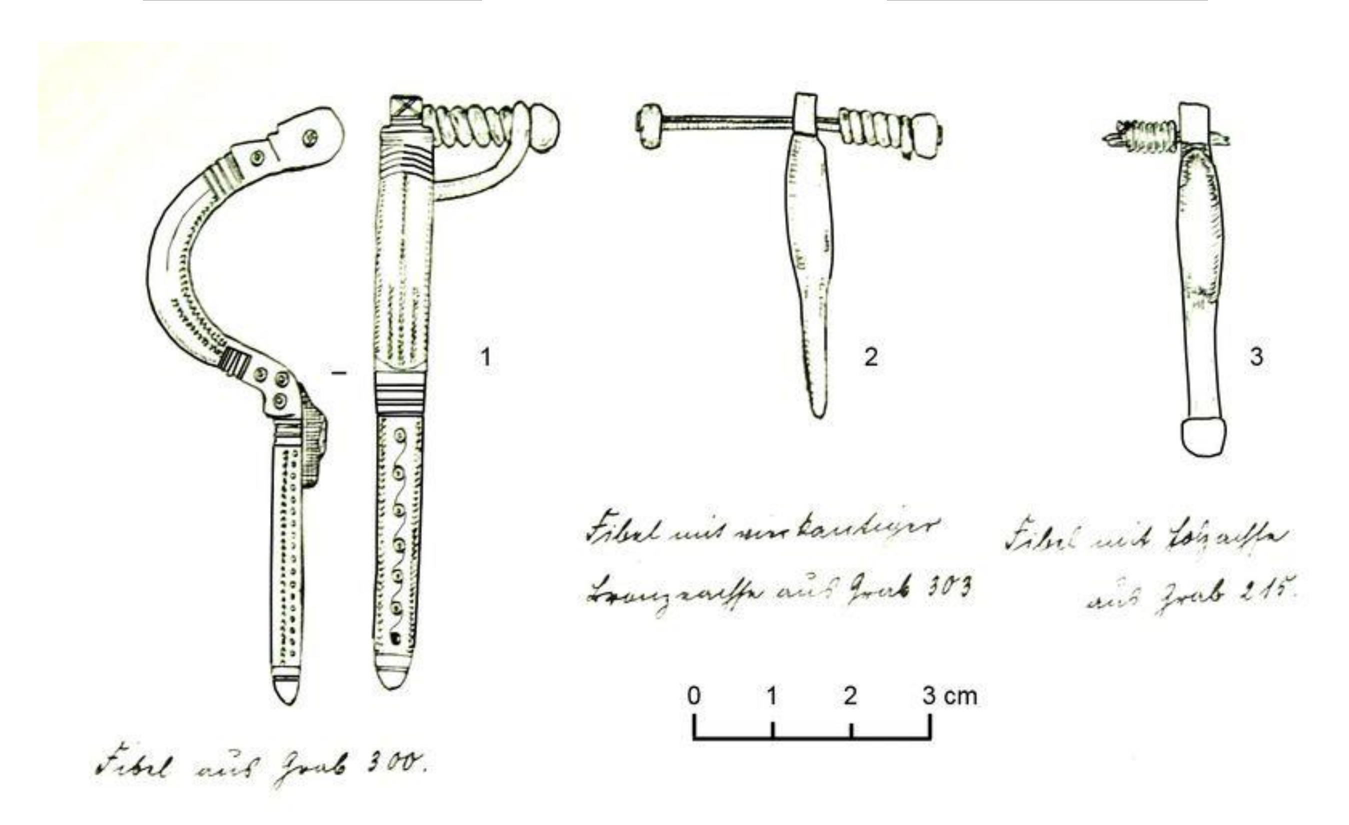


Рис. 7. Фрагмент рукописного отчёта К. Энгеля с рисунками фибул, найденных на могильнике Kirpehnen-II/Поваровка-2: 1 – погр. Ki-300 (1929 г.); 2 – погр. Ki-303 (1929 г.); 3 – погр. Ki-215 (1929 г.) (Prussia-Archiv, Signatur PM-A 1730/2).

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков 1989 - *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. С. 148-273.

Кулаков 1998 - *Кулаков В.И.* Майцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборник. № 13. Мінск: Арты-фэкс, 1998. С. 40-58.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2004 - *Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

Кулаков 2005 - *Кулаков В.И.* Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // STRATUM plus «Между певкинами и феннами». № 4. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2003-2004, 2005. С. 278-382.

Кулаков 2011 - *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 150 с.

Кулаков 2014 - *Кулаков В.И.* Янтарь – экономический и культурный феномен в истории эстиев и пруссов // Слово.ру. Вып. 1. Калининград: Издательство Балтийского Федерального Университета им. И. Канта, 2014. С. 69-79.

Кулаков 2016 - *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 360 с.

Andersson 1995 - *Andersson K.* Romartida guldsmide i Norden. Vol. III. Övriga smycken, teknisk analys och verstadsgrupper, Aun 21. Uppsala: Jan Thorbecke Verlag, 1995.

Archiv Rudolf Grenz, Archäologisches Landesmuseum Gottorf (Schleswig).

Beran 1997 - *Beran J.* Carl Engel 1895-1947 // Alteuropäische Forschungen. Bd. I. Weissbach: J. Beran, 1997. S. 133-146.

Bezzenberger 1904 - *Bezzenberger A.* Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg: Verlag von Gräfe & Unzer, 1904.

Bitner–Wróblewska, Rzeszotarska-Nowakiewicz, Nowakiewicz 2011 - *Bitner–Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Nowakiewicz T.* Katalog // Archeologiczne dziedzinstwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona / red. T. Nowakiwicz. Warszwa: Zaklad Poligraficzny-Wydawniczy POLSKAL (Inowrocław), 2011. 639 s.

Bolin 1926 - *Bolin St.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Prussia. H. 26. Königsberg: Komission-Verlag, 1926. S. 203-240.

Bönigk 1878 - *Bönigk H.* Der Galgenberg bei Kirpehnen // Prussia. Bd. 34. Königsberg: Ostpreussische Zeitungs- und Beitrags-Druckerei, 1878. S. 9-18.

Chilińska-Drapella 2009-2010 - *Chilińska-Drapella A.* Próba nowego spojrzenia na «pasy sambyjskie» // Wiadomosci archeologiczne. T. LVI. Warszawa: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego, 2009-2010. S. 3-79.

Chilińska-Früboes 2015 - *Chilińska-Früboes A.* Rzymska fibula z d. Kirpehnen // Barbaricum. T. 11. Ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur. Jerzy Okulicz-Kozaryn in memoria. Warszawa: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. S. 99-113.

Cieslińskі 2010 - *Cieslińskі A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drzwęca. Berlin; Warszawa: Staatliche Museen zu Berlin, 2010. 325 s.

Eggers 1951 - *Eggers H.J.* Der römische Import im freien Germanien // Atlas der Urgeschichte. 1. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951.

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929. 405 s.

Gerullis 1922 - *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter Verlag, 1922. 286 s.

Jaskanis 1977 - *Jaskanis J.* Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa: Wydawnictwa i publikacje Państwowego Muzem Archeologicznego, 1977. S. 239-349.

Kopienkatalos de Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz.

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire, BAR S1356. Oxford: Hadrian Books Ltd, 2005. 168 s.

La Baume 1941 - *La Baume W.* Der altpreußische Schild // Alt-Preußen. 6. Jg. H. 1. Königsberg, 1941. S. 5-12.

La Baume 1953 - *La Baume W.* (Nachruf) Carl Engel (1895-1947) // Zeitschrift für Ostforschung. 2. Jg. Marburg: Elwert Verlag, 1953. S. 278-280.

Machajewski 1998 - *Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im ostlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 1998. S. 187-196.

Nowakowski 1985 - *Nowakowski W.* Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskogo kręgu kulturowego // Archeologia. T. XXXIV. Warszawa: Ossolineum, 1985. S. 63-101.

Nowakowski 1995 - *Nowakowski W.* Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezieria Mazurskiego // Barbaricum. T. IV. Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1995. 105 s.

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.

Nowakowski 2008 - *Nowakowski W.* Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich // Pruthenia. T. IV. Olsztyn: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Pruthenia, 2008. S. 43-85.

Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte (Berlin).

Raddatz 1992/1993 - *Raddatz C.* Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa. Bd. 49/50. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1992/1993. S. 127-187.

Wilbers-Rost 1994 - *Wilbers-Rost S.* Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des «Zaumzeugs mit Zügelketten». Oldenburg: Isensee-Verlag, 1994. 229 s.

REFERENCES

Andersson 1995 - *Andersson K.* Romartida guldsmide i Norden. Vol. III. Övriga smycken, teknisk analys och verstadsgrupper, Aun 21 [Ancient Roman jewelry in Scandinavia. Volume III. Other jewelry, technical analysis and classification], Uppsala, Jan Thorbecke Verlag Publ., 1995 [in Swedish].

Archiv Rudolf Grenz, Archäologisches Landesmuseum Gottorf (Schleswig) [Archive Rudolf Grents, Archaeological museum of the earth Gottorf (Schleswig)] [in German].

Beran 1997 - *Beran J.* Carl Engel 1895-1947 [Karl Engel 1895-1947], in: Alteuropäische Forschungen. Bd. I [Old and European researches. Volume I], Weissbach, J. Beran Publ., 1997, pp. 133-146 [in German].

Bezzenberger 1904 - *Bezzenberger A.* Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens [Analysis of prehistoric bronze of East Prussia], Königsberg, Verlag von Gräfe & Unzer Publ., 1904 [in German].

Bitner–Wróblewska, Rzeszotarska-Nowakiewicz, Nowakiewicz 2011 - *Bitner–Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Nowakiewicz T.* Katalog [Catalog], in: Archeologiczne dziedzinstwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona / red. T. Nowakiwicz [Archaeological research of East Prussia in archive Felix Yakobson / redaktor T. Novakivich], Warszwa, Zaklad Poligraficzny-Wydawniczy POLSKAL (Inowrocław) Publ., 2011, 639 p. [in Polish].

Bolin 1926 - *Bolin St.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen [Finds the Roman and Byzantine coins in East Prussia], in: Prussia. H. 26 [Prussia. Volume 26], Königsberg, Komission-Verlag Publ., 1926, pp. 203-240 [in German].

Bönigk 1878 - *Bönigk H.* Der Galgenberg bei Kirpehnen [The mountain of the gallows at Kirpenen], in: Prussia. Bd. 34 [Prussia. Volume 34], Königsberg, Ostpreussische Zeitungs- und Beitrags-Druckerei Publ., 1878, pp. 9-18 [in German].

Chilińska-Drapella 2009-2010 - *Chilińska-Drapella A.* Próba nowego spojrzenia na «pasy sambyjskie» [Attempt new view of «sambiysky belts»], in: Wiadomosci archeologiczne. T. LVI [Archaeological sheets. Volume LVI], Warszawa, Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego Publ., 2009-2010, pp. 3-79 [in Polish].

Chilińska-Früboes 2015 - *Chilińska-Früboes A.* Rzymska fibula z d. Kirpehnen [The Roman fibula from the village of Kirpenen], in: Barbaricum. T. 11. Ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur. Jerzy Okulicz-Kozaryn in memoria [Barbaricum. Tom. 11. Where Vistula River sources. In memory Okulich-Kozarin], Warszawa, Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2015, pp. 99-113 [in Polish].

Cieslińskі 2010 - *Cieslińskі A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drzwęca [Cultural changes and the sequence of settling in the field of culture velbarksky], Berlin; Warszawa, Staatliche Museen zu Berlin Publ., 2010, 325 p. [in German].

Eggers 1951 - *Eggers H.J.* Der römische Import im freien Germanien [The Roman import in free Germany], in: Atlas der Urgeschichte. 1 [Atlas of history of primitive society. Volume 1], Hamburg, Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte Publ., 1951 [in German].

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens [History of primitive society of East Prussia], Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag Publ., 1929, 405 p. [in German].

Gerullis 1922 - *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen [Old Prussian names of settlements], Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter Verlag Publ., 1922, 286 p. [in German].

Jaskanis 1977 - *Jaskanis J.* Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym [Zapadnobaltsky burials of culture of the Roman period. Materials for studying of funeral ceremonies], in: Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. T. IV [Materials of antiquity and early Middle Ages. Volume IV], Warszawa, Wydawnictwa i publikacje Państwowego Muzem Archeologicznego Publ., 1977, pp. 239-349 [in Polish].

Kopienkatalos de Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz [Archive of the Roman-German central museum of Mainz] [in German].

Kulakov 1989 - *Kulakov V.I.* Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ja konca V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of Mazursky Poozerya of the end of V – the beginning of the 8th centuries (on materials of excavation of 1878-1938)], in: Barbaricum-1989 [Barbaricum-1989], Warszawa, Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 1989, pp. 148-273 [in Russian].

Kulakov 1998 - *Kulakov V.I.* Majcskij registr fibul iz muzeev Kjonigsberga [The Maytssky register фибул from the museums of Konigsberg], in: Gistarychna-arhealagichny zbornik [Historical and archaeological collection], № 13, Minsk, Arty-fjeks Publ., 1998, pp. 40-58 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istorija Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2004 - *Kulakov V.I.* Doll'kajm-Kovrovo. Issledovanija 1879 g. [Dollkaym-Kovrovo. Researches of 1879], Minsk, Institut istorii NAN Belarusi Publ., 2004, 135 p. [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire, BAR S1356, Oxford, Hadrian Books Ltd Publ., 2005, 168 p. [in English].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.I.* Arheologicheskie kriterii social'noj istorii Jantarnogo berega v I-XI vv. n.je. [Archaeological criteria of social history of the Amber coast in the 1-11th centuries AD], in: STRATUM plus «Mezhdu pevkinami i fennami» [STRATUM plus «Between Pevkins and Finns»], № 4, St. Petersburg; Chisinau; Odessa; Bucharest, Vysshaja Antropologicheskaja shkola Publ., 2003-2004, 2005, pp. 278-382 [in Russian].

Kulakov 2011 - *Kulakov V.I.* Dekorativnoe iskusstvo Jantarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber land. Ornament фибул 5-7th centuries], Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011, 150 p. [in Russian].

Kulakov 2014 - *Kulakov V.I.* Jantar' – jekonomicheskij i kul'turnyj fenomen v istorii jestiev i prussov [Amber – an economic and cultural phenomenon in the history Aests and Pruss], in: Slovo.ru. Vyp. 1 [Slovo.ru. Release 1], Kaliningrad, Izdatel'stvo Baltijskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta Publ., 2014, pp. 69-79 [in Russian].

Kulakov 2016 - *Kulakov V.I.* Sokrovishha Jantarnogo kraja. Pokazateli inokul'turnyh vlijanij na drevnosti Sambii i Natangii v I-IV vv. n.je. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya's antiquities in the 1-4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaja kniga Publ., 2016, 360 p. [in Russian].

La Baume 1941 - *La Baume W.* Der altpreußische Schild [Old Prussian sign], in: Alt-Preußen. 6. Jg. H. 1 [Old Prussia. Volume 6. Part 1], Königsberg, 1941, pp. 5-12 [in German].

La Baume 1953 - *La Baume W.* (Nachruf) Carl Engel (1895-1947) [Karl Engel (1895-1947)], in: Zeitschrift für Ostforschung. 2. Jg [Magazine of east researches. Volume 2], Marburg, Elwert Verlag Publ., 1953, pp. 278-280 [in German].

Machajewski 1998 - *Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im ostlichen Teil Mitteleuropas [Fibula of group V, Series 8, in east part of Central Europe], in: 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren [100 years of studying фибул after Oscar Almgren], Wünsdorf, Verlag Brandenburgisches Landesmuseum Publ., 1998, pp. 187-196 [in German].

Nowakowski 1985 - *Nowakowski W.* Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskogo kręgu kulturowego [The Roman import in the territory of a zapadnobaltsky cultural circle], in: Archeologia. T. XXXIV [Archeology. Volume XXXIV], Warszawa, Ossolineum Publ., 1985, pp. 63-101 [in Polish].

Nowakowski 1995 - *Nowakowski W.* Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezieria Mazurskiego [From galinds to Galindiya. Researches on history of the Mazursky poozerye], in: Barbaricum. T. IV [Barbaricum. Volume IV], Warszawa, Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 1995, 105 p. [in Polish].

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10 [Sambiya at the time of the Roman Empire and its communication with the Roman Empire and the barbarous world. Publications of the Marburg prehistoric seminar. Volume 10], Marburg; Warszawa, Vorgeschichtliches Seminar Publ., 1996, 169 p. [in German].

Nowakowski 2008 - *Nowakowski W.* Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich [To a question of the Baltic-Scandinavian contacts of the period of the Roman influence], in: Pruthenia. T. IV [Prussia. Volume IV], Olsztyn, Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Pruthenia Publ., 2008, pp. 43-85 [in Polish].

Prussia-Archiv, Museum für Vor- und Frühgeschichte (Berlin) [Archive of Prussia, the museum for background and early history (Berlin)] [in German].

Raddatz 1992/1993 - *Raddatz C.* Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen [The lake Volka, the place of sacrifices of times of the Roman Empire in East Prussia], in: Offa. Bd. 49/50 [Offa. Volume 49/50], Neumünster, Karl Wachholtz Verlag Publ., 1992/1993, pp. 127-187 [in German].

Wilbers-Rost 1994 - *Wilbers-Rost S.* Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des «Zaumzeugs mit Zügelketten» [Equipment of horses of the Roman imperial time in free Germany. The beginning, development and expansion «bridles with set with occasion chains»], Oldenburg, Isensee-Verlag Publ., 1994, 229 p. [in German].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 929.51

ЛИТОВСКИЕ ТАТАРЫ. ДНК-РОДОСЛОВНЫЕ И ИХ КОРНИ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

И.Л. Рожанский
Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Авторское резюме

Анализ репрезентативной выборки данных Y-ДНК литовских татар позволил заключить, что (i) не менее 2/3 от ее представителей ведут свой род от народов, населявших степную часть Золотой Орды, говоривших на кыпчакских языках и представлявших в основном различные ветви гаплогрупп R1a, J2, Q1a и R1b; (ii) принципиальные генеалогические линии литовских татар восходят к скифским племенам, заселявшим в эпоху железа зону евразийских степей; и (iii) возникновение кыпчакской ветви тюркских языков может быть связано с тюркизацией одной их групп скифских по происхождению племен, как можно судить по преобладанию ветвей одного и того же субклада R1a-Z2125 среди всех без исключения народов этой группы. Последний тезис предполагает критический пересмотр и модификацию существующих моделей этногенеза кыпчаков.

Ключевые слова: *Литовские татары, Литва, татары, ДНК, кочевники.*

THE LITHUANIAN TATARS. DNA ANCESTRY TRACED TO THE EURASIAN STEPPES

Igor Rozhanskii
Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Abstract

Analysis of the representative Y-DNA dataset of the Lithuanian Tatars has led to the conclusions that (i) at least 2/3 of its members descend paternally from the inhabitants of the steppes belt of the Golden Horde, who spoke Kipchak languages and belonged to various branches of haplogroups R1a, J2, Q1a and R1b; (ii) the principal Y-DNA lineages of the Lithuanian Tatars originate from the Scythian tribes, who occupied a zone of Eurasian steppes during the Iron Age; and (iii) a formation of the Kipchak group of the Turkic languages can be assigned to the language shift to Turkic for certain Scythian tribes, as it follows from the dominance of closely related branches of R1a-Z2125 subclade among all Kipchak-speaking peoples. The latter proposal presumes the critical re-evaluation of existing models of Kipchak ethnic history.

Keywords: Lithuanian Tatars, Lithuania, Tatars, DNA, nomads.

* * *

В центре Европы, в окружении белорусов, поляков и литовцев живет небольшой (около 12 тысяч человек) народ, фактом своего существования ломающий общепринятые определения этнологии. Это литовские (они же польско-литовские) татары, ничем по образу жизни и внешности не отличающиеся от соседей, утратившие свой исходный тюркский язык более 400 лет назад, а затем в значительной мере

отошедшие от своей веры (ислама суннитского толка), но сохранившие национальное самосознание и память о своих корнях. По многочисленным документальным данным, они – потомки уроженцев Золотой Орды, переходивших на службу в Великое Княжество Литовское (ВКЛ) преимущественно в конце XIV – начале XV веков. Полки легкой татарской конницы оказались ценным дополнением к тяжеловооруженной кавалерии, составлявшей основу польско-литовской армии той эпохи. Это далеко не единственный случай, когда кочевники из евразийских степей переходили на службу к европейским монархам и селились на территории их стран, но только литовским татарам удалось не раствориться среди окружавших их народов и сохранить свою национальную идентичность. Этот феномен привлекал внимание историков, начиная со времен, когда некоторые хронисты пытались оправдаться в поражении Тевтонского Ордена в Грюнвальдской битве тем, что немецким рыцарям якобы противостояли неисчислимые татарские орды.

Хотя история отдельных литовско-татарских шляхетских родов известна по документам, начиная с перехода их предков на литовскую службу, в целом сохранилось мало сведений о том, из каких мест обширного степного региона происходили предки литовских татар и к каким народам принадлежали. Для решения этой загадки недавно стали привлекать данные популяционной генетики, как собранные в ходе полевых исследований (Pankratov 2016), так и полученные на коммерческой основе в рамках Lithuanian Tatars Nobility Project (Думин 2016). Обе работы отмечали вклад Y-хромосомных линий центрально- и восточноазиатского происхождения, но расходились в оценке доли этого вклада, а также в происхождении других генеалогических линий.

Однако в этой проблеме есть еще один аспект, что может представлять интерес не только для узких специалистов по ВКЛ, но и для всех историков-медиевистов. В силу довольно ранней изоляции от родственных им степных народов литовские татары должны были во многом сохранить тот набор генеалогических линий, что существовал в степной части Золотой Орды времен ее возникновения и расцвета. Поскольку переселение татар в ВКЛ было довольно массовым, на уровне нескольких тысяч профессиональных военных, то генеалогические линии их потомков можно считать «зондом», зафиксировавшим их состояние на момент миграции. В свою очередь, их анализ предоставляет независимые данные при реконструкции этнического состава и происхождения народов, в значительной степени определявших ход истории Восточной Европы и Северного Кавказа в X-XV веках. Несмотря на большой объем имеющегося исторического и лингвистического материала, на многие вопросы по этой теме до сих пор нет однозначных ответов. В частности, нет по-настоящему убедительной теории этногенеза кыпчакских народов, языки которых за короткое по историческим меркам время вытеснили все остальные, что были в ходу на территории Великой Степи. В настоящей работе будет проведен анализ доступных на сегодняшний день данных по Y-ДНК литовских татар с целью дать дополнительный материал для решения перечисленных выше проблем.

В качестве исходного материала использовались две независимые выборки. Первая была собрана на условиях анонимности в Белоруссии среди людей, предки

которых до 3-го поколения были литовскими татарами. Это 74 гаплотипа в 17-маркерном формате YFiler (Pankratov 2016). Вторая выборка, опубликованная на проекте Lithuanian Tatars Nobility, состоит из 42 гаплотипов в форматах от 12 до 111 маркеров. Администраторы проекта персонально отобрали участников с подтвержденным литовско-татарским происхождением, а также сделали доступными их фамилии. Всего их насчитывается 32, причем не все однофамильцы оказались близкими родственниками по результатам тестов на Y-ДНК, и, наоборот, линии с недавним общим предком, как правило, состояли из участников с разными фамилиями. Поскольку одно из принципиальных условий отбора образцов, а именно отсутствие близкого родства, не контролировалось в коммерческом ДНК-проекте, то необходима дополнительная проверка, насколько правомерно ее использование для поставленной задачи. В качестве критерия можно использовать распределение гаплотипов по гаплогруппам. Если их доли окажутся одними и теми же в пределах погрешности, то обе выборки можно считать равнозначными по репрезентативности и соответствующими принципу случайного отбора. Статистика приведена ниже.

Гаплогруппа	**Pankratov 2016**	**Lithuanian Tatars Nobility**
G2a	3	4
I2a2	1	0
J1	4	1
J2	15	8
N	2	2
Q	6	6
R1a	36	17
R1b	7	4
Всего	74	42

В обеих выборках присутствует один и тот же набор гаплогрупп, причем для наиболее представленной в них R1a относительные доли равны 50% и 40%, соответственно. Вторая по численности гаплогруппа J2 дает по 20% в обеих, а некоторый разброс в минорных линиях находится в пределах статистической погрешности. Критерий проверки можно считать выполненным, а это позволяет провести совместный анализ обеих выборок как единого целого. Суммарное количество в 116 образцов Y-ДНК дает плотность тестирования 1 к 500 для этнической группы численностью около 12 тысяч человек. Это высокий показатель, превосходящий данные из многих работ популяционных генетиков, что принято считать «классическими». При анализе выборки литовских татар в исследовании популяционных генетиков из Белоруссии (Pankrftov 2016) привлекались также данные по Y-ДНК других тюркоязычных народов: ногайцев, казанских татар,

азербайджанцев, чувашей, и др. Эти данные также будут использоваться, по мере возможности.

Прежде всего, следует рассмотреть статистику по основным гаплогруппам и субкладам в выборке литовских татар и сопоставить ее с данными по релевантным народам. Она представлена в графической форме на рис. 1, где для литовцев, поляков, украинцев и казахов источником послужили проекты, доступные на сайте Family Tree DNA (https://www.familytreedna.com/projects.aspx), а для белорусов (Рожанский 2013), крымских татар (Муратов 2016) и киргизов (Di Cristofaro 2013) – опубликованные полевые выборки.

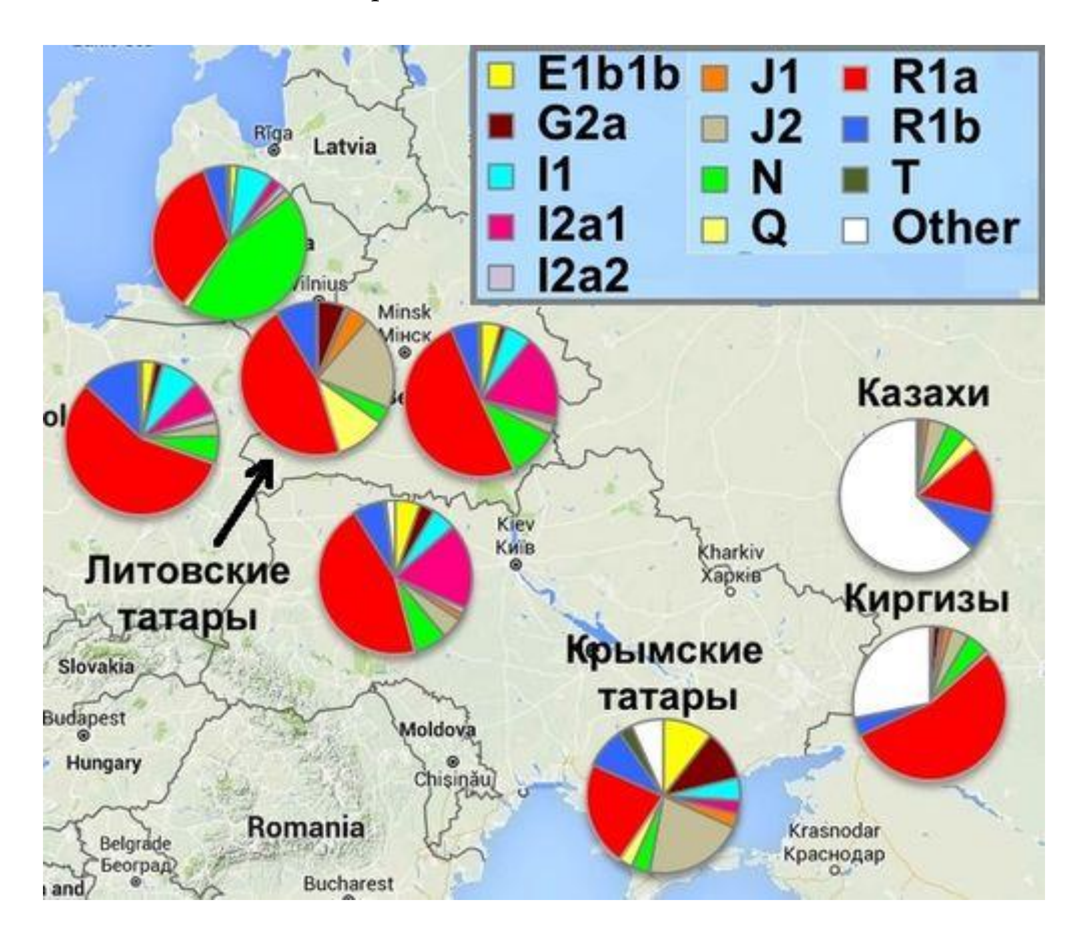


Рис. 1. Распределение 12-ти основных гаплогрупп и субкладов Европы в выборках литовских татар, окружающих их народов и народов степной зоны Евразии

Если подходить к полученной статистике формально, то литовские татары займут промежуточное положение между восточными славянами и тюркскими народами, как это и было заявлено по результатам анализа по принципиальным компонентам (ПКА) в статье популяционных генетиков (Pankratov 2016, Supplementary Fig. 1). Авторы сделали вывод, что «*результаты ПКА указали на смешанное происхождение патрилинейного пула у литовских татар, так как он содержит гаплогруппы, типичные для Кавказа, Средней Азии и Сибири, наряду с теми, что в настоящее время обычны у европейцев*». Чтобы понять, так ли это в действительности, и какова реальная степень смешения Y-хромосомных линий, следует применить не усредняющий всё и вся ПКА, а методы ДНК-генеалогии. Предваряя анализ, следует

обратить внимание, что в имеющейся выборке литовских татар отсутствуют представители восточноазиатских гаплогрупп C2-M217 и O-M175, которые помещены в категорию «прочие» на рис. 1 и составляют заметную долю у казахов и киргизов. Этот факт понадобится при последующем обсуждении.

Почти половина литовских татар из совместной выборки принадлежит к гаплогруппе R1a, представленной субкладами Z2125, M458 и Z280. Распределение 17-маркерных гаплотипов по ветвям приведено на рис. 2.

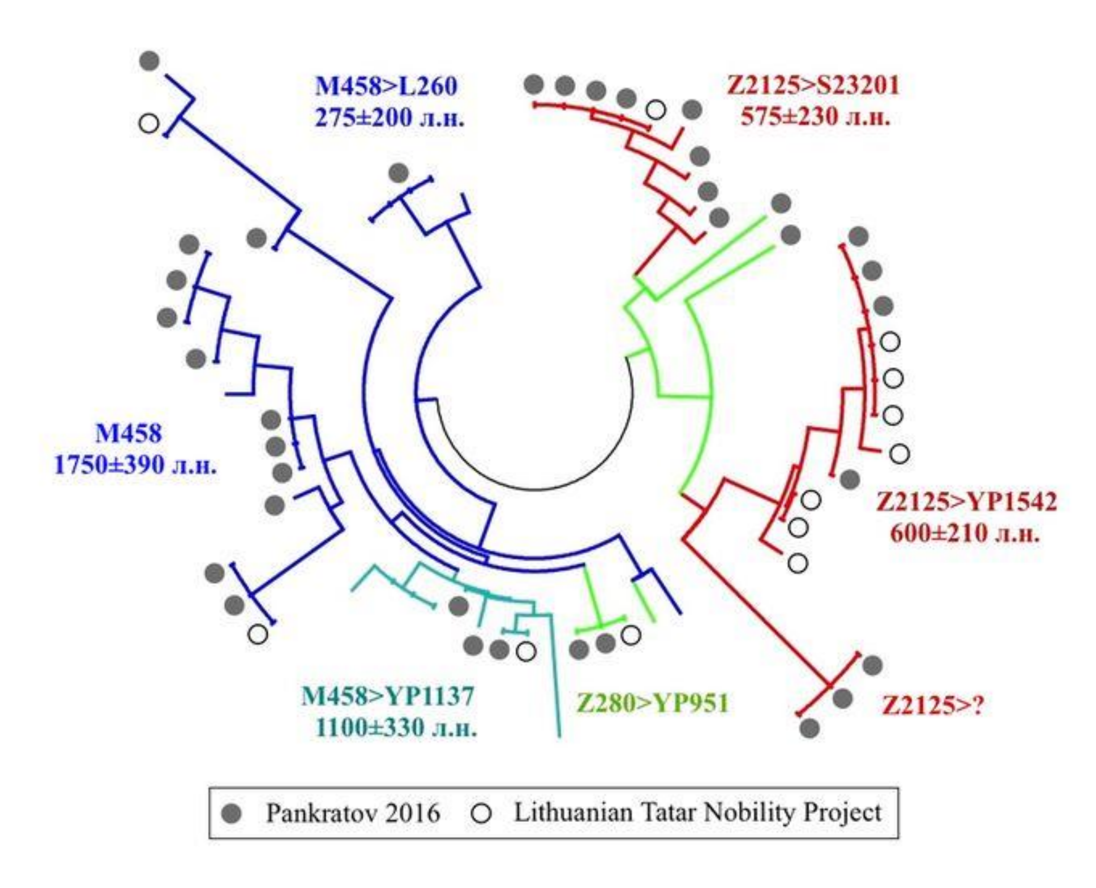


Рис. 2. Дерево 17-маркерных гаплотипов литовских татар из гаплогруппы R1a.
Не маркированы гаплотипы ногайцев и волжских татар, добавленные из списка в (Pankratov 2016).

Как следует из структуры дерева, одни и те же ветви присутствуют в обеих выборках, причем у семи участников проекта Lithuanian Tatar Nobility обнаружились точные совпадения по общим маркерам с гаплотипами, собранными на условиях анонимности в Белоруссии. Это обстоятельство позволило уточнить отнесение нескольких линий из полевой выборки, которую типировали только на 26 снипов.

Азиатский субклад Z2125 представлен двумя ветвями, времена жизни предков которых соответствуют времени возникновения литовских татар как отдельной этнической группы. Группа из 11 гаплотипов в правой части дерева принадлежит к ветви YP1542, широко распространенной у киргизов и алтайцев. Ее базовый 17-маркерный гаплотип расходится на 2 мутации с базовым гаплотипом основной ветви киргизов из полевой выборки (Di Cristofaro 2013), начало роста которой датируется 1400±300 годами назад:

Литовские татары	13 25 15 11 11 14 10 14 11 32 15 14 21 12 15 11 23
Киргизы	13 25 16 11 11 14 10 14 11 32 15 14 21 12 16 11 23

Соседняя с ней группа из 9 гаплотипов относится к очень редкой ветви S23201, носители которой найдены у венгерских секлеров, молдаван, русских, украинцев, казанских татар, чеченцев, а также на Британских Островах. Из-за малого числа гаплотипов и больших дистанций между ними время жизни предка родительской ветви можно оценить лишь приблизительно как 3500±1000 лет назад. Их базовые гаплотипы, соответственно:

Литовские татары	13 23 17 11 11 14 11 14 11 32 16 14 20 12 16 11 23
R1a-S23201	13 23 17 11 11 14 10 14 11 32 16 14 20 12 16 11 23

Обе ветви принадлежат к субкладу S23592, что является параллельным к хорошо изученному Z2123, широко распространенному на Индийском субконтиненте и у ряда тюркоязычных народов. Следует также отметить, что родительская ветвь S23592 была определена в образце ископаемой ДНК под кодовым номером RISE495 из Красноярского края, отнесенном к Карасукской культуре бронзового века (Allentoft 2015; В. Таганкин, частное сообщение). Таким образом, не вызывает сомнений факт, что обе рассмотренные линии литовских татар восходят к народам, заселившим восточную часть евразийских степей со времен бронзы в ходе миграций ариев.

Однако степные ветви гаплогруппы R1a уступают по представленности в данной выборке центрально-европейскому субкладу M458, что дало основание авторам статьи в Scientific Reports сделать вывод о смешанном происхождении Y-хромосомных линий литовских татар. При всей очевидности подобного утверждения, оно вступает в противоречие с рядом фактов. Во-первых, на дереве 17-маркерных гаплотипов можно выделить две компактные ветви, которые сходятся к датировкам, существенно превышающим время появления татарских поселений в ВКЛ. Если бы они возникли в результате смешения с окружающим славянским населением, то либо времена жизни их предков были порядка 600 лет назад и позднее, либо они были бы близки к датировкам этих ветвей у славян, то есть около 2300-2700 лет назад. Во-вторых, образец Blt27 в верхней части диаграммы находится в близком родстве с караногайцами из Дагестана и волжскими татарами, никак не связанными с Белоруссией. С этой группой из 5 гаплотипов совпадает по общим маркерам группа из трех казанских татар с татарского проекта FTDNA, общий предок которых жил 400±170 лет назад, и у которых подтверждена западно-славянская ветвь L260. Очевидно, все они происходят от предка-татарина, дальнейшая родословная которого пока неизвестна. В-третьих, то же самое можно сказать о группе из литовских татар, караногайцев, кубанского ногайца и волжского татарина в нижней части диаграммы. Для одного из ее представителей была определена следующая цепочка снипов: M458 > PF7521 > CTS11962 > L1029 > YP417 > YP418 > YP1137.

Согласно данным с гаплогруппного проекта FTDNA, родительская к YP1137 ветвь YP418 выделяется из всей центрально-европейской ветви (CTS11962) тем, что она крайне редко встречается у западных славян, но доминирует у русских, украинцев и болгар, среди которых, в свою очередь, мала доля других ветвей. Как и в случае с «татарской» линией L260, предок этой ветви также, очевидно, принадлежал к одному из тюркоязычных народов. Наконец, сценарий с недавним переносом линий субклада M458 от белорусов к литовским татарам вступает в противоречие с необычной «избирательностью» такого переноса. Ветви субклада M458, прежде всего центрально-европейская, широко распространены у белорусов, но их доля (около 15%) уступает субкладу R1a-Z280 (35%) и сопоставима с вкладами ветвей N1c-L1025 и I2a-CTS10228. В выборке литовских татар на 19 гаплотипов R1a-M458 приходится 5 R1a-Z280, один или два N1c-L1025 и ни одного I2a-CTS10228. В популяционной генетике подобный дисбаланс принято объяснять «эффектом основателя», но это объяснение сродни хрестоматийному «веревка есть вервие простое». Следует искать трактовку, не страдающую трюизмами и натяжками.

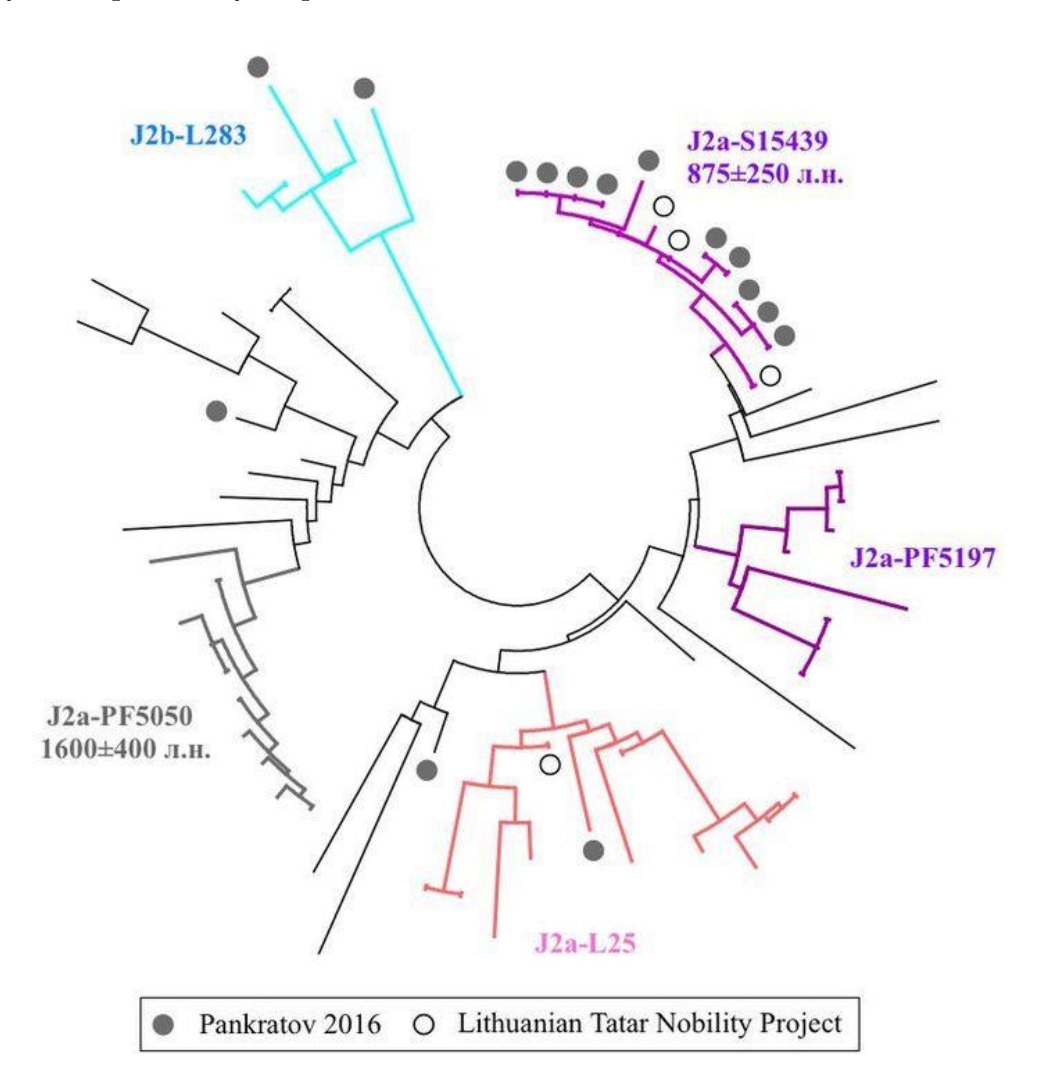


Рис. 3. Дерево 17-маркерных гаплотипов литовских татар из гаплогруппы J2. Не маркированы гаплотипы ногайцев, волжских татар, мордвы, марийцев, чувашей и башкир, добавленные из списка в (Pankratov 2016).

Вторая по представленности гаплогруппа в выборке – J2-M172. Ее существенная доля (23 из 114 гаплотипов), очевидно, внесла основной вклад в расчет методом ПКА, сблизившим литовских татар с народами Северного Кавказа. Однако прямолинейный подход здесь неприемлем, поскольку гаплогруппа J2 расходится на десятки далеко отстоящих ветвей, многие из которых не имеют отношения к Кавказу. В цитируемой работе (Pankratov 2016) вопрос об отнесении к той или иной ветви гаплогруппы J2 фактически был вынесен за скобки, что обесценивает сделанные авторами выводы. Видимо, чтобы как-то скомпенсировать этот недостаток, при рассмотрении гаплогруппы J2 авторы привлекли большое количество гаплотипов, найденных у других народов: ногайцев, волжских татар, мордвы, марийцев, чувашей и башкир. Сводное дерево для всей многонациональной выборки приведено на рис. 3.

Вопреки графикам популяционных генетиков, у литовских татар практически не оказалось ветвей, характерных для Северного Кавказа. В левой и в нижней частях диаграммы находятся 6 разрозненных гаплотипов, относящихся, согласно оценке, к субкладам J2b-L283, J2a-PF5197, J2a-M67 и J2a-L25. Отнесение четырех 12-маркерных гаплотипов с проекта Lithuanian Tatar Nobility, не включенных в дерево, неясно, за исключением одного, идентифицированного как J2a-L192. Остальные 13 гаплотипов формируют компактную ветвь с предком, жившим в эпоху гегемонии кыпчаков в евразийских степях. Эта генеалогическая линия стоит особняком среди других представителей гаплогруппы J2 в Восточной Европе, поскольку она не относится ни к одному из характерных для нее субкладов L283, M67 и L25. По результатам анализа J-M172 SNP Pack для нее определена такая последовательность снипов: L26 > PF5087 > Z2221 > PF5197 > PF5172 > PF5191 > FGC16096 > S15439. На проекте гаплогруппы J2 (https://www.familytreedna.com/groups/j2-m172/about) зарегистрировано всего 3 участника с подтвержденным снипом S15439, для 9 участников определен эквивалентный ему L198, еще для 6 гаплотипов подтвержден находящийся выше по иерархии FGC16096. Остальные представители этих ветвей были включены администраторами проекта по сходству протяженных гаплотипов. Структура и география ветви FGC16096 представлена на следующей схеме (рис. 4).

Можно оценить, насколько далеко расходятся три компактные линии ветви S15439 из Саудовской Аравии (1000±200 лет до предка), Швейцарии (875±210 лет) и Литвы (850±260 лет). Вот их базовые 37-маркерные гаплотипы, в той же последовательности:

12 23 14 10 13-15 11 13 12 13 11 29 15 9-9 11 11 26 15 20 29 13-13-15-15 11 10 19-22 14 14 16 16 34-38 11 9

12 23 14 10 14-15 11 13 13 13 11 29 15 9-9 11 11 26 15 19 30 13-15-16-16 10 11 19-22 15 14 17 15 35-38 11 9

13 23 14 10 13-18 11 15 13 14 11 30 17 9-9 12 11 24 15 21 32 14-15-16-16 11 11 19-22 15 13 16 17 34-34 12 9

Они образуют треугольник со сторонами в 31, 29 и 14 мутаций, где короткая сторона соответствует дистанции между арабской и швейцарской группой. Это означает, что литовско-татарская ветвь разошлась с другими 7300 лет назад или ранее. Поскольку она принадлежит к субкладу J2a-PF5197, что является специфическим для Передней и Южной Азии, то в качестве наиболее вероятных вариантов можно рассматривать Среднюю Азию и примыкающий к ней пояс степей.

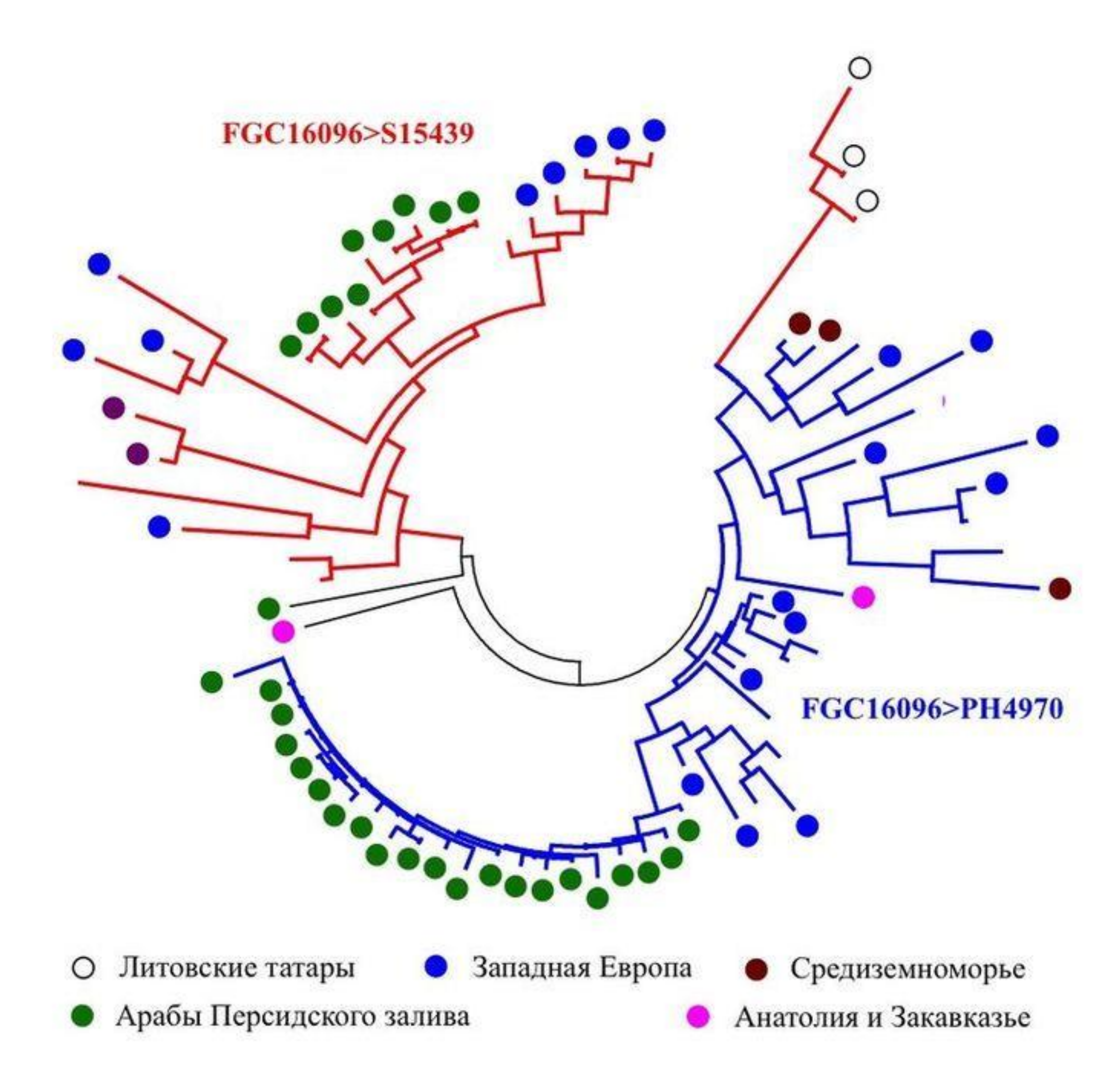


Рис. 4. Дерево 37-маркерных гаплотипов субклада J2-FGC16096

Остальные гаплогруппы, найденные в выборке литовских татар, заметно уступают по численности R1a и J2, но среди них также есть ряд линий, которые могут дать информацию о месте происхождения этой этнической группы. Они представлены в графической форме на рис. 5.

Ветви гаплогрупп Q, R1b-M73 и R1b-Z2103, отмеченные на рис. 5, встречаются у многих народов Великой Степи, а потому их появление у литовских татар вполне закономерно. Любопытно, что все 3 представителя субклада R1b-M73, по-видимому, принадлежат к той же самой ветви, что была идентифицирована в останках знатных монголов времен Монгольской Империи и произвела сенсацию у не слишком знакомых с предметом журналистов (Lkhagvasuren 2016). Происхождение молодой

линии из ветви G2a-L1264 не столь очевидно. Если буквально трактовать статистику по современным народам, то эту линию следовало бы отнести к недавним мигрантам с Северного Кавказа, поскольку ветвь L1264 является одной из основных генеалогических линий адыго-абхазских народов, а также распространена в Грузии. Однако, находки гаплогруппы G2 (субклад не определялся) в захоронениях донских алан VIII века н.э. показывают, что за 600-700 лет до переселения татар в ВКЛ эта гаплогруппа была представлена на территории будущей Золотой Орды (Афанасьев 2015). О том же косвенно свидетельствует география ветви G2a-L1264 за пределами Кавказа. Она рассеяна с низкой частотой среди восточных славян, татар и евреев-ашкенази, что больше согласуется с ранним степным происхождением этих редких линий, чем с относительно недавней миграцией с Северного Кавказа. Гаплогруппа N представлена в выборке всего тремя гаплотипами, из которых один принадлежит к распространенному у тюркских народов субкладу P43. Отнесение двух других неясно из-за низкого разрешения. О происхождении единственного носителя редкой для Восточной Европы гаплогруппы I2a2-M223 сложно делать какие-либо выводы.

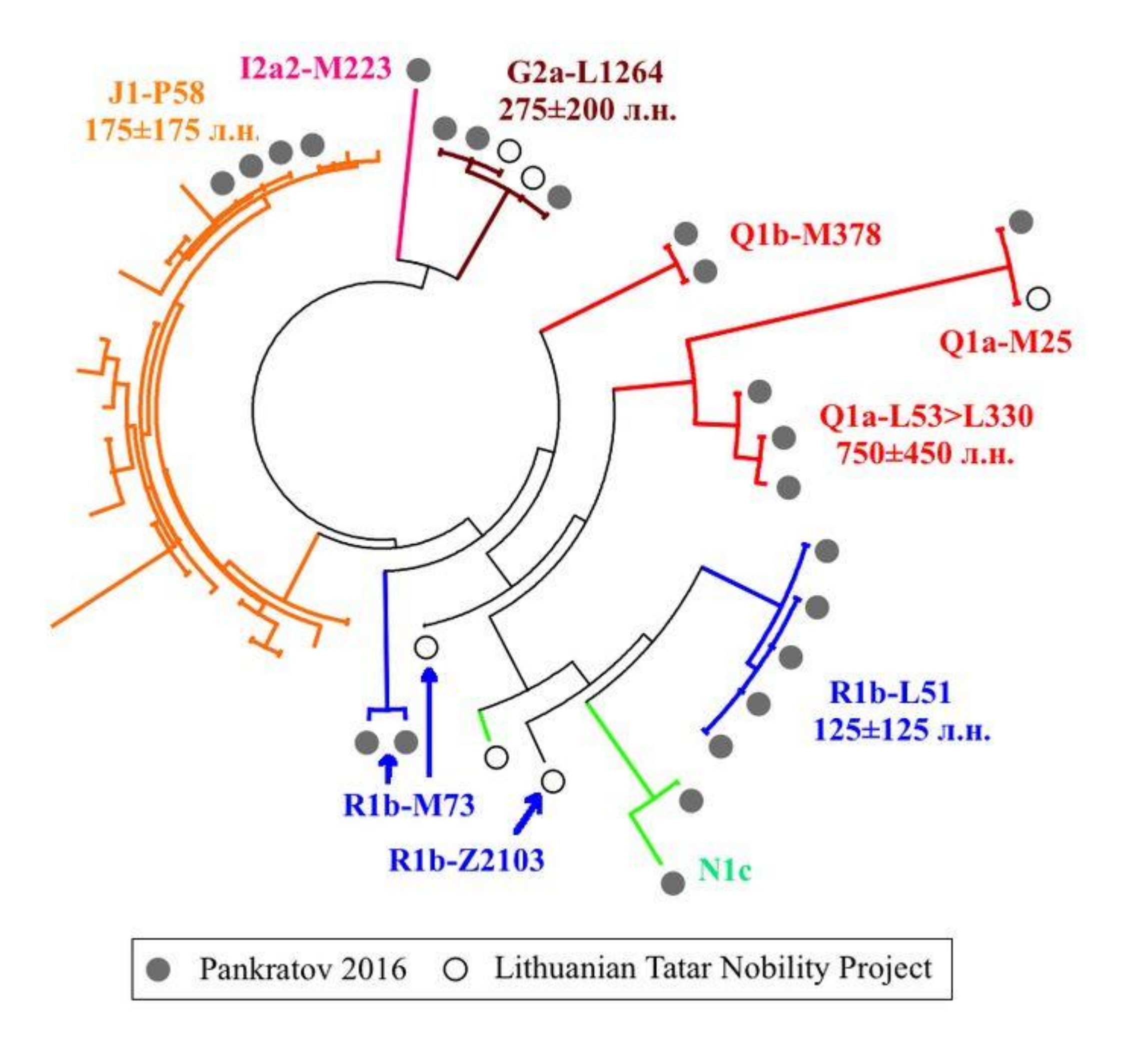


Рис. 5. Дерево 17-маркерных гаплотипов литовских татар из минорных гаплогруппы. Не маркированы гаплотипы армян и азербайджанцев, добавленные из списка в (Pankratov 2016).

Наконец, остаются две группы, состоящие из близких родственников, для которых маловероятно как степное, так и славянское происхождение. Первую, из гаплогруппы J1-P58, авторы цитируемой статьи попытались вывести с Кавказа, руководствуясь, видимо, расчетом ПКА. Поскольку им не удалось обнаружить представителей субклада P58 на Северном Кавказе (там доминирует параллельный ему Z1828), то для сравнения брали гаплотипы армян и азербайджанцев. По неизвестной причине вне поля зрения остался народ, в течение последних 600 лет живший в тех же самых населенных пунктах, что и литовские татары – евреи-ашкенази. Базовый гаплотип одной из ашкеназийских ветвей гаплогруппы J1, а именно J-FGC5206, точно совпадает с базовым гаплотипом группы литовских татар:

12 23 14 10 13 17 11 13 11 31 17 14 20 11 15 10 20

Очевидно, родословная этой семейной линии восходит к восточно-европейским евреям, но ее детали пока неизвестны. Происхождение второй линии из западноевропейского субклада R1b-L51 пока остается неясным из-за низкого разрешения.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что от 65% до 85% литовских татар из совместной выборки по своим мужским родословным восходят к народам, населявшим территорию Золотой Орды на рубеже XIV–XV вв. Разночтения касаются в основном гаплотипов из субклада M458 в низком разрешении. В пользу того, что их носители также восходят к переселенцам из евразийских степей, говорит статистика по ногайцам (Схаляхо 2013) и черкесам (Balanovsky 2011), у которых были найдены гаплотипы R1a-M485, не типироввшиеся на более глубокие снипы, а также единичный пока гаплотип балкарца с карачаево-балкарского проекта[1] (кит № 307200), принадлежащий к очень редкой родительской ветви M458. Кажущаяся очевидной версия о недавнем происхождении от кубанских и терских казаков не согласуется ни с фактами истории тюркоязычных народов Северного Кавказа, ни с датировками ветвей, найденных в исследованной выборке (рис. 2).

При сравнении с современным распределением представленных в выборке гаплогрупп и данными ископаемой ДНК весь набор степных генеалогических линий можно условно поделить на «западную» и «восточную» части. К первой относятся ветви G2a-L1264, R1a-M458, R1b-Z2103, J2b-L283, а также, возможно, некоторые участники из ветвей R1a-Z280 и J2a. Ко второй – R1a-S23592, J2a-S15439, Q1a, Q1b и R1b-M73. Современное количественное соотношение этих линий, принципиально важное при расчетах ПКА, имеет второстепенное значение при реконструкции методами ДНК-генеалогии. За 600 лет существования татарского субэтноса в ВКЛ исходные пропорции неоднократно менялись – какие-то линии из исходного набора росли быстрее, какие-то медленнее, а многие пресеклись, не оставив потомков в современной популяции. То есть происходило то, что называется генетическим дрейфом. По этой причине принципиальную информацию об истории народов

[1] https://www.familytreedna.com/public/KBalkarDNA/default.aspx?section=yresults

Золотой Орды несут не проценты той или иной генеалогической линии в современной выборке, а само наличие таких линий и времена жизни их предков.

«Восточная» группа ветвей роднит литовских татар с народами, говорящими на кыпчакских языках – киргизами, казахами, башкирами, карачаевцами и балкарцами, у которых они также имеются, хотя и в других соотношениях. Происхождение «западной» группы, вероятно, следует связывать с населением Восточной Европы, вновь заселившим степную зону после демографического кризиса рубежа III-II тысячелетий до н.э. Об этом свидетельствуют времена жизни предков соответствующих ветвей гаплогрупп G2a, J2b, R1a и R1b, что попадают в узкий интервал 4200-3800 лет назад. По археологическим данным, в степной зоне Европы исчезают захоронения в промежуток времени между 4200 и 4000 годами назад, но появляются на Южном Урале, маркируя синаштинскую культуру (Anthony 2007). Палеоклиматологи фиксируют необычной силы засуху на Ближнем Востоке, начавшуюся около 4200 лет назад и длившуюся около 100 лет (DeMenocal 2001). К следствиям резкого изменения климата, помимо падения Аккадского царства в Месопотамии и Древнего Царства в Египте, относится, видимо, и уход людей из степей, превратившихся в пустыню. Когда засуха закончилась, люди вернулись, но это были уже другие племена, потомки которых продолжали жить там вплоть до очередной радикальной смены населения на закате Золотой Орды. За прошедшее с эпохи бронзы время их генеалогические линии во многом перемешались с линиями, что пришли с востока, в том числе и теми, что, сделав круг, вернулись в места, которые когда-то покинули.

В силу исторических обстоятельств, смешанный характер населения причерноморских степей позднего Средневековья во многом «законсервировался» у литовских татар. В этом уникальность их положения, поскольку у других родственных им народов замещение исходных генеалогических линий происходило намного интенсивнее. Так, у казанских татар преобладают автохтонные линии Поволжья, среди тюркоязычных народов Северного Кавказа – местные кавказские гаплогруппы, а в этногенез (и фенотип) казахов значительный вклад внесли монгольские племена, предки современных калмыков (Каржавин 2009). Первое, на что следует обратить внимание – это отсутствие в выборке гаплогрупп восточноазиатского происхождения (C2 и O), а также очень низкую долю гаплогруппы N, которая служит меткой миграций с Алтая у многих тюркских народов. Хотя их исчезновение можно отнести за счет генетического дрейфа, подобная избирательность, скорее всего, говорит о том, что в исходной популяции их также было мало, что повышает вероятность «вымывания» таких линий. Гаплогруппы Q1b, Q1a-M25 и R1b-M73, хотя и присутствуют на Алтае и в Монголии, но, согласно статистике, больше тяготеют к Средней Азии, где, вероятно, и зародились. О возможном среднеазиатском происхождении ветви J2a-S15439 уже говорилось выше, а миграционные пути ариев из ветви R1a-Z93, предковой к Z2125, с Русской равнины на восток надежно реконструируются по сумме имеющихся данных (Клёсов 2016).

Поскольку существуют весомые свидетельства, что изначальный язык литовских татар принадлежал к кыпчакской группе тюркских языков (Pankratov 2016, Supplementary Information Text), то, очевидно, основной вклад в их

формирование внесли кыпчакские народы, известные в древнерусских источниках под собирательным названием «половцы», с ударением на последнем слоге (Зализняк 2014, с. 649). Их этногенез во многом остается загадкой, и консенсус специалистов существует только относительно места формирования тюркских языков, зафиксированных в самых ранних письменных источниках. На основе палеографического материала и средневековых хроник исходный ареал обитания тюркских народов, как правило, помещают в верховья Оби и Енисея, где в настоящее время живут говорящие на языках этой группы тувинцы, хакасы, чулымцы, карагасы (тофалары), шорцы, тубалары, кумандинцы, челканцы, алтай-кижи[1]. Несмотря на языковое родство, по набору Y-хромосомных линий они показывают существенные отличия друг от друга (Derenko 2008, Балаганская 2011, Dulik 2012, Underhill 2014). В различных, зачастую контрастирующих пропорциях у коренных народов Алтая и Саян представлены гаплогруппы C2, D, O2, Q1a-L53, N, R1a и R1b, причем для многих из них можно выделить молодые ветви с датами жизни предков 1000-1500 лет назад. При анализе доступных 17-маркерных гаплотипов (Dulik 2012, Underhill 2014) выяснилось, что в выборке литовских татар из них присутствуют только субклады R1a-S23592 и Q1a-L53 (ветвь L330), а также единичный гаплотип из субклада N-P43.

Из этого наблюдения можно сделать предварительный вывод, что либо население Алтая претерпело радикальные изменения в послемонгольскую эпоху, когда литовские татары уже осели на своих новых землях, либо вклад жителей этого региона в этногенез кыпчакских народов был сравнительно небольшим. Если исходить из данных по ископаемой ДНК, то первый вариант вполне вероятен, поскольку в захоронениях, от эпохи бронзы до раннего Средневековья, обнаружено несколько десятков носителей гаплогруппы R1a, но лишь единичные образцы из гаплогрупп C (Keyser 2009, образец S07), J2a-PF5050 (Allentoft 2015, C. Rottensteiner, частное сообщение, образец RISE602), N-P43 (Пилипенко 2015) и Q1a-M25 (Allentoft 2015, образцы RISE600 и RISE601). Имеющаяся статистика, однако, не позволяет пока оценить, насколько значительным был перевес «скифских» ветвей R1a-Z93 в регионе и на какое время приходится их частичное замещение на восточноазиатские гаплогруппы C2, O2, N-P43 и Q1a-L53. Вероятность второго варианта, о происхождении кыпчаков за пределами Алтая, напрямую зависит от пока еще фрагментарных данных по ископаемой ДНК степных народов Евразии в Средние Века. Она тесно переплетена с проблемой т.н. «аланского наследства», что является одной из горячих тем в истории Северного Кавказа.

Оба варианта, однако, сходятся в одном – родословные подавляющего большинства литовских татар, как, очевидно, и половцев, «срезом» с которых их можно считать, восходят к народам, населявшим степную зону Евразии с эпохи бронзы и создавшим культурную общность, материальные признаки которой оставили след на всем ее пространстве. В различных источниках они известны как скифы (Σκύθοι), «сака», «шака», «ашкуза», «ишкуза», «*шатс» (蔡). Как следует из современных данных по Y-ДНК, скифы и половцы (предки литовских татар, согласно данной концепции) оказываются очень близкими народами, потомками арийских

[1] https://www.ethnologue.com/country/RU/languages

племен, начавших движение с Русской равнины на восток около 4000 лет назад. От них они унаследовали генеалогические линии из субклада R1a-Z93, которые по мере контактов с окружавшими народами дополнились ветвями из гаплогрупп G2, J2, R1b, а впоследствии R1a-Z282 и гаплогруппами восточноазиатского происхождения. На каком из этапов своей истории они перешли с исходного индоевропейского языка на тюркский, еще только предстоит выяснить. На примере литовских татар мы имеем редкий случай движения по спирали в виде возврата к языку индоевропейской семьи.

Таким образом, исследование Y-хромосомных линий литовских татар позволяет сделать выводы, что (i) не менее 2/3 мужчин в репрезентативной выборке ведут свой род от народов, населявших степную часть Золотой Орды и говоривших на кыпчакских языках; (ii) принципиальные генеалогические линии литовских татар восходят к скифским племенам, заселявшим в эпоху железа обширные пространства от Днепра до Алтая; и (iii) возникновение кыпчакской ветви тюркских языков может быть связано с тюркизацией одной их групп скифских по происхождению племен, как можно судить по преобладанию ветвей одного и того же субклада R1a-Z2125 среди всех без исключения народов этой группы. Последний тезис нуждается в дополнительной поддержке, в первую очередь, со стороны лингвистики. Для локализации места, времени и масштаба этого события, если оно подтвердится, необходимо также переосмыслить материал, собранный археологами и специалистами в источниковедении.

Наконец, ДНК-генеалогия позволяет понять, за счет чего литовские татары сохранили свою национальную идентичность в условиях, когда многие подобные этнические группы неизбежно бы ассимилировались. Помимо религиозных и сословных барьеров, не меньшую, а может быть, и большую роль сыграло то, что они сохраняли преемственность традиций от отца к сыну, что всегда стояла на первом месте у кыпчаков, и проявление которой наблюдаем на примере очень высокой доли предковых линий. Ее не смогли поколебать ни утрата языка, ни многочисленные браки на славянках, ни даже переход в христианскую веру.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев 2015 - *Афанасьев Г.Е. и др.* Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 237. 2015. С. 64-79.

Балаганская 2011 - *Балаганская О.А. и др.* Генетическая структура по маркерам Y хромосомы народов Алтая (России, Казахстана, Монголии) // Вестник Московского государственного университета. Серия XXIII. «Антропология». 2011. № 2. С. 25-39.

Думин и др. 2016 - *Думин С.В., Волков В.Г., Сабитов Ж.М.* Этногенетические связи литовских татар: исторические корни литовско-татарского дворянства // Золотоордынская цивилизация. № 9. С. 309-325.

Зализняк 2014 - *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.

Каржавин 2009 - *Каржавин С.П.* Роль калмыков в формировании генетического портрета казахского этноса. Опыт имитационного моделирования исторического развития популяции // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Т. 2. 2009. № 4. С. 670-746.

Клёсов 2016 - *Клёсов А.А.* Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2. С. 127-156.

Муратов 2016 - *Муратов Б.А.* ДНК-генеалогия татарских фамилий – 2. Крымские татары // БЭИП «Суюн». 2016. Т. 3. № 1 [1,2]. С. 28-79.

Пилипенко и др. 2015 - *Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В.* Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. 2015. № 4. С. 147-153.

Рожанский и др. 2013 - *Рожанский И.Л. и др.* Белорусы: этногенез и связь с другими славянскими народами с позиции ДНК-генеалогии // Наука и инновации. Научно-практический журнал (Минск). 2013. № 3 (121). С. 55-62.

Схаляхо 2013 - *Схаляхо Р.А.* Геногеография тюркоязычных народов Кавказа: анализ изменчивости Y-хромосомы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2013. 24 с.

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. V. 522. S. 167-172.

Anthony 2007 - *Anthony D.W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. 554 p.

Balanovsky 2011 - *Balanovsky O.P. et al.* Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // Molecular Biology and Evolution. 2011. V. 28. S. 2905-2920.

DeMenocal 2001 - *DeMenocal P.B.* Cultural Responses to Climate ChangeDuring the Late Holocene // Science. 2001. V. 292. S. 667-673.

Derenko 2006 - *Derenko M. et al.* Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan regions // Hum. Genet. 2006. V. 118. S. 591-604.

Di Cristofaro 2013 - *Di Cristofaro J. et al.* Afghan Hindu Kush: Where Eurasian Sub-Continent Gene Flows Converge // PLoS ONE. 2013. V. 8(10): e76748. doi:10.1371/journal.pone.0076748.

Dulik 2012 - *Dulic M.C. et al.* Mitochondrial DNA and Y Chromosome Variation Provides Evidence for a Recent Common Ancestry between Native Americans and Indigenous Altaians // Am J Hum Genet. 2012. V. 90. S. 229-246.

Keyser 2009 - *Keyser C. et al*. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Hum. Genet. 2009. V. 126. S. 395-410.

Lkhagvasuren 2016 - *Lkhagvasuren G. et al.* Molecular Genealogy of a Mongol Queen's Family and Her Possible Kinship with Genghis Khan // PLoS ONE. 2016. 11(9): e0161622. doi:10.1371/journal.pone.0161622.

Pankratov 2016 - *Pankratov V. et al.* East Eurasian ancestry in the middle of Europe: genetic footprints of Steppe nomads in the genomes of Belarusian Lipka Tatars // Scientific Reports. 2016. V. 6: 30197. doi:10.1038/srep30197.

Underhill 2014 - *Underhill P.A. et al.* The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a // Eur. J. Hum. Genet. 2014. 23. S. 1-8.

REFERENCES

Afanas'ev 2015 - *Afanas'ev G.E. i dr.* Novye arheologicheskie, antropologicheskie i geneticheskie aspekty v izuchenii donskih alan [New archaeological, anthropological and genetic aspects in studying Don Alan], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. Vyp. 237 [Short messages of Institute of archeology. Release 237], 2015, pp. 64-79 [in Russian].

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, V. 522, pp. 167-172 [in English].

Anthony 2007 - *Anthony D.W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton and Oxford, Princeton University Press Publ., 2007, 554 p. [in English].

Balaganskaja 2011 - *Balaganskaja O.A. i dr.* Geneticheskaja struktura po markeram Y hromosomy narodov Altaja (Rossii, Kazahstana, Mongolii) [Genetic structure on markers Y chromosomes of the people

of Altai (Russia, Kazakhstan, Mongolia)], in: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija XXIII. «Antropologija» [Bulletin of Moscow State University. Series XXIII. «Anthropology»], 2011, № 2, pp. 25-39 [in Russian].

Balanovsky 2011 - *Balanovsky O.P. et al.* Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region, in: Molecular Biology and Evolution, 2011, V. 28, pp. 2905-2920 [in English].

DeMenocal 2001 - *DeMenocal P.B.* Cultural Responses to Climate ChangeDuring the Late Holocene, in: Science, 2001, V. 292, pp. 667-673 [in English].

Derenko 2006 - *Derenko M. et al.* Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan regions, in: Hum. Genet., 2006, V. 118, pp. 591-604 [in English].

Di Cristofaro 2013 - *Di Cristofaro J. et al.* Afghan Hindu Kush: Where Eurasian Sub-Continent Gene Flows Converge, in: PLoS ONE, 2013, V. 8(10): e76748. doi:10.1371/journal.pone.0076748 [in English].

Dulik 2012 - *Dulic M.C. et al.* Mitochondrial DNA and Y Chromosome Variation Provides Evidence for a Recent Common Ancestry between Native Americans and Indigenous Altaians, in: Am J Hum Genet., 2012, V. 90, pp. 229-246 [in English].

Dumin i dr. 2016 - *Dumin S.V., Volkov V.G., Sabitov Zh.M.* Jetnogeneticheskie svjazi litovskih tatar: istoricheskie korni litovsko-tatarskogo dvorjanstva [Ethnogenetic linkages of the Lithuanian Tatars: historical roots of the Lithuanian-Tatar nobility], in: Zolotoordynskaja civilizacija [Zolotoordynsky civilization], № 9, pp. 309-325 [in Russian].

Karzhavin 2009 - *Karzhavin S.P.* Rol' kalmykov v formirovanii geneticheskogo portreta kazahskogo jetnosa. Opyt imitacionnogo modelirovanija istoricheskogo razvitija populjacii [Role of Kalmyks in formation of a genetic portrait of the Kazakh ethnos. Experience of imitating modeling of historical development of population], in: Vestnik Rossijskoj Akademii DNK-genealogii. T. 2 [Bulletin of the Russian Academy of DNA genealogy. Volume 2], 2009, № 4, pp. 670-746 [in Russian].

Keyser 2009 - *Keyser C. et al*. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people, in: Hum. Genet., 2009, V. 126, pp. 395-410 [in English].

Kljosov 2016 - *Kljosov A.A.* Migracii ariev po dannym DNK-genealogii [Migrat ions of the Aryans in Light of DNA Genealogy], in: Istoricheskij format [Historical Format], 2016, № 2, pp. 127-156 [in Russian].

Lkhagvasuren 2016 - *Lkhagvasuren G. et al.* Molecular Genealogy of a Mongol Queen's Family and Her Possible Kinship with Genghis Khan, in: PLoS ONE, 2016, 11(9): e0161622. doi:10.1371/journal.pone.0161622 [in English].

Muratov 2016 - *Muratov B.A.* DNK-genealogija tatarskih familij – 2. Krymskie tatary [DNA genealogy of the Tatar surnames – 2. Crimean Tatars], in: BJeIP «Sujun» [BEIP «Suyun»], 2016, T. 3, № 1 [1,2], pp. 28-79 [in Russian].

Pankratov 2016 - *Pankratov V. et al.* East Eurasian ancestry in the middle of Europe: genetic footprints of Steppe nomads in the genomes of Belarusian Lipka Tatars, in: Scientific Reports, 2016, V. 6: 30197. doi:10.1038/srep30197 [in English].

Pilipenko i dr. 2015 - *Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Polos'mak N.V.* Paleogeneticheskoe issledovanie nositelej pazyrykskoj kul'tury iz mogil'nika Ak-Alaha-1 (Gornyj Altaj) [Paleogenetichesky research of carriers of pazyryksky culture from a burial ground of Ak-Alakha-1 (Mountain Altai)], in: Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. T. 43 [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. Volume 43], 2015, № 4, pp. 147-153 [in Russian].

Rozhanskij i dr. 2013 - *Rozhanskij I.L. i dr.* Belorusy: jetnogenez i svjaz' s drugimi slavjanskimi narodami s pozicii DNK-genealogii [Belarusians: ethnogenesis and communication with other Slavic people from a DNA genealogy position], in: Nauka i innovacii. Nauchno-prakticheskij zhurnal (Minsk) [Science and innovations. Scientific and practical magazine (Minsk)], 2013, № 3 (121), pp. 55-62 [in Russian].

Shaljaho 2013 - *Shaljaho R.A.* Genogeografija tjurkojazychnyh narodov Kavkaza: analiz izmenchivosti Y-hromosomy. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata biologicheskih nauk [Genogeografiya of the Turkic-speaking people of the Caucasus: analysis of variability of a Y-chromosome. The abstract of the thesis for a degree of Candidate of Biology], Moscow, 2013, 24 p. [in Russian].

Underhill 2014 - *Underhill P.A. et al.* The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a, in: Eur. J. Hum. Genet., 2014, 23, pp. 1-8 [in English].

Zaliznjak 2014 - *Zaliznjak A.A.* Drevnerusskoe udarenie: Obshhie svedenija i slovar' [Old Russian accent: General information and dictionary], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2014, 728 p. [in Russian].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член научного совета Академии ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).
Igor Rozhanskii – Candidate of chemical sciences,
Member of scientific council of the Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan).
E-mail: igorrozhanskii@gmail.com

УДК 908

ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПО СНАБЖЕНИЮ УЕЗДОВ СИБИРИ ОРУЖИЕМ В XVII В.

В.Д. Пузанов

Курганский государственный университет
Россия, 640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
e-mail: oid@kgsu.ru
SPIN-код: 6026-6252

Авторское резюме

Русское государство снабжало оружием служилых людей и крестьян Сибири для защиты от кочевников. В Тобольске были большие запасы оружия, которые направлялись в другие центры Сибири. В городе делали пушки и другое оружие. Власти Сибири поощряли распространение огнестрельного оружия у русского населения, и раздавали его сами из «государевой казны». Петр I проводит политику вооружения всего русского мужского населения на юге Сибири.

Ключевые слова: город, уезд, воевода, пушки, пищали.

THE POLICY OF THE RUSSIAN STATE REGARDING THE ARMS SUPPLY OF SIBERIAN DISTRICTS IN THE 17th CENTURY

Vladimir Puzanov

Kurgan state university
25 the Gogol Street, Kurgan, 640669, Russia
e-mail: oid@kgsu.ru

Abstract

The Russian government supplied arms to the servicemen and peasants of Siberia for protection against attacks by nomads. Tobolsk manufactured cannons and other firearms and had massive arms stockpiles for distribution to another Siberian centers. Siberian authorities encouraged the spread of firearms among the Russian population and personally distributed weapons at the emperor's expense. Peter I adopted the policy of arming the entire male Russian population of southern Siberia.

Keywords: Tobolsk, Siberia, voivode, cannons, pischals (matchlock guns).

* * *

Русское государство возникло на территории Восточной Европы, на юге которой властвовали сильные кочевые племена. Отношения с кочевниками были важной проблемой внешней политики России до конца XVIII в. Кочевые племена оказали большое влияние на историю Руси, на политические, социальные, экономические процессы, культуру общества. Кочевые набеги заставляли государство и общество тратить много сил и средств на защиту территории и населения, строить крепости и остроги, формировать военные силы. В XVI в. Русское

государство, используя новую военную технику, переходит в наступление на кочевой мир, подчиняет Казанское и Астраханское ханства, строит десятки городов в поле на юге Восточной Европы. Присоединение Сибирского царства к России в конце XVI в. стало одним из результатов этого наступления. Политическая и военная история русской Сибири конца XVI – начала XVIII вв. может быть названа одной из глав сложной истории отношений восточных славян, позднее Киевской Руси, Русского государства, с кочевниками. Таким образом, главной политической и военной проблемой русской власти в Сибири были не местные племена, а кочевые объединения, от которых первые давно уже находились в определенных отношениях зависимости. Кочевники до прихода русских в Азию на протяжении тысячелетий распространяли свою власть на оседлые группы к югу и северу от районов Великой степи. Непосредственный предшественник русской власти в крае – Сибирское ханство, одно из таких поздних политических организаций, очень типичных для традиционного Востока, где небольшие мобильные группы кочевников подчинили себе ряд племен по рекам Оби, Иртышу и Тоболу и их притокам.

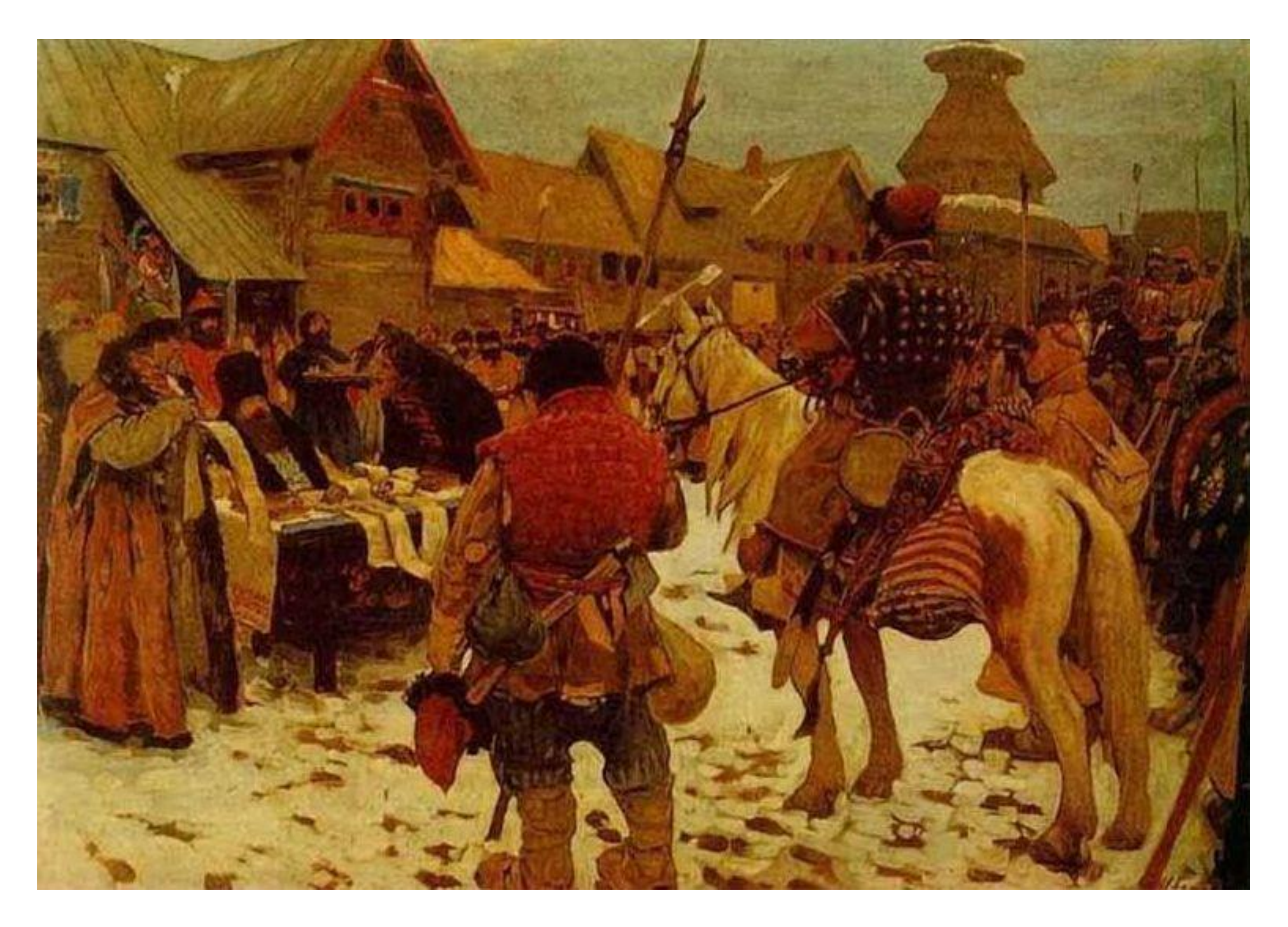


Рис. 1. Смотр служилых людей (худ. С.В. Иванов)

На юге Сибири русская колонизация столкнулась с различными кочевыми народами: ногаями, ойратами, восточными монголами, казахами, башкирами. В результате русская колонизация Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII вв. имела военный характер. Борьба с кочевыми набегами была трудной и требовала

огромных усилий. Н.И. Никитин справедливо отмечал, что «особенно трудно доставались служилым людям победы в столкновениях с кочевыми народами южной Сибири. По описаниям очевидцев, южносибирские кочевники «являются быстрым и опасным врагом», «очень ловко обращаются» с луком и стрелами, «никогда не идут в набег без кольчуги и пик», «выходят в бой прекрасно вооруженными, т. е. в шлемах, с копьями и в кольчугах» (Никитин 1990: 59).

В 1630 г. служилые люди Томска обратились с челобитной к царю Михаилу Федоровичу, сообщая что «*прилегли… под дальнюю царскую отчину под Томский город многие твои государевы изменники и непослушники немирные орды киргизы и калмыки и иных многих немирных землиц люди и приходят под твой государев Томский город и в твои государевы ясачные волости войною великим собранием*». Особую тревогу служилых людей вызывало то, что кочевники были хорошо вооружены, «*а люди, государь, у них все доспешны и куяшники и пансырники, и нам, государь, холопем твоим, противу твоих государевых изменников и непослушников супротивиться невозможно, выезжать против них не в чем из города на вылазках, и в частых посылках от твоих государевых изменников многия наши братия побиты и переранены*» (Томск 1911: 157).

По данным челобитной превосходство кочевников в защитном вооружении позволяло им одерживать победы в стычках, отгонять конские табуны от Томска «*и табуны у нас, у холопей твоих, отгоняют потому, что, государь, мы люди не одежные воинскою, збруи пансырей и куяков и шапки у нас, у холопей твоих, нет, а взять, государь, негде, а купить не у кого и не на что*». Служилые люди просили выслать в Томск пансыри из «государевой казны» в дар.

В 1630 г. воевода Томска князь Петр Пронской писал царю, что нет ружей для вооружения новоприбранных служилых людей, многие старые служилые люди города служат с луками, а не с пищалями, так как пищалей нет в городской казне Томска, а торговые люди пищалей не привозят и в результате «купить пищали негде» (Томск 1911: 159).

В 1639 г. русское войско из Томска и других городов Сибири было послано вернуть под русскую власть енисейских киргизов. Возглавивший его Яков Тухачевский ранее проезжал землю киргизов и оценивал их силы в 400 тяжеловооруженных всадников, «*садится их на лошади с копьи и в куяках*», и 500 легковооруженных всадников (РГАДА, Ф. 214, Ст. 84, Л. 12). По его словам, с киргизами «без копей бится не мочно», но хотя в Сибири не было копейщиков, в Томске и на Таре среди иноземцев и казаков имелось «*много таких, которым за обычай сидеть на лошади с копьи из гусарскими*». Надо полагать, что большинство этих сибирских служилых людей ранее служили в знаменитой польской кавалерии «панцирных гусар» и попали на восток в качестве военнопленных в Смутное время. Яков Тухачевский предложил устроить из них и других групп служилых людей на месте в Сибири, для похода на киргизов, 6 рот по типу европейских – 1 рейтарскую и 5 копейных рот, для чего ему было прислано из Москвы 500 копий, 100 лат с шишаками, 100 карабинов и 6 знамен (РГАДА, Ф. 214, Ст. 886, Л. 233). Первое применение «иноземного строя» было удачным, киргизы потерпели тяжелое поражение.



Рис. 2. Поход москвитян. XVI век (худ. С.В. Иванов)

В 1659-1661 гг. в Тобольске были организованы полки «иноземного строя» – рейтары и солдаты. По свидетельству Котошихина, вооружение рейтар и солдат проводилось за счет казны, в частности, рейтары получали «*ружье, карабины и пистоли, а лошади и платье покупают сами*». Солдатам выдавали «*ружье, мушкеты, бердыши, шпаги, пики малые, а иным даетца шпаги, и мушкеты, и пики долгие, и те мушкеты, для нужного времени, возят за ними на лошадях*» (Котошихин 1984: 282).

Своеобразие опыта войны в лесостепном пограничье Сибири – постоянные набеги, стычки – серьезно скорректировало тактику полков, заставив отбросить европейский строй. Полки, которые формировались, в первую очередь, из служилого населения Сибири, в боевых условиях вернулись к тактике традиционных сибирских формирований. В первую очередь, удивлял разнобой рядового состава полков «нового строя» в стрелковом оружии. В Тобольск с пограничья пришли солдаты не только с уставными мушкетами, но с гладкими и винтовальными пищалями, турками. Многие рейтары сменили уставные карабины на саадаки (Пузанов 2006: 115-118).

В 1667 г. новый воевода Тобольска П.И. Годунов (1667-1669) обратился к офицерам полков Петру Дохтурову и Ивану Иевлеву с вопросом, какое оружие необходимо в рейтарском и солдатском строе и какое сибирские полки имеют фактически. Выяснилось, что, помимо тех рейтар и солдат, которые служат с «государевым ружьем» (установленными карабинами и мушкетами), часть рейтар служит со своим ружьем – винтовальными и гладкими пищалями и даже саадаками. Воевода расспросил также и рядовых, которые сообщили, что многие рейтары и солдаты служат со своим ружьем, оставив выданное «государево ружье» дома (РГАДА, Ф. 214, Ст. 367, Л. 771).

П.И. Годунов писал, что после первых боев полки выступали в бой «не строем», начальные люди и рейтары воевали не с ружьями, а «с саадаками»,

«солдаты с винтованными пищалями заровно с беломестными казаки», то есть как привыкли воевать сибирские служилые люди. В результате, московские традиции быстро победили европейскую организацию, Годунов прямо пишет, что деньги на обучение были истрачены напрасно: «а строем те полки по-казацки», «а никогда они стройно под знаменами рейтары не бывали, и распускали их с вашей, великих государей службы по домам и по своим промыслам для своих корыстей начальные люди» (Пузанов 2006: 115).



Рис. 3. Конные служилые люди XVI-XVII вв.

Юрий Крижанич, хорват католический священник и борец за славянское единство в 1661-1676 гг. живший в ссылке в Тобольске, критиковал строй рейтар и вооружение. По мнению ученого, кавалеристы в латах, рейтары в условиях России были не нужны, так как их легко побеждала легкая татарская конница. Ю. Крижанич писал, что шпаги рейтар смешны в бою с татарами и уступают сабле и полагал, что в Русском государстве нужны драгуны или мушкетеры, «которые носят мушкеты и сражаются пешими», причем особенно полезны эти воины могли бы быть в Сибири для борьбы с калмыками и татарами. Эти положения о военном деле были изложены Ю. Крижаничем в работе «Политика», написанной в первой половине 1660 гг. в Тобольске на основе размышлений о русско-польской войне 1654-1667 гг. и событий башкирского восстания 1662-1667 гг. (Крижанич 1997: 95-100). Вероятно, Ю. Крижанич познакомил с этими идеями нового воеводу Тобольска П.И. Годунова.

С.К. Богоявленский справедливо писал, что ратные люди, служившие в дворянской коннице центральных уездов России, подбирали оружие в зависимости от «приемов войны и вооружения противника». В 1577 г. из 279 чел. дворян Коломенского уезда 94% не имели ружей, но были вооружены саблями и саадаками, из них 163 чел. служили в доспехах. (Богоявленский 1938: 259). К концу XVII в. в вооружении служилых людей конной службы произошли большие изменения. В это время даже в городах Сибири почти все дети боярские служили с «ружьем».

В 1698 г. в Тюмени прошел смотр детей боярских, данные которого представляют, как были вооружены служилые люди Сибири (РГАДА, Ф. 214, Кн. 1176, Л. 543 – 559). Дети боярские – служилая элита городов Сибири выступали не только офицерами у других групп служилых людей края. На юге Сибири, как и на юге России, дети боярские составляли конные отряды, которые обороняли уезды от набегов кочевников.

В 1698 г. сын боярский Осип Ушаков 50 лет служил на лошади мерине вороном, вооруженный саблей, парой пистолетов и карабином, а также в платье воинском – куяк и шлем. С Ушаковым служил его человек калмык Ромашка Васильев «на простой лошади» с саблей и винтовальной пищалью. Иван Молчанов Меньшой 35 лет на лошади мерине коуром, с оружием саблей, парой пистолетов и пищалью завесной. У его человека Семена Иванова была простая лошадь и саадак. Степан Волжин 55 лет служил на мерине сером, с саблей, пистолетом и карабином. Тимофей Давыдов сын Мишуков 37 лет служил на мерине саврасом с саблей, парой пистолей и саадаком. Его человек Иван Федоров имел пищаль завесную. Иван Алтуфьев 55 лет служил на мерине саврасом, имел саблю пистолет и карабин. Его человек служил с саблей. Василий Некрасов 46 лет служил на мерине рыжем, имея саблю и карабин. Его человек Федот Васильев служил с карабином. Петр Молчанов 60 лет служил на мерине рыжем, имея вторую лошадь мерина чалого, сабля саадак и пищаль. Иван Молчанов Большой 55 лет служил с лошадьми мерином чалым и мерином саврасым, саблей и карабином. Осип Парфенов 47 лет служил на мерине сером, имея саблю и пищаль завесную. Его человек Петр Иванов служил, имея саадак. Василий Текутьев 39 лет служил на мерине гнедом, с парой пистолей и саблей, имея воинское платье куяк. Его человек Андрей Астафьев имел саблю и саадак.

Степан Текутьев 23 лет служил на карем мерине, имея саблю, саадак и пару пистолей двухствольных, а также воинское платье панцирь, шлем и тегиляй. Его человек на лошади Иван Самойлов вел еще одну простую оседланную лошадь, у седла которой были еще пара пистолетов и был вооружен саблей пищалью завесной, копьем и куяком (РГАДА, Ф. 214, Кн. 1176, Л. 545 – 560).

По данным списка Тюмени 1698 г. из 61 детей боярских города 2 не явились на смотр, так как в это время находились на службе в других городах Сибири – в Тобольске и в Красноярске. 2 служилых людей не имели оружия, так как по возрасту, одному 21 год, а другому 15 лет, еще не успели получить его из государевой казны (РГАДА, Ф. 214, Кн. 1176, Л. 545 – 560). Это важное замечание свидетельствует, что государство обязалось снабжать служилых людей оружием в Сибири.

Дети боярские Тюмени служили на лошадях, боевым конем был мерин, многие служилые люди (34 чел.) привели на смотр двух меринов. В списке не отмечаются восточные дорогие лошади – аргамаки или кони, на которых ходили в походы знать Русского государства, «*под меринами разумели лошадей своих русских; они были невелики, но смирны, и выносили много труда*» (Историческое описание 1841: 78). На смотр 9 детей боярских привели своих вооруженных людей, как приводили на смотры послужильцев боевых холопов дети боярские европейской части России.

Холопы были вооружены саблями, саадаками, винтовыми пищалями, карабином, пищалью завесной (которая вешалась на ремне за спиной).

Защитное вооружение имелось только у 6 детей боярских – у двух «воинской куяк», у двух «куяк и шелом», один имел кольчугу, один – дорогой из колец панцирь, шишак и тегиляй. В Сибири наиболее был распространен куяк, доспех восточного типа, распространенный у народов Сибири, «кафтан из плотной материи с металлическими пластинками или бляшками» (Богоявленский 1938: 265).



Рис. 4. Пистолеты с ударно-кремневыми замками, пара. Россия, Москва, Оружейная палата, XVII в. до 1682. Мастер Филипп Тимофеев Ульянов. Железо, дерево, серебро, перламутр, кость; ковка, резьба, насечка, золочение, гравировка, чернь.



Рис. 5. Пищаль с ударно-кремневым замком. Россия, Москва, Оружейная палата, 1692. Железо, дерево, серебро, кость, перламутр; ковка, гравировка, инкрустация, резьба, воронение, чеканка, насечка серебром. Принадлежала Петру I.

Большинство детей боярских были вооружены саблей и ружьем или пистолетом. Оружие детей боярских было очень разнообразно, 39 чел. служили с саблей и ружьем разного типа, 10 чел. служили с саблей и карабином, 2 чел. с саблей, карабином и пистолетом, 4 чел. с саблей и винтовкой, 5 чел. с саблей и пищалью гладкой, 1 чел. с саблей и пищалью завесной, 2 чел. с саблей, пищалями гладкими и пистолетами, 2 чел. с саблей и 2 пистолетами, 1 чел. с саблей, карабином и винтовой пищалью, 1 чел. с саблей, винтовкой и 2 пистолетами, 1 чел. с саблей, карабином и 2 пистолетами, 1 чел. с саблей, пищалью завесной и 2 пистолетами, 1

чел. с саблей и пищалью туркой, 1 чел. с саблей, пищалью и копьем, 3 чел. с саблей, саадаком и винтовой пищалью, 2 с саблей, саадаком и 2 пистолетами, 1 с саблей, саадаком и карабином, 1 с саблей, саадаком и пищалью (РГАДА, Ф. 214, Кн. 1176, *Л.* 545 – 560).

Несколько детей боярских служили еще по старому обычаю, 3 чел. с саблей и с саадаком. Однако 16 детей боярских на смотре оказались без сабли, но имели другое вооружение, один чел. имел только саадак, один с саадаком и двумя пистолетами, один с пищалью гладкой и саадаком, один саадак и копье, четверо с пищалями гладкими, трое служили с пищалями винтовыми, трое с карабином, один с карабином и винтовой пищалью, один с карабином и сулицей (РГАДА, Ф. 214, Кн. 1176, *Л.* 545 – 560).



Рис. 6. Ружья с ударно-кремневым замком. Московская Оружейная палата, XVII в.

Название «пищаль» долго употреблялось как общее название разных типов ружей. В 30-е гг. XVII в. после начала строительства полков «иноземного строя», которые служили в пехоте с мушкетами, в России постепенно пищалями и самопалами стали называть ружья, которые не были мушкетного или карабинного типа, «а мушкетом называли длинное ружье большого калибра с прикладом, несколько отогнутым вниз и имеющим выемку для большого пальца». (Богоявленский 1938: 274).



Рис. 7. Пищали XVII в.

Карабины и пистолеты были оружием рейтар конных полков «иноземного строя». Карабины были более легким коротким и удобным ружьем, с колесным замком, который давал больше возможности всаднику стрелять с лошади. Это оружие было довольно дорогим в 1660 гг. в России карабин стоил до 5 рублей, а пара пистолей 2 рубля с полтиной и более. (Богоявленский 1938: 279).

Как отмечал Н.И. Никитин, «пищали в руках ратных людей были для своего времени, конечно же, грозным оружием, однако не следует забывать, насколько сложна была стрельба из громоздких и тяжелых, в основном фитильных ружей XVII в. Всего по 12–16 выстрелов обычно производили из них за целый день ожесточенного сражения. Отсюда неизбежность рукопашных («съемных») боев, где преимущества русских часто сводились на нет не только многочисленностью, но нередко и хорошим вооружением их противников» (Никитин 1990: 58).

Главным военным центром Сибири XVII в. был Тобольск, основанный в 1587 г. В 1599 г. Тобольск стал центром Тобольского разряда, которому подчинялись все уезды Сибири. В городе имелись большие запасы артиллерии и ручного оружия. В 1627 г. в Тобольске имелись 9 пищалей: 3 полуторных медных и 6 полковых медных. Полковые пищали использовались в походах. 2 полковые пищали были посланы в 1627 г. в экспедицию к озеру Ямыш для защиты от нападений ойратов. В 1628 г. в экспедицию с головою Богданом Аршинским были отправлены 3 полковые пищали. Позднее в экспедиции брали обычно 3 полковые пищали, например, в 1660 г. В 1693 г. в экспедицию отправили 8 пищалей медных. Это количество артиллерии было

мало для города, пищали часто направлялись в другие города и остроги Сибири и далекие экспедиции на озеро Ямыш и на восток. Так в 1627 г. 1 полковая пищаль была послана в Кузнецк, а 1 полковая пищаль отдана экспедиции, отправленной на р. Енисей для строительства города. (РГАДА. Ф. 214. Ст. 25. Л. 10) В 1628 г. в экспедицию Якова Хрипунова были отправлены еще 3 пищали, 1 пищаль полуторная и 2 пищали полковых. В 1639 г. военная экспедиция стольника и воеводы П.П. Головина, посланная для колонизации р. Лены, получила царский указ для обороны острогов взять в Тобольске 2 пушки, ядром весом 3 гривенки и 10 полковых пищалей, ядром по гривенке и боеприпасы, а также крупный отряд из 395 служилых людей Тобольска, Березова и Енисейского острога (Дополнения 1846: 165).

Новый воевода князь Алексей Трубецкой, приехавший в Тобольск в марте 1628 г., отметил, что в Тобольске остались только 2 полуторные пищали, остальные были отправлены в экспедиции. Трубецкой писал, что в Тобольске мало пушек и боеприпасов, в случае просьб воевод городов Сибири о присылке артиллерии «послать будет нечего». Без артиллерии, по словам воеводы, в Тобольске в городе и остроге, а также для посылки в экспедицию на озеро Ямыш и рассылки по вестям в города «быть нельзя».

В первой трети XVII в. в Сибири началось производство оружия. По данным В.И. Сергеева, в 1626 г. в Томске была поставлена на башне пищаль железная, сделанная в городе кузнецами, присланными с Руси, из железа, добытого по р. Томь. В 1628 г. железная руда была обнаружена около Невьянского острога, и кузнецов из Томска отправили на Верхотурье делать пушки и другое оружие. Позднее воевода Томска писал, что кузнецы, делавшие в Томске полковые пищали, были отправлены в Тобольск (Сергеев 1973: 126).

В 1647 г. в Тобольске было 8 больших пищалей и 2 пищали затинные. Кроме того, в 9 острогах и слободах Тобольского и Тарского уезда имелось 5 пищалей медных и 23 пищалей затинных из арсенала Тобольска. К 1649 г. в городе было 6 пищалей: 4 в городе и в городовых воротах и 2 на башнях острога, Воскресенской и Казачьей. В 1660 г. в Тобольске имелись 1 пищаль полуторная железная и 2 пищали полуторных медных (РГАДА. Ф. 214. Ст. 408. Л. 8 – 9).

В июне 1664 г. новый воевода князь А. Голицын принял в Тобольске «городовой наряд», составлявший только 6 пищалей. А. Голицын писал царю, что этих пушек крайне мало для защиты города при возможном нападении, нет орудий, чтобы поставить на башнях и послать в полки на юг Сибири. Кроме того, в орудиях нуждались города, остроги и слободы Тобольского разряда. В августе 1664 г. в Тобольск с просьбой о присылке оружия обратился воевода Верхотурья, который жаловался, что в государевой казне города нет пушек, затинных пищалей и мушкетов. Часто в города писали приказчики из слобод с просьбой прислать оружие для защиты. А. Голицын отмечал, что в 1664 г. в Тобольск были присланы ручные пищали, но их отдали прибранным стрельцам, причем всем стрельцам оружия не досталось, а ныне в Тобольске «в государевой казне пищалей нет» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 663. Ч. 2. Л. 300).

Позднее А. Голицын организовал производство пушек в Тобольске. В Тюмени воевода нашел колокольного мастера стрелецкого пятидесятника Ивана Михайлова,

который сделал из рваных пищалей, имевшихся в Тобольске, 2 новые пищали, одна длиной в 2 аршина с вершком, другая 1 аршин с вершком, ядром в 1, 5 гривенки. Эти пищали в Тобольске прошли испытания и были готовы к бою. Эти опыты А. Голицын считал удачными, воевода хотел и дальше производить пищали в Тобольске. А. Голицын писал, что в городе мало меди, из которой делали пищали, и просил у царя разрешения делать новые пищали из медных денег, которых в Тобольске имелось на 103 500 рублей (РГАДА. Ф. 214. Ст. 663. Ч. 2. Л. 446).

К 1672 г. в городе имелись 22 пищали: 3 пищали полуторных, 15 пищалей обычных, 3 обозные пищали 1 полковая пищаль. В 1678 г. в городе находилось 19 пищалей: 3 пищали полуторных, 3 пищали обозных, 1 пищаль медная девятипядная, 1 пищаль медная гладкая, 1 пищаль медная верховая, 7 пищалей медных, 3 пищали медных полковых, одна из которых была сделана в Тобольске. В списке 1678 г. отмечается, что по государевым грамотам и решению бояр из Тобольска были отправлены пищали на восток в Кузнецкий острог, Енисейский, Красноярский, Илимский остроги, в остроги на р. Лену, в Нижнюю Ницынскую слободу Тобольского уезда.

В государевой казне Тобольска имелись запасы ручного оружия. В 1627 г. в арсенале Тобольска состояло 6 пищалей ручных. Эти запасы оружия обычно привозились из Европейской России. В 1627 г. по государеву указу в Тобольск было послано с Москвы с тобольским служилым человеком 10 пищалей ручных. В 1647 г. в арсенале было 38 мушкетов и самопалов старых из Казани. К 1649 г. в казне Тобольска имелось 27 мушкетов и самопалов, а также 45 мушкетов и самопалов старых. В 1652 г. в Тобольск из Москвы были посланы 500 пищалей ручных с русскими замками. Однако эти пищали быстро отдавали служилым людям. Так в 1660 г. в арсенале имелось всего 8 пищалей ручных. В 1693 г. в казне имелось 68 пистолетов. В 1696 г. в казне Тобольска имелось 36 пищалей с жаграми, 9 карабинов, 11 мушкетов, 874 пищалей новых и 1 000 бердышей.

В списках 1638 г. и 1647 г. на службе в Тобольске отмечен самопальный мастер, который ремонтировал старое оружие и делал новое. В 1649 г. у самопального мастера в казну было взято 30 самопалов. В 1702 г. указом государя в Сибири было приказано делать холодное оружие, тесаки, палаши, шпаги. В январе 1703 г. в Тобольске силами оружейного дела мастера Андрея Калтыкеева с товарищем Михаилом Гавриловым началось производство холодного оружия, 1 000 тесаков, 1 000 палашей, 1 000 шпаг по немецкому образцу. В 1704 г. это оружие было изготовлено и отослано в Сибирский приказ, а затем отправлено в полевую армию под Нарву. Однако в марте 1705 г. по приказу Ф.Ю. Ромодановского производство холодного оружия в Тобольске было прекращено (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 828. Л. 1).

Это оружие раздавалось прибранным служилым людям, иногда отсылалось в другие города Сибири. Крупные партии ручного оружия из Москвы отправлялись через Тобольск в восточные уезды Сибири. 10 октября 1657 г. по царскому указу судье приказа Большой казны И.Д. Милославскому у него было велено взять 1000 пищалей «з замки добрых», для отправки в Сибирский приказ и в Сибирь. Эти пищали предназначались для отправки в Томск, для защиты Томского разряда от набегов енисейских киргизов.



Рис. 8. Кольчуга из города Тары. Россия. XVI век. Железо, ковка, клепка.
Дл. – 88 см, ширина с рукавами – 100 см. Тобольский музей.

В 1695 г. по государевой грамоте из Тобольска в Тюмень было послано 50 ручных пищалей. В 1696 г. 50 пищалей были даны служилым людям, по цене 30 алтын 4 деньги за пищаль. В списке 1696 г. отмечалось, что 20 бердышей отданы караулу стрельцов в городовой проезжей башне Тобольска. В ряде случаев оружие выдавали жилецким людям. Так, в 1693 г. в Тобольск были взяты назад 20 ручных пищалей, отданных на время по просьбе митрополита Корнилия крестьянам в Усть-Ницынскую слободу, пара пистолетов была дана одному из детей боярских. В списке 1696 г. отмечалось, что 25 пищалей с жаграми и боеприпасы были переданы на время в Новую Ишимскую слободу по просьбе беломестных казаков и крестьян. В государевой казне Тобольска находилось холодное оружие. К 1647 г. в арсенале имелось 7 знамен, 3 наручей, 47 панцирей, 50 шеломов и шишаков. В 1644 г. по государевой грамоте панцири и шлемы были отданы в литовскую роту ротмистру Даниле Аршинскому и голове Гавриле Грозину (РГАДА. Ф. 214. Кн. 408. Л. 7).

Воеводы городов Сибири часто писали в Москву о проблемах с обеспечением оружием и боеприпасами. 20 декабря 1651 г. воевода Верхотурья Всеволожский сообщил в Сибирский приказ, что ранее, «в прошлые годы», по государевым указам

с Москвы и Казани в город присылалось «государево ружье» – мушкеты и пищали солдатские, которые отправлялись затем в слободы Верхотурского уезда для защиты от набегов кочевников ойратов. По данным воеводы, часть ружей были оставлены в государевой казне города Верхотурья, но замки этих ружей сломались. Воевода сообщал, что приказчики слобод Верхотурского уезда писали в город, что у ружей, которые находились в их слободах, сломаны замки, а чинить их некому, т.к. на Верхотурье нет бронника. Кроме того, и такого оружия на Верхотурье и в слободах уезда имелось мало. Приказчики из слобод часто писали в город о вестях про возможные нападения кочевников и о том, что у населения нет ружей. По словам воеводы, слободы Верхотурского уезда стали в поле около с кочевым миром, «*и без ружья, и без бронника, на Верхотурье и в слободах быть немочно*» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 408. Л. 130).

22 декабря 1651 г. воевода Тюмени Иван Веригин сообщил в Сибирский приказ, что когда он прибыл в Тюмень на службу, то нашел в государевой казне города из ручного ружья только 21 пищаль. Позднее эти пищали и другие, найденные воеводой в городе, были, по его словам, розданы тюменским служилым людям и новикам – детям служилых людей, впервые вступающим в службу, которые были зачислены на «выбылые места» и ранее «служили своими пищалями». Таким образом, челобитная Ивана Веригина свидетельствует, что государство брало на себя в Сибири обязательства обеспечить служилых людей огнестрельным оружием – пищалями. Однако как видно из той же челобитной, служилые люди получали оружие от воевод далеко не всегда и часто должны были служить своим ружьем, пока из русских городов не привезут новых партий оружия. Кроме того, как отмечает Иван Веригин, в особых случаях, а именно – при набегах на город кочевников – воевода был обязан вооружить пищалями и другим оружием не только служилых, но и «жилецких» людей – посадских людей и крестьян. Однако и здесь жизнь далеко не всегда могла соответствовать царским указам. В частности, воевода Иван Веригин отмечал, что на Тюмени в государевой казне пищалей мало, и при набеге кочевников «жилецким людям ружья будет дать нечего» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 408. Л. 133).

В 1650 году государевой грамотой воеводе Тюмени было приказано писать о новых пищалях в Тобольск воеводе Тобольского разряда Шереметьеву. По государевой грамоте воевода Шереметьев должен был посылать из Тобольска, обладавшего, по представлению Сибирского приказа, главными запасами оружия в крае, ручные пищали по городам края. В ответ из Тобольска в Тюмень на государеву грамоту было написано, что в государевой казне Тобольска имеется всего 17 ручных пищалей, в результате посылать на Тюмень нечего, т.к. в Тобольске нужны запасные пищали на случай набега кочевников. В итоге воевода Иван Веригин отправил письмо в Сибирский приказ и бил челом царю, чтобы он разрешил этот вопрос (РГАДА. Ф. 214. Ст. 408. Л. 133).

В середине XVII в. за Байкалом русские отряды встретились с маньчжурами, которые в это время завоевывали Китай. Маньчжуры – могущественные и воинственные противники, часто воевавшие с казаками за земли Даурии дали

следующую характеристику русских «храбры как тигры и искусны в стрельбе» (Никитин 1990: 43).

По сведениям голландца Николая Витсена, путешествовавшего по России в 1664-1665 гг., население Сибири было, как правило, «... *хорошо обеспечены оружием, так что, когда язычники – разбойники пытаются их обидеть, они закрываются в своих домах и из ружей стреляют через окна и с легкостью изгоняют их*». Акты XVII в. свидетельствуют, что власти Сибири не только поощряли распространение огнестрельного оружия у русского населения, но иногда и раздавали его сами из «государевой казны».

Особенно широкой подобная практика была на территории Верхотурского уезда, где было мало служилых людей и много слобод с крестьянским населением. 8 апреля 1664 г. староста пашенных крестьян Невьянской слободы Андрей Сидоров сын Шмаков подал отписку на Верхотурье, что принял из государевой казны 15 пищалей с ложами и замками, 7 замков шкоцких, 7 простых, староста Ницынской слободы принял 10 пищалей (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 120. Л. 6). В 1668 г. у приказчика верхотурского сына боярского Семена Будакова в остроге Пышминской слободы на «острожном ряду» имелась затинная пищаль и 20 железных ядер, в казне имелся 21 мушкет, которые раздавались населению. В слободе жило 13 беломестных казаков и 45 оброчных крестьян (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 157. Л. 4).

В грамоте Федора Алексеевича 22 сентября 1679 г. верхотурскому воеводе Р. Павлову, в связи с доведением до тысячи человек драгун на Исетской линии, предписывается выдать им мушкеты и пищали, «*...которые были у солдат и у беломестных казаков и у крестьян даны из нашей великого государя казны*». В 1682 г. воевода Верхотурья Ларион Лопухин сообщал тобольскому воеводе князю Голицыну, что город не готов к ожидавшейся войне с башкирами: «на Верхотурье в государевой казне ружья нет», имевшееся оружие не годилось к стрельбе, было мало боеприпасов и мало служилых людей, поэтому «*Верхотурского уезда слободы и остроги послать нечего*». Подобная ситуация была и в слободах, где ружья и боеприпасов было мало «*и в приходе воинских людей*» по словам воеводы обороняться будет нечем (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 307. Л. 16). Воевода указывал, что к 1682 г. в составе Верхотурского уезда было построено 12 слобод и острогов, в которых «пушек нет и мушкетов мало». Беломестные казаки, пашенные и оброчные крестьяне уезда обратились к воеводе с челобитьем, что в слободах и острогах «*беречься невозможно и в приход воинских людей оборониться нечем*» (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 307. Л. 108). Так, в Чусовской слободе не было пушек и затинных пищалей и «*ручных пищалей мало, а та Чусовская слобода стоит с приходу башкирской степи*».

В Ирбитской слободе в 1682 г. у беломестных казаков имелось только 24 мушкета и небольшое количество боеприпасов, которого, по оценке приказчика, было «*к воинскому делу мало*». По данным приказчика Ивана Томилова, в Арамашевой слободе имелось 26 мушкетов и 2 пищали – одна на проезжей башне «пищаль небольшая», вторая пищаль затинная и мало боеприпасов. В Ницынской слободе также имелось мало оружия и боеприпасов, «а которые мушкеты есть, у тех замки поломаны», в слободе не было кузнеца, который мог бы исправить замки, ближайший находился в Невьянской слободе. В Невьянской слободе также оружия

было мало, «*в осадное время сидеть некем и не с чем*». Верхотурский сын боярский Михаил Бибиков, посланный 9 августа 1682 г. из города в Краснопольскую слободу, должен был собрать у крестьян розданные им ружья, бердыши и рогатки и положить в казну на случай обороны, а также перевезти пушку и пищаль затинную в более угрожаемую Чусовскую слободу (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 307. Л. 127, 128, 144).

Артиллерия и ручные пищали давали служилым людям и крестьянам Сибири значительное преимущество над военными отрядами кочевников, особенно в случае обороны за стенами острогов. В результате правительство запрещало продавать башкирам, ойратам и народам Сибири пищали и другое военное снаряжение. Однако «торговые люди» из России эти запреты постоянно нарушали. 10 августа 1620 г. воевода Верхотурья И. Пушкин писал царю, что торговые люди везут из русских городов в Сибирь запрещенные товары. Воевода отмечал, что ранее по царским грамотам прежним воеводам было предписано не разрешать торговать в Сибири шлемами, панцирями, копьями, топорами, ножами, без особых проезжих грамот. Эти товары следовало отбирать у торговцев в государеву казну. 24 сентября 1620 г. грамота царя Михаила Федоровича на Верхотурье воеводе И. Пушкину подтвердила, чтобы торговые люди не торговали с ясачными людьми оружием и другими запрещенными товарами (Акты исторические. 3: 87).

Однако и в конце XVII в. ойраты и родовая знать Сибири привозили оружие из Москвы. В январе 1680 г. таможенный голова Верхотурья Никита Маслов сообщил в Сибирский приказ, что послы ойратов, якутские и остяцкие князцы, а также в провожатых с ними бухарские торговцы и татары возят с Москвы в Сибирь «многие товары», в том числе ружье и боеприпасы. По данным Никиты Маслова, на заставе послы и князцы, пользуясь особым статусом, не давали осматривать товары русским стрельцам. В результате царь Федор Алексеевич разрешил осматривать ойратских и монгольских послов на Верхотурье, а взятое у них оружие брать в государеву казну (Акты исторические. 5: 82).

В XVII в. особенно активно распространялось огнестрельное оружие, запрещенное правительством к продаже нерусскому населению, среди башкир. В эпоху восстания 1662-1667 гг. башкиры часто захватывали пищали и винтовки у русского населения, однако воевали они обычно своим традиционным оружием. Позднее, после восстания оружие из русских городов начало активно продаваться в улусах башкир. Главную роль здесь, по данным источников, играли торговцы из городов Сибири. В 1675 г. по данным приказа Казанского дворца у башкир Сибирской дороги, которые жили в Зауралье к востоку от Уфы, и около Уфы появилось много пищалей и винтовок, в результате чего, башкиры научились стрелять из пищалей, оставив привычную стрельбу из луков. Пищали и боеприпасы привозили и продавали башкирам русские из сибирских городов. В марте 1675 г. царь приказал воеводе Верхотурья Хрущеву усилить контроль за тем, чтобы русские люди не продавали и не меняли иноземцам пищалей, сабель, коней, бердышей, ножей, топоров, панцирей, шишаков, наручей, и ратной збруи ойратам, китайцам, бухарцам и башкирам (Акты исторические 4: 541). Все эти распоряжения правительства не имели особого значения. В 20-е гг. XVIII в. бургомистр Кунгура

Юхнев охарактеризовал башкир, как «*народ военной…почитай, в каждом дворе есть пансер, копье, лук и сабель, тако ж де и ружье, которое турки зовут*» (Демидова 1961: 227).

В результате активных набегов казахов на слободы южной Сибири в конце XVII в. правительство проводит политику вооружения всего русского мужского населения края. 19 апреля 1699 г. Петр I в грамоте тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому приказал летом этого года разрушить малые заимки и деревни, находящиеся в районе набегов «неогороженные, некрепкие и малолюдные» и свести их население в крупные слободы, укрепляя их «всякими крепостьми». Одновременно было приказано вооружить все население сибирского юга, для чего Петр I приказал продать крестьянам по себестоимости старые пищали из тобольского запаса. Отныне все «пашенные мужики» были обязаны иметь личное оружие – ружья, копья и бердыши, которое предписывалось проверять на смотрах, за отсутствие ружья Петр I приказал брать пеню 1 рубль с человека (Пузанов 2009: 356).

17 января 1701 г. указ Петра I требовал в городах и слободах Тобольского уезда «а наибольше в тех местах, которые к степям близки» от слободских всякого чина людей и крестьян «*тех слобод и деревень быть в готовности с опасением, чтоб у них, против наших великого государя прежних указов, было у всякого конного и пешего, ружье, пищали, копья, бердыши, саадаки, а в острожках и в драгунском полку и пушки*». В случае отсутствия «у крестьян у кого» ружья, Петр I требовал купить его или выменять на хлеб.

Перепись Киндермана 1749 г. по 11 пограничным слободам Среднего Притоболья, входящих в состав Ялуторовского дистрикта, зафиксировала у его жителей 961 единицу огнестрельного оружия, в том числе 798 винтов, 88 турок, 13 фузей, 19 мушкетов, 33 глади, 2 карабина и 8 пистолетов (Пузанов 2009: 386). Обращает на себя внимание сам факт переписи в период опасности нападения джунгар всего боеспособного (от 16 до 50 лет) мужского населения пограничных слобод Сибири, которые рассматривались администрацией как главный резерв вооруженных сил. В Среднем Притоболье такой резерв составлял 6302 чел., 15% которых имели ружья различных систем. Количество оружия на человек колебалось в зависимости от близости слободы проживания к границе. Например, в Салтосарайской слободе огнестрельное оружие имели лишь 6% боеспособного населения, зато в Утятской и Верх-Суерской 23% и 34% соответственно, в большинстве слобод эта цифра составляла 14% (Емуртлинская слобода) – 15% (Царев Курган). Наряду с учтенным частным оружием, в острогах и слободах Южного Зауралья находилось значительное количество артиллерийских систем. К 1741 г. в Исетском дистрикте было 20 пушек различных калибров, в Окуневском дистрикте 22 пушки, в Ялуторовском и Шадринском дистрикте – по 29, из которых 14 приходилось на Далматовский монастырь – всего 100 орудий, к ним необходимо прибавить количество артиллерии Сибирского полка слободских драгун, возросшей с 11 до 38 орудий к 1744 г. (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 – 191, Д. 57, Л. 74 – 80).

ЛИТЕРАТУРА

Акты исторические. 3 - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1841. 501 с.

Акты исторические. 4 - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. 565 с.

Акты исторические. 5 - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1842. 539 с.

Богоявленский 1938 - *Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М.: Издательство АН СССР, 1938. С. 258-283.

Демидова 1961 - *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т. 68. М., 1961. С. 211-237.

Дополнения 1846 - Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1846. 279 с.

Историческое описание 1841 - Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб., 1841. 373 с.

Котошихин 1984 - *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI-XVII вв. М.: Советская Россия, 1984. С. 162-314.

Крижанич 1997 - *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997. 528 с.

Никитин 1990 - *Никитин Н.И.* Освоение Сибири в XVII в. М., 1990. 144 с.

Пузанов 2006 - *Пузанов В.Д.* Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 110-121.

Пузанов 2009 - *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI-XVII вв.). СПб., 2009. 445 с.

Сергеев 1973 - *Сергеев В.И.* Железоделательное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 125–129.

Томск 1911 - Томск в XVII в.: материалы для истории города. СПб., 1911. 169 с.

REFERENCES

Akty istoricheskie. 3 - Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju. T. 3 [Acts are historical, collected and published Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Volume 3], St. Petersburg, 1841, 501 p. [in Russian].

Akty istoricheskie. 4 - Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju. T. 4 [Acts are historical, collected and published Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Volume 4], St. Petersburg, 1842, 565 p. [in Russian].

Akty istoricheskie. 5 - Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju. T. 5 [Acts are historical, collected and published Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Volume 5], St. Petersburg, 1842, 539 p. [in Russian].

Bogojavlenskij 1938 - *Bogojavlenskij S.K.* Vooruzhenie russkih vojsk v XVI-XVII vv. [Arms of the Russian troops in the 16-17th centuries], in: Istoricheskie zapiski. T. 4 [Historical notes. Volume 4], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1938, pp. 258-283 [in Russian].

Demidova 1961 - *Demidova N.F.* Upravlenie Bashkiriej v pervoj treti XVIII v. [Management of Bashkiria in the first third of the 18th century], in: Istoricheskie zapiski. T. 68 [Historical notes. Volume 68], Moscow, 1961, pp. 211-237 [in Russian].

Dopolnenija 1846 - Dopolnenija k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju. T. 2 [Additions to Acts historical, collected and published Arkheograficheskoyu the commission. Volume 2], St. Petersburg, 1846, 279 p. [in Russian].

Istoricheskoe opisanie 1841 - Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk. Ch. 1 [Historical description of clothes and arms of the Russian troops. Part 1], St. Petersburg, 1841, 373 p. [in Russian].

Kotoshihin 1984 - *Kotoshihin G.* O Moskovskom gosudarstve v seredine XVII stoletija [About the Moscow state in the middle of the XVII century], in: Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI-XVII vv.

[Russian historical narration of the 16-17th centuries], Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1984, pp. 162-314 [in Russian].

Krizhanich 1997 - *Krizhanich Ju.* Politika [Policy], Moscow, Novyj svet Publ., 1997, 528 p. [in Russian].

Nikitin 1990 - *Nikitin N.I.* Osvoenie Sibiri v XVII v. [Development of Siberia in the 17th century], Moscow, 1990, 144 p. [in Russian].

Puzanov 2006 - *Puzanov V.D.* Russkie polki «inozemnogo stroja» v Sibiri v XVII v. [The Russian regiments of «an overseas system» in Siberia in the 17th century], in: Voprosy istorii [History questions], 2006, № 7, pp. 110-121 [in Russian].

Puzanov 2009 - *Puzanov V.D.* Voennye faktory russkoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri (konec XVI-XVII vv.) [Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (end of the 16-17th centuries)], St. Petersburg, 2009, 445 p. [in Russian].

Sergeev 1973 - *Sergeev V.I.* Zhelezodelatel'noe proizvodstvo v Tomske i Kuznecke v pervoj treti XVII v. [Ironworks production in Tomsk and Kuznetsk in the first third of the 17th century], in: Russkoe naselenie Pomor'ja i Sibiri [Russian population of Pomorze and Siberia], Moscow, 1973, pp. 125-129 [in Russian].

Tomsk 1911 - Tomsk v XVII v.: materialy dlja istorii goroda [Tomsk in the 17th century: materials for history the city], St. Petersburg, 1911, 169 p. [in Russian].

Пузанов Владимир Дмитриевич – Доктор исторических наук,
профессор Курганского государственного университета (Курган, Россия).
Vladimir Puzanov - Doctor of historical sciences, professor of Kurgan state university (Kurgan, Russia).
E-mail: oid@kgsu.ru

УДК 94(470)

О ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (РСФСР) В РАМКАХ СССР

А.А. Карпенко

Институт переподготовки и повышения
квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
e-mail: alnikar1953@mail.ru

Авторское резюме

Данная работа не претендует на научное открытие, поскольку использованные в ней факты давно широко известны. Но концептуально осмысленные и собранные вместе они воссоздают картину, значительно отличающуюся от общепринятой точки зрения. Ответ на вопрос о том, был ли бы столь опасным для России развал СССР в том же 1922 году или нет, автор даёт в конце работы после рассмотрения последующего вопроса о сравнении РСФСР в границах СССР 1922 и 1991 гг.

Ключевые слова: СССР, распад, РСФСР, границы.

REGARDING THE BORDERS OF THE RUSSIAN FEDERATION (RSFSR) WITHIN THE USSR

Andrey Karpenko

Institute of retraining and professional
development of Lomonosov Moscow State University
1 The Lenin mountains, Moscow, 119991, Russia
e-mail: alnikar1953@mail.ru

Abstract

This work does not pretend to be a scientific discovery, since the facts provided in it have been widely known for a long time. But conceptually interpreted and assembled together, the facts recreate a picture significantly different from the conventional viewpoint. At the end of his work, after comparing the borders of the RSFSR within the USSR in 1922 and 1991, the author responds to the question of whether the collapse of the USSR in 1922, if it had happened, would have been so dangerous.

Keywords: USSR, collapse, RSFSR, borders.

* * *

В 1922 году был образован Союз Советских Социалистических Республик (Декларация 1922). Составной его частью стала Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика – крупнейшая республика Советской России. Она, как и другие республики СССР, получила право свободного выхода из состава СССР, которым вместе с ними и воспользовалась в 1991 году.

Ныне раздаются упрёки советским руководителям тех лет в том, что они, дескать, «заложили мину замедленного действия», которая когда-нибудь да должна

была детонировать, хотя это и случилось почти 70 лет спустя. Этот упрёк отчасти справедлив, но федеративное устройство многих стран мира в принципе предусматривает свободный выход частей той или иной федерации из её состава, но, тем не менее, это происходит всё-таки не так часто. При этом упускается и не учитывается момент конкретной исторической ситуации. Был ли бы столь опасным развал СССР допустим в том же 1922 году, а не в 1991 году? И был ли СССР в 1922 году таким же, что и в 1991 году, а РСФСР в 1922 году такой же республикой, как в 1991 году? – вопросы, в общем, не праздные, но они, как правило, почему-то не задаются. А быть может, следовало бы их всё-таки задать и посвятить этим конкретным вопросам хотя бы небольшую работу, поскольку ответ на них в посвящённых им целых книгах зачастую «размыт» до невозможности.

В 1922 году (рис. 1) СССР был несколько меньше СССР границ 1991 года (рис. 2), за исключением некоторых небольших территорий, в нём отсутствовали утерянные в ходе I Мировой и Советско-Польской войн, получившие независимость, или вошедшие в состав других государств – Прибалтика, Западная Украина и Беларусь, а также Молдова. В целом границы СССР 1922 года довольно близки к границам СССР в 1991 году, чего нельзя сказать после анализа границ РСФСР тех же лет. Но обо всём по порядку.

В состав РСФСР в 1922 году входило большинство земель, заселённых русскими, как в самом 1922 году, так и в 1991 году.



Рис. 1. Карта РСФСР в границах СССР 1922 года
(красным цветом обозначена РСФСР, белым – другие республики)

Начнём рассмотрение с запада на восток без указания дат изменения территориально-административных границ с другими республиками СССР, которые и так общеизвестны.

Во-первых, практически вся современная Восточная Белоруссия в границах своих современных Витебской, Могилёвской и Гомельской областей, вместе со своими столичными городами, входили в состав РСФСР. В состав РСФСР входил также Крымский полуостров. Передвигаясь далее на восток, следует отметить, что в состав РСФСР входила вся территория современного Казахстана целиком.

Территория практически всех среднеазиатских республик, будущих Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана и Таджикистана также практически целиком

входили в состав РСФСР. Исключение составляли небольшие советские народные республики, а именно Хорезмская и Бухарская.

Таким образом, притом, что СССР в 1922 году был несколько меньше границ 1991 года, РСФСР в его составе заключала в себе земли, которые стали затем основой для образования и расширения многих других советских социалистических республик (рис. 2). В РСФСР в 1922 году входил почти весь СССР, за исключением Центральной Белоруссии, Восточной и Центрально Украины, Закавказья и небольшой части Средней Азии. Советские лидеры, давая возможность остальным советским социалистическим республикам право выхода из состава СССР, предусмотрительно ограничили их территориально и экономически, сделав их границы с РСФСР максимально более продолжительными и протяжёнными. Поэтому обвинения в их сторону в том, что они «заложили мину замедленного действия» и предопределили распад СССР беспочвенны. Они ведь не могли предусмотреть того, что изменяя территориально-административные границы советских социалистических республик, будущие лидеры страны не удосужатся изменить условия выхода из Союза, оставив тем самым за границами Российской Федерации не просто миллионы, а десятки миллионов, и не просто русско-говорящих, а именно русских людей. Наиболее крупные из них – это выделение в 1936 году из состава РСФСР Казахстана и передача в 1954 году Крыма Украине, соответственно (БСЭ 1937: 542; Указ 1954: 35. См. также: Ведомости 1954: 64; Закон 1954: 545).

Притом в науке и в массовом сознании утвердилось ошибочное мнение, что русские заселяли другие советские социалистические республики только уже в советское время. Частично они правы, особенно в отношении советских прибалтийских республик, да и то не совсем. Треть населения Латвии и Эстонии, которое компактно проживали в Восточной Латвии и Восточной Эстонии, а также в их столицах, в значительной степени жили на территориях, освояемых ещё с древнерусского, не говоря уже о царском времени. Например, эстонский город Тарту был основан ещё в 1030 году князем Ярославом Мудрым и был назван по крестильному имени князя – Юрьевым.

Великий князь Ярослав в 1030 году отправился из Новгорода в поход на эстов и основал город Юрьев, названный так в честь христианского имени князя. Сообщение «Повести временных лет» об основании Юрьева Ярославом Мудрым гласит: «*В лето 6538. Семь же лет иде Ярослав на чюдь, и победи я, и постави град Юрьев*». Сообщение 3-ей Псковской летописи об основании Юрьева Ярославом Мудрым столь же лаконично: «В лето 6528-го. Ходил Ярослав Володимерич из Новагорода на Чюдь, и победи, и постави град Юрьев в свое имя» (ПСРЛ. I: 101; Псковская Третья летопись 1955: 75).

Даугавпилс в Восточной Латвии в царской России назывался Двинском (14 января 1893 года указом императора Александра III город Динабург, как тогда назывался Даугавпилс, переименован в Двинск), а река Даугава не только в своём Белорусском и Российском, как сейчас, но и в своём Латвийском течении (это утверждают дореволюционные физические карты Латвии и Белоруссии в составе императорской России) – Западной Двиной.

По разным оценкам от одной трети до двух третей территории современного Казахстана, по сути, являются частями Южного Урала и Юго-Западной Сибири (Указ 1708), включёнными в его состав среди прочих причин и главным образом для более успешного экономического развития. Западно-Казахстанская и Атырнауская области нынешнего Казахстана, по сути, являются Гурьевской и Уральской областями яицких (уральских) казаков. 4 октября 1991 года Гурьевский городской Совет народных депутатов переименовал город в Атырау. В 1992 году Гурьевская область переименована в Атыраускую, а Уральская область в Западно-Казахстанскую.

До второй половины 30-х гг. XX века такого географического понятия, как «Казахстан» не существовало. Большая часть территории нынешнего Казахстана, практически незаселённая, с крайне редким тюркским но, как правило, татарским, а не казахским, местным населением, и весьма активно осваиваемая русскими, входила в состав географического понятия «Сибирь», или «Сибирская земля», а также «Урал». Меньшая часть территории нынешнего Казахстана входила в состав других территориально-географических понятий – «Средняя Азия», или «Туркестан», которые в разное время так же, как, например, и понятия «Сибирь» и «Сибирская земля», не всегда совпадали территориально, но, как правило, весьма близко накладывались друг на друга.

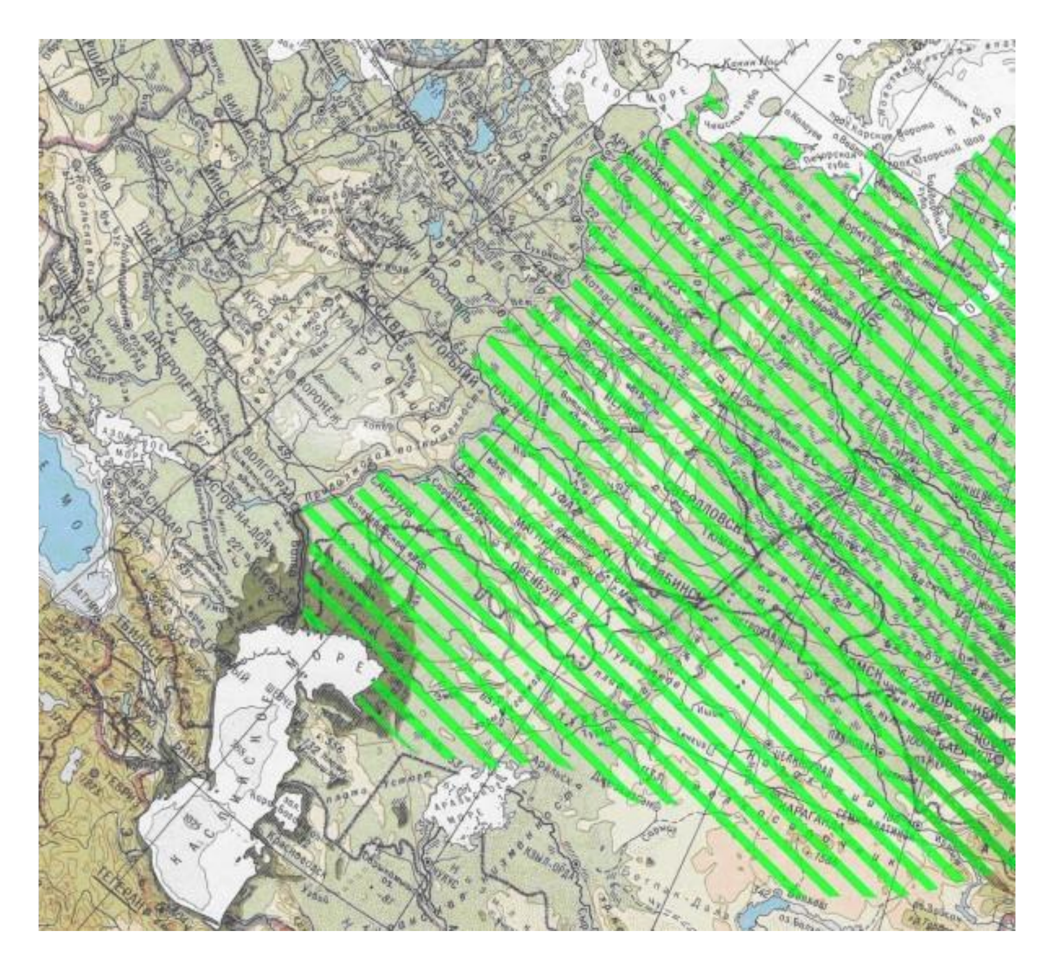


Рис. 2. Карта западной границы географического понятия «Сибирская земля», включающую понятие «Урал» до указа 18 декабря 1708 года Петра I об образовании Сибирской губернии

Юго-Западной Сибирью по своей географии, истории и традициям являются русские области нынешнего Северо-Восточного Казахстана (рис. 2), областными центрами которых являются города, расположенные в основном по берегам правого притока реки Оби – реке Иртышу, такие как Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск и др. Многим из этих русских городов в разное время придуманы новые казахстанские названия. 21 июня 2007 года Указом Президента Республики Казахстан город Семипалатинск был переименован в город Семей. 4 октября 1991 года Гурьевский городской Совет народных депутатов переименовал город Гурьев в Атырау.

Но не следует забывать о том, что не только названия, но также и история прежней и нынешней столицы Казахстана, по сути, являются русскими, и назывались эти города ранее не Алма-Ата-Алматы (в 1997 году Алма-Ата переименована в Алматы, а Алма-Атинская область переименована в Алматинскую) и Акмола-Астана (в 1992 году Целиноград был переименован в Акмолу, а Целиноградская область в Акмолинскую. В 1997 году столица Казахстана была перенесена из Алматы в Акмолу, а спустя год он переименован в Астану: Зиня 2012), а город Верный и Акмолинск (позднее Целиноград) соответственно.

Большая часть истории советского социалистического Казахстана русские в численности его населения преобладали над казахами (КССР 1939; КССР 1959; КССР 1970; КССР 1979). Независимость Казахстана ознаменовалась массовым исходом из него русского населения. Ныне в Казахстане казахов больше, чем русских примерно в 2,5 раза и не осталось не одной казахстанской области, где русские составляли хотя бы половину её населения (КССР 1989; Казахстан 1999; Казахстан 2009; Население Казахстана). К 2014 году, за исключением Крыма, где также численность русских к моменту его присоединения уменьшилась с трёх четвертей в середине 50-х гг. XX века (Крым 1959; Крым 1979) до чуть более половины (Крым 1989; Крым 2001; Население Крыма; Крым 2015), таких крупных территориально-административных единиц в рамках бывшего СССР и за пределами России не осталось вовсе.

Данные различных переписей населения СССР о соотношении русских и украинцев в Крыму в 1950-1970-х гг.:

Национальность	1959	1979
русские	71,43%	68,40%
украинцы	22,28%	25,63%

Данные различных переписей населения СССР и Украины о соотношении русских и украинцев в Крыму в 1980-е – 2000-е гг.:

Национальность	1989	2001
русские	67,05%	60,40%
украинцы	25,75%	24,01%

В постсоветское время доля украинского населения в Крыму, как можно заметить из данных статистики, падала вместе с долей русского. Поэтому говорить о принудительной украинизации Крыма в незалежной Украине не приходится. Когда в Крымском федеральном округе в 2014 году провели перепись, то были немало удивлены, что украинцев в Крыму осталось всего 15,68% от общего числа жителей.

Семипапалатинская и Гурьевская области Казахстана ныне не существуют. Русский город Гурьев, славившийся родиной знаменитых Гурьевских блинов (рецепт знаменитых Гурьевских блинов: Блины гурьевские), переименован в Атырнау. По данным последней переписи 2009 года 91,5% жителей Атырауской области Казахстана являются казахами и лишь 6,4% русскими (Казахстан 2009).

Если в 1950-е гг. в приграничных с Северо-Восточными областями Казахстана районах Киргизии по численности преобладали русские, особенно в столичном и областных городах Фрунзе и Пржевальске, а также в нынешней Чуйской области (национальный состав города Фрунзе по данным переписи населения в СССР, проведённой в 1989 году, выявил количественное преобладание русских 55,8%: Хауг 2005), а в общей численности населения республики русских было почти одна треть, а самих киргизов чуть более одной трети (соотношение русских и киргизов по данным переписи населения Кыргызстана в 1959 году было таким: 30,20% русских и 40,52% киргизов от общего числа населения соответственно: Хауг 2005), то в результате политики коренизации и постепенного вытеснения русского населения, по оценке на 2012 год русских там осталось лишь 6,87% населения (Киргизия 1989; Киргизия 2009) и их доля уже нигде не достигала одной трети (доля русских во Фрунзе-Бишкеке сократилась с 55,8% в 1989 году до 23,0% в 2009 году: Киргизия 1989; Киргизия 2009).

Доля русских в общей численности населения нероссийской Европейской части бывшего СССР также неуклонно снижается.

За первые «незалежные» 10 лет доля русских в населении Украины снизилась почти на четверть (доля русских по данным переписи населения УССР/Украины в 1989 году составляла 22,07%, а в 2001 году 17,28%: УССР 1989; Украина 2001).

Доля русских в Абхазии за полвека сократилась почти в 2,5 раза (доля русских в Абхазии в 1959 году составляла 21,42%, а в 2009 году всего 9,17%: Население Абхазии), в Белоруссии (доля русских в Белоруссии в 1989 году составляла 13,22%, а к 2009 году она сократилась до 8,26%: БССР 1989; Белоруссия 2009) за последние 20 лет – почти вдвое, как и в Молдавии (доля русских в Молдавии с 8,85% в 1989 году сократилась к 2004 году до 5,95%: МССР 1989; Молдавии 2004).

Только за последние годы доля русских в общей численности Южной Осетии сократилась почти втрое (доля русских в Южной Осетии сократилась с 2,8% в 2008 году до 1% в 2012 году: Население Южной Осетии).

Только в Приднестровье при общей тенденции к уменьшению населения (населения Приднестровья с 712,5 тысяч человек в 1993 году сократилось до 505,2 тысяч человек в 2013 году: Население ПМР) доля русских в общей его численности осталась на прежнем уровне (доля русских в Приднестровье, составлявшая в 1993 году 30%, по данным переписи населения 2004 года осталась практически неизменной 30,4%: ПМР 2004).

Люди, привыкшие оперировать данными о том, что в Латвии и Эстонии русские составляют одну треть населения (доля русских в Латвии в 1989 году составляла 33,96%, а в Эстонии 30,33%: ЛССР 1989; ЭССР 1989), с удивлением должны узнать о том, что там их осталось едва четверть, если не ещё меньше (доля русских в двух прибалтийских республиках в 2010-2011 гг. пока ещё чуть превышала четверть и в Латвии в 2011 году составляла 26,9%, а в Эстонии в 2010 году 25,55%: Население Латвии).

В других постсоветских республиках их доля ещё меньше и составляет от 1 до 9 % (Численность русских).

Доля русских в настоящее время в постсоветских республиках (Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане) по оценке на 1.01.2015 года:

страна	Литва	Грузия	Армения	Азербайджан	Туркменистан	Таджикистан	Узбекистан
доля русских в %	5,72	1,85	0,39	1,20	3,58	0,34	2,85

Конечно, когда после 1922 года изменялись территориально-административные границы республик внутри СССР в ущерб русским, никто не думал об его распаде, но если кто и виноват в нынешней плачевной ситуации, то только не его непосредственный создатель В.И. Ленин. Трудно винить в ошибках и И.В. Сталина с Н.С. Хрущёвым.

Не стоит забывать о том, что эти советские лидеры чаще руководствовались экономическими категориями, чем политическими. Например, когда создавался Советский Казахстан, то в него по наитию был включён и весь Южный Урал, то есть, помимо Гурьевской и Уральской областей, также территория Оренбургской области современной Российской Федерации (Декрет АКССР; История 2010; Декрет 1925: 321; Казахская АССР).

26 августа 1920 года был издан декрет «Об образовании Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики» со столицей в Оренбурге в составе РСФСР. Автономия была образована из Уральской, Тургайской и Семипалатинской областей, северной части Закаспийской области (Адаевский уезд), Букеевской губернии и оставшейся южной части Оренбургской губернии. Постановлением ВЦИК от 17 января 1921 года из Омской губернии были переданы Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский и Петропавловский уезды, образовавшие новую Акмолинскую губернию.

Постановлением ВЦИК от 10 июня 1921 года русские волости Ореховская, Добровольская, Моисеевская, Русско-Полянская, Ново-Санжаровская, Черноусовская, Степановская, Котельниковская причислены к территории Киргизской АССР.

1 октября 1921 года 15 волостей Омского уезда Омской губернии были переданы в Киргизскую АССР. Согласно Постановлению ВЦИК от 21 октября 1924 года в состав Киргизской АССР были переданы Ток-Суранский кантон и

Имангуловская волость Зилаирского кантона, ранее находившиеся в составе Башкирской АССР. В феврале 1925 года в южной части Приаралья в составе Киргизской АССР была образована Кара-Калпакская АО.

В июне 1925 года Киргизская АССР была переименована в Казакскую АССР, столица была перенесена из Оренбурга в Кзыл-Орду, а Оренбургская губерния в июле 1925 года была выделена из состава Киргизской АССР и передана в непосредственное подчинение РСФСР.

До революции в России казахов называли киргизами или киргиз-кайсаками, киргизов — кара-киргизами; эта традиция существовала и в первые годы советской власти. В мае 1927 года столица республики перенесена в Алма-Ату. 20 июля 1930 года Кара-Калпакская АО выведена из состава Казакской АССР. В декабре 1934 участок территории на северо-западе республики был передан вновь образованной Оренбургской области. В 1936 году Казакская АССР была переименована в Казахскую АССР.

И.В. Сталину, вероятно, показалось нецелесообразным разрыв политически, экономически и культурно, по сути, единого региона между разными частями Советского Союза. Логика, вероятно, была следующей: тогда уж лучше целиком включить единый регион в состав какой-то одной пусть и автономной республики, чем позволить ему иметь внутри себя, помимо внутренних территориально-административных границ, ещё границу между основной и автономной республиками, разрывающую его этим.

Когда формировалась Россия и Украина внутри Советской России, то советские лидеры решили в рамках одной из этих республик объединить весь Донецкий угольный бассейн – Донбасс. Была создана Донецкая губерния со столицей в г. Луганске. В эту губернию, помимо территорий нынешних Донецких и Луганских областей, вошли также ряд районов Ростовской части Донбасса, включая города Каменск-Шахтинский, Шахты и Белую Калитву.



Рис. 3. Карта Донецкой губернии (тремя выделенными яркими цветами) 1920-1924 гг. в границах УССР 1925 года: ■ - Первоначальная территория (1919); ■ - Территория, переданная в 1920 году из РСФСР и сохранившаяся в составе УССР; ■ - Территория, переданная в 1920 году и возвращённая РСФСР в 1924 году.

В таком виде Донецкая губерния была включена в состав Советской Украины 1920-1924 гг., то есть, и в момент образования СССР) (упразднена Донецкая губерния была 1 октября 1925 года). Практически весь Донбасс тогда входил в состав УССР. В 1954 году в год передачи Крымского полуострова Украине (Указ 1954: 35. См. также: Ведомости 1954: 64; Закон 1954: 545) Н.С. Хрущёв практически весь Ростовский Донбасс включил в состав Каменской области для возможной его последующей передачи УССР. Просуществовала Каменская область с центром в г. Каменске-Шахтинском (центр Каменской области формально считался город Каменск-Шахтинский, однако все областные учреждения располагались в городе Шахтах), а затем в г. Шахты (официально город Шахты стал центром области 27 августа 1955 года) до 1957 года (19 ноября 1957 года Каменская область ликвидирована). Памятуя уже состоявшееся к тому моменту вхождение в состав Украины Крыма, Н.С. Хрущёв отказался от своей затеи. Но и вхождение в состав Украины Крыма не было экономически бестолковым решением. Куда более взвешенной казалась организация электро-, водо- и газоснабжения через перешеек со стороны Украины, чем через Керченский пролив со стороны России. А зачем было экономически более связанный с Юго-Востоком Украины регион оставлять в составе РСФСР, если и Украина и Россия являлись составными частями одной и той же страны? Ведь Севастополь по-прежнему оставался городом Союзного значения (постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», одноимённый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года и Закон СССР от 26 апреля 1954 года по данному вопросу не содержат какого-либо упоминания о Севастополе: Правовой статус Севастополя 1999; Севастополь; Севастополь в документах; Правовой статус Севастополя; Указ 1948; Постановление 1948), то есть, управлялся напрямую из Москвы, хотя формально и входил теперь в состав уже другой республики. Кто бы мог тогда подумать, что когда-нибудь власти России согласившись и даже сами организовав распад СССР (Вячеслав Кебич, занимавший на тот момент пост главы правительства Беларуси, утверждает, что инициатором Беловежских соглашений выступила российская делегация: Горбачев; Беловежские соглашения), немедленно не потребуют возвращения, в основном населённых русским регионов, включая Крым, себе обратно. Экономические категории не могли предугадать политической безалаберности.

К тому же для верного удержания в составе Советского Союза союзных республик его лидеры вынуждены были присоединять к ним российские регионы, а также способствовать перемещению в них русских из России. Расчёт был на то, что чем больше в окраинных республиках будет русских, тем более они будут противодействовать возможности их выхода из Союза. А большинство населения (а это касается, прежде всего, Казахстана) выдворить из страны меньшинству уже никак не удастся. Ведь почти во всех республиканских столицах русские как раз таки и составляли большинство (по данным переписи населения СССР, проведённой в 1989 году).

Этот расчет оказался верным и почти сработал. 77,85% населения Советского Союза высказалось за его сохранение на референдуме, проведённом 17 марта 1991

года (общие данные референдума о сохранении СССР, проведённого 17 марта 1991 года, были таковы: 77,85% проголосовавших высказались за его сохранение), в том числе и в большинстве советских республик. А президент Казахстана, памятуя об его итогах, отказался от участия в подписании Беловежских соглашений 8 декабря 1991 года (Конституция КССР 1978. Глава 7: 68-75). Казахстан со своим многочисленным русским и украинским населением провозгласил свою независимость последним из республик СССР, 16 декабря 1991 года, но даже после этого долго, аж до 1993 года, не отменял действия Конституции Казахской ССР 1978 года. Упоминания о том, что Казахстан является союзной республикой СССР, оставались в Конституции Казахской ССР 1978 года вплоть до 28 января 1993 года.

Данные референдума о сохранении СССР, проведённого 17 марта 1991 года по республикам:

Республика	Принявших участие в голосовании, %	Из них ответили «да», %
Российская СФСР (Россия)	75,4	71,3
Украинская ССР (Украина)	83,5	70,2
Белорусская ССР (Белоруссия)	83,3	82,7
Узбекская ССР (Узбекистан)	95,4	93,7
Казахская ССР (Казахстан)	88,2	94,1
Азербайджанская ССР (Азербайджан)	75,1	93,3
Киргизская ССР (Киргизия)	92,9	96,4
Таджикская ССР (Таджикистан)	94,4	96,2
Туркменская ССР (Туркмения)	97,7	97,9

«Принявших участие в голосовании» – это отношение количества проголосовавших к числу граждан, включённых в списки для голосования.

Процесс национально-государственного строительства в СССР был процессом непрерывным, а виновным в последствиях подобного рода, как правило, является тот, кто действовал последним.

Несмотря на то, что почти все они пошли по пути вытеснения и ассимиляции русских, политическое развитие республик бывшего СССР пошло разными путями.

По пути авторитарных режимов пошли в основном тюркоязычные (исключая ту же Киргизию, но включая ираноязычный Таджикистан) республики Средней Азии и Закавказья. Вот уже 25 лет остаются на своих постах президенты Казахстана, Узбекистана и Таджикистана (президент Узбекистана Ислам Каримов скончался в период сразу после написания данной статьи 2 сентября 2016 года), а президент Туркменистана так же, как и президент Азербайджана, оставили после себя приемников.

По пути сменяемости власти пошли почти все республики Европейской части СССР. Президент Украины Л. Кравчук и Белоруссии С.С. Шушкевич, выступившие против воли своих народов, несмотря на торопливо организованный в том же декабре 1991 года (Референдум 1991) референдум о выходе Украины из состава Союза, очередные президентские выборы в своих странах, прошедшие в 1994 году, проиграли. По этому же пути, правда, кое-где в результате «цветных» революций, пошли помимо Украины и Белоруссии – страны Прибалтики, Молдова, Грузия, Армения и Киргизстан.

В России популярность Б.Н. Ельцина, выступившего при подписании Беловежских соглашений, как и президенты Украины и Белоруссии Л. Кравчук и С.С. Шушкевич, против воли своего народа, за три месяца до проведения президентских выборов 1996 года составляла всего 4% (популярность Б.Н. Ельцина в России за несколько месяцев до проведения президентских выборов согласно опросу ВЦИОМ составляла даже 3%), но он тогда их каким-то образом неожиданно выиграл (Выборы 1996; Итоги 1996). Ныне КПРФ в суде доказала значительную фальсификацию их итоговых результатов в Татарстане и Дагестане (Выборы 1996; Итоги 1996).

Ответ на вопрос о том, был бы ли столь опасным для России развал СССР допустим в том же 1922 году, а не почти 70 лет спустя или нет, заданный в начале статьи и в её заголовке, при сравнении РСФСР в границах СССР 1922 и 1991 гг. имеет однозначное решение и это решение – нет. РСФСР 1922 года включала в себя всё то, что ныне модно называть «русским миром» и её состав и границы были созданы продуманно, а границы Российской Федерации (РСФСР) в рамках СССР при его развале в 1991 году мало того, что не вобрали в себя около 120-130 миллионов русскоязычных людей, но оставили за пределами своих границ также и около 25 миллионов этнических русских.

Приложение. О древнем генетическом единстве славян

Конец XX века ознаменовался распадом трёх в основном славянских федеративных государств – Советского Союза, Югославии и Чехословакии. Причём раскол произошёл таким образом, что теперь в каждом из славянских государств, как во вновь образовавшихся, так и в до того уже существовавших, составлявший их историческую основу народ имел в численности не менее трёх четвертей населения (за исключением Боснии и Герцеговины, правда делящейся натрое по той же системе, и лужицких сербов или сорбов, живущих в глубине Восточной Германии и своей государственности не имеющих). Такое раздробление славянских стран не

могло не привести к территориальным конфликтам этносов внутри этих государств – босняков (славян-мусульман), хорватов и сербов в Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии, территориального спора России и Украины из-за Севастополя и Крыма, с последующим присоединением последних к России, а также внутриукраинского конфликта на Донбассе, русское и русскоязычное население которых к концу марта 2014 г. составляло наибольший процент во всей Украине.

В этом плане имеет интерес привлечение, проводившихся с начала 2000-х гг., исследований ДНК различных, в том числе славянских, народов для ответа на вопрос о том, быть может, славяне разрознены по причинам, сложившимся даже не на историческом, а на генетическом уровне? В ходе исследования ДНК шло кропотливое накопление данных и уровень основополагающей для славян гаплогруппа R1a1 то поднималась в процентном отношении у одних народов (например, вначале у белорусов представителей этой гаплогруппы было около 40%, а у украинцев аж 54%: Клёсов 2013), а у других опускалось, то наоборот (затем у белорусов доля носителей R1a1 возросла до 60% (Гаплогруппа R1a1), а у украинцев, наоборот, опустилась до 43%: Клёсов 2013а). Причём поначалу с трудом просматривалась градация по территориально-административному и историческому принципу внутри славянских стран и стран их соседей. Были выявлены лишь некоторые тенденции и лишь в некоторых из стран.

Первая публикация расшифровок данных ДНК-тестов Y-хромосомы в печати восточнославянских стран и в интернете привела к всплеску как патриотических, так и националистических настроений, как в России, так и особенно сильных на Украине. Это в свою очередь в ответ привело к последующему искажению данных ДНК-тестов, особенно относительно Украины. Всё чаще появляются карты, на которых величина R1a1 относительно Украины обозначена на уровне 30-40%, а также выкладки, согласно которым ДНК-тесты и вовсе якобы дают касательно этой страны R1a1 всего в 19%. Ненамного больше якобы процент носителей R1a1 и в других восточнославянских странах. Но это всё легко опровергается. Например, относительно Черниговской и Сумской областей есть реклама тестов ДНК, выложенная в интернете и предварительная информация о последних результатах, выложенная там же в качестве рекламы. Так вот, в Черниговской и Сумской областях эта предварительная информация редко даёт R1a1 менее половины результатов, а чаще несколько больше. Так, что понять, почему на многих современных картах распространения R1a1, выложенных в интернете, эти области закрашены светлыми цветами и на них написана цифра в 30% с точки зрения её объективности весьма затруднительно. Трудно также понять, как эти данные и эти карты согласуются со справочными и иными общими данными по Украине, согласно которым гаплогруппа R1a1 по-прежнему на Украине фиксируется на уровне 53-54%, в Белоруссии доходит до 60%, а в южных и центральных Российских регионах она и вовсе достигает 67%.

В 2016 году данные ДНК-тестов наконец-то были обобщены и на Западе появилась карта, учитывающая не только ареалы расселения различных народов и государственные границы, но и показатели внутри территориально-административных единиц, составляющих эти страны. Эти данные, точнее карта, составленная

на их основе, была опубликована и общая картина, вырисовывающаяся на её основе, приводит к более чётким выводам, лишь намётки которых ранее чуть только просматривались в научной печати.

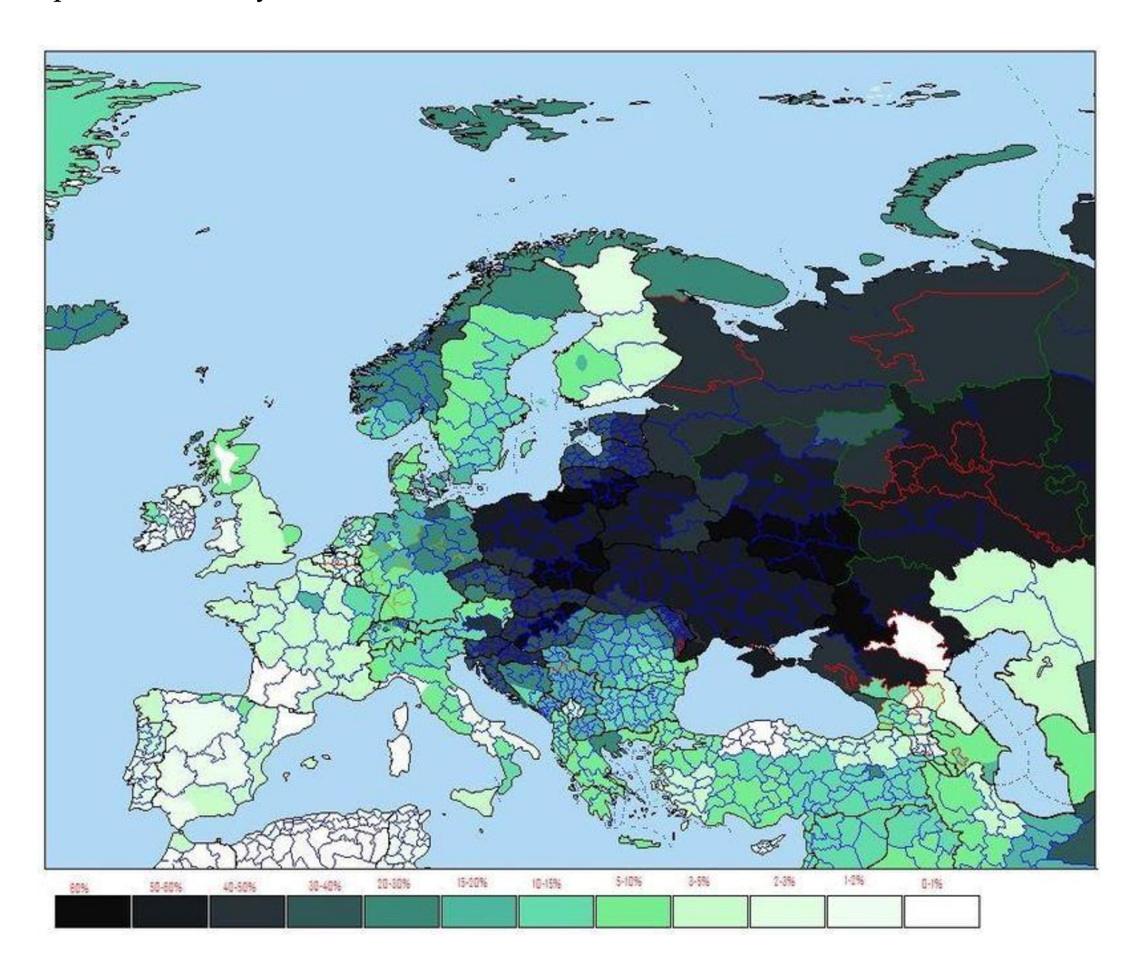


Рис. 4. Карта распространения гаплогруппы R1a1 в Европе по регионам стран на 2016 г.

Первое, на что можно обратить внимание, так это на необыкновенную генетическую монолитность Украины, 24 из 27 регионов которой укладываются в один и тот же промежуток доли носителей гаплогруппы R1a1. 24 из 27 регионов этой страны, включая зависший между Украиной и Россией Крым и мятежный, с точки зрения украинского руководства, Донбасс имеют единый показатель R1a1 – в районе от 50% до 60%.

8 из 9 регионов России, в которых показатель R1a1 выше 60%, примыкают территориально к Украине, то есть обступают абсолютно всю (!) её границу. Из шести пять воеводств Польши, в которых показатель R1a1 так же превосходит 60%, делают то же самое в отношении границ Украины только уже не с восточной, а с западной её стороны. Единственные регионы России и Польши, превышающие по R1a1 60% имеют территориальную границу между собою.

До 2014 года в России было 83 региона, в Польше 17 воеводств, а на Украине 27 областей (включая республику Крым и два города национального подчинения) и то, что все 15 регионов (!) этих крупнейших славянских стран, имеющие показатель R1a1 более чем в 60%, находятся территориально на пограничье друг с другом, говорит о

том, что гаплогруппа R1a1 является основополагающей для славян, поскольку в отдалении от границ этих крупнейших славянских стран доля R1a1 начинает у них постепенно снижаться. А ведь это народы уже не столь крохотные, как таджики и киргизы (в несколько миллионов человек каждый), или имеющие численность всего в несколько десятков тысяч человек лужицкие сорбы или сербы.

В маленьких странах, где территориально-административные единицы более мелкие, чем в составе больших, есть так же регионы, в которых R1a1 превышает 60%. Но все 5 подряд регионов Литвы, имеющие подобные показатели, находятся на трёхграничьи Польши России и Литвы, то есть территориально непосредственно примыкают к более чем шестидесятипроцентной Российско-Польской границе. А 4 региона Венгрии с показателем R1a1 в 60% и более, если бы не тонкая перегородка Словакии, причём в её самом узком месте, то тоже бы граничили с Польшей и Украиной, притом как раз в том месте, где сразу 5 крупных польских воеводств имеют аналогичный показатель R1a1 в 60% и выше.

Новые данные ДНК, наложенные на территориально-административную карту Европы, наводят, правда, и на такую, ранее, казалось бы, крамольную, мысль о том, что одни племенные союзы восточных славян значительно генетически отличались от других уже в период конца первого тысячелетия н. э. В частности очень высокими показателями R1a1, вероятно, отличался восточнославянский племенной союз северян, поскольку оба региона нынешней Украины, ранее заселённые северянами, имеют такой же показатель R1a1, как и почти на всей Украине (от 50% до 60%), в то время как 3 региона России ранее также заселённые преимущественно северянами, а именно Белгородская, Курская и Брянская области (все 3!), как и все заселяемые в основном со стороны северян, соседние с этими областями, регионы России, имеют показатели R1a1 выше 60%.

В то же самое время не так уж далеко территориально отстающие от земель бывших северян, – земли бывших кривичей, а именно Псковская, Смоленская, а так же соседние с ней две области Белоруссии (то есть, все кривичские области, кроме полочанской Витебской, в которой R1a1 50-60%), имеют показатели R1a1 в диапазоне от 40 до 50% и по тону своего цвета на карте, явно более светлому, резко выделяются не только от регионов рекордсменов по этому показателю, но и от относительно «среднячковой» Украины, а также других регионов Белоруссии.

Обобщённые и наложенные на карту, а так же осмысленные данные ДНК-тестов опровергают в последнее время с новой силой навязываемую восточным славянам мысль о том, что они являются славянами только по языку, а генетически являются совершенно чуждыми друг другу народами (русские и восточные украинцы – якобы финно-уграми, белорусы и поляки – балтами, западные украинцы – не то смесью кельтов и евреев, не то татарами, чехи – кельтами-бойями, болгары – не то фракийцами, не то тюрками, сербы, хорваты и другие южные славяне – иллирийцами и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

Беловежские соглашения - Беловежские соглашения / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Беловежские_соглашения (дата обращения – 12.12.2016).

Белоруссия 2009 - Белстат. Предварительные итоги переписи населения Беларуси 2009 г. // Население Белоруссии / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Население_ Белоруссии#cite_note-Perep2009-19 (дата обращения – 12.12.2016).

Блины гурьевские - Блины гурьевские праздничные / Электронный ресурс: http://recept.domovest.ru/vipechka/275-bliny-gurevskie-prazdnichnye.html (дата обращения – 12.12.2016).

БССР 1989 - Национальный состав Белорусской ССР по данным переписи населения в СССР 1989 года / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (дата обращения – 12.12.2016).

БСЭ 1937 - Большая советская энциклопедия. Т. 30. М.: ОГИЗ СССР, 1937.

Ведомости 1954 - Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. 9 марта. № 4.

Выборы 1996 - Президентские выборы в России 1996 года / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_(1996) (дата обращения – 12.12.2016).

Гаплогруппа R1a1 - Гаплогруппа R1a1 (Y-DNK) / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК) (дата обращения – 12.12.2016).

Горбачев - *Горбачев М.С.* Беловежские соглашения и их оценка / Электронный ресурс: http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/82.htm (дата обращения – 12.12.2016).

Декларация 1922 - Декларация и договор об образовании СССР. 30 декабря 1922 г. / Подлинник. Типографская печать. Подписи-автографы членов полномочных делегаций РСФСР, УССР, ЗСФСР, БССР. 42,5х31,0 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. *Л.* 1-2.

Декрет 1925 - О переименовании Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в Казакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Декрет ВЦИК от 15 июня 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1925 г. № 43.

Декрет АКССР - Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики // Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Киргизская_Автономная_Социалистическая_Советская_Республика_(1920—1925) (дата обращения – 12.12.2016).

Закон 1954 - Закон СССР от 26 апреля 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» // Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Первая сессия (20-2 апреля 1954 г.). М.: Издание Верховного Совета СССР, 1954.

Зиня 2012 - *Зиня О.* История Астаны. Акмолинск, Целиноград, Акмола, Астана. 2012 / Электронный ресурс: http://historyofcities.blogspot.ru/2012/10/astana.html (дата обращения – 12.12.2016).

История 2010 - История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. V. Уфа: Гилем, 2010.

Итоги 1996 - Подробные результаты выборов. Итоги голосования по выборам Президента Российской Федерации 1996 года. Статистические данные / Электронный ресурс: http://www.vybory.ru/spravka/results/president.php3 (дата обращения – 12.12.2016).

Казахская АССР - Казахская Автономная Социалистическая Советская Республика / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Казахская_Автономная_Социалистическая_Советская_Республика (дата обращения – 12.12.2016).

Казахстан 1999 - Национальный состав Республики Казахстан. Перепись населения Казахстана 1999 года / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_ Казахстана_(1999)#cite_ref-2 (дата обращения – 12.12.2016).

Казахстан 2009 - Национальный состав Республики Казахстан. Перепись населения Казахстана 2009 года / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_ Казахстана_(2009)#cite_ref-1 (дата обращения – 12.12.2016).

Киргизия 1989 - Национальный состав Киргизской ССР в 1989 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=11 (дата обращения – 12.12.2016).

Киргизия 2009 - Национальный состав Республики Кыргызстан. Перепись населения Киргизии 2009 года / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Киргизии_(2009)#cite_ref-2 (дата обращения – 12.12.2016).

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? // Переформат / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/02/otkuda-poyavilis-slavyane/ (дата обращения – 12.12.2016).

Клёсов 2013а - *Клёсов А.А.* Кто делает из Украины изолированный остров? // Переформат / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/03/ostrov-ukraina/ (дата обращения – 12.12.2016).

Конституция КССР 1978 - Конституция Казахской ССР 1978 года. Глава 7. Казахская ССР – Союзная Республика в составе СССР.

Крым 1959 - Национальный состав Крымской области УССР. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (дата обращения – 12.12.2016).

Крым 1979 - Национальный состав Крымской области УССР. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (дата обращения – 12.12.2016).

Крым 1989 - Национальный состав Крымской области УССР. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (дата обращения – 12.12.2016).

Крым 2001 - Республика Крым. Всеукраинская перепись населения 2001: Национальный состав населения / Электронный ресурс: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/ (дата обращения – 12.12.2016).

Крым 2015 - Перепись населения в Крымском федеральном округе / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_в_Крымском_федеральном_округе_(2014) (дата обращения – 12.12.2016).

КССР 1939 - Национальный состав Казахской ССР в 1939 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=10 (дата обращения – 12.12.2016).

КССР 1959 - Национальный состав Казахской ССР в 1959 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=91 (дата обращения – 12.12.2016).

КССР 1970 - Национальный состав Казахской ССР в 1970 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=5 (дата обращения – 12.12.2016).

КССР 1979 - Национальный состав Казахской ССР в 1979 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=5 (дата обращения – 12.12.2016).

КССР 1989 - Национальный состав Казахской ССР в 1989 году / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (дата обращения – 12.12.2016).

ЛССР 1989 - Национальный состав Латвийской ССР по данным переписи населения в СССР 1989 года / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10 (дата обращения – 12.12.2016).

Молдавия 2004 - Национальный состав населения Молдавии по переписи 2004 года // Перепись населения Молдавии (2004) / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Молдавии_(2004) (дата обращения – 12.12.2016).

МССР 1989 - Национальный состав Молдавской ССР по данным переписи населения в СССР 1989 года / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=9 (дата обращения – 12.12.2016).

Население Абхазии - Население Абхазии / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Абхазии (дата обращения – 12.12.2016).

Население Казахстана - Население Казахстана / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Казахстана (дата обращения – 12.12.2016).

Население Крыма - Население Крыма / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Крыма (дата обращения – 12.12.2016).

Население Латвии - Население Латвии / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Латвии (дата обращения – 12.12.2016).

Население ПМР - Население Приднестровской Молдавской Республики / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Приднестровской_Молдавской_Республики (дата обращения – 12.12.2016).

Население Эстонии - Население Эстонии / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Эстонии (дата обращения – 12.12.2016).

Население Южной Осетии - Население Южной Осетии / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Южной_Осетии (дата обращения – 12.12.2016).

ПМР 2004 - Национальный состав население Приднестровской Молдавской республики 2004 / Электронный ресурс: http://pop-stat.mashke.org/pmr-ethnic-loc2004.htm (дата обращения – 12.12.2016).

Постановление 1948 - Постановление Совета Министров РСФСР от 29 октября 1948 года № 1082 «Вопросы города Севастополя» / Электронный ресурс: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Совета_Министров_РСФСР_от_29.10.1948_№_1082 (дата обращения – 12.12.2016).

Правовой статус Севастополя - Правовой статус Севастополя / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовой_статус_Севастополя (дата обращения – 12.12.2016).

Правовой статус Севастополя 1999 - Правовой статус города Севастополя в РСФСР // Фёдоров А.В. Правовой статус Крыма: Правовой статус Севастополя. М.: Издательство Московского университета, 1999.

Псковская Третья летопись 1955 - Псковская Третья летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

ПСРЛ. I - Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том I. М., 1950.

Референдум 1991 - Ведомость о результатах Всеукраинского референдума, 1 декабря 1991 // Всеукраинский референдум (1991) / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Всеукраинский_референдум_(1991) (дата обращения – 12.12.2016).

Севастополь - Севастополь / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Севастополь (дата обращения – 12.12.2016).

Севастополь в документах - Севастополь: вчера и сегодня в документах // Обозреватель – Observer. Т. 25. № 21.

Указ 1708 - Указ об учреждении губерний 18.12.1708 / Электронный ресурс: http://док.история.рф/18/ukaz-ob-uchrezhdenii-guberniy (дата обращения – 12.12.2016).

Указ 1948 - Указ Президиума ВС РСФСР от 29.10.1948 № 761/2 О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр / Электронный ресурс: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_РСФСР_от_29.10.1948_№_761/2 (дата обращения – 12.12.2016).

Указ 1954 - Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.

Украина 2001 - Всеукраинская перепись населения 2001. Распределение постоянного населения по национальности и родному языку / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Всеукраинская_перепись_населения_(2001) (дата обращения – 12.12.2016).

УССР 1989 - Национальный состав Украинской ССР по данным переписи населения в СССР 1989 года / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=2 (дата обращения – 12.12.2016).

Хауг 2005 - *Хауг В.* Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии. 2005 / Электронный ресурс: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit04.php (дата обращения – 12.12.2016).

Численность русских - Численность русских / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Численность_русских (дата обращения – 12.12.2016).

ЭССР 1989 - Национальный состав Эстонской ССР по данным переписи населения в СССР 1989 года / Электронный ресурс: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=15 (дата обращения – 12.12.2016).

REFERENCES

Belorussija 2009 - Belstat. Predvaritel'nye itogi perepisi naselenija Belarusi 2009 g. [Belstat. Preliminary results of a population census of Belarus 2009], in: Naselenie Belorussii [Population of Belarus], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Belorussii#cite_note-Perep2009-19 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Belovezhskie soglashenija - Belovezhskie soglashenija [Belavezha Accords], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Belovezhskie_soglashenija (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Bliny gur'evskie - Bliny gur'evskie prazdnichnye [Pancakes the Guryev festive], Electronic resource: http://recept.domovest.ru/vipechka/275-bliny-gurevskie-prazdnichnye.html (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

BSJe 1937 - Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 30 [Big Soviet encyclopedia. Volume 30], Moscow, OGIZ SSSR Publ., 1937 [in Russian].

BSSR 1989 - Nacional'nyj sostav Belorusskoj SSR po dannym perepisi naselenija v SSSR 1989 goda [National structure of the Belarusian SSR according to a population census in the USSR of 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Chislennost' russkih - Chislennost' russkih [Number of Russians], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Chislennost'_russkih (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Deklaracija 1922 - Deklaracija i dogovor ob obrazovanii SSSR. 30 dekabrja 1922 g. / Podlinnik. Tipografskaja pechat'. Podpisi-avtografy chlenov polnomochnyh delegacij RSFSR, USSR, ZSFSR, BSSR. 42,5h31,0 [Declaration and contract on formation of the USSR. On December 30, 1922 / Original. Letterpress printing. Signatures autographs of members of authorized delegations of RSFSR, USSR, ZSFSR, BSSR. 42,5x31,0], in: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-3316. Op. 1. D. 5. L. 1-2 [State archive of the Russian Federation.R-3316 fund. Inventory 1. Case 5. Letters 1-2] [in Russian].

Dekret 1925 - O pereimenovanii Kirgizskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki v Kazakskuju Avtonomnuju Sovetskuju Socialisticheskuju Respubliku. Dekret VCIK ot 15 ijunja 1925 g. [About renaming of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic into Kazaksky Autonomous Soviet Socialist Republic. The decree of VTsIK of June 15, 1925], in: Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij rabochego i krest'janskogo pravitel'stva RSFSR [Meeting of legalizations and orders of the working and country government of RSFSR], Moscow, 1925. № 43 [in Russian].

Dekret AKSSR - Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnyh Komissarov. Ob obrazovanii Avtonomnoj Kirgizskoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respubliki [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars. About formation of the Autonomous Kyrgyz Socialist Soviet Republic], in: Kirgizskaja Avtonomnaja Socialisticheskaja Sovetskaja Respublika [Kyrgyz Autonomous Socialist Soviet Republic], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kirgizskaja_Avtonomnaja_Socialisticheskaja_Sovetskaja_Respublika_(1920—1925) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Gaplogruppa R1a1 - Gaplogruppa R1a1 (Y-DNK) [Haplogroup R1a1 (Y-DNK)], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gaplogruppa_R1a_(Y-DNK) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Gorbachev - Gorbachev M.S. Belovezhskie soglashenija i ih ocenka [Belavezha Accords and their assessment], Electronic resource: http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/82.htm (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Haug 2005 - *Haug V.* Demograficheskie tendencii, formirovanie nacij i mezhjetnicheskie otnoshenija v Kirgizii [Demographic tendencies, formation of the nations and the interethnic relations in Kyrgyzstan. 2005], 2005, Electronic resource: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit04.php (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Istorija 2010 - Istorija bashkirskogo naroda: v 7 t. / gl. red. M.M. Kul'sharipov. T. V [History of the Bashkir people: in 7 volumes/hl. edition M. M. Kulsharipov. Volume V], Ufa, Gilem Publ., 2010 [in Russian].

Itogi 1996 - Podrobnye rezul'taty vyborov. Itogi golosovanija po vyboram Prezidenta Rossijskoj Federacii 1996 goda. Statisticheskie dannye [Detailed results of elections. Vote results on an election of the president of the Russian Federation of 1996. Statistical data], Electronic resource: http://www.vybory.ru/spravka/results/president.php3 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

JeSSR 1989 - Nacional'nyj sostav Jestonskoj SSR po dannym perepisi naselenija v SSSR 1989 goda [National structure of the Estonian SSR according to a population census in the USSR of 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=15 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kazahskaja ASSR - Kazahskaja Avtonomnaja Socialisticheskaja Sovetskaja Respublika [Kazakh Autonomous Socialist Soviet Republic], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kazahskaja_Avtonomnaja_Socialisticheskaja_Sovetskaja_Respublika (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kazahstan 1999 - Nacional'nyj sostav Respubliki Kazahstan. Perepis' naselenija Kazahstana 1999 goda [National structure of the Republic of Kazakhstan. Population census of Kazakhstan of 1999], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Perepis'_naselenija_Kazahstana_(1999)#cite_ref-2 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kazahstan 2009 - Nacional'nyj sostav Respubliki Kazahstan. Perepis' naselenija Kazahstana 2009 goda [National structure of the Republic of Kazakhstan. Population census of Kazakhstan of 2009], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Perepis'_naselenija_Kazahstana_(2009)#cite_ref-1 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kirgizija 1989 - Nacional'nyj sostav Kirgizskoj SSR v 1989 godu [National structure of the Kyrgyz SSR in 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=11 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kirgizija 2009 - Nacional'nyj sostav Respubliki Kyrgyzstan. Perepis' naselenija Kirgizii 2009 goda [National structure of the Republic Kyrgyzstan. Population census of Kyrgyzstan of 2009], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Perepis'_naselenija_Kirgizii_(2009)#cite_ref-2 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kljosov 2013 - *Kljosov A.A.* Otkuda pojavilis' slavjane i «indoevropejcy»? [From where there were Slavs and «Indo-Europeans»?], in: Pereformat, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/02/otkuda-poyavilis-slavyane/ (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Kljosov 2013a - *Kljosov A.A.* Kto delaet iz Ukrainy izolirovannyj ostrov? [Who does the isolated island of Ukraine?], in: Pereformat, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/03/ostrov-ukraina/ (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Konstitucija KSSR 1978 - Konstitucija Kazahskoj SSR 1978 goda. Glava 7. Kazahskaja SSR – Sojuznaja Respublika v sostave SSSR [Constitution of the Kazakh SSR of 1978. Chapter 7. The Kazakh SSR– the Federal Republic as a part of the USSR] [in Russian].

Krym 1959 - Nacional'nyj sostav Krymskoj oblasti USSR. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1959 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastej respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i nacional'nosti [National structure of the USSR Crimean area. All-Union population census of 1959. Urban and country people of areas of the republics of the USSR (except RSFSR) on a floor and a nationality], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Krym 1979 - Nacional'nyj sostav Krymskoj oblasti USSR. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1979 goda. Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastej respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i nacional'nosti [National structure of the USSR Crimean area. All-Union population census of 1979. Urban and country people of areas of the republics of the USSR (except RSFSR) on a floor and a nationality], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=12 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Krym 1989 - Nacional'nyj sostav Krymskoj oblasti USSR. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naselenija oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [National structure of the USSR Crimean area. All-Union population census of 1989. Distribution of urban and country people of areas of the republics of the USSR on a floor and a nationality], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Krym 2001 - Respublika Krym. Vseukrainskaja perepis' naselenija 2001: Nacional'nyj sostav naselenija [Republic of Crimea. All-Ukrainian population census of 2001: National structure of the

population], Electronic resource: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/ (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Krym 2015 - Perepis' naselenija v Krymskom federal'nom okruge [Population census in the Crimean federal district], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Perepis'_naselenija_v_Krymskom_federal'nom_okruge_(2014) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

KSSR 1939 - Nacional'nyj sostav Kazahskoj SSR v 1939 godu [National structure of the Kazakh SSR in 1939], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=10 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

KSSR 1959 - Nacional'nyj sostav Kazahskoj SSR v 1959 godu [National structure of the Kazakh SSR in 1959], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=91 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

KSSR 1970 - Nacional'nyj sostav Kazahskoj SSR v 1970 godu [National structure of the Kazakh SSR in 1970], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=5 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

KSSR 1979 - Nacional'nyj sostav Kazahskoj SSR v 1979 godu [National structure of the Kazakh SSR in 1979], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=5 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

KSSR 1989 - Nacional'nyj sostav Kazahskoj SSR v 1989 godu [National structure of the Kazakh SSR in 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

LSSR 1989 - Nacional'nyj sostav Latvijskoj SSR po dannym perepisi naselenija v SSSR 1989 goda [National structure of the Latvian SSR according to a population census in the USSR of 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Moldavija 2004 - Nacional'nyj sostav naselenija Moldavii po perepisi 2004 goda [National structure of the population of Moldova on a census of 2004]// Perepis' naselenija Moldavii (2004) [the Population census of Moldova (2004)], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Perepis'_naselenija_Moldavii_(2004) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

MSSR 1989 - Nacional'nyj sostav Moldavskoj SSR po dannym perepisi naselenija v SSSR 1989 goda [National structure of the Moldavian SSR according to a population census in the USSR of 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=9 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Abhazii - Naselenie Abhazii [Population of Abkhazia], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Abhazii (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Jestonii - Naselenie Jestonii [Population of Estonia], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Jestonii (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Juzhnoj Osetii - Naselenie Juzhnoj Osetii [Population of South Ossetia], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Juzhnoj_Osetii (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Kazahstana - Naselenie Kazahstana [Population of Kazakhstan], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Kazahstana (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Kryma - Naselenie Kryma [Population of the Crimea], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Kryma (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie Latvii - Naselenie Latvii [Population of Latvia], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Latvii (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Naselenie PMR - Naselenie Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki [Population of the Pridnestrovian Moldavian Republic], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Naselenie_Pridnestrovskoj_Moldavskoj_Respubliki (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

PMR 2004 - Nacional'nyj sostav naselenie Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki 2004 [National structure population of the Dnestr Moldavian republic of 2004], Electronic resource: http://pop-stat.mashke.org/pmr-ethnic-loc2004.htm (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Postanovlenie 1948 - Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 29 oktjabrja 1948 goda № 1082 «Voprosy goroda Sevastopolja» [The resolution of Council of ministers of RSFSR of October 29, 1948 No. 1082 «Questions of the city of Sevastopol»], Electronic resource: https://ru.wikisource.org/wiki/Postanovlenie_Soveta_Ministrov_RSFSR_ot_29.10.1948_№_1082 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Pravovoj status Sevastopolja - Pravovoj status Sevastopolja [Legal status of Sevastopol], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pravovoj_status_Sevastopolja (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Pravovoj status Sevastopolja 1999 - Pravovoj status goroda Sevastopolja v RSFSR [Legal status of the city of Sevastopol in RSFSR], in: Fjodorov A.V. Pravovoj status Kryma: Pravovoj status Sevastopolja [Fyodorov A.V. Legal status of the Crimea: Legal status of Sevastopol], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1999 [in Russian].

Pskovskaja Tret'ja letopis' 1955 - Pskovskaja Tret'ja letopis' [Pskov Third chronicle], in: Pskovskie letopisi. Vyp. 2 [Pskov chronicles. Release 2], Moscow, 1955 [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. I, Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

Referendum 1991 - Vedomost' o rezul'tatah Vseukrainskogo referenduma, 1 dekabrja 1991 [The sheet about results of the All-Ukrainian referendum, on December 1, 1991], in: Vseukrainskij referendum (1991) [All-Ukrainian referendum (1991)], Electronic resource s: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vseukrainskij_referendum_(1991) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Sevastopol' - Sevastopol' [Sevastopol], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sevastopol' (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Sevastopol' v dokumentah - Sevastopol': vchera i segodnja v dokumentah [Sevastopol: yesterday and today in documents], in: Obozrevatel' – Observer. T. 25 [Observer. Volume 25], № 21 [in Russian].

Ukaz 1708 - Ukaz ob uchrezhdenii gubernij 18.12.1708 [Decree on establishment of provinces 18.12.1708], Electronic resource: http://dok.istorija.rf/18/ukaz-ob-uchrezhdenii-guberniy (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Ukaz 1948 - Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 29.10.1948 № 761/2 O vydelenii goroda Sevastopolja v samostojatel'nyj administrativno-hozjajstvennyj centr [The decree of Presidium of VS RSFSR of 29.10.1948 No. 761/2 O allocation of the city of Sevastopol in the independent administrative center], Electronic resource: https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_RSFSR_ot_29.10.1948_№_761/2 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Ukaz 1954 - Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 19.02.1954 «O peredache Krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav USSR» [The decree of Presidium of VS USSR of 19.02.1954 «About transfer of the Crimean region from structure of RSFSR in structure of USSR»], in: Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – ijul' 1956 g. / pod red. Ju.I. Mandel'shtam [Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Council of the USSR. 1938 – July, 1956 / under the editorial office Yu.I. Mandelstam], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury Publ., 1956 [in Russian].

Ukraina 2001 - Vseukrainskaja perepis' naselenija 2001. Raspredelenie postojannogo naselenija po nacional'nosti i rodnomu jazyku [All-Ukrainian population census of 2001. Distribution of resident population on a nationality and the native language], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vseukrainskaja_perepis'_naselenija_(2001) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

USSR 1989 - Nacional'nyj sostav Ukrainskoj SSR po dannym perepisi naselenija v SSSR 1989 goda [National structure of the Ukrainian SSR according to a population census in the USSR of 1989], Electronic resource: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=2 (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Vedomosti 1954 - Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1954. 9 marta [Sheets of the Supreme Council of the USSR. 1954. March 9], № 4 [in Russian].

Vybory 1996 - Prezidentskie vybory v Rossii 1996 goda [Presidential elections in Russia of 1996], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Prezidentskie_vybory_v_Rossii_(1996) (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Zakon 1954 - Zakon SSSR ot 26 aprelja 1954 goda «O peredache Krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav Ukrainskoj SSR» [The law USSR of April 26, 1954 «About transfer of the Crimean region from structure of RSFSR in structure of the Ukrainian SSR»], in: Zasedanija Verhovnogo Soveta SSSR chetvertogo sozyva. Pervaja sessija (20-2 aprelja 1954 g.) [Meetings of the Supreme Council of the USSR of the fourth convocation. First session (on April 20-2, 1954)], Moscow, Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR Publ., 1954 [in Russian].

Zinja 2012 - *Zinja O*. Istorija Astany. Akmolinsk, Celinograd, Akmola, Astana [History of Astana. Akmolinsk, Tselinograd, Akmola, Astana], 2012, Electronic resource: http://historyofcities.blogspot.ru/2012/10/astana.html (Date of access – 12.12.2016) [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович – Соискатель на степень кандидата исторических наук Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова (Волгодонск, Россия).
Andrey Karpenko – Applicant on degree of the candidate of historical sciences of Institute of retraining and professional development of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia).
E-mail: alnikar1953@mail.ru

УДК 903.01/.09

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕРЕБРЯНЫХ БРАСЛЕТОВ-НАРУЧЕЙ С ЧЕРНЬЮ

А.И. Корниенко
Государственный Эрмитаж
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34
e-mail: kornienko.job@mail.ru
Researcher ID: N-4426-2016
http://orcid.org/0000-0002-1205-8627
SPIN-код: 3170-4400

Авторское резюме

На протяжении многих веков мастера Древнерусского государства достигали самого высокого уровня развития в ремесленном деле. Изготовление ювелирных изделий – одно из древнейших ремесел в многовековой истории человечества. Литература, посвященная этому вопросу, огромна, и чтобы отобразить основные этапы в исследовании данного вопроса, мы постарались систематизировать основные подходы, в рамках которых рассматривались древнерусские черневые створчатые браслеты-наручи. Эта систематизация имеет свои недостатки (например, в основополагающей работе Т.И. Макаровой о черневом деле Древней Руси представлены как стилистический, так и технологический подходы, то же можно сказать о трудах Б.А. Рыбакова, куда добавляется ещё и детально разработанный семантический подход), но позволяет наметить историографические тенденции. В настоящей работе мы представляем некоторые аспекты технологического подхода к изучению древнерусских серебряных изделий с чернью.

Ключевые слова: Древняя Русь, ювелирное искусство, чернь, браслеты-наручи.

A TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF OLD RUSSIAN NIELLOED ARM BRACELETS

Alyona Kornienko
The State Hermitage
34 Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 190000, Russia
e-mail: kornienko.job@mail.ru
Researcher ID: N-4426-2016
http://orcid.org/0000-0002-1205-8627
SPIN-код: 3170-4400

Abstract

For centuries Rus' artisans developed their skill in jewelry making – one of the most ancient crafts in human history. Plenty of research has been devoted to this; in order to identify key steps in the research of the above topic, we attempted to systematize the main approaches that were applied to the study of Old Russian folding nielloed arm bracelets. This systematization has its own deficiencies (for example, both stylistic and technological approaches are presented in the fundamental work on the Old Russian niello craft by T.I. Makarova; the same can be said about the works of B.A. Rybakov, where an elaborated semantic

approach was also used), but systematization allows for the outlining of historiographical trends. The article discusses some aspects of the technological approach to the study of Old Russian nielloed items.

Keywords: Old Russia, jewelry art, niello, arm bracelets.

* * *

Изучение технологии изготовления черневых изделий в целом, привязка к конкретным центрам в контексте общей истории ремесла нашли отражение в фундаментальном труде Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», который вышел из печати в 1948 г. Данная работа делит историю ремесла на два периода: с древнейших времен до середины XIII в., с середины XIII в. до второй половины XV в. В качестве хронологического рубежа автор берет наиболее определенный исторический момент – 1237-1241 гг. – монгольское нашествие, приведшее к разгрому и расхищению русских культурных ценностей и задержавшее развитие русской культуры на долгое время. Материалы каждого периода автор делит на несколько групп, учитывая место производства (городское, сельское), технологические аспекты, а также социальную организацию ремесла и положение ремесленников.

Большое внимание исследователь уделяет именно технике производства, т. к. именно анализ техники позволяет определить дату, установить направление развития ремесла. Еще один важный вопрос нашел освещение в работе Б.А. Рыбакова – определение местного или иноземного производства вещей. Для их расшифровки исследователь применяет картографирование археологических данных. Картограммы производственного сырья, в сочетании с готовой продукцией позволили выявить узкие районы возможного изготовления широко распространенных вещей. В работе автор выделяет несколько ювелирных мастерских, а также отмечает особенности, характерные для ювелирных школ. Б.А. Рыбаков первым предложил схему развития черневого дела Руси, поставив на первую ступень турьи рога из Черной могилы. Исследователь наметил эволюцию черневого дела, его центры и их особенности. Связывал появление черневых серебряных украшений с деятельностью княжеско-боярских мастерских (Рыбаков 1948: 6).

Конкретные исследования проводились по результатам раскопок Великого Новгорода Н.В. Рындиной, которая подробно останавливается на анализе комплексов, доказывающих местное ювелирное производство, выявляет наборы инструментов и приспособлений новгородских ювелиров, устанавливает технические приемы. Исследовательница выявляет семь комплексов ювелирных мастерских XII-XV вв., выделяет хронологические этапы ведущих техник (Рындина 1963: 147).

Огромное значение в истории изучения ювелирных украшений в контексте средневековой культуры имеют труды Т.И. Макаровой, посвященные изучению техники перегородчатой эмали и черни. После Б.А. Рыбакова, Т.И. Макарова первая из исследователей приступила к более тщательному анализу данных техник. Начало использования черни местными мастерами, автор относит к концу XI в. – это витые и плетеные серебряные браслеты с мендалевидными наконечниками, на которых чернью по гравировке выполнен растительный орнамент. С течением времени декор не меняется, отмечает исследовательница, в связи, с чем говорит, о том, что

браслетчикам стал известен только один рецепт черни, а не многочисленные приемы черневого дела в целом (Макарова 1967: 30).

Т.И. Макарова в монографии «Черневое дело Древней Руси» подробно разбирает вопрос о происхождении черни на Руси. Обращает свое внимание, в первую очередь, на познания соседей Руси — кочевников — в области черневого дела. Отмечает, что многие конкретные вещи с чернью из хорошо датированных комплексов говорят о длительной традиции чернения в мастерских оружейников Хазарского каганата и сменивших его половцев (Макарова 1986: 29). Возвращаясь к древнерусскому ювелирному делу, автор рассматривает изделия, выполненные в сопутствующей технике чернения инкрустации. К таким вещам относит изделия из Гнездова, Киева и Табаевки, которые стилистически однородны: сходны по форме, орнаментации и технологии. Особенно показательны, отмечает Т.И. Макарова, вещи из Табаевки, на которых гнездовские орнаментальные решения значительно усложнены и сопровождаются новыми элементами и композициями.

Для нашей работы наиболее интересно рассмотреть исследование автора в области применения черни в декорировании серебряных браслетов – наручей. Исследовательница делит их на две неравные группы – большую - браслеты, сделанные из широкой пластины серебра и меньшую – браслеты, сделанные из узкой пластины. Первую группу браслетов автор генетически относит к широким браслетам Византии. А также делит обручи на виды — по технологическому принципу — способу изготовления пластины (выколотка, тиснение, литье); на типы — по конструкции и форме (одноярусные, двухъярусные); на подтипы — по сюжетам орнаментации. Различные по форме и сюжетам орнаментации обручи, как отмечает автор, могли изготовляться в одной мастерской и даже одним мастером. В этом случае исследовательница решает выявить их особенности (Макарова 1986: 30).

Технологический подход к изучению производства серебряных украшений с чернью практически «завис» на уровне исследования Т.И. Макаровой, опубликованного в 1986 г. Это обусловлено, с одной стороны, полнотой и высоким уровнем классической работы исследовательницы. В то же время, за последние 30 лет не только удвоилось количество рассматриваемых черневых створчатых браслетов, но и открылись новые методические возможности их исследования с опорой на технологию изготовления. Именно это направление развивается в настоящей работе.

Чернь представляет собой одну из техник декорирования ювелирных изделий и предметов быта, известную еще со времен Римской империи. Первые упоминания об использовании черни встречаются в работах Плиния, датированных I веком до нашей эры.

Своеобразный «рецепт» – описание технологии чернения и других технологических приемов, мы находим в трактате XI в. Теофила (Теофил 1963).

Чернь – это сплав сернистого серебра, меди (или олова), свинца и серы в определенной пропорции, которые могли варьироваться. Ее толкут в порошок и хранят в таком виде. Хорошо сделанная чернь очень прочно соединяется с металлом и остается на своем месте при деформациях изделия. Если же сплав сделан из некачественных компонентов, то чернь вскоре выкрошится. Существует не один вид

черни, каждый имеет свой рецепт составления. В работе В.П. Новикова и В.С. Павлова приведены рецепты, применяемые в современной ювелирной промышленности для изготовления черневых сплавов, каждый из которых отличается составом, а так же массовой долей компонентов (Новиков, Павлов 1991: 170).

Большинство исследователей в своих работах придерживается определения, где чернь является материалом для последующей художественной обработки изделий, а сам процесс называют чернением (Макарова 1986; Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова 1995; Рябцева 2005; Жилина 2014). Таким образом, можно говорить, что чернь является разновидностью инкрустации ювелирных изделий.

Существует несколько вариантов, как приготовления, так и нанесения черни на изделие, ниже будут рассмотрены некоторые из них.

По мнению Т.И. Макаровой, единственным подлинно древним руководством по изготовлению и применению черни являются главы «Записки о различных ремеслах» Теофила. Исследовательница в своих работах о черневом искусстве Древней Руси не раз ссылается на его описание: «Возьми клей, который зовется камедь, и немного разотри его с водой, так, чтобы вода слегка замутилась. Место, которое ты хочешь покрыть чернью, сначала смочи этой водой. Возьми перо и вытряхивай с помощью тонкой железной палочки аккуратно на это самое место, пока не покроешь его целиком» (Макарова 1986: 12).

Последующий обжиг в горне он описывает так: «Собери очень горячие угли, сунь в них сосуд и тщательно закрой его, но так, чтобы на чернь не попало ни одного угля, иначе она выпадет. Когда вся чернь расплавится, возьми сосуд щипцами и, поворачивая, смотри, чтобы чернь не упала на землю. Если при первом нагревании чернь не покроет весь сосуд, опять смочи их и положи, как раньше, и поскорее, чтобы этого не пришлось повторять снова». Для выявления рисунка покрытый чернью предмет смачивают слюной и натирают пемзой, «пока не проступит везде рисунок и вся поверхность не станет гладкой» (Макарова 1986: 12).

В своей работе М.М. Постникова-Лосева описывает следующий процесс: «измельченную в порошок чернь смачивают раствором буры (10 г буры на 200 мг воды) и нагревают до испарения влаги. Затем все изделия покрывают ровным слоем черни в 1,2-2 мм толщиной и помещают в горн. При обжиге чернь расплавится и соединится с поверхностью предмета, который вынимают из горна сплошь черным». Далее автор описывает действия мастера по выявлению изображения – шлифует пемзой и доводит поверхность до блеска березовым угольником. Таким образом, чернь остается только в вырезанных мастером углублениях. Это могут быть как контуры орнамента, так и фон, в зависимости от идеи декора (Постникова-Лосева 1995: 14).

Современный способ приготовления черни разработан в Московском институте цветных металлов и золота под руководством проф. А.Г. Спасского: сначала готовят отдельно сернистое серебро, сернистую медь и сернистый свинец, а затем сплавляют их вместе в определенных пропорциях. Перед наложением черни поверхность изделия тщательно шлифуют, на ней не должно оставаться случайных царапин и рисок, в которые могла бы попасть чернь и исказить рисунок. Края изделия и места пайки, а также участки поверхности, на которых не должно быть

черни, обмазывают огнеупорной глиной, размешанной в воде. Глина предохраняет места пайки от выгорания припоя и, кроме того, не дает черни расплываться. Глину немного просушивают.

Исследователи отмечают, что существует два приема наложения черни: сухой и мокрый. Сухой способ заключается в том, что поверхность, подлежащую чернению, смачивают водным раствором поташа, буры и поваренной соли и на нее насыпают тонко измельченный и просеянный через сито порошок черни; затем изделие осторожно просушивают. Чернь, случайно попавшая на места, не подлежащие чернению, удаляют. В таком виде изделие поступает в обжиг, который проводят в муфеле при температуре 300-400° С.

Мокрый способ отличается тем, что чернь на изделие накладывают в виде сметанообразной кашицы, разведенной водой; при этом очень важно, чтобы углубления были чистыми, свободными от жира. Сырую тонкопорошковую смесь черни, разведенную на хлористоаммониевом растворе, кисточкой или шпателем наносят в углубления. Смесь кладут по возможности густо и слегка утрамбовывают шпателем. Углубления должны быть заполнены до краев; при тонких гравированных рисунках всю поверхность следует покрыть черневой смесью. Заготовку оставляют на некоторое время стоять, чтобы испарилась вода (Техно-лайн»).

Чернь на рассматриваемых нами украшениях бывает разной по плотности и тону. Иногда она выглядит черно-бархатной, иногда — серебристо-серой. Как отмечают исследователи, это зависит от различной рецептуры. Однако, для ее точного определения необходимо проведение химического анализа, который не применяется из-за разрушительности метода. Поэтому мы можем говорить только о возможных способах нанесения черни на изделия, оставляя в стороне ее состав. Общее количество браслетов составляет 63 экземпляра, 6 из которых найдены вне контекста, но для выделения технологической и стилистической общности изделий, на наш взгляд, их следует включить в анализ.

Также следует отметить, что большинство браслетов нам известны только по фотографиям, в некоторых случаях плохого качества, а также рисункам, которые и вовсе не могут передать необходимой информации для работы. Таким образом, рассматриваются 45 экземпляров браслетов, которые либо изучены нами визуально в фондах и на экспозициях музеев (12 экз.), либо по качественным фотоснимкам (19 экз.), либо по описанию исследователей, в котором отмечены технологические параметры изделий.

Чернь использовалась древнерусскими мастерами в двух вариантах – заполнение фона изделия, когда рисунок оставался светлым, для этого мастеру требовалось углубления фона, создание так называемого лотка. И второй вариант, когда чернью заполняли естественные углубления – выгравированные контуры рисунка. Следует отметить, что в обоих случаях мастерами применялось золочение, как отдельных элементов декора (разграничивающие пластины, проволока, шарниры и др.), так и сам сюжет (персонажи, плетенка и др.). Следовательно, мы распределили браслеты на две группы: с чернью по фоном и по гравировке. В каждой группе мы выделили ряд признаков, демонстрирующих индивидуальное исполнение мастера.

В первую группу – чернение по фону вошло 31 экземпляр браслетов. Все они разнообразны по композиции, сюжетам, стилям, отличаются также по качеству черни. Помимо сохранности черневого сплава на украшениях, мы выделяем два признака, отвечающих за исполнение чернения одним мастером.

Первый признак отвечает за подготовку поверхности изделия к чернению, а именно, создание лотка: его глубина и дополнительная обработка. Глубину лотка выявить по фотографиям довольно сложно, чаще всего это условное определение, основанное на описаниях исследователей. Дополнительную обработку поверхности мы можем выявить на изделиях, на которых чернь местами не сохранилась (15 экз.), при этом, попытаемся выделить технологические особенности лотка.

Выделяются два основных типа техники оформления лотка под чернь. Первый тип – с помощью матового чекана (рис.1). По определению Э. Бреполя этот вид чекана по форме напоминает лощатник, но рабочая поверхность у него не гладкая, а рифленая. Автор отмечает, что такие чеканы применяют для получения матовой поверхности и фона вокруг контурных рисунков (Бреполь 2000: 206). Ко второму типу относится сетчатая гравировка поверхности (рис.2). Такой след был распознан Т.И. Макаровой, косую или прямую сетку мог оставлять фаденштихель — резец с мелкими зубцами на режущем крае (Макарова 1986: 10).



Рис.1. Владимир, 1896 г. (по: Сокровища ойкумены. Перед нашествием 2005: 134)

Следует отдельно остановиться на браслетах, входящих в состав клада, найденного при раскопках Старой Рязани в 1966 г. под руководством А.Л. Монгайта. Как отмечает исследователь, клад был обнаружен на глубине 0,25 м, зарыт второпях, в 4 м от дома (рис.3). Вещи были сложены компактно (денежные слитки внутри браслетов – А.Л. Монгайт) и плотно завернуты в ткань, от которой сохранились небольшие фрагменты. Автор подробно останавливается на описании наручей: «фигуры в клеймах гравированы мелкозубчатыми линиями (контур местами двойной) и оставлены в серебре. Вокруг них по периметру проволочных обрамлений техникой «передвижки» выполнены зигзагообразные линии. Эти насечки, которые часто наносились для сцепления черневой массы с поверхностью предмета, в данном случае чисто орнаментальные» (Монгайт 1955: 180). Среди других шарнирных

браслетов XII-XIII вв. они являются одними из самых художественных. Как видно по фотографиям и, учитывая описание исследователя, отмечаем, что искусно работающий ювелир не подготавливал специального лотка под чернь на данных изделиях, а также не использовал дополнительной обработки поверхности для лучшего скрепления сплава с серебром. Несмотря на эти моменты, чернь на браслетах сохранилась хорошо, других похожих случаев пока не было зафиксировано.



Рис.2. Москва, 1991 г. (по: Панова 2009: 447, рис.2)

Возвращаясь к браслетам с хорошей сохранностью черни по фону, отметим наличие дополнительной обработки лотка. Таких случаев не много, всего на четырех изделиях были выявлены гравированные насечки по фону. В свою очередь, изделий без гравировки в два раза больше. Таким образом, утверждение Т.И. Макаровой, что чернь на браслетах с дополнительной обработкой сохранялась лучше, мы считаем не оправданным. Тем более, как было отмечено выше, перед чернением мастера специально отшлифовывали поверхность изделия.



Рис.3. Старая Рязань, 1966 г.
(по: по: Клады 2013)

В группе браслетов-наручей с чернью по гравировке общим признаком для большинства изделий стало оформление композиции створок, в основном, это одноярусные браслеты с зооморфным орнаментом.

Оформление фона штриховкой встречаем на ряде браслетов данной группы. Так, на четырех браслетах фон обработан резцом таким образом, что создается впечатление «чешуек», данный прием придает объемность композиции (рис.4). Как отмечено Т.И. Макаровой, данный след мог оставлять болтштихель (Макарова 1986: 10).



Рис.4. Шанчай (по: Lietuvos Didžiosios 2009: 544, рис.29)

Чернение данной группы лучше всего сохранилось на четырех браслетах, общим признаком у которых является широкая линия гравировки (рис.5).

Характерным признаком ювелирных традиций мастерских, на наш взгляд, можно считать сам процесс нанесения черневого сплава на изделия. На одних браслетах чернь местами сохранилась в линиях гравировки. Это может говорить о том, что мастер наносил сплав на всю поверхность створки, после чего отшлифовывал поверхность до тех пор, пока не проявится рисунок. В «Записках о различных ремеслах» Теофила, подробно описывается процесс полировки черни. Покрытый чернью предмет смачивают слюной и натирают пемзой, «пока не проступит везде рисунок и вся поверхность не станет гладкой» (Теофил 1963: 136). Затем чернь натирают куском липового дерева с нанесенным на него влажным порошком пемзы, «пока она не станет блестеть» (Теофил 1963: 136). Последняя стадия этого процесса наступает после того, как протертую тонким холстом чернь натирают жиром, а потом слегка полируют «кожей козла или оленя, пока она не станет светлой». (Теофил 1963: 136). В равной степени чернь на браслетах наносилась отдельными порциями на фон, избегая попадания на рисунок.



Рис.5. Болоховское городище, 1970 г. (по: Якубовский 2003: 59, рис.33)

При разделении браслетов на группы по способу нанесения черни выяснилось, что для дальнейшей классификации в этих группах «рабочими» оказались разные технологические признаки.

В группе браслетов с чернью по фону, на наш взгляд, при выделении особенностей технологических аспектов художественных школ необходимо учитывать следующие признаки: 1) морфологические признаки лотка под чернь – глубину (основываясь на описании исследователей) и дополнительную обработку, которая распадается на несколько видов гравировки, в свою очень характер гравировки дает возможность определить набор инструментов. 2) глубина лотка и его дополнительная обработка штриховкой не могут отвечать за сохранность черни. Ее сохранность может варьироваться, и в данной группе зависит скорее от рецептуры и способа нанесения. 3) выделяются несколько способов нанесения черни, что может являться индикатором для выделения мастерских.

Для группы с чернением по контуру мы выделяем 3 параметра, которые могут проявляться в разных художественных школах по- своему:

1) штриховка фона – близкое рассмотрение дает возможность, определить какими инструментами она наносилась; 2) сохранность черни в линиях гравировки зависит от их размеров (ширины, глубины) – может говорить о знании того или иного мастера техники чернения по контуру, его мастерстве. 3) декоративные элементы – их вид, расположение, орнаментация, способ крепления также несут черты индивидуального подхода мастера к созданию изделия.

Общим признаком для этой группы браслетов, отвечающем за единую древнерусскую художественную традицию, сформировавшуюся в одном центре и распространившуюся на другие территории можно считать композиционное построение браслета в один ярус.

В обеих группах по сочетанию признаков выделяются браслеты, близкие между собой по технологии изготовления, которые могут происходить как из одного, так и из разных комплексов и разных регионов.





Рис.6. Киев, 1903 г. (по: Мечь и златник 2012: 267, рис.643-644)

Например, два браслета из клада №103 в Киеве являются парными (рис.6), их композиционное построение и сюжеты выполнены в едином мотиве, и бесспорно рукой одного мастера. Характерными признаками этой мастерской мы считаем 1) ложнозерненые жгуты, обрамляющие орнаментальные поля, внутри которых идет деление на ярусы, киотцы; 2) разделительные полосы, орнаментированные бордюром из ветвей; 3) черневой фон, с нанесенной резцом сеткой. Этими же признаками наделены браслеты из Тереховского клада (рис.7).





Рис.7. Терехово, 1876 г. (по: Клады 2015: 48, рис.81; 49, рис.85)

Этот пример доказывает, что выделенные нами признаки являются «рабочими», однако, следует отметить, что делить ювелирные изделия на мастерские и школы, основываясь только на технологии изготовления нельзя, т.к. она могла передаваться и другим мастерам, проходящим обучение в ведущей ювелирной мастерской, таким образом, необходимо рассматривать и другие составляющие изделий – декоративные элементы, орнамент.

ЛИТЕРАТУРА

Бреполь 1982 - *Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. Л.: Машиностроение, 1982.

Жилина 2014 - *Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX-XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014.

Клады 2013 - Клады Старой Рязани, 2013 / Электронный ресурс: http://antiquetrip.info /clades/1160 (дата обращения - 19.03.2016).

Клады 2015 - Клады Древней Руси в собрании Русского музея. Каталог выставки / Новаковская С.М. (сост.). СПб.: Palace Editions, 2015.

Макарова 1967 - *Макарова Т.И.* Эмальерное и черневое дело Древней Руси. М., 1967.

Макарова 1986 - *Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М., 1986.

Меч и златник 2012 - Меч и златник: к 1150-летию зарождению Древнерусского государства. Каталог выставки / Мурашева В.В., Журавлев Д.В. (сост., науч. ред.). М.: Кучково поле, 2012.

Монгайт 1955 - *Монгайт А.Л.* Старая Рязань / Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. М.; Л., 1955.

Новиков, Павлов 1991 - *Новиков В.П., Павлов В.С.* Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб., 1991.

Панова 2009 - *Панова Т.Д.* Свидетель трагедии 1238 г. – клад с территории Боровицкого холма Москвы // Археологические открытия. 1991-2004 гг. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 443-452.

Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова 1995 - *Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.* Золотое и серебряное дело XV-XX вв. Территория СССР. М., 1995.

Рыбаков 1948 - *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рындина 1963 - *Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. Новые методы в археологии. Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. III. М., 1963.

Рябцева 2005 - *Рябцева С.С.* Створчатые браслеты-наручи // Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 256-265.

Сокровища 2005 - Сокровища ойкумены. Перед нашествием / История мировой культуры / В.А. Журавлев (Отв. редактор). М.: Бук Хаус, 2005.

Теофил 1963 - Манускрипт Теофила «Записки о разных искусствах» // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных и художественных ценностей. Вып. 7. М., 1963. С. 66-184.

Техно-лайн - Техно-лайн / Электронный ресурс: http://www.tehno-line.ru/files/theory/ Artprocessing/3-30.htm (дата обращения - 15.05.2015).

Якубовский 2003 - *Якубовский В.И.* Скарби Болохівськоі Землі. Кам'янец-Подільський: Інститут археології НАН України, 2003.

Lietuvos Didžiosios 2009 - *Butrimas A., Aleksiejūnas V.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diduomenės juvelyrika XIII-XV a. = Jewelry of the Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 13th – 15th Centuries. Parodos «Baltų menas» katalogo. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2009.

REFERENCES

Brepol' 1982 - *Brepol' Je.* Teorija i praktika juvelirnogo dela [Theory and practice of jewelry], Leningrad, Mashinostroenie Publ., 1982 [in Russian].

Jakubovskij 2003 - *Jakubovskij V.I.* Skarbi Bolohivs'koi Zemli [Treasures of the Bolokhovsky earth], Kam'janec-Podil's'kij, Institut arheologiï NAN Ukraïni Publ., 2003 [in Ukrainian].

Klady 2013 - Klady Staroj Rjazani [Treasures of Staraya Ryazan], 2013, Electronic resource: http://antiquetrip.info/clades/1160 (Date of access - 19.03.2016) [in Russian].

Klady 2015 - Klady Drevnej Rusi v sobranii Russkogo muzeja. Katalog vystavki / Novakovskaja S.M. (sost.) [Treasures of Ancient Russia in the Russian Museum collection. Exhibition catalog / Nowakovska S.M. (originator)], St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2015 [in Russian].

Lietuvos Didžiosios 2009 - *Butrimas A., Aleksiejūnas V.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diduomenės juvelyrika XIII-XV a. = Jewelry of the Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 13th –

15th Centuries. Parodos «Baltų menas» katalogo [Jewelry of the Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 13th – 15th Centuries], Vilnius, Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2009 [in Lithuanian].

Makarova 1967 - *Makarova T.I.* Jemal'ernoe i chernevoe delo Drevnej Rusi [Emalyerny and dark business of Ancient Russia], Moscow, 1967 [in Russian].

Makarova 1986 - *Makarova T.I.* Chernevoe delo Drevnej Rusi [Dark business of Ancient Russia], Moscow, 1986 [in Russian].

Mech i zlatnik 2012 - Mech i zlatnik: k 1150-letiju zarozhdeniju Drevnerusskogo gosudarstva. Katalog vystavki / Murasheva V.V., Zhuravlev D.V. (sost., nauch. red.) [Sword and zlatnik: to the 1150 anniversary to origin of the Old Russian state. Exhibition catalog / Murasheva V.V., Zhuravlev D.V. (drawing up, scientific edition)], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012 [in Russian].

Mongajt 1955 - *Mongajt A.L.* Staraja Rjazan' / Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [Staraya Ryazan / Materials and researches on archeology of the USSR], № 49, Moscow; Leningrad, 1955 [in Russian].

Novikov, Pavlov 1991 - *Novikov V.P., Pavlov V.S.* Ruchnoe izgotovlenie juvelirnyh ukrashenij [Manual production of a jewelry], St. Petersburg, 1991 [in Russian].

Panova 2009 - *Panova T.D.* Svidetel' tragedii 1238 g. – klad s territorii Borovickogo holma Moskvy [The witness of the tragedy of 1238 – a treasure from the territory of the Borovitsky hill of Moscow], in: Arheologicheskie otkrytija. 1991-2004 gg. Evropejskaja Rossija [Archaeological opening. 1991-2004. European Russia], Moscow, IA RAN Publ., 2009, pp. 443-452 [in Russian].

Postnikova-Loseva, Platonova, Ul'janova 1995 - *Postnikova-Loseva M.M., Platonova N.G., Ul'janova B.L.* Zolotoe i serebrjanoe delo XV-XX vv. Territorija SSSR [Gold and silver business of the 15-20th centuries. Territory of the USSR], Moscow, 1995 [in Russian].

Rjabceva 2005 - *Rjabceva S.S.* Stvorchatye braslety-naruchi [Folding bracelets-naruchi], in: Drevnerusskij juvelirnyj ubor. Osnovnye tendencii formirovanija [Old Russian jewelry attire. Main tendencies of formation], St. Petersburg, 2005, pp. 256-265 [in Russian].

Rybakov 1948 - *Rybakov B.A.* Remeslo Drevnej Rusi [Craft of Ancient Russia], Moscow, 1948 [in Russian].

Ryndina 1963 - *Ryndina N.V.* Tehnologija proizvodstva novgorodskih juvelirov X-XV vv. [Production technology of the Novgorod jewelers of the 10-15th centuries], in: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 117. Novye metody v arheologii. Trudy Novgorodskoj Arheologicheskoj jekspedicii. T. III [Materials and researches on archeology of the USSR. No. 117. New methods in archeology. Works of the Novgorod Archaeological expedition. Volume III], Moscow, 1963 [in Russian].

Sokrovishha 2005 - Sokrovishha ojkumeny. Pered nashestviem / Istorija mirovoj kul'tury / V.A. Zhuravlev (Otv. redaktor) [Treasures of an oykumena. Before invasion / a History of world culture / V.A. Zhuravlev (Editor-in-chief)], Moscow, Buk Haus Publ., 2005 [in Russian].

Tehno-lajn - Tehno-lajn [Techno line], Electronic resource: http://www.tehno-line.ru/files/theory/Artprocessing/3-30.htm (Date of access - 15.05.2015) [in Russian].

Teofil 1963 - Manuskript Teofila «Zapiski o raznyh iskusstvah» [Manuscript of Theophil of «Note about different arts»], in: Soobshhenija Central'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii po konservirovaniju i restavracii muzejnyh i hudozhestvennyh cennostej. Vyp. 7 [Messages of the Central research laboratory on conservation and restoration of museum and art values. Release 7], Moscow, 1963, pp. 66-184 [in Russian].

Zhilina 2014 - *Zhilina N.V.* Drevnerusskie klady IX-XIII vv. Klassifikacija, stilistika i hronologija ukrashenij [Old Russian treasures of the 9-13th centuries. Classification, stylistics and chronology of jewelry], Moscow, 2014 [in Russian].

Корниенко Алёна Игоревна – Лаборант отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).
Alyona Korniyenko – Laboratory assistant researcher of Department of history of the Russian culture of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia).
E-mail: kornienko.job@mail.ru

УДК 94

«ИМПЕРАТОР СОЛКАТСКИЙ» БЕК-СУФИ

А.В. Парунин

Государственный научно-производственный центр
по охране культурного наследия Челябинской области
Россия, 454000, г. Челябинск, ул. Пушкина, 1
E-mail: therion12399@gmail.com
SPIN-код: 7270-1393

Авторское резюме

Цель статьи - осветить политическую биографию хана Крымского улуса Золотой Орды Бек-Суфи на основании генеалогических схем, а также с привлечением данных письменных и нумизматических источников подвергнуть критике позиции предыдущих исследователей. Опубликованные восточные источники, содержащие в себе генеалогические таблицы, стали материалами настоящего исследования. Правление Бек-Суфи в Крыму в 1419-1422 гг. по письменным и нумизматическим источникам установлено недавно, и вокруг личности хана возникло немало вопросов, на которые попытались ответить современные исследователи. Политические позиции в Крыму, в особенности его четкая генеалогия, стали предметом дискуссии А.Л. Пономарева и Ж.М. Сабитова. Используя уже опубликованные данные, автор пытается наметить новые подходы к решению вопросов о личности хана, анализируя также ошибки предыдущих исследователей. Приведение дополнительных аргументов о тождестве Бек-Суфи как сына тукай-тимурида Таш-Тимура позволяет утверждать о наличии преемственности среди правителей Крыма к первой четверти XV века.

Ключевые слова: Крым, генеалогия, Бек-Суфи, Витовт, Девлет-берди, Таш-Тимур.

«EMPEROR SOLKATSKY» BECK-SUFI

Alexey Parunin

The state research and production center
on protection of cultural heritage of Chelyabinsk region
1 The Pushkin Street, Chelyabinsk, 454000, Russia
e-mail: therion12399@gmail.com

Abstract

The author presents the political biography of Beck-Sufi, the Crimean khan from the Golden Horde, and discusses views on the topic set out in the works of previous researchers, basing his critiques on genealogical schemes, as well as on data from manuscripts and numismatic sources. The sources of this study were published Eastern sources containing genealogical tables. The fact of Beck-Sufi ruling in Crimea (1419-1422 AD) was established from numismatic sources and manuscripts not so long ago, and the issue of the khan's personality raised many questions of interest to scientists. The khan’s political position in Crimea and the genealogy of Beck-Sufi, in particular, became subjects of discussion by A.L. Ponomarev and J.M. Sabitov. Applying already published data, the author attempts to outline new approaches to the issue of the khan’s personality, analyzing mistakes made by previous researchers. Additional arguments in favor of Beck-Sufi’s identity as a son of Tash-Timur from the Tuk-Timurid dynasty suggest continuity among the rulers of the Crimea to the first quarter of the 15th century.

Keywords: Crimea, genealogy, Beck-Sufi, Vytautas, Devlet Birdie, Tash-Timur.

* * *

Обстоятельства правления хана Крымского улуса Золотой Орды Бек-Суфи, а также его происхождение вызывают в исследовательской среде многочисленные вопросы, некоторые ответы на которые мы постараемся озвучить в данной статье.

Изучение личности тукай-тимурида было положено М.Б. Северовой, рассмотревшей его монетную эмиссию 822-825 г.х. (1419-1422 гг.) и попытавшейся уточнить генеалогическое древо (Северова 1994: 90). Её гипотезу о том, что Бек-Суфи является сыном Бектута – Данишменда – Байана – Тука-Тимура – Джучи развил и дополнил в своих работах Ж.М. Сабитов (Сабитов 2009: 180-182; Сабитов 2014 63-74). Позиция исследователей была критически переосмыслена А.Л. Пономаревым (Пономарев 2013: с.169-176).

Поскольку четкая фиксация происхождения, по нашему мнению, является определяющей для понимания политического статуса хана, то обратимся к рассмотрению предложенной версии Северовой-Сабитова: Бек-Суфи – Бектут – Данишменд – Байан – Тука-Тимур. Представленная генеалогия фигурирует в «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина (начало XIV в.); персоязычном сочинении «Муизз ал-ансаб», составленном при дворе Шахруха к 1427-м году, а также в тюркоязычной хронике XVI в. «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме».

У Рашид ад-дина линия выглядит следующим образом: Тука-Тимур – Баян – Данишменд. Про последнего уточнено, что он не имел детей (Рашид-ад-Дин. Том II 1960: 77). Отсутствие Бектута, вероятно, можно увязать с молодостью последнего династа.

«Муизз ал-ансаб»: Тука-Тимур – Байан – Данишманд – Бик-тут – Бик-Суфи – Мухаммад-Суфи, Барат-Суфи (История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006: 44).

«Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»: Тука-Тимур – Байан – Даштиманд (назван также Дашмендом – прим.) – Бек-Тут – Бек-Суфи – Барат-Суфи, Мухаммад-Суфи (Материалы по истории казахских ханств 1969: 42-43).

Наличие небольшого количества звеньев в генеалогии заключает в себе определенные сомнения в возможности видеть указанного династа в первой четверти XV века. В таком же духе высказался и Ж.М. Сабитов (Сабитов 2009: 180; Сабитов 2014: 63-64). Однако исследователь счел возможным поддерживать позицию М.Б. Северовой, приведя в качестве примера династийную историю казахских ханов XVI-XVIII вв., а также сообщив о том, что отец Бек-Суфи Бектут являлся полководцем при Токтамыш-хане (Сабитов 2009: 180; Сабитов 2014: 64).

Приводимый Ж.М. Сабитовым аргумент о долговременном правлении казахских ханства в конце XVI-XVIII вв. вряд ли можно распространить на более раннюю историю Золотой Орды, посольку в XIII-XV вв. такие случаи в генеалогиях не фиксируются.

Обратимся к личности полководца Токтамыш-хана Бектута. Сведения о нем отражены в отечественном летописании. Никоновская летопись под 1391 годом сообщает: «Того же лета царь Тахтамыш посла царевичя своего Бектута на Вятку

ратью; он же, шед, Вятку взя и люди изсече, а иных, пленив, во Орду отведе к Тахтамышу царю» (ПСРЛ. Т.11 1897: 125). Чуть ниже летопись сообщила о сражении Тимура и Токтамыша и о бегстве последнего (ПСРЛ. Т.11 1897: 127). Персидские источники, описывая битву на Кундурче, не упоминают Бектута среди подчиненных хану огланов (История Казахстана в персидских источниках. Том IV 2006: 321; Миргалеев 2007: 31, 50). Его дальнейшая судьба остается открытой.

Помимо упомянутого царевича в письменных источниках зафиксирован еще один династ с таким именем. В «Истории Вассафа» при описании событий 718 г.х. (05.03.1318 – 21.02.1319 гг.) во время вторжения Узбек-хана на Кавказ, отмечены два царевича Йасавур и Бектут, «которые в этом году без (ханского) йарлыка расположились на зимовке в Мазандеране» (История Казахстана в персидских источниках. Том IV 2006: с.175). Примечательно, что составители списка имен для сборника назвали упомянутого царевича сыном Даштиманда (История Казахстана в персидских источниках. Том IV 2006: 492). Вероятно, упомянутых сведений недостаточно для отождествления царевича с вышеупомянутым отцом Бек-Суфи, но появление Бектута на исторической арене в 1318-1319 гг. полностью укладывается в количество приводимых источниками поколений. Можно предположить, что на момент составления Рашид ад-Дином списков царевичей, искомый персонаж либо не родился, либо был слишком мал. В данном случае нет необходимости искусственно старить эту ветвь тука-тимуридов. Мысль о том, что упомянутый исследователями Бек-Суфи мог жить в середине XIV века, является вполне обоснованной[1].

Новый вариант генеалогии Бек-Суфи был представлен А.Л. Пономаревым (Пономарев 2013: 169-176). В источниках она выглядит следующим образом.

Рашид ад-Дин: Тука-Тимур – Урунк – Сарича – Куичек (Рашид-ад-Дин. Том II 1960: 77).

«Муизз ал-ансаб»: Тука-Тимур - … Тулак-Тимур – Джаниса – Баш-Тимур – Даулат-бирди. В «Муиззе» имеется цепочка Урунгбаш – Сарича – Куйунчак, однако, они являются предками Тохтамыш-хана (История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006: 44-45).

«Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»: Тука-Тимур – Уз-Тимур – Сарыджа – Кончак – Тулек-Тимур – Джине – Баш-Тимур (Материалы по истории казахских ханств 1969: 39-40). В тексте отмечен сын Таш-Тимура Девлет-берди.

Подобный вариант был предложен А.Л. Пономаревым на основании изучения бухгалтерских книг генуэзской колонии Каффы. В бухгалтерской книге от 16 декабря 1422 года сказано о преподнесении эксения (подношения – прим.) в виде новены господину Таулатбирди (Девлет-берди – *прим.*) брату Императора (Пономарев 2013: 174, прим. 26). Исследователем было сделано предположение, что искомый «Император» - это недавно умерший Бек-Суфи, а обозначение «брат» в данном случае предполагает родственные связи. Соответственно, Бек-Суфи сын Таш-Тимура и брат Девлет-берди. В данном случае позицию А.Л. Пономарева поддержал В.П. Гулевич, резонно заметивший, что в источниках отсутствует информация о Девлет-

[1] Схожее мнение было озвучено В.В. Трепавловым (Трепавлов 2015: 279).

берди как креатуре Витовта (помимо текста тенденциозной «Похвалы Витовту» и её более подробных вариантов, отраженных в западнорусском летописании – *прим.*), упомянув при этом, что предки Таш-Тимура несколько раз были наместниками Солхата (Гулевич 2014: 176).

Проблема выдвижения подобной генеалогии действительно представляется сложной. На первый взгляд, неосновательно рассуждать о близким родственных связях двух династов, особенного с учетом того факта, что о братстве в массарии упомянуто спустя почти 1,5 года после смерти Бек-Суфи.

Данное обстоятельство побуждает к поиску иных доказательств в поддержку новой версии генеалогии.

Впервые Бек-Суфи упоминается в начале января 1411 года, когда он в составе войска сына Токтамыша Джалал ад-Дина изгнал войска Идегея из Крыма. Массария зафиксировала подношение даров ему и Джалал ад-Дину. В латинском тексте Бек-Суфи зафиксирован как *Becsuff ogolano* (Пономарев 2013: 165, прим. 12). В дальнейшем, как предполагает А.Л. Пономарев, Бек-Суфи остался в Крыму, однако В.П. Гулевич подверг сей тезис сомнению (Гулевич 204: 170), указав при этом, что крымские беки были настроены в поддержке нового хана. В июле 1411 г. в Крым пришло известие об успешном занятии Сарая Джалал ад-Дином. Гипотетически можно предположить, что Бек-Суфи мог остаться в Крыму в качестве наместника.

Чуть позже имя Бек-Суфи всплывает в связи со смутами в Золотой Орде. Несмотря на очередные успехи, положение Идегея становится шатким: в марте 1419 года между Дервиш-ханом, ставленником Идегея и князем литовским Витовтом заключен мирный договор (Codex epistolaris Vitoldi 1882: 442-443). Конкретные результаты, помимо общих положений переговорного процесса, озвучены не были, однако вряд ли стоит исключать естественное желание Витовта распространить свое политическое влияние на восток, включая и Крым. Идеологическое обоснование подобной политики было предпринято в сообщениях корпуса западнорусских летописей: «И по мнозе времени гонзне за живот, иныим же стареишинам ординьским послаша послы свои с великим дарьми к славному господарю и просиша у него иного царя, он же дал им иного царя, именем Малого Салдана. Сему же малому Салдану седшу на царство никако же не сме ослушатися славнаго господаря: где коли ему повелит, и он туда кочюет. По мале времени велиции же князи ордыньскии никако не смеша розгневати славнаго господаря великаго князя Витовта, дабы не от его руки поставити им царя, и послаша великою честию и просиша у него царя. Он же дал им иного царя, именем Давлад-Бердия» (ПСРЛ. Т.35 1980: 76).

Серия летописных сообщений, в основе которых т.н. «Похвала Витовту», составленная в 1428-м году, где сказано прямо, что литовскому князю служили «восточные великии цри Татарскии» (ПСРЛ. Т.17 1907: 417-420), несмотря на гиперболизацию роли Витовта, служит отличным примером его заинтересованности в крымских делах. О «императоре Солкатском, друге Витовта» сообщает путешественник Гильбер де Ланноа: фламандец прибыл в Крым в качестве посла от литовского князя с целью вручить императору «богатые подарки» (Путешествия Гильбера де Ланноа 1873: 43). Поскольку «император только что умер», то, по

утверждению путешественника, «*между татарами этой Татарии и Татарией великого хана, императора Орды, возник вопрос важнейший в мире для татар, касательно того, кого сделать императором*» (Путешествия Гильбера де Ланноа 1873: 42-43). Бек-Суфи предположительно умер в августе-сентябре 1421 г. (Гулевич 2014: 173). Показательно, что посол Витовта не путал статус двух императоров: в подобном виде титулование фигурирует и на страницах бухгалтерских книг.

Вышеприведенные источники позволяют предположить, что умерший «император Солхатский» и «Малый Салдан» – одно и то же лицо. К.К. Хромов предлагает видеть в нем Бек-Суфи (Хромов 2006: 367; Хромов 2013: 402). После сравнительного анализа нумизматических и письменных источников, предпринятого исследователем, такая атрибуция может считаться достоверной.

К.К. Хромовым было обращено внимание и на особенности титулования Бек-Суфи на монетах (Хромов 2006: 367; Хромов 2013: 387) как «султан, сын султана». В.П. Гулевич объясняет такую особенность наследственными правами (Гулевич 2014: 172). В рамках предложенной А.Л. Пономаревым гипотезы под искомым «Султаном» угадывается личность Таш-Тимура, крупного военачальника при хане Токтамыше (Миргалеев 2003: 125), чеканившего монеты в Крыму в 1395-1396 гг. (Лебедев 2000: 18). Ю.В. Зайончковский утверждает, что все известные монеты Таш-Тимура отчеканены в Крыму в 796 г.х. (06.11.1393 – 26.10.1394 гг.), а его правление может быть отмечено 1395-м годом (Зайончковский 2016: 104, 109). Также исследователь поддержал мнение М.Г. Сафаргалиева и В.П. Лебедева об изгнании Токтамышем Таш-Тимура из Крыма в 1396-м году (Лебедев 2000: 18: Сафаргалиев 1960: 174-175). Ибн ал-Фурат сообщает, что в марте 1397 года в Египет пришло известие об осаде Токтамышем Каффы (История Казахстана в арабских источниках. Том I 2005: 267).

Способствовать решению проблемы братства Бек-Суфи и Девлет-берди может монетная эмиссия последнего. К.К. Хромов приводит монеты с именами династов, датируемые 825 г.х. (1421-1422 гг.) (Хромов 2006: 372, рис. 5; Хромов 2013: 387). По предположению В.П. Гулевича, новый хан использовал для чеканки монет штемпели своего предшественника (Гулевич 2014: 174-175). Хождение подобных монет в Каффе, по нашему мнению, создало прецедент, по которому Девлет-берди титуловался «братом Императора». Несомненно, генуэзские чиновники знали о личностях тука-тимуридов намного больше, нежели фиксировали в документации, поэтому не раскрывали смысл содержания титула.

Рассуждения о родственных связях двух крымских правителей вызвало критику со стороны исследователей (Рева 2015: 92, прим. 16; Сабитов 2014: 66-69). Критикуя А.Л. Пономарева по вопросу братства, Ж.М. Сабитов ссылается при этом на сюжет «Умдат ат-таварих» Кырыми, добавляя, «что зачастую даже двоюродных братьев в тюркских народах называли братьями в разных источниках» (Сабитов 2014: 68-69). Исследователю осталось только уточнить, какое отношение бухгалтерская книга, составленная генуэзским чиновником, имеет к тюркским народам.

Имя Бек-Суфи всплывает в начале 30-х гг. XV в. в имени одного из татарских союзников литовского князя Свидригайло – Саид-Ахмада, которого в письме от 3 сентября 1432 года к великому магистру Тевтонского ордена именуют как

Sydachmacht Bexubowitz / Саидахмат Бексуфович (Пономарев 2013: 169). Нетрудно увидеть в тексте письма Бек-Суфи.

В имеющихся генеалогиях для первой четверти XV века зарегистрированы два Саид-Ахмада: сын (История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006: 45), либо внук (Материалы по истории казахских ханств 1969: 39) Токтамыша. В «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» отмечен еще один династ с таким именем[1]. Р.Ю. Рева и Н.М. Шарафеев предположили, что за последним скрывался неизвестный ранее эмитент, чеканивший монету в 819 г.х. (Рева, Шарафеев 2005: 57-59; Трепавлов 2015: 278). Вероятно, о нем упоминает Иоасафат Барбаро (Барбаро и Контарини 1971: 140).

Упоминание о Бексуфовиче обычно связывают с Бетсубом / Бетсубуланом, фигурировавшем на страницах польских хроник. Последнего в исторической литературе связывают либо с Кепеком (Почекаев 2012: 245; Саюитов 2014: 70), либо с Бек-Суфи (Беспалов 2013: 35; Пономарев 2013: 169-170; Хромов 2013: 367-368). К отождествлению Бетсабула с Кепеком склонился и автор данной статьи (Парунин 2015: 292-293). При этом в настоящей работе автор допускает мысль о том, что упомянутый царевич может быть никак не связан с Бек-Суфи, ни с Кепеком. Искомого династа следует искать среди детей Токтамыш-хана: в частности, была предложена кандидатура Абу Са'ида (Бу Са'ида) (История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006: 45-46; Материалы по истории казахских ханств 1969: 39).

Сообщает о двух Саид-Ахматах османский историк Хурреми. Правление старшего династа отмечено между Джаббар-берди и Дервишем; второй упомянут под именем «Сейид-Ахмед-Кючук» как правитель Крыма (Негри 1844: 381). Несмотря на лаконичность текста, предположительно его можно связать с сыном Бек-Суфи.

В оценке политического статуса Бек-Суфи автор солидарен с В.П. Гулевичем. Бек-Суфи не был полностью независимым правителем, но обладал широкими полномочиями. Его политическое могущество было оценено наличием его имени вместе с Дервишем и Идегеем на монетах. При этом Бек-Суфи, очевидно, признавал статус Улуг Мухаммада как золотоордынского хана, но характер их отношений неизвестен. Крайне редкое упоминание в нумизматическом материале титула «султан сын султана» породило споры вокруг его генеалогии. Приведенные размышления позволяют не согласиться с мнением М.Б. Северовой и Ж.М. Сабитова, и принять трактовку Бек-Суфи как сына Таш-Тимура.

[1] Тука-Тимур – Уз-Тимур – Абай – Менгасир – Мамки – Саид-Ахмад (Материалы по истории казахских ханств 1969: 41).

ЛИТЕРАТУРА

Барбаро и Контарини 1971 - Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в / ред. сост. Е.Ч. Скржинская. Л.: Наука, 1971. 276 с.

Беспалов 2013 - *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419-1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии истории античного и средневекового Крыма / ред. сост. М.М. Чореф. Вып. V. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30-52.

Гулевич 2014 - *Гулевич В.П.* Крым и «императоры Солхата» в 1400-1430 гг.: хронология правления и статус правителей // Золотоордынское обозрение. 2014. №4 (6). С. 166-197.

Зайончковский 2016 - *Зайончковский Ю.В*. Джучидский хан Таш-Тимур и его монеты // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 102-112.

История Казахстана в арабских источниках. Том I 2005 - История Казахстана в арабских источниках. Том I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном / ред. Б.Е. Кумеков, А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

История Казахстана в персидских источниках. Том III 2006 - История Казахстана в персидских источниках. Том III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии) / отв. ред. А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

История Казахстана в персидских источниках. Том IV 2006 - История Казахстана в персидских источниках. Том IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / отв. ред. М.Х. Абусеитова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.

Лебедев 2000 - *Лебедев В.П.* Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. № 2. С. 12-34.

Материалы по истории казахских ханств 1969 - Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-та: Наука, 1969. 655 с.

Миргалеев 2003 - *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

Миргалеев 2007 - *Миргалеев И.М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

Негри 1844 - *Негри А.* Извлечения из одной турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1844. Т. 1. С. 379-392.

Парунин 2015 - *Парунин А.В.* Сыновья Тохтамыш-хана на страницах польско-литовских хроник // Исторический формат. 2015. № 4. С. 288-296.

Пономарев 2013 - *Пономарев А.Л.* Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158-190.

Почекаев 2012 - *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

ПСРЛ. Т. 11 1897 - ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. 254 с.

ПСРЛ. Т. 17 1907 - ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. 650 с.

ПСРЛ. Т. 35 1980 - ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.

Путешествия Гильбера де Ланноа 1873 - Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413-14 и 1421 годах // Университетские известия. Киев. 1873. № 8. С. 1-46.

Рашид-ад-Дин. Том II 1960 - *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Том II. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 253 с.

Рева 2015 - *Рева Р.Ю.* Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 80-104.

Рева, Шарафеев 2005 - *Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М.* Неизвестный Сайид Ахмад // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11-15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 57-59.

Сабитов 2009 - *Сабитов Ж.М.* Золотоордынский клан Бек-Суфи: история и вопросы генеалогии // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Сборник статей. Вып. 1 / отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 180-182.

Сабитов 2014 - *Сабитов Ж.М.* К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 63-74.

Сафаргалиев 1960 - *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.

Северова 1994 - *Северова М.Б.* Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822-823 г.х. / 1419-1420 гг. // Тезисы докладов II Всероссийской нумизматической конференции. СПб., 1994. С. 98-100.

Трепавлов 2015 - *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

Хромов 2006 - *Хромов К.К.* Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419-1422 гг. по нумизматическим данным // Історико-географічні дослідження в Україні. Зб. наук. праць. Число 9. К.: Інститут історії України НАН України, 2006. С. 366-372.

Хромов 2013 - *Хромов К.К.* О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / ред. сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 378-416.

Codex epistolaris Vitoldi 1882 - Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430. Cracoviae: Acad. Literarum, 1882. 1113 p. + CXVI s.

REFERENCES

Barbaro i Kontarini 1971 - Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v. / red. sost. E.Ch. Skrzhinskaya [Barbaro and Contarini of Russia. On the history of the Italo-Russian relations in the XV century], Leningrad, Nauka Publ., 1971, 276 p. [in Russian].

Bespalov 2013 - *Bespalov R.A.* Litovsko-ordynskie otnosheniya 1419-1429 godov i pervaya popytka obrazovaniya Krymskogo khanstva [Lithuanian-Horde relations 1419-1429's, and the first attempt to form the Crimean Khanate], in: Materialy po arkheologii istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma / red. sost. M.M. Choref. Vyp. V [Materials on archeology of history of the antique and medieval Crimea / the editor originator M. M. Choref. Release V], Sevastopol; Tyumen, 2013, pp. 30-52 [in Russian].

Codex epistolaris Vitoldi 1882 - Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 [Code of the grand duke Lithuanian, 1376-1430], Cracoviae, Acad. Literarum Publ., 1882, 1113 p. + CXVI p. [in German, in Latin, in Polish].

Gulevich 2014 - *Gulevich V.P.* Krym i «imperatory Solkhata» v 1400-1430 gg.: khronologiya pravleniya i status praviteley [Crimea and «emperors Solkhat» in 1400-1430 gg.: The chronology of the Board and the status of rulers], in: Zolotoordynskoe obozrenie [Zolotoordynsky review], 2014, №4 (6), pp. 166-197 [in Russian].

Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Tom I 2005 - Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Tom I. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom I. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom / red. B.E. Kumekov, A.K. Muminov [History of Kazakhstan in Arab sources. Volume I. The collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Volume I. Extracts from Arabic Works collected V.G. Tizengauzen], Almaty, Dayk-Press Publ., 2005, 711 p. [in Russian].

Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom III 2006 - Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom III. Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchie genealogii) / otv. red. A.K. Muminov [History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume III. Mu'izz al-ansab (glorifies genealogy)], Almaty, Dayk-Press Publ., 2006, 672 p. [in Russian].

Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom IV 2006 - Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom IV. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L.

Volinym / otv. red. M.Kh. Abuseitova [History of Kazakhstan in the Persian sources. Volume IV. The collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Excerpts from the Persian writings collected V.G. Tizengauzen and treated with A.A. Romaskevich and S.L. Wolin], Almaty, Dayk-Press Publ., 2006, 620 p. [in Russian].

Khromov 2006 - *Khromov K.K.* Pravleniya khanov v Krymskom uluse Zolotoy Ordy v 1419-1422 gg. po numizmaticheskim dannym [Board khans in the Crimean ulus of the Golden Horde in the 1419-1422 biennium. on the numismatic data], in: Istoriko–geografichni doslidzhennya v Ukraïni. Zb. nauk. prats'. Chislo 9 [Historical and geographical researches in Ukraine. Collection of scientific articles. Release 9], Kiev, Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni Publ., 2006, pp. 366-372 [in Russian].

Khromov 2013 - *Khromov K.K.* O khronologii pravleniya Davlat Berdi khana v Krymskom uluse po numizmaticheskim dannym (poslednie dzhuchidskie serebryanye monety Kryma) [About the history of the Board Birdie Dawlat Khan in the Crimean ulus for numismatic data (last Juchi Crimea silver coins)], in: Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi: K 70-letiyu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo / red. sost. V.P. Stepanenko, A.G.Yurchenko [From Onon to the Thames. Chingisida and their western neighbors: To Mark Grigoryevich Kramarovskogo's 70 anniversary / editors originators V.P. Stepanenko, A.G. Yurchenko], Moscow, Izdatel'skiy dom Mardzhani Publ., 2013, pp. 378-416 [in Russian].

Lebedev 2000 - *Lebedev V.P.* Korpus monet Kryma v sostave Zolotoy Ordy (ser. XIII – nach. XV v.) [Housing Crimea coins as part of the Golden Horde (the middle of the XIII - The beginning of XV century)], in: Vestnik Odesskogo muzeya numizmatiki [Bulletin of the Odessa museum of numismatics], 2000, № 2, pp. 12-34 [in Russian].

Materialy po istorii kazakhskikh khanstv 1969 - Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV-XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) / sost. S.K. Ibragimov i dr. [Materials on the history of the Kazakh Khanate XV-XVIII centuries (extracted from Persian and Turkic writings)], Alma-Ata, Nauka Publ., 1969, 655 p. [in Russian].

Mirgaleev 2003 - *Mirgaleev I.M.* Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana [The political history of the Golden Horde period of rule Toktamysh Khan], Kazan, Alma-Lit Publ., 2003, 164 p. [in Russian].

Mirgaleev 2007 - *Mirgaleev I.M.* Materialy po istorii voyn Zolotoy Ordy s imperiey Timura [Materials on the history of war with the Empire of the Golden Horde Timur], Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2007, 108 p. [in Russian].

Negri 1844 - *Negri A.* Izvlecheniya iz odnoy turetskoy rukopisi obshchestva, soderzhashchey istoriyu krymskikh khanov [Extracts from a Turkish manuscript of society, containing the history of the Crimean khans], in: Zapiski Odesskogo Obshhestva Istorii i Drevnostej. 1844. T. 1 [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. 1844. Volume 1], pp. 379-392 [in Russian].

Parunin 2015 - *Parunin A.V.* Synov'ya Tokhtamysh-khana na stranitsakh pol'sko-litovskikh khronik [Sons of Khan Tokhtamysh in the Polish-Lithuanian chronicles], in: Istoricheskiy format [Historical Format], 2015, № 4, pp. 288-296 [in Russian].

Pochekaev 2012 - *Pochekaev R.Yu.* Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy [The kings of the Horde. Biographies of the Khans and the rulers of the Golden Horde], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012, 464 p. [in Russian].

Ponomarev 2013 - *Ponomarev A.L.* Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh Genuezskogo kaznacheystva Kafy [The first khans of Crimea: the chronology of the Troubles in 1420-ies in the Treasury accounts of Genoa Kaffa], in: Zolotoordynskoe obozrenie [Zolotoordynsky review], 2013, № 2, pp. 158-190 [in Russian].

PSRL. T. 11 1897 - PSRL. T. 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Chronicle a collection called the Patriarch or the Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1897, 254 p. [in Russian].

PSRL. T. 17 1907 - PSRL. T. 17. Zapadnorusskie letopisi [Ruthenian chronicles], St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1907, 650 p. [in Russian].

PSRL. T. 35 1980 - PSRL. T. 35. Letopisi belorussko-litovskie [Annals of the Belarusian-Lithuanian], Moscow, Nauka Publ., 1980, 306 p. [in Russian].

Puteshestviya Gil'bera de Lannoa 1873 - Puteshestviya Gil'bera de Lannoa v vostochnye zemli Evropy v 1413-14 i 1421 godakh [Travel the Hilbert de Lanno in the eastern lands of Europe in 1413-14 and 1421 respectively], in: Universitetskie izvestiya [University news], Kiev, 1873, № 8, pp. 1-46 [in Russian].

Rashid-ad-Din. Tom II 1960 - *Rashid-ad-Din*. Sbornik letopisey. Tom II [Collection of Histories. Volume II], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960, 253 p. [in Russian].

Reva 2015 - *Reva R.Yu*. Mukhammad-Barak i ego vremya. Obzor numizmaticheskikh i pis'mennykh istochnikov [Muhammad Barak and his time. Overview numismatic and written sources], in: Numizmatika Zolotoy Ordy [Numismatics of the Golden Horde], 2015, № 5, pp. 80-104 [in Russian].

Reva, Sharafeev 2005 - *Reva R.Yu., Sharafeev N.M.* Neizvestnyy Sayid Akhmad [Unknown Syed Ahmad], in: Trinadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 11-15 aprelya 2005 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy [Thirteenth All-Russian numismatical conference. Moscow, on April 11-15, 2005. Theses of reports and messages], Moscow, Al'fa-Print Publ., 2005, pp. 57-59 [in Russian].

Sabitov 2009 - *Sabitov Zh.M.* Zolotoordynskiy klan Bek-Sufi: istoriya i voprosy genealogii [Golden Horde clan Beck-Sufi: history and genealogy questions], in: Zolotoordynskoe nasledie. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII-XV vv.)». Sbornik statey. Vyp. 1 / otv. red. i sost. I.M. Mirgaleev [Zolotoordynsky heritage. Materials of the international scientific conference «Political and Social and Economic History of the Golden Horde (the 13-15th Centuries)». Collection of articles. Release 1 / editor-in-chief and originator I.M. Mirgaleev], Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 180-182 [in Russian].

Sabitov 2014 - *Sabitov Zh.M.* K voprosu o genealogii zolotoordynskogo khana Bek-Sufi [On the question of the genealogy of the Golden Khan Bek-Sufi], in: Krim vid antichnosti do s'ogodennya: Istorichni studiï [The Crimea from antiquity up to now: Historical researches], Kiev, Institut istoriï Ukraïni Publ., 2014, pp. 63-74 [in Russian].

Safargaliev 1960 - *Safargaliev M.G.* Raspad Zolotoy Ordy [The collapse of the Golden Horde], Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 279 p. [in Russian].

Severova 1994 - *Severova M.B.* Ob imeni zolotoordynskogo khana na monetakh Kryma 822-823 / 1419-1420 gg. [On behalf of the Khan of the Golden Horde coins Crimea 822-823 AH / 1419-1420 gg.], in: Tezisy dokladov II Vserossiyskoy numizmaticheskoy konferentsii [Theses of reports of the II All-Russian numismatical conference], St. Petersburg, 1994, pp. 98-100 [in Russian].

Trepavlov 2015 - *Trepavlov V.V*. Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary [Steppe empire of Eurasia: the Mongols and the Tatars], Moscow, Kvadriga Publ., 2015, 368 p. [in Russian].

Zayonchkovskiy 2016 - *Zayonchkovskiy Yu.V.* Dzhuchidskiy khan Tash-Timur i ego monety [Juchi Khan Tash-Timur and his coins], in: Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Zolotoordynsky civilization], 2016, № 9, pp. 102-112 [in Russian].

Парунин Алексей Владимирович – Научный сотрудник Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области.
Alexey Parunin – Researcher of the State Research and Production Centre for the Protection of Cultural Heritage of the Chelyabinsk region.
E-mail: therion12399@gmail.com

УДК 930.26:947.021

РЮРИК И ВОЛЖСКО-БАЛТИЙСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ

М.Л. Серяков
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

Авторское резюме

В статье показывается, что необходимость восстановления Волжско-Балтийского торгового пути стала одной из причин призвания варяжских князей. Распределение кладов куфических монет и данные письменных источников указывают на то, что большая часть дружины Рюрика имела рюгенское происхождение. На основании данных топографии куфического серебра в Восточной Европе определяется достоверность известий более поздних летописцев о деятельности Рюрика в Карелии и сообщения ПВЛ о границах державы первого русского князя.

Ключевые слова: Рюрик, Аскольд, Дир, Волжско-Балтийский торговый путь, куфическое серебро, Рюген, Аркона, Карелия.

RURIK AND THE VOLGA-BALTIC TRADE ROUTE

Mikhail Seryakov
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

Abstract

The article argues that the need to restore the Volga-Baltic trade route was one of the reasons for the Rus to invite Varangian princes to come and rule them. The Kufic coin scatter and manuscript sources indicate that most of Rurik’s squad originated from Rügen. The topography of Kufic silver in Eastern Europe provides the basis for establishing the reliability of reports of Rurik’s activity in Karelia by later chroniclers and of narratives about the borders of the first Russian princedom in the Primary Chronicle.

Keywords: Rurik, the Volga-Baltic trade route, Kufic silver, Rügen, Arkona, Karelia.

* * *

Описанное в летописи призвание трех варяжских князей племенами Восточной Европы стало следствием целого ряда политических, династических, религиозных и экономических факторов, рассмотренных автором в отдельном исследовании (Серяков 2016). В данной статье будет рассмотрена роль одного из экономических факторов, а именно трансконтинентального торгового пути, соединявшего регион Балтийского моря с миром ислама и в значительной своей части проходившего по Волге. В отечественной историографии уже обращалось внимание на то, что Волжско-Балтийский торговый путь, возникший ранее описанного летописью пути «из варяг в греки», играл важную роль в экономическом

развитии различных связанных с ним племен и имел непосредственное отношение к возникновению Древнерусского государства. Обычно время формирования этого трансконтинентального торгового пути определяется по древнейшему комплексу Старой Ладоги, датируемому примерно 750 г.

Впрочем, последние исследования дают основания для более ранней датировки: «Основание поселения может быть отнесено к 650-780 гг. с приближением к более ранней дате» (Александровский и др. 2009: 686). Археологи установили, что ранние жилища Ладоги возводились в сырой, заболоченной местности и устанавливались на подсыпку из грунта. Следовательно, выбор места для поселения определялся не удобствами проживания и нуждами сельского хозяйства, а его географическим положением. Исследователи отмечают там достаточно ранние экземпляры восточного серебра: «Новые наблюдения обрисовывают доминирующее положение Ладоги в сфере северо-европейской серебряной и пушной торговли. На территории раннесредневековых ладожских поселений (Княщино, Ладожская каменная крепость, Ладожское земляное городище, Новые Дубовики) найдены клад и отдельные диргемы, соответственно чеканенные в 749–786, 738–739, 773 и 778, 746–747 гг., а одна монета 688–700 гг. Эти находки, даже с учетом их определенной случайности, одни из древнейших в Восточной Европе и свидетельствуют о начале международной торговли серебром в 70–80-е гг. VIII в. В свете ладожских находок эта дата может быть удревнена и будет охватывать примерно 60-е гг. VIII в. (если не несколько раньше)» (Кирпичников 1985: 21-22).

Однако основание торгово-ремесленного центра – это не возникновение торгового пути, а показатель начала его интенсивного функционирования. Само же начало складывания Волжско-Балтийского пути, как справедливо отметил В.Б. Вилинбахов, следует связать с началом прилива восточного серебра в Европу в конце VI в., а уже в VII в. китайские источники упоминают о янтаре, привозимом в Поднебесную из Хорезма, куда он попадал, видимо, с берегов Балтики. Самое первое упоминание о янтаре в арабской литературе (сочинение Абу Юсуфа ал-Кинди, написанное в первой половине IX в. и дошедшее до нас в передаче Бируни) связывает его со славянами: «Янтарь – это смола…, происходящая от деревьев, растущих в стране славян, по берегам одной реки. Вся она (смола – М.С.), которая падает с тех деревьев в воду, твердеет и плывет в море. (Потом – М.С.) волны морские выбрасывают ее на берег» (Вилинбахов 1963: 127).

Если взять поступление арабского серебра в Волховско-Ильменский регион, то, по последним данным, в слоях VI–VII вв. было обнаружено 4 дирхема (0 кладов); 700–740-е гг. – 7 экз. (0 кладов); 750–760-е гг. – 1 экз. (0 кладов); 770–780-е гг. – 49 экз. (2 клада); 790-е гг. – 9 экз. (0 кладов); 800–824 гг. – 531 экз. (8 кладов); 825–849 гг. – 27 экз. (1 клад); 850-е гг. – 3 экз. (1 клад) (Петров 2013: 41). Как следует из этих данных, начало возникновения эпизодических контактов с Востоком действительно восходит к концу VI–VII вв., однако окончание в 737 г. арабо-хазарской войны и перенос в 762 г. Аббасидами столицы из Дамаска в Багдад, где начинается массовая чеканка серебряной монеты, способствовали усилению этих связей.

Хоть торговля восточным серебром нуждалась в регулировании и защите, однако, самая первая крепость строится в Ладоге только в последней четверти IX в. Таким образом, 110 лет, а возможно и более, Старая Ладога спокойно жила и развивалась как торговое поселение безо всяких укреплений. Причина этого стала ясна после исследования Е.А. Рябининым Любшанского городища. Общая площадь его составляла примерно 1800 кв.м. и находилось оно в 2 км к северо-востоку от Старой Ладоги на противоположном, правом берегу Волхова.

Самая первая деревянная крепость была построена на этом городище в последней трети VII в. Затем в середине восьмого века на Любшанском городище возводится каменно-земляная крепость, не имевшая в тот момент аналогов в Восточной Европе: «Сооружение представляло собой глиняный вал высотой более трех метров, укрепленный двумя подпорными стенками. Верхняя часть одной из них возвышалась над поверхностью вала, образуя каменное обрамление гребня насыпи. Выше были устроены деревянные городни или клети. Общая высота оборонительного сооружения достигала семи метров». Под защитой этой твердыни спокойно и жила Ладога (Чернов 1999а: 25-27). Самая первая крепость, притом сразу же каменная, строится в Ладоге практически синхронно с гибелью Любшанского городища, которое было уничтожено до 870 г. Проводившие раскопки археологи отмечают, что «в середине (возможно, в начале) VIII в. на Любше воздвигается крепость качественно нового типа. Ее создателями не являлись аборигенными жителями Восточной Европы… Изначально здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами» (Рябинин, Дубашинский 2002: 202).

Как в древности называлась крепость мы не знаем, но само название восточнославянской реки, на которой она была возведена, находит свою прямую аналогию в названии племени любушан, упомянутого Адамом Бременским при перечислениии им славян на территории современной Германии (Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский 2011: 41). Известен и король вильцев Люб, который погиб в сражении с ободритами в 823 г. (Пауль 2016: 88). Необходимо отметить, что никаких следов присутствия скандинавов на городище не выявлено. Не являются скандинавскими и наконечники стрел, более двух десятков которых были найдены археологами, причем часть из них были обнаружены воткнутыми в вал и каменную обкладку укрепления: «Стрелы (кроме одной) явно не скандинавского происхождения» (Чернов 1999б: 28-31).

Зато другое найденное на городище оружие имеет весьма показательную аналогию: «Один из двух железных дротиков, откопанных в Любше, был очень похож на найденный Зорианом Ходаковским в начале XX века в Олеговой могиле. Можно предположить, что строители Любши и человек, погребенный в кургане – западные славяне, пришедшие из Европы» (Самойлова 2015). Результаты раскопок указывают на весьма важную специализацию этого городища: «Представляет интерес занятие древних любшанцев обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал свое функционирование на Великом Волжском пути из Балтики в Восточноевропейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклепок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в

том, что такие детали в корабельной технике использовались при соединении деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах» (Рябинин, Дубашинский 2002: 202-203).

Не имевшая в тот момент аналогов на всем севере Восточной Европы эта крепость надежно защищала сверхприбыльную торговлю славян с мусульманским Востоком. Логично предположить, что контроль над путями сопровождался сбором пошлин с проплывавших мимо купцов. В 1809 г. на берегу Ладожского озера в 12 верстах от устья Волхова один крестьянин нашел целую бочку куфических монет. Когда о находке узнала власть, ему пришлось отдать 7 пудов (114,66 кг) серебра, но, судя по всему, при этом он смог утаить значительную ее часть, поскольку через несколько лет выкупился сам с семьей, купил дом в Тихвине и завел там торговлю. Поскольку крестьянин был крепостным Бестужевых, которые в то время владели Любшей, возникло предположение, что этот громадный клад являлся казной Любшанской крепости (Чернов 2000).

Е.А. Рябинин особо подчеркивал стратегически важную роль созданной славянами крепости во всем регионе на протяжении двух веков: «Именно выходцы с этих территорий (*Нижнего Подунавья или западнославянских земель – М.С.*) и построили крепость. Любша как ключевой укрепленный пункт на протяжении около двухсот лет держала под контролем стратегический перекресток между водными магистралями эпохи раннего средневековья: Великий Волжский путь из Балтийского в Каспийское море и летописный путь «из Варяг в Греки», соединявший Север с Черным и Средиземным морями» (Рябинин 2003: 17).

Однако на Волхове торговый путь не заканчивался и вел дальше на запад. За пределами Восточной Европы на побережье Балтики все клады распределяются на три большие группы: в Скандинавии, в районе Нижнего Повисленья и в междуречье Эльбы и Одера. Ближе к Восточной Европе находится Готланд, но туда арабское серебро поступает позднее всего. После него ближе к Волжско-Балтийскому пути находится регион Вислы, однако самые ранние клады обнаружены не там, а в землях полабских славян на территории современной Германии, наиболее отдаленных от источника серебра. Причину этого А.В. Фомин видит в более высоком экономическом развитии этого региона по сравнению с остальными (Фомин 1982: 18-19).

Несмотря на то, что по отношению к Восточной Европе они находились на противоположном конце Варяжского моря, именно у полабских славян были наиболее ранние и тесные связи с северной частью восточных славян и наибольшая заинтересованность в данном регионе с торговой точки зрения. Составленная В.И. Кулаковым карта древнейших кладов дирхемов (рис.1) показывает находки в Балтийском регионе монет до 800 г. включительно. Единственная неточность данной карты состоит в том, что на ней не указан один ранний готландский клад 783 г., однако его появление скорее всего объясняется торговыми связями славянских купцов с данным островом. Археологические данные показывают на направление этих связей: «Но Рюген был также связан морскими путями с Готландом, на что

указывает, в частности, появление в готландских памятниках чашевидных сосудов, характерного типа керамики рюгенских славян» (Херрман 1986: 354).

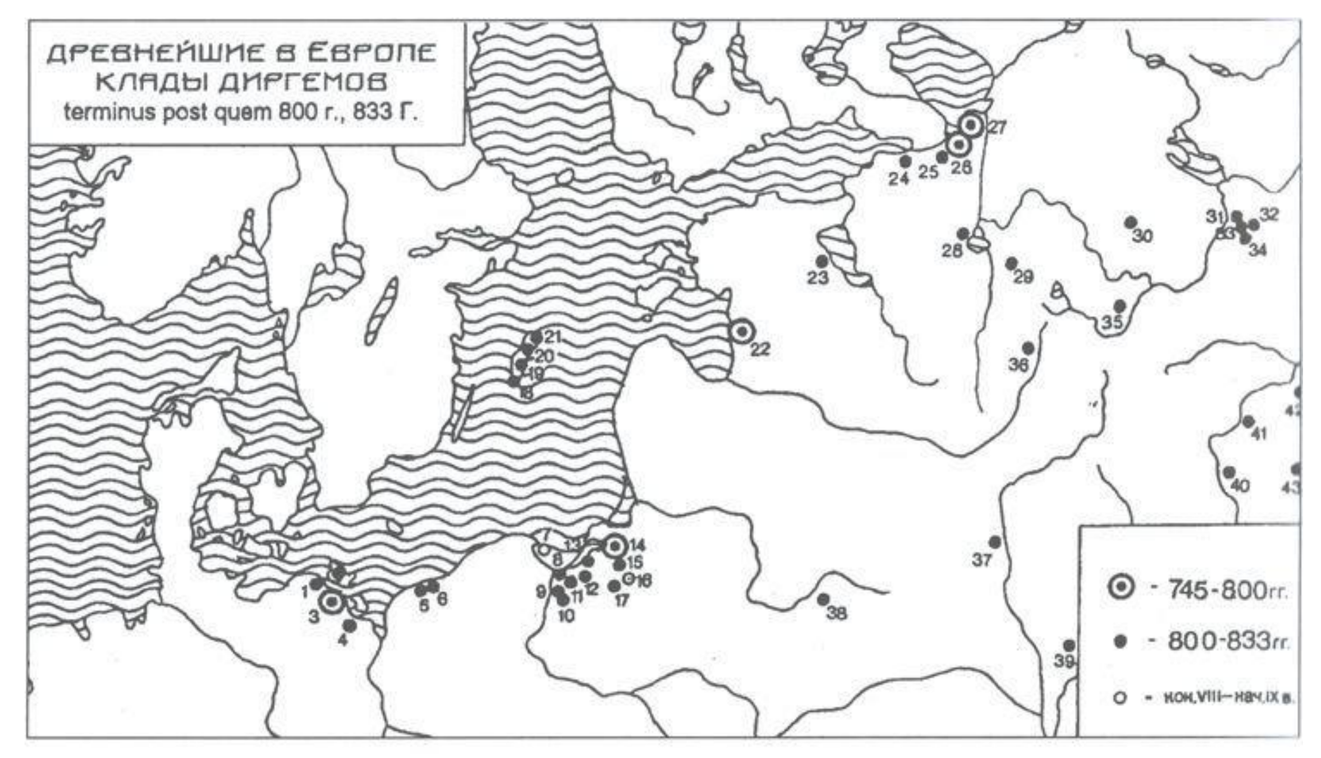


Рис. 1. Карта древнейших кладов дирхемов, составленная В.И. Кулаковым (Цветков 2012)

Связи западных славян с Ладогой фиксируются археологически и в эпоху, непосредственно предшествовавшую летописному призванию варягов. Анализируя результаты находки на Рюгене клада из двух тысяч арабских монет, датируемого 849 г., общим весом в 2,8 кг и серебрянных украшений пермского типа, И. Херрман писал: «В целом можно считать, что в середине IX в. мореплаватель, который жил в Ральсвеке на Рюгене, имел прямые связи с Волжским торговым путем или, по крайней мере, со Старой Ладогой. Лодки, на которых можно везти такие богатства, известны из Ральсвека. Керамика, господствовавшая в это время в Ральсвеке, относится к так называемому фрезендорфскому типу. Аналогичный материал известен и в Старой Ладоге» (Херрман 1978: 193).

За пределами Руси рюгенский клад является самым большим кладом арабского серебра на Балтике до 850 г. Поскольку около велетского Менцлина также было найдено серебрянное украшение пермского типа, исследователь отмечает, что ни о каком скандинавском посредничестве речи идти не может: «Большое число арабских серебрянных кладов на южном берегу Балтийского моря относится ко времени около 850 г., тогда как в скандинавских странах арабские серебрянные сокровища (клады) встречаются после середины IX в. (…) Распределение отдельных археологических находок IX в., а также обстоятельства их нахождения указывают на непосредственные регулярные морские связи южного берега Балтийского моря, который был населен полабскими славянами, поморянами со Старой Ладогой» (Херрман 1978: 195).

Два клада арабского серебра до 850 г. были найдены в непосредственной близости с крепостью Гёрке и торгово-ремесленным центром Менцлином еще в XIX в. В 2009 г. в Анкламе, 2 км от Гёрке, был обнаружен ещё один клад с арабскими серебряными монетами, самая поздняя из которых датируется 811 г., а большинство было отчеканено в VIII в. в северной Африке. Данное обстоятельство сближает анкламский клад с кладом из Ральсвика, где североафриканские монеты также составляли значительную часть. Все это указывает на то, что купцы с острова Рюген и с нижнего течения реки Пены имели одни и те же торговые связи в Восточной Европе в первой половине IX в. Западно-восточнославянские связи не ограничивались только торговлей: в Мецлине было найдено бронзовое изображение человеческого лица, ближайшим аналогией которого является идол из Старой Ладоги VIII в. (Пауль 2014: 105, 107).

Если в отечественной летописи Балтийское море называлось Варяжским, то в германских документах X в. оно именовалось mare Rugianorum (Кузьмин 1970: 40), т.е. «море ругов» — славянского населения острова Рюген. Это название употребляется в латинских грамотах и в XII в., что указывает на влияние рюгенских славян в регионе и контроль ими значительного участка морского побережья с важнейшим узлом торговых путей (Пауль 2014: 115). Эти, а также другие данные говорят о том, что именно жившие в то время на территории современной северной Германии западнославянские племена и были варяжской Русью отечественной летописи (Серяков 2015: 119-179).

Она же сообщает и о произошедших далее событиях: «*В лѣт 862. Изъгнаша Варѧги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в нихъ правдъı. и въста родъ на родъ. [и] бъıша в нихˆусобицѣ. и воєвати почаша сами на сѧ [и] рѣша сами в себѣ. поищемъ собѣ кнѧзѧ. иже бъı володѣлъ нами. и судилъ по праву. [и] идаша за море къ Варѧгомъ к Русі. (…) рѣша. Русь. Чюдь [и] Словѣни. и Кривичи. всѧ землѧ наша велика и ѡбилна. а нарѧда в неи нѣтъ. да поидѣте кнѧжитъ и володѣти нами. и изъбращасѧ 3 братья. с родъı своими. [и] пояша по собѣ всю Русь. и придоша старѣишии Рюрикъ [сѣде Новѣгородѣ]. а другии Синеоусъ на Бѣлѣѡзерѣ. а третии Изборьстѣ. Труворъ. [и] ѿ тѣхъ [Варѧгъ] прозвасѧ Руская землѧ Новугородьци ти суть людьє Нооугородьци ѿ рода Варѧжьска. преже бо бѣша Словѣни*» (ПСРЛ. I: 19-20).

«*В год 862. И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сами решили: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. (…) Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой – Синеус, – на Белом озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы суть люди от рода варяжского, а прежде были словене*».

В Новгородской I летописи выражение «въста родъ на род» заменено на «*въсташа град на град*», что, как показали археологические раскопки, более соответствовало происходившим событиям. Достоверность летописного известия подтверждается одновременными пожарами или прекращением существования в

середине IX в. целого ряда поселений на северо-западе, таких как Холопий Городок под Новгородом, Псков и Труворово Городище. Первоначально в этот список включали и Ладогу, где, как писал Г.С. Лебедев, V ярус (около 840 – 865 гг.) оказался уничтожен сильным пожаром (Лебедев 2005: 466-467).

Однако последующие исследования заставили скорректировать дату ладожского пожара: «Таким образом, привлечение новых дендрохронологических данных позволяет уточнить дату пожара горизонта E_2 и отнести его не к рубежу 50–60-х годов IX в., а ко второй половине 60-х годов (не ранее 863 г. и не позднее 870 г.)» (Рябинин, Черных 1988: 91). Очевидно, что вспыхнувшая вслед за изгнанием варягов междоусобная война привела к перебою в функционировании трансконтинентального торгового пути. Выше уже приводились данные по находкам куфических монет в Волховско-Ильменском регионе, где пик торговой активности 800–824 гг. (531 экз. и 8 кладов) сменяется почти полным ее прекращением в 850-е гг. (3 экз. и 1 клад).

По наблюдениям нумизматов, исходивших из датировки пожара в Ладоге 860 г., после этого примерно на десятилетие прерывается поступление серебра в Швецию и на Готланд. Очевидно, что нарушение торговли ударило по экономическим интересам восточноевропейской племенной знати. Западно-восточнославянские торговые связи проливают свет и на неожиданный состав призвавших варяжских князей восточноевропейских племен: именно по их землям проходил Волго-балтийской торговый путь, по которому на Балтику и поступало арабское серебро. Это, очевидно, повлияло на ее решение на определенных условиях вновь призвать из-за моря варягов для восстановления регулирования трансконтинентальной торговли, с чем они достаточно неплохо справлялись до этого, и возобновления поступления регулярных доходов для племенной верхушки. Разумеется, это была не единственная причина призвания Рюрика с братьями, но, по всей видимости, одна из основных.

Однако в восстановлении нормального функционирования Волжско-Балтийского пути были заинтересованы участники трансконтинентальной торговли и на западе. Отметив как сходство топонимики Самбии и Рюгена, так и социальной структуры обоих обществ, одной из черт которых была значительная власть жречества, В.И. Кулаков еще в 1990 г. констатировал: «В обоих замкнутых обществах, во всяком случае для IX в., можно предположить существование предгосударственного образования, т.н. «священного царства». (…) Следует уточнить, что именно на Самбии, Рюгене и Готланде… в первый период обращения диргема в Восточной Европе (конец VIII – 830 г.) отмечены единственные на Балтике скопления монетных кладов. Добывание драгоценного металла в виде монет в означенных центрах, не исключено, стимулировалось жрецами Ромове, Арконы и святилищ Готланда. Перерыв, последовавший в 30-х годах IX в. в поступлении на Балтику диргема, сменился в 860-х годах новым наплывом монеты. Центрами, заинтересованными в промежутке 830-860 гг. (возможно, допустимо известное запаздывание в поступлении диргема) в продолжении поступления серебра на Балтику из ее восточных пределов, имевшими сложившуюся дружину, являлись Самбия, Рюген и Готланд. Один из них, скорее всего… дал в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответст-

венно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» (Кулаков 1990: 190-191).

Какой же из этих трех центров дал дружину варяжским князьям? Включение в этот перечень Готланда вызывает недоумение – «Гута-сага», на которую ссылается автор гипотезы, говорит лишь о приверженности островитян язычеству. О наличии на Готланде крупного религиозного центра, сопоставимого с Арконой или Ромове, ничего не говорят и другие источники, а концентрация (по сравнению со Скандинавией) на острове восточного серебра объясняется его чрезвычайно выгодным географическим положением на перекрестке морских путей. Выбор, соответственно, следует делать между Рюгеном и Пруссией.

Сам В.И. Кулаков склонялся в пользу Самбии, хоть и не решался на этом настаивать. Однако ответ на этот важный вопрос дают письменные источники. Под 862 г. упоминается, что два боярина Рюрика, Аскольд и Дир отправились на юг и сели править в Киеве: «*и бѧста оу него .в҃. мужа не племени его ни боꙗрина. и та испросистсѧ ко Цр҃югороду с родомъ своимъ. и поидоста по Днѣпру. И идуче мимо и оузрѣста на горѣ градок и оупращаста. [и] рѣста чии се градокъ. ѡни же рѣша была суть .г҃. братьꙗ. Кии. Щекъ. Хоривъ. иже сдѣлаша градоко-сь. и изгибоша и мы сѣдимъ. платѧче дань родомъ их Козаромъ. Аколъдо же. и Диръ. ѡстаста въ градѣ семь. и многи Варѧги скуписта. и начаста владѣт Польскою землею. Рюрику же кнѧжаста в Новѣгородѣ*» (ПСРЛ. I: 20-21).

«*И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде*».

Кем были Аскольд и Дир? Утверждение о том, что они были боярами основателя династии вызывает определенные сомнения и достаточно давно было высказано мнение, что оно было сделано летописцем со вполне определенной целью – представить Рюриковичей единственно законной династией, а убитым Олегом правителям Киева отказать в легитимности для чего их и изобразили боярами Рюрика, отложившимися от его сына и самовольно захватившими власть на юге. Польский историк Ян Длугош в своем труде называет их потомками основателя Киева, однако и эта версия была обусловлена политическими соображениями.

Иоакимовская летопись говорит об одном Оскольде и утверждает, что он был направлен на юг самим Рюриком: «*Славяне, живусче по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от козар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюсче дани тяжки и поделиями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику предннии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же, шед, облада Киевом и, собрав вои, повоева первее козар, потом иде в лодиах ко Царюграду, но буря разби на мори корабли его*».

В.Н. Татищев в примечании к этому тексту отметил: «Оскольд. Хоть Иоаким точно сыном Рюриковым его не имяновал, но обстоятельство утверждает, ибо киевляне не просили бы сына, если бы его не было» (Татищев 1962: 103-117).

Решить проблему происхождения убитых Олегом правителей Киева пытались и при помощи анализа их имен. Норманист М. Фасмер попробовал вывести имя Аскольда из др.-сканд. Hoskuldr (Фасмер 1986: 93), а по поводу его соправителя Г.С. Лебедев утверждал: «Имя Дир, как и Аскольд, рассматривается как скандинавское. Безусловно, это так, если только это имя, но может быть, и прозвище. Djor, Djur на древнесеверном языке – Зверь, образ и понятие эсхатологическое. «Зверь», «Большой Зверь» – характерные имена флагманских кораблей викингов, прозвища-титулы…» (Лебедев 2002: 26).

Понятно, что в своем стремлении любой ценой истолковать летописные данные в скандинавском ключе, норманисты готовы то приписать имени киевского князя эсхатологический оттенок, то соотнести его с драккаром. Однако авторы монографии об ономастики Украины убедительно опровергают скандинавскую этимологию Аскольда, приводя русский антропоним Аскольдов, другие антропонимы др.-блр. Ясколдъ, блр. Яскалд, Яскулд, др.-польск. Askold, Jascold (Ономастика України 1992: 103-104). Что касается второго имени, то наиболее близкой параллелью ему является западнославянское Дирслав, зафиксированное уже в 983 г., Дирско и Дирскон (Морошкин 1867: 71).

Под 866 г. летопись сообщает об их походе на Царьград, причем в тексте говорится, что это был поход именно русов: «*Въ лѣт 866. Иде Асколдъ и Диръ на Греки и прииде въ 14 [лѣто] Михаила цр҃ѧ. цр҃ю же ѿшедшю на Ѡгарѧны. [и] дощедшю єму Черныє рѣки. вѣсть єпархъ посла к нему. яко Русь на Цр҃ьгородъ идеть. и вратисѧ цр҃ь си же внутрь Суду вшедше. много оубiиство крт҃нмъ створиша. и въ двою сотъ корабль Цр҃ьградъ ѡступиша. Цр҃ь же єдва въ градъ вниде [и] с. патреꙗрхомъ съ Фотьємъ къ сущеи цр҃кви ст҃ѣи Бц҃ѣ Влахѣрнѣ [и] всю нощь молт҃ву створиша таже бжт҃вную свт҃ы Бц҃ѧ ризу с ими изнесъше в рѣку ѡмочивше тишинѣ сущи [и] морю оукротившюсѧ. абьє бурѧ въста с вѣтромъ. и волнамъ вельямъ въставшемъ засобь безбожныхъ Руси корабль смѧте…*» (ПСРЛ. I: 21).

«В год 866. Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси…».

На самом деле, как следует из византийских источников, нападение Руси на Константинополь произошло в 860, а не в 866 г., а т.н. «Брюссельская хроника» даже позволяет установить точную дату этого события – 18 июня. «Продолжатель Георгия» следующим образом описывает этот эпизод правления Михаила III: «*Василевс же отправился в поход на агарян… оказался уже у Мавропотама, дал ему знать о нашествии безбожных росов. (…) Было же у них 200 судов, которые окружили город и внушили находящимся в нем великий страх. Василевс же, прибыв, едва смог переправиться. И отправились они с патриархом Фотием во Влахернский храм Божьей Матери и там*

призывали к милости и состраданию Божество. Затем, вынеся с пением гимнов святой омофорий Богородицы, они окунули его краем в море; и хотя стоял штиль, сразу же начались порывы ветров, и на спокойном море волны стали громоздиться друг на друга, и суда безбожных росов были разбиты, так что лишь немногие избежали опасности» (Кузенков 2003: 114-115).

Особого внимания заслуживает Синаксарь Константинопольской великой церкви конца IX – начала X в. Он содержит краткие сказания о святых и церковных праздниках и под 25 июня отмечает: «*И нашествие сарацинов и рун (Ρουν), и лития во Влахернах*» (Кузенков 2003: 98). Такие исследователи как Н.Ф. Красносельцев и Г.Г. Литаврин относили это известие к походу русов 860 г. Действительно, если нашествие произошло 18 июня, то 25 числа осада была в самом разгаре. Лития во Влахернах – молитвы во Влахернах Фотия и Михаила III, о которой упоминают не только отечественная ПВЛ, но и византийские источники.

Как видим, Византийской империи в 860 г. пришлось воевать на два фронта – и против агарян-сарацин, и против росов, которых Синаксарь называет рунами. Однако именно такое имя носило и славянское население острова Рюген, которые в средневековых источниках также неоднократно назывались русами. Схолия 121 к Адаму Бременскому специально уточняет: «*Рюген – остров рунов по соседству с городом Юмной…*» (Славянские хроники 2011: 127). При этом в других западных средневековых источниках раны фигурируют под именем русин (Rutheni).

Немецкий писатель Эббон в 1151-1152 гг. говорит о территории ран как «о земле варваров, которые зовутся русинами», а другой немецкий автор Герборд в 1159 г. не только неоднократно называет их русинами, но подобным же образом называет и занимаемый ими остров Рюген: «Русиния же прилегает к датчанам и в дальнейшем также и Русиния должна подчиниться епископу датчан» (Трухачев 1981: 161). Правомерность сопоставления этих данных подтверждает и известие о Дире мусульманского автора Масуди, умершего в 956 г.: «*Мы упоминали при (описании) гор Кавказа и хазар, что в стране хазар (есть) люди из (числа) славян и русов, и они сжигают себя на огне. Эта разновидность славян и другие из них примыкают к востоку и (простираются) с запада. Первый из царей славянских – ад-Дир. У него обширные города и многочисленные земли. Купцы-мусульмане направляются в его столицу с товарами*» (ДРЗИ 3: 117). Как видим, в данном месте русы прямо охарактеризованы как «разновидность славян», вслед за чем в качестве «первого из царей славянских» упоминается Дир. Перед нами еще одно подтверждение славянского происхождения правителя Киева, происходящее на этот раз не из византийского, а из мусульманского источника, при этом хронологически наиболее близкого к рассматриваемым событиям.

Уникальное свидетельство Синаксаря Константинопольской великой церкви в сочетании с тем, что наиболее точные с этимологической точки зрения параллели именам Аскольда и Дира находятся в западнославянском мире, не только подтверждает варяжское происхождение обоих киевских правителей и западнославянское происхождение самих варягов, но и показывает, что дружину Рюрику предоставило именно арконское жречество. Описание количества ладей русов, приплывших к Константинополю в 860 г., даже если учесть, что в нем

участвовало местное полянское население, показывает, что для жителей Рюгена это была достаточно широкомасштабная экспедиция, для которой были выделены немалые силы. Как уже отмечалось, власть на острове находилась в руках жречества Арконы. Немецкий хронист XII в. Гельмольд объясняет причину такого положения дел: «*Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы (божества) и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят*» (Гельмольд 1963: 236-237).

Саксон Грамматик оставил нам описание принятия решения о наиболее важных делах у ран-рун: «*Гадание с этим конем производилось так. Когда предполагалось начать войну против какой-либо страны, перед храмом по обычаю служители ставили три копья. Из них два втыкались наконечниками в землю и соединялись [третьим] поперек; эти сооружения размещались на равном расстоянии. К ним конь, во время выступления в поход, после торжественного моления, выводился в сбруе жрецом из входа. Если поставленные сооружения переступал правой ногой прежде, чем левой, это считалось знаком удачного хода войны; если же левой прежде правой ступал, то направление похода изменяли. Выступая также на разные предприятия, по первому движению животного получали предсказания. Если оно было счастливым, радостно двигались в путь; если же несчастным, поворачивали назад*» (Дудко 2003: 407-413).

Едва ли приходится сомневаться в том, что такая крупная экспедиция на восток была предпринята без соответствующего гадания в Арконе. С учетом тотального господства религиозного сознания в ту эпоху то обстоятельство, что власть Рюрика и его братьев устанавливалась по воле и с благословения Святовита, являлось еще одним немаловажным фактором, усиливающим позиции варяжских князей. Следует вспомнить, что и сам остров Рюген-Руян, известный по всему славянскому поморью благодаря храму верховного бога западных славян Святовита, был известен на Руси как остров Буян, средоточие максимальной святости в восточнославянских заговорах.

Необходимо также отметить, что предоставление жречеством Рюгена Рюрику дружины наиболее логичным образом объясняет и ряд других обстоятельств. Во-первых, согласно мекленбургским генеалогиям и Иоакимовской летописи сам Рюрик по отцовской линии был сыном ободритского князя Готлиба, а по материнской – внуком новгородского правителя Гостомысла. Последнее обстоятельство делало его одним из наиболее вероятных претендентов на призвание при пресечении мужской линии сыновей Гостомысла. Однако ободриты в это время воевали с Германией и едва ли могли выделить значительные силы для экспедиции на восток. Если суммировать данные Фульдских, Ксантенских, Бертинских и Хильдесхаймских анналов, то картина получается следующей:

844 г.	Германский король Людовик идет войной на ободритов, убивает их короля Гостомысла, остальные правители ободритов приносят ему клятву верности, но нарушают ее сразу после ухода Людовика.
845 г.	Людовик с большим войском идет в поход против вендов. Узнав об этом, венды отправляют в Саксонию послов, дают дары и заложников и просят о мире.
846 г.	Людовик совершает поход против славян, который заканчивается поражением германцев.
847 г.	Войска Людовика так счастливо сражаются против славян, что упущенное годом ранее, было обретено вновь.
848 г.	Ответный поход славян на королевство Людовика, оказавшийся неудачным.
849 г.	Людовик во время болезни отправляет на славян своё войско, которое постыдно бежит после поражения.
851 г.	Людовик разорил и подчинил своей власти почти всех славян.
855 г.	Людовика, короля германцев, донимают частые отпадения славян.
856 г.	Людовика идет походом против славян, но лишается большей части своего войска.
858 г.	Людовик отправляет своего сына Людовика с большим войском против ободритов.
862 г.	Людовик идет походом на ободритов и вынуждает их герцога Табомысла, который поднял мятеж, подчиниться ему. Табомысл отдает в заложники своего сына.
863 г.	Людовик совместно с Лотарем совершают поход против славян, который оказывается неудачным (Ксантенские и др. анналы).

Таким образом, в период, предшествовавший призванию Рюрика, ободриты вели с Германией напряженную войну за свою свободу, которая шла с переменным успехом. Славянское население Рюгена, с другой стороны, к этому времени еще не вошло в непосредственное столкновение с преемниками империи Карла Великого и благодаря этому располагало гораздо большими свободными силами. Хоть какая-то часть ободритов вполне могла последовать на восток с сыновьями Готлиба, однако значительную часть их дружины составляли руны или ране. Это обстоятельство также объясняет отсутствие на Руси значительного количества дружинных захоронений, которые можно датировать эпохой Рюрика.

Если Аскольд и Дир возглавляли ранское войско, то логично предположить, что после вокняжения на севере Рюрика, Синеуса и Трувора большая часть посланной арконским жречеством дружины двинулась вслед за своими предводителями на юг. Отечественные и иностранные источники свидетельствуют, что большинство напавших на Константинополь русов погибло во время бури. Из той части ранского войска, которое осталось с Рюриком, какая-то часть впоследствии могла вернуться на родину. Следует упомянуть и захоронение в урочище Плакун близ Ладоги. Норманисты немедленно объявили его скандинавским, а И.В. Дубов

даже особо подчеркнул: «Вскрыт единственный на Руси «чисто» скандинавский могильник в урочище Плакун…» (Дубов 1990: 4).

Однако А. Пауль указал «на сходство остальных курганов плакунского могильника со славянскими курганами, найденными, к примеру, в Ральсвике на Рюгене. Плакунские курганы, выделенные В.А. Назаренко в четвертый, не содержащий «безусловных останков захоронений» тип, могли изначально быть курганами славянского ральсвикского типа «С2» с захоронениями на вершинах. (…) Можно отметить и то, что «погребальный инвентарь, обнаруженный при раскопках в урочище Плакун, в сравнении со скандинавскими комплексами середины – второй половины X в., может быть признан немногочисленным, маловыразительным и довольно однообразным», в этой своей особенности в то же время выказывает сходство с также нетипично малочисленным и невыразительным для Скандинавии инвентарем ральсвикских курганов на острове Рюген. В Ральсвике, как и в Гросс Штремкендорфе, известна и порча оружия перед помещением его в могилу» (Пауль 2014: 118-119, 121).

Необходимо также отметить, что, если первоначально норманисты датировали этот могильник 850-925 гг., чтобы представить его как погребение дружинников Рюрика (Дубов и др. 1986: 194-195), то впоследствии К.А. Михайлов отнес само возникновение могильника в урочище Плакун к началу X в. (Михайлов 2002: 63-68). Все это указывает на то, что данный памятник нуждается в дальнейшем изучении, до завершения которого окончательные выводы о связи его с эпохой Рюрика делать преждевременно.

Участие рюгенской дружины в установлении княжеской власти на Руси было вознаграждено. Рассказывая о захвате Олегом Киева в 882 г. летописец отмечает: «*се же Ѡлегъ нача городы ставити. и оустави дани Словѣномъ Кривичемъ и Мери и [устави] Варѧгомъ. дань даѥти ѿ Новагорода гривенъ .т҃. на лѣт мира дѣлѧ. ѥже до смрти Ꙗрославлѣ. даѥше Варѧгомъ*».

«*Тут Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до смерти Ярослава*» (ПСРЛ. I: 24).

Ярослав, как известно, умер в 1054 г., т.е. дань варягам для обеспечения мира регулярно выплачивалась новгородцами на протяжении более 170 лет. По всей видимости, эта дань была платой жречеству Арконы за его помощь в вокняжении Рюрика. Одними регулярными выплатами дело не ограничилось: археологические данные показывают, что именно Рюген и контролируемая ранами территория становятся главным торговым партнером Руси на южном берегу Варяжского моря.

А. Пауль отмечает, что «земли к востоку от реки Рекниц, к северу от реки Пены, и устье Одера, с первых подробных их описаний немецкими хрониками, предстают как территории, зависимые от Рюгена или находившиеся под его влиянием. Это влияние прослеживается не только в политическом и религиозном, но и в культурном плане. (...) В качестве гипотезы можно предположить связь экспансии рюгенских славян на прилежащие к острову земли севернее Пены с восточноевропейской торговлей. С одной стороны, в пользу этого говорит уже само распространение на этой территории кладов и восточноевропейского импорта. С

другой – именно этот регион предполагается как область поступления на Рюген и в Ральсвик железа. Предполагается, что «пермскими украшениями» финно-угорские племена расплачивались за железные изделия. Другим возможным предметом обмена должна была быть пушнина, которая потом в обмен на серебро продавалась арабским купцам и Хазарии.

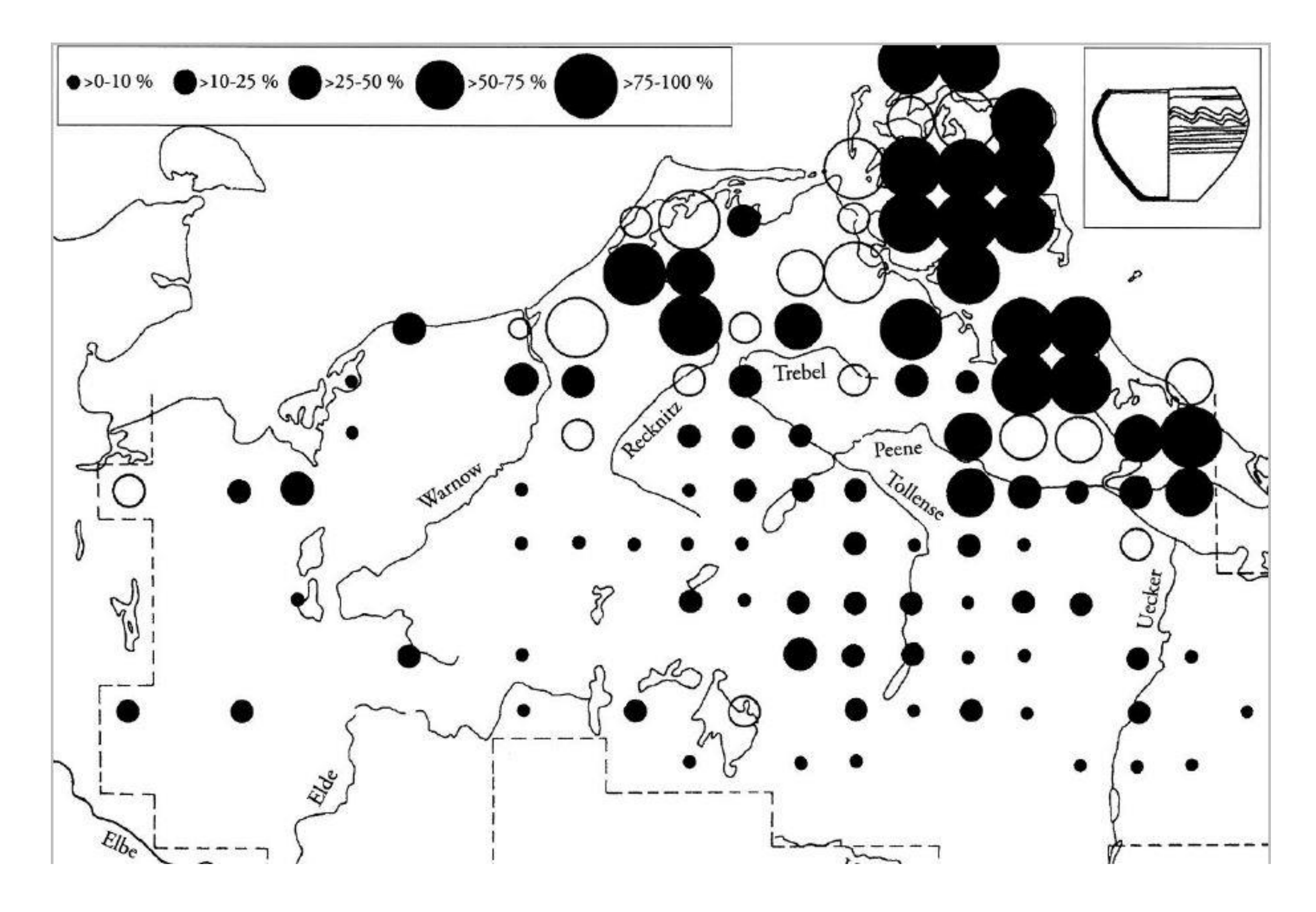


Рис. 2. Распространение фрезендорфской керамики (Пауль 2014)

Таким образом, рюгенские купцы, торговавшие с восточной Европой, могли вывозить с юга Балтики захваченных в ходе пиратских набегов рабов и железные изделия. Для изготовления последних требовался импорт руды или железа на остров, так, что контроль над областями его добычи к северу от Пены должен был быть важен для Рюгена. Стремлением контроля над торговыми центрами, специализировавшимися на торговле с восточной Европой или тесно с ней связанных (Юмна, Щецин, Волин), объясняются и интересы рюгенских славян в западном Поморье. Экспансия рюгенских славян была направлена также и на контроль поморских городов и торговых центров. Эббо сообщает о конфликте между рюгенскими славянами, которых он называет «русинами» (rutheni) и жителями поморского города Щецин, возникшем после принятия последними христианства, «произошедшем без согласия русинов и совета их идола». В результате рюгенские славяне прервали со щецинцами торговые связи и совершили несколько нападений на сам город, из чего следует, что рюгенские славяне считали щецинцев политически зависимыми от Рюгена ещё в конце 1120-х гг.

Сравнив карту географии экспансии и влияния рюгенских славян в регионе с картой наибольшего выпадения кладов арабского серебра на юго-западе Балтики, не сложно убедиться, что речь идёт об одних и тех же областях» (Пауль 2014: 114-115). Ареал влияния жителей Рюгена на материке, по крайней мере в культурном плане, показывает карта распространения фрезендорфской керамики (рис.2). Обобщая свои наблюдения, исследователь констатировал: «Подводя итог, можно отметить, что комплексный сравнительный анализ данных археологии, письменных источников и лингвистики позволяет видеть в рюгенских славянах одну из ключевых политических и военных сил на Балтике, с конца VIII в. проводивших политику, направленную на контроль торговых путей с восточной Европой и колонизацию новых земель.

Выпадение кладов арабского серебра, как и находки в них монет «Ард аль Хазар» и «пермских» украшений, позволяют предполагать прямое сообщение торговых центров Рюгена и зависимого от него региона в устье Одера с землями северо-западной Руси и хазарским каганатом с первой половины IX в., исключая скандинавское посредство» (Пауль 2014: 122). Таким образом, имеющиеся данные позволяют констатировать привилегированное положение Рюгена в торговле с Русью на протяжении нескольких столетий, что, наряду с варяжской данью, логичнее всего объяснить помощью арконского жречества в утверждении у восточных славян власти Рюрика.

В какой степени первый русский князь справился с возлагаемыми на него ожиданиями по восстановлению и регулированию трансконтинентальной торговли? А.Н. Кирпичников, опираясь на данные американского нумизмата Т. Нунана, констатировал, что упадок поступления в Европу арабского серебра в 850-е годы сменяется его резким подъемом в 860–890 гг., что свидетельствует об успешности мер Рюрика по восстановлению волжско-балтийской торговли (Кирпичников 2002: 48-49). В целом во второй половине IX в. число находок восточных монет на о. Готланд и в материковой Швеции возросло в восемь раз по сравнению с первой половиной столетия с 800 по 849 г. (Noonan 1994: 225-226).

Однако В.Н. Седых, исходя из тех же данных Т. Нунана, в целом ряде своих статей указывает, что во времена Рюрика наоборот происходит падение торговли с Востоком. Не отрицая увеличения количества кладов, он, на основании анализа их состава отмечал, что многие из дирхемов, импортированных в Восточную Европу до времени правления Рюрика, еще долгое время оставались в обращении, что представляет разительный контраст незначительному количеству старых монет в кладах на мусульманском Востоке. Для того, чтобы определить, кто из исследователей прав, обратимся к последнему по времени исследованию этого вопроса И.В. Петровым. Применительно к Волховско-Ильменскому региону известные на настоящий момент данные показывают следующую картину: «860–870-е гг. на Волховско-Ильменском денежном рынке характеризуются выпадением 6 кладов (3963 экз.) и 9 отдельно поднятых монет… Таким образом, общее количество монет – 3972 экз. Очевидно, что количество монет, находившихся в обращении, возрастает по сравнению с 825–850-ми гг. в 132,4 раза (3972:30).

Для этого этапа характерно наличие кладов самых разнообразных размеров. В 3 кладах количество монет не более 100 экз. (Рюриково городище, 855–861 гг. – 6 экз.; Рюриково городище, 867 г. – 7 экз.; Потерпельцы, 865/866 г. – 60 экз.). В 1 кладе зафиксировано более 100 экз. (Кирилловский, 864/865 г. – 203 экз.). В 2 кладах содержится более 1000 экз. (Шумилово, 870/871 г. –1326 экз.; Любынь, 873 г. – 2361 экз.).

Среднее количество монет в этих кладах составляет 660,5 экз. (3953:6).

Очевидно, что размер состояний 860–870-х гг. значительно увеличивается по сравнению с предшествовавшим временем! Финансовые возможности наиболее зажиточных групп населения выросли в десятки раз, они уже нашли способы накапливать состояния, состоящие из тысяч дирхемов!» (Петров 2013: 39-40). Кроме того, предшествующий всплеск торговли по волжско-балтийскому пути сопровождался увеличением площади Ладоги. Однако расширение площади этого города и увеличение плотности его застройки археологи фиксируют и для периода 860–890-х гг. (Кузьмин, Мачинская 1989: 143; Рябинин, Черных 1988: 91-93).

Поскольку в предшествующий период увеличение площади этого важнейшего в Восточной Европе города на волжско-балтийском пути свидетельствовало об увеличении роста торговли, у нас нет никаких оснований полагать, что в рассматриваемый период дело обстояло как-то иначе. Таким образом, сочетание как резкого роста количества найденных дирхемов, так и расширение площади Ладоги в своей совокупности достаточно красноречиво показывают, что со своей задачей Рюрик блестяще справился.

В период ок. 865–890-е гг. Ладога оправляется от пожара, в ней восстанавливается центральный большой дом и отмечены следы производственной деятельности (Лебедев 2005: 466-467). Исследователи города отмечают, что «сообщение ПВЛ о том, что Рюрик в Ладоге «сруби город», могло означать появление деревянной фортификации на узком каменном мысу, служившем естественной защитой ладожской гавани» (Лебедев 2005: 470).

А.Н. Кирпичников констатирует: «В 860-е гг. (что соответствует горизонту E_1, датированному 860–890-ми гг.) Ладога развилась настолько, что кратковременно становится столицей образующейся империи Рюриковичей. Она превращается в княжеский город, в ней строятся первые укрепления. Территория города подразделена на детинец и предградье» (Кирпичников 1985: 25). Этот же археолог обращает внимание на то, что во второй половине IX в. ладожский посад формировался по определенному плану, в результате чего городская территория делилась на одинаковы по размеру участки, что свидетельствует о наличие администрации, осуществлявшей раздел земли (Кирпичников, Губчевская 2002: 21-23).

Г.Ф. Корзухина так описывает произошедшие в городе перемены: «Вместо свободно и бессистемно расставленных крупных домов горизонта E_1, окруженных хозяйственными постройками, на поселении периода Д появились ряды мелких изб, тесно прижатых друг к другу и вытянутых вдоль настила и мостков. Никакой постепенности в переходе к новой системе застройки на вскрытой площади не наблюдается. Переход к новой планировке и одновременно к новому типу жилищ

очень резок. Не исключена возможность, что перепланировка была в какой-то мере принудительной» (Корзухина 1961: 82). Однако эту же черту мы видим и в западнославянском регионе, в частности в Рерике, где был убит отец Рюрика.

Этот упомянутый в хронике город отождествляется современными археологами с Гросс Штрѐмкендорфом, о котором А. Пауль отмечает: «Основание торгово-ремесленного поселения в Гросс Штрѐмкендорфе по дендрохронологии датируется первой половиной VIII века. Застройка его землянками в «шахматном порядке» указывает на то, что оно возникло не из разросшейся рыбацкой деревни, а основание его носило спланированный характер» (Пауль 2016: 48). Все это позволяет предположить, что переход от стихийной к упорядоченной застройке города, т.е. выход процесса урбанизации на качественно более высокий уровень, связан с появлением в Ладоге Рюрика, использовавшего градостроительный опыт своей родины.

Тесная связь деятельности Рюрика с Волжско-Балтийским торговым путем позволяет по-новому оценить и известия достаточно поздних источников, которые отмечают активность основателя княжеской династии в северном направлении: «И посла (Рюрикъ) воеводу своего именем Валета и повоева Корелу и дань на нихъ возложи. Умре Рюрикъ въ войнѣ въ Корелѣ» (Гиляров 1878: 128). Другая рукопись дает нам несколько иное написание имени княжеского воеводы: «*Ходилъ князь великиі рюрикъ с племянникомъ своимъ олгомъ воевати лопи и корѣлу. Воевода же у рюрика валитъ. I повоеваста і дань на нихъ возложиша… Лѣта 6387-го умре рюрикъ въ корелѣ в воіне; тамо и положенъ бысть в городе корелѣ, княжилъ лѣта 17…*» (Гиляров 1878: 128-129).

Обычно лопью древнерусские памятники называют саамов, однако карельские предания и данные топонимики Новгородской области показывают, что первоначально ареал расселения этого племени был гораздо обширней, охватывая не только северный, но южный берег Ладожского озера. «Между Ижорой и низовьями Волхова располагалась старинная новгородская волость Лопца. Существование Лопской сотни и близость древней Ладоги позволяют без колебаний включить эту территорию в состав исконной Новгородской земли» (Куза 1975: 186). Таким образом, в подчинении Рюриком лопи близ Ладоги нет ничего невозможного.

Большой интерес представляет и имя воеводы Рюрика. Поскольку впоследствии валитами именовалась карельская племенная верхушка (под 1337 г. в летописи упоминается Валит Корелянен, воевода Корельского города, а в период с 1377 по 1417 гг. фигурирует еще один Валит – новгородский боярин Иоанн Федорович), то возникла версия о происхождении названия валитов от карельского vaali – «выборы». Однако данная версия вызывает определенные сомнения, поскольку все исследователи согласны с тем, что, когда этот титул фиксируется в письменности, он являлся наследуемым. Нет ничего удивительного в превращении выборной власти в наследственную. Гораздо более странным является то, что, став наследственной, эта власть самим своим названием продолжала напоминать о том, что первоначально она была избираема.

Весьма показательно, что подобные названия встречаются и в других местах на побережье Варяжского моря: в окрестностях бывшего Кенигсберга помимо таких топонимов как Рос-Гартен, Росбена, Руненберга, Варникен, Росенен, Варгенау, присутствуют Волитт и Волитникен (Забелин 1876: 176). Следов присутствия карел в старых прусских землях нет, однако данные названия указывают на присутствие там русов, варягов и рун, с которыми, очевидно, и были связаны два последних топонима. Аналогичные данные, указывающие на связь карельского Валита с варягами, есть и в Восточной Европе.

На Русском Севере бытовало весьма древнее предание о богатыре-правителе Валите, впервые официально зафиксированное в 1601 г. русскими послами во время переговоров об установлении точной русско-норвежской границы: «Был в Кореле и во всей Корельской земле большой владетель, именем Валит, Варент тож, и послушна была Корела к Великому Новгороду с Двинскою землею, и посажен был тот Валит на Корельское владение от новгородских посадников; и как ту мурманскую землю учал войною проводити под свою власть, и мурмане били челом норвецким немцам, чтобы они по соседству за них стали… и отстояти (немцы) их не могли, потому что сам собою он (т.е. Валит) был дороден, ратный человек и к рати необычный охотник… и побивал немец, а на Варенге, на побоище немецком, где Варенгский летний погост, на славу свою принесши к берегу своими руками положил камень, в высоту от земли есть и ныне более косые сажени… а тот камень, что в Варенге, и по сей день слывет Валитов камень…» (Веселовский 1906: 127).

Показательно также, что в «Книге большому чертежу» имя Валита писалось не через *а*, как в данном предании, а через *о* – Волитово городище (Книга большому чертежу 1950: 148), что указывает на его связь с западнославянским племенем волотов-велетов. Названная по его имени Валитова губа и Валитово городище находились на самой крайней границе русской Лапландии. Норвежцы называли это место в Баренцевом море Варангер Фьорд, а местные лопари (саамы) – Варьяг-вуода, и, следовательно, познакомились с названием варягов от славяноязычного населения, зная его «в славянской, а не скандинавской огласовке» (Кузьмин 2003: 227-228).

Норвежско-саамская топонимика однозначно указывает на связь Валита с варягами. Необходимо иметь в виду, что руны-раны входили в племенной союз велетов, которые на Руси назывались также и волотами. Таким образом, известия поздних летописцев соотносятся с тем, что значительную часть дружины Рюрика составляло именно славянское население Рюгена.

Е.В. Пчелов скороговоркой охарактеризовал известие о карельском направлении деятельности Рюрика как «вымышленное», обосновав свое мнение так: «Ясно, что версия эта появилась в то время, когда Россия утеряла Корелу, ставшую шведским Кексгольмом (*после Смутного времени – М.С.*), и должна была подкрепить территориальные притязания Московского царства на эти земли» (Пчелов 2010: 290). Подобная мысль ранее высказывалась и В.К. Зиборовым. В одном из поздних летописцев XVII в., который изложение истории начинает от потопа, а заканчивает известием 1492 г., под 879 г. было помещено известие: «*Умре Рюрик в Кореле в воине, тамо положен бысть в городе Кореле*». Как удалось установить, оно восходит к

летописной части хронографа Сергея Кубасова, представленного несколькими списками второй половины XVII в., источник которого, в свою очередь, был другой летописец, датируемый 30-ми гг. XVII в., который доводит свои известия до 1399 г., более ранний источник не известен.

Поскольку русские послы в 1601 г. при переговорах о русско-норвежской границе ссылались на Валита, В.К. Зиборов предположил, что и в данном случае предание о смерти Рюрика в Кореле могло использоваться при переговорах со шведами и было выдумано специально для отстаивания прав на этот город. Правда, при этом он сам был вынужден признать: «У нас нет данных о том, что летописец с известиями о Рюрике и Валите, связанными с г. Корелой, использовался в посольских делах, но, по нашему мнению, написан он был с целью показать всю беспочвенность аргументации шведов в споре о Кореле: по утверждению русской стороны, в этом городе был похоронен один из первых русских князей. Таким образом, мы пришли к выводу, что известие о Рюрике и Валите были внесены в летописный текст в первые десятилетия XVII в.» (Зиборов 1981: 251-254).

Высказанная аргументация вызывает лишь недоумение. Во-первых, во всей истории Руси не было случая, чтобы на основании какой-нибудь выдуманной истории соседнее государство без войны отдало ей те или иные земли. Подобного, скорее всего, не встречалось и в истории других стран. Во-вторых, права Руси на Карелию и г. Корелу легко можно было подтвердить абсолютно надежными документами и, следовательно, необходимости в придумывании этой легенды не было. В-третьих, поскольку до нашего времени она дошла в небольшом количестве списков (В.К. Зиборову удалось найти только три ее списка), не предназначалась она и для внутренней пропаганды. В-четвертых, «Переписная окладная книга 1500 г.» в Кирьяжском погосте Карелии отмечает следующее название: «Деревня Рюрикиярва на Немецком рубеже» (Переписная окладная книга 1852: 127).

«Немецким рубежом» данный памятник называет границу со Швецией, установленную между ней и Новгородом Ореховецким мирным договором в 1323 г. Следует отметить, что в той же книге упомянута и деревня Варягово на Кобылицах в Келтужском погосте (Переписная окладная книга 1852: 248). Как видим, связанное с Рюриком название фиксируется в Карелии еще до утраты этой территории Русью во время Смутного времени. Едва ли жившие в этой деревни крестьяне были расположены заниматься мифотворчеством по своему почину и при том еще в эпоху правления Рюриковичей. Современные исследователи отождествляют Рюрикиярви («озеро Рюрика») с озером Луорикоярви (Luorikkojarvi), из которого начинается река Ильменйоки, по которой проходил древний торговый путь, ведший из Ладожского озера в Миккельские озера. Рядом с Луорикоярви находится другое, большее озеро Эйтъярви, отделенное от первого только узким мысом, в результате чего на картах их часто обозначают одним названием Эйтъярви. Это озеро под названием Янтоярви упоминается в Ореховецком мирном договоре как один из пунктов, определяющий границу между Новгородом и Швецией.

Исследователи также обратили внимание на то, что эта граница 1323 г. на Карельском перешейке обозначена пятнадцатью пунктами, причем десять из них описывают плавную кривую, а пять расположеные вблизи Рюрикиярви и образуют

острый выступ в сторону Швеции. В качестве объяснения предполагается, что это были чьи-то частные владения на бобровые ловы и лососевые тони. Кроме того, в 1520 г. были составлены подложные тексты Ореховецкого договора на шведском и латинском языках. Вероятно, оба автор подделок не имели текста оригинала, но хорошо знали как граница проходила на местности. Соответственно, в шведском тексте упоминается Луорикомяки (Loricamaky), а в латинском – Рёрикамяки (Rorikamaki). Сейчас ее отождествляют с горой на мысу, который разделял озера Рёрикаярви и Эйтъярви. «У местных жителей сохранилась легенда, что на этой горе стоял большой камень, обозначавший границу 1323 г. После маркировки границы 1721 г., которая в этом месте совпадала с границей 1323 г., на камне была сооружена часовня. Но после того, как эта территория в 1811 г. была присоединена к Великому княжеству Финляндскому, камень был сброшен в озеро». Скорее всего, этот камень был близ большого поселения Ильмее на берегу Эйтъярви и был Рёрикамяки (Рюрик в Карелии).

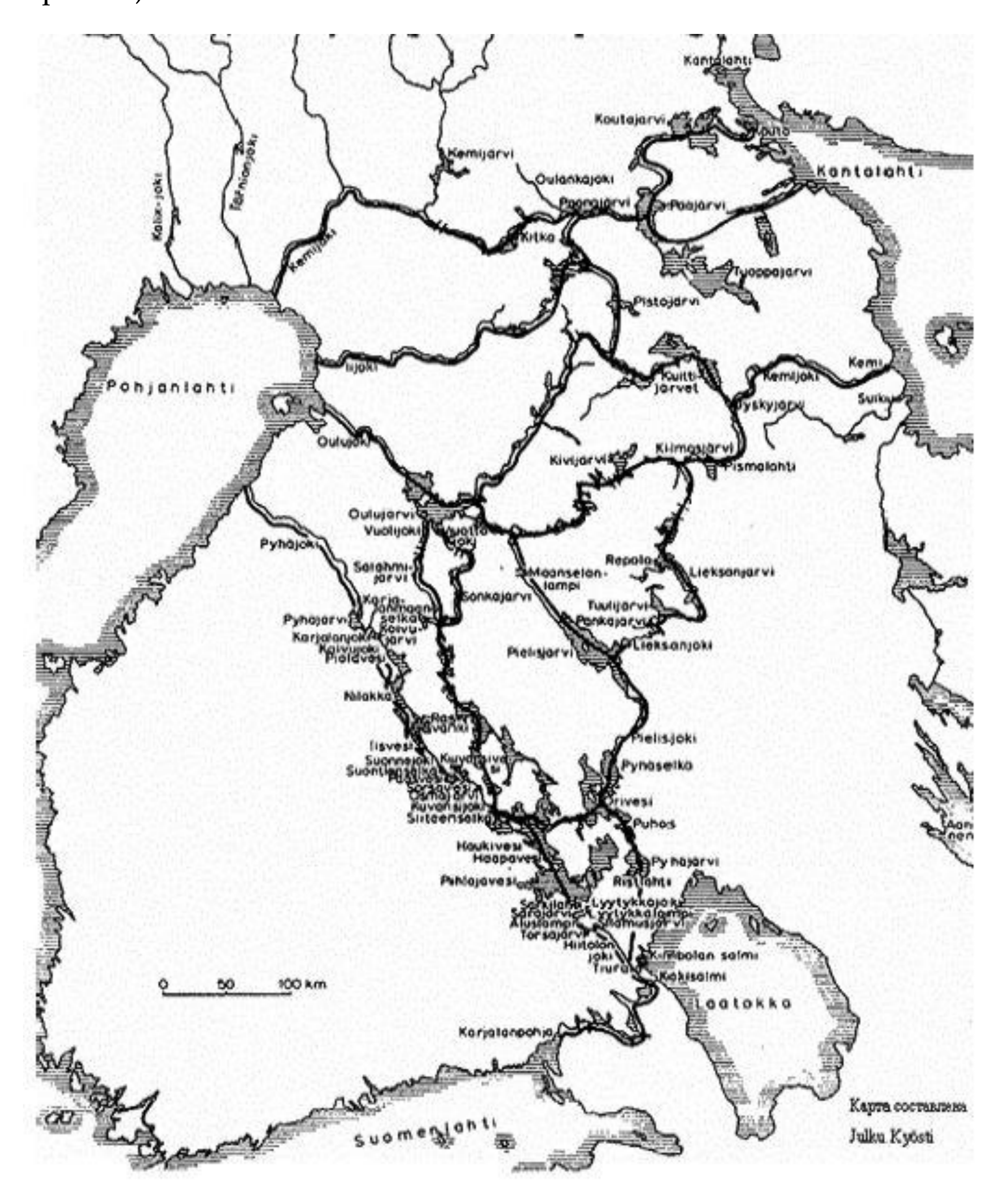


Рис. 3. Составленная Пирьо Уино карта торговых путей средневековых карел (Uino 1997)

Тот факт, что связанная с Рюриком топонимика была зафиксирована в Карелии еще в средневековье, а данное место учитывалось при проведении новгородско-шведской границы 1323 г. не позволяет рассматривать ее как позднюю выдумку. Следует обратить внимание и на топоним, упомянутый Ореховецким мирным договором сразу после Янтоярви: «*Янтоярви, оттолѣ Торжеярви*» (Грамоты 1949: 68). Поскольку последний топоним образован от слов торг, торжище, ср. Торжок, это указывает на славянское присутствие именно в этом месте Карелии.

Необходимо отметить, что именно в данном северо-западном регионе Приладожья находился узел водных путей, по которым в средневековье карелы вели торговлю с Лапландией, выходя по ним как на север Финляндии, Норвегии и Швеции, так и в Белое море (рис.3). Именно там добывались самые лучшие меха, так ценившиеся на Востоке. И тот факт, что связанная с Рюриком топонимика находится в узловой точке этого «великого мехового пути» едва ли может быть случайным совпадением, особенно если учесть, что в экономическом отношении именно интересами торговли с исламским миром во многом были обусловлены как призвание варяжского князя, так и его деятельность.

Утверждение позднего источника о том, что «*умре рюрикъ въ корелѣ в воіне; тамо и положенъ бысть в городе корелѣ*» предполагает существование города Корелы к моменту его смерти, что вызывает сомнение у исследователей. В письменных источниках он впервые упоминается в конце XIII в. в связи со шведской экспансией на восток. В 1293 г. они основывают Выборг, а под 1295 г. новгородская летопись сообщает, что шведский отряд появился в устье Вуоксы и «поставиша свейские немцы город в Короле», который был быстро уничтожен новгородцами. Однако составленная в 1320–1335 гг. шведская хроника Эрика несколько иначе описывает эти события: «Кексгольм (Kekes-holm) был тогда взят христианами (*шведами – М.С.*) и уцелел от огня; много язычников было там побито и застрелено в тот самый день, а тех, что взяли в плен, они (*шведы – М.С.*) увели в Выборг».

Подошедшие русские отряды перебили почти всех шведов во главе с их воеводой. «После этого островом тем владели русские и сильно укрепили его и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту». Как видим, согласно шведской версии Кексгольм-Корела существовал еще до их появления в этом регионе. А.Н. Кирпичников предположил, что это был расположенный на острове временный военный лагерь – пункт сбора ратников и убежище – и, возможно, упоминался в одной неопубликованной записи в писцовой книге Водской пятины 1568 г. По поводу находившегося в устье Вуоксы монастыря Иоанна Предтечи этот источник отмечает: «*Да под Иванским же монастырем на усть реки Узервы у городища монастырьская мельница*». Археолог обследовал это место в 1972 г., однако культурного слоя там обнаружить не удалось. С одной стороны, и карельский лагерь, и шведский острожок вполне могли не оставить после себя археологически уловимых следов. С другой стороны, вся поверхность участка уже в советское время была сильно испорчена и превращена в свалку мебельной фабрикой (Кирпичников 1979).

Изучая архивные материалы и писцовые книги А.Г. Ильинский указал, что вокруг города Корела мало пригодных земель для развития сельского хозяйства и,

следовательно, он не мог возникнуть из сельского поселения. Возможно, на причину основания города указывает топонимика: до недавнего времени южная часть Кексгольма-Приозерска называлась Тенкалахти (“лахти” – залив, “тенка” – от славянского слова “деньга”) (Пашкина 2000). Археологические данные свидетельствуют, что и этот регион принимал участие в торговле с мусульманским Востоком, хоть, разумеется, и не в таких объемах как славяне. Всего на Карельском перешейке найдено четыре клада арабских монет, а в окрестностях Корелы-Кексгольма-Приозерска еще в XIX в. было обнаружено несколько арабских монет VIII–IX вв. (Кочкуркина 1981: 119; 1982: 18; 1986: 23). Таким образом, вопрос о времени возникновения древнейшего поселения на месте Кексгольма-Корелы остается открытым. Если оно существовало в эпоху Рюрика, то вполне могло быть связано с торговлей, что и объясняет интерес к нему первого русского князя.

Однако вне зависимости от того, существовало в ту эпоху поселение или нет, сама по себе река Вуокса, на которой стоит Корела-Приозерск, должна была привлечь внимание Рюрика. Дело заключается в том, что именно по этой реке в древности шел второй водный путь, соединящий между собой Финский залив и Ладожское озеро. Исследовавший его Г.А. Исаченко отмечает: «Из более поздних исторических источников известно, что водный проход из Выборгского залива в бассейн Вуоксы (через Ламские и Макаровское озера) был доступен для небольших судов еще в XIII–XIV вв.: по этому пути также осуществлялись торговые связи между Русью и странами Западной Европы. Окончательно связь бассейнов прекратилась, по-видимому, в XVI–XVII вв. Сейчас на месте бывшего пролива между Макаровским и Дамскими озерами (бассейн Финского залива) находится так называемый “глухой” водораздел – скалистая перемычка шириной 200 м, со следами искусственного канала. Автор и его коллеги в 1996 г. обследовали еще один возможный вариант водного пути из Вуоксы в Финский залив: из северозападной части Макаровского озера (сообщающегося с Вуоксой) через цепь мелких озер в оз. Большое Градуевское, имеющее сток в Выборгский залив. Почти между всеми озерами были обнаружены искусственно углубленные протоки, вдоль которых протягиваются валы из извлеченных при работах валунов и грунта» (Исаченко 2004).

О том, что торговый путь по Вуоксе функционировал и, по всей видимости, был древнее пути по Неве, свидетельствует карта раннесредневековых памятников Карельского перешейка (рис.4). Поскольку одной из основных целей первого русского князя было восстановление функционирования волго-балтийского пути, завершающий отрезок которого в Восточной Европе по реке Неве он уже контролировал, представляется маловероятным, что он мог оставить без внимания альтернативный маршрут, расположенный всего лишь немного севернее. Для установления полной монополии над торговыми путями между Балтикой и Ладогой следовало распространить свою власть и на те земли, по которым протекает Вуокса. Также есть мнение, что первоначально в письменном источнике речь шла о смерти Рюрика на территории племени корела, а упоминание одноименного города появилось в нем позже (Рюрик в Карелии).

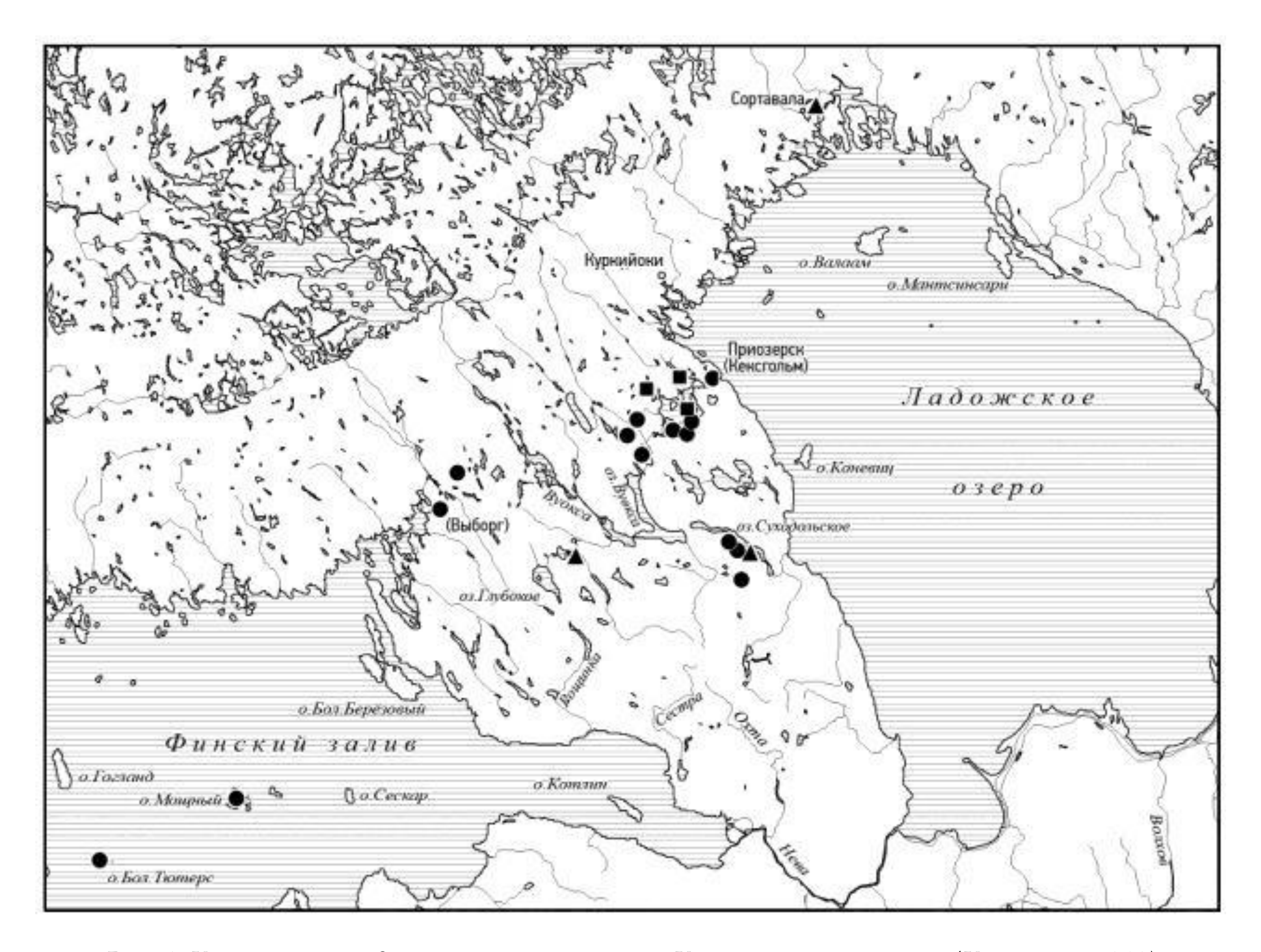


Рис. 4. Карта раннесредневековых памятников Карельского перешейка (Казанский 2010)

О дальнейшем правлении первого князя после смерти его братьев летопись сообщает следующее: «*и приꙗ Рюрикъ власть всю ѡдинъ. и пришед къ Ильмєрю. и сруби город надъ Волховом. и прозваша и Новъгород. и сѣде ту кнѧж*[а]*. и раздаꙗ мужемъ своимъ волости. и городы рубити. ѡвому Полътескъ. ѡвому Ростовъ. другому Бѣлоѡзеро. и по тѣмь городомъ суть находницѣ. Варѧзи. пѣрвии наслѣдници в Новѣгородѣ Словенѣ. и в По*[ло]*тьскѣ Кривичи. Ростовѣ Мерѧне. Бѣлѣѡзерѣ Весь. Муромѣ Мурома. и тѣми всѣми ѡбладаше Рюрикъ*» (ПСРЛ. II: 14-15).

«*И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренные жители в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик*».

Что касается летописного известия о том, что его власть распространялась на Полоцк, Ростов и Муром, то одни исследователи соглашаются с ним, другие рассматривают его как недостоверное. Зачастую в обоих случаях текст ПВЛ или принимается на веру, или столь же категорично отвергается без всестороннего анализа.

Окончательно разобраться в вопросе достоверности текста ПВЛ нам вновь помогают данные нумизматики, отражающие активность торговли с арабским Востоком: «8 этап обращения куфического дирхема – 860–870-е гг. – почти полностью совпадает с летописной хронологией правления Рюрика, правившего, согласно Повести временных лет, в 862–879 гг. В Восточной Европе выявлено рекордное количество монет (13259) и кладов (35)… Расцвет наблюдается на следующих денежных рынках: Прибалтийском – 4 клада и 167 монет, Волховско-Ильменском – 6 кладов и 3972 монеты, Верхневолжском – 6 кладов и 4487 монет, Западно-Двинском – 4 клада и 2094 монеты, Поокском – 11 кладов и 1929 монет. Указанный расцвет следует связывать с некоторыми важнейшими мероприятиями Рюрика: 1) переносом центра политической власти из Старой Ладоги в Рюриково городище; 2) установлением контроля над важнейшими денежными рынками Северной Руси, в т.ч. Верхневолжским и Западно-Двинским (согласно Повести временных лет, его «мужи» были посланы в Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром).

Редкие нумизматические памятники зафиксированы на Днепро-Деснинском денежном рынке – 2 клада и 326 монет. Следует признать, что на указанном денежном рынке кризис второй половины 820-х –850-х гг. в полной мере так и не был преодолен. Еще хуже ситуация складывалась на Волго-Вятско-Камском денежном рынке (1 экз.). Ни одного клада не выявлено в бассейнах Нижнего Днепра, Дона, Нижней Волги. (…) Таким образом, к 860–870-м гг. на Волховско-Ильменском, Верхневолжском и Западно-Двинском денежных рынках относится выпадение 16 кладов и 10553 восточных монет. Между тем ядро Южной Руси – Днепро-Деснинский денежный рынок – характеризуется выпадением лишь 2 кладов и 326 восточных монет.

Уже из этих цифр становятся ясны истинные возможности Северной и Южной Руси 860–870-х гг. Очевидно финансовое превосходство Северной Руси: Старая Ладога и Новгород (Волховско-Ильменский денежный рынок), Ростов и Тимерево (Верхневолжский денежный рынок) и Полоцк (Западно-Двинский денежный рынок), над Южной Русью (Днепро-Деснинский денежный рынок). Следовательно, элиты Днепро-Деснинского региона реально не могли ничего противопоставить финансовому могуществу тех сил, которые контролировали бассейны Волхова и Ильменя, Верхней Волги, Западной Двины. Вся эта статистика – ключ к пониманию вопроса, почему Рюрик, согласно летописному преданию, «сруби город над Волховом», вокняжился в Новгороде, а «мужем своим» раздавал волости и города – Полоцк, Ростов, Белоозеро. Обретение власти над этими градами было в первую очередь установлением контроля над финансовыми потоками. На средства, добытые Рюриком, его преемник – Олег Вещий – смог объединить Русь» (Петров 2013: 159).

Поскольку расцвет торговли наблюдается именно на тех территориях, которые, согласно ПВЛ, входили в державу Рюрика, и разительно контрастирует с остальными регионами Восточной Европы, логично предположить, что летописец в данном случае верно отразил историческую действительность. Единство экономического развития указанных территорий, особенно на фоне незначительного

количества находок во всем остальном регионе, в качестве самой первой причины предполагает их политическое единство.

Таким образом, анализ различных вопросов, связанных с Волжско-Балтийской трансконтинентальной торговлей позволяют лучше понять одну из причин призвания Рюрика и определить те общественно-политические силы, которые в первую очередь были в этом заинтересованы. Наряду с верхушкой восточно-европейских племен это было жречество Арконы, предоставившее трем братьям дружину для их экспедиции на восток. Как известно, ободриты и велеты то враждовали друг с другом, то объединялись для борьбы с немцами. В данном случае представители обоих племенных союзов также смогли найти согласие, которое стало одним из факторов, приведших к образованию древнерусской государственности.

На то, что значительную часть войска Рюрика составляли славяне с Рюгена указывает то, что Синаксарь Константинопольской великой церкви конца IX – начала X в. называет напавших в 860 г. на Константинополь русов рунами, западнославянская этимология имен возглавлявших этот поход Аскольда и Дира, а также имя воеводы Рюрика Валита в поздних отечественных летописцах. Подобный состав войска и его последующая судьба объясняет отсутствие археологически уловимых следов дружины первого русского князя. Сопоставление ПВЛ с зарубежными источниками позволяет предположить, что призвание трех варяжских князей произошло не в 862 г., а в конце 50-х годов IX в. Это вполне согласуется с выводами исследователей о том, что точных дат в первоначальном летописном тексте не было и хронологическая сетка появилась лишь впоследствии.

Из письменных источников известно, что все значимые мероприятия на Рюгене предпринимались после гадания в святилище Святовита. То, что жречество Арконы предоставило дружину, говорит о том, что результат этого гадания был положительным и три брата отправились на север будущей Руси по воле западнославянского «бога богов». Поскольку держава Рюрика создавалась по благословению Святовита, носителя наивысшей святости в языческом ее понимании, это во многом объясняет и истоки возникновения идеи Святой Руси. Данные нумизматики, а также наблюдение над изменением территории Ладоги показывают, что Рюрик более чем удачно справился с задачей восстановления функционирования трансконтинентального торгового пути, связывавшем Балтику с миром ислама.

Поскольку одним из основных товаров в этой торговле были меха, это делает понятным интерес первого русского князя к северу. Связанная с Рюриком топонимика в Карелии на пересечении важнейших торговых путей близ Ладожского озера, зафиксированная уже в средневековье, подтверждает достоверность сообщения поздних летописцев об активности первого русского князя на северном направлении. Наконец, данные о вовлеченности или невовлеченности тех или иных регионов Восточной Европы в трансконтинентальную торговлю позволяют подтвердить достоверность текста ПВЛ о границах державы Рюрика. Во многом именно благодаря его умелому правлению был накоплен достаточный экономический потенциал, который позволил его ближайшему преемнику

объединить Новгород и Киев в единое государство, которое было уже достаточно сильным, чтобы бросить вызов двум крупнейшим империям региона.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л. и др. 2009 - *Александровский А.Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н.Н., Долуханов П.М., Зайцева Г.И., Кирпичников А.Н., Кузнецов Д.Д., Лавенто М., Лудикова А.В., Носов Е.Н., Савельева Л.А., Сапелко Т.В., Субетто Д.А.* Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. Т. 424. 2009. № 5.

Анналы Хильдесхайма - Анналы Хильдесхайма / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Hildesheim/frametext1.htm (дата обращения - 13.10.2016).

Бертинские анналы - Бертинские анналы / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text2.phtml (дата обращения - 13.10.2016).

Веселовский 1906 - *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском // Известия отделения русского языка и словесности. 1906. Т. 11. Кн. 3.

Вилинбахов В.Б. 1963 - *Вилинбахов В.Б.* Балтийско- Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3.

Гельмольд 1963 - *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963.

Гиляров 1878 - *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878.

Грамоты 1949 - Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДРЗИ 3 - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. М., 2009.

Дубов 1990 - *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.

Дубов и др. 1986 - *Дубов И.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Дудко 2003 - *Дудко Д.* Матерь Лада. М., 2003.

Забелин 1876 - *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876.

Зиборов 1981 - *Зиборов В.К.* К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Кореле // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л., 1981.

Исаченко 2004 - *Исаченко Г.А.* Вуоксинская эпопея / Электронный ресурс: http://www.aroundspb.ru/history/suvanto/suvanto.php (дата обращения - 13.10.2016).

Казанский 2010 - *Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4.

Кирпичников 1979 - *Кирпичников А.Н.* Историко-археологическое исследование древней Корелы // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Кирпичников 1985 - *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Кирпичников 2002 - *Кирпичников А.Н.* Великий волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Кирпичников, Губчевская 2002 - *Кирпичников А.Н., Губчевская Л.А.* Старая Ладога. СПб., 2002.

Книга большому чертежу 1950 - Книга большому чертежу. М.; Л., 1950.

Корзухина 1961 - *Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // Советская археология. 1961. № 3.

Кочкуркина 1981 - *Кочкуркина С.И.* Археологические памятники корелы V-XV вв. Л., 1981.

Кочкуркина 1982 - *Кочкуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982.

Кочкуркина 1986 - *Кочкуркина С.И.* Корела и Русь. Л., 1986.

Ксантенские и др. анналы - Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

Куза 1975 - *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.

Кузенков 2003 - *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.

Кузьмин 1970 - *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М., 2003.

Кузьмин, Мачинская 1989 - *Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* Ладога и ее округа в VIII–X вв. // Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989.

Кулаков 1990 - *Кулаков В.И.* Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Лебедев 2002 - *Лебедев Г.С.* Славянский царь Дир // Родина. 2002. № 11-12.

Лебедев 2005 - *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Михайлов 2002 - *Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Морошкин 1867 - *Морошкин М.* Славянский именослов. СПб., 1867.

Ономастика Украіни 1992 - Ономастика Украіни першого тисячоліття нашоі ери. К., 1992.

Пауль 2014а - *Пауль А.* Роль рюгенских славян в южнобалтийских связях с Восточной Европой // Вестник ЛГПУ. 2014. Серия гуманитарные науки. Вып. 2.

Пауль 2014б - *Пауль А.* Контакты балтийских славян с северной и северо-восточной Европой в раннем средневековье // Вестник ЛГПУ. 2014. Серия гуманитарные науки. Вып. 1.

Пауль 2016 - *Пауль А.* Балтийские славяне от Рерика до Старигарда. М., 2016.

Пашкина 2000 - *Пашкина Л.Д.* Русы / Электронный ресурс: http://www.priozersk.ru/1/text/0042.shtml (дата обращения - 13.10.2016).

Переписная окладная книга 1852 - Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. XII. М., 1852.

Петров 2013а - *Петров И.В.* Девятый этап обращения куфического дирхема и катастрофический спад финансовой активности на Волховско-Ильменском денежном рынке (880–890-е гг.) // Успехи современного естествознания. 2013. № 5.

Петров 2013б - *Петров И.В.* Восьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: деятельность Рюрика и финансовые потоки 860–870-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Пчелов 2010 - *Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010.

Рюрик в Карелии - Рюрик в Карелии / Электронный ресурс: http://www.kirjazh.spb.ru/legend_kar/r_k.htm (дата обращения - 13.10.2016).

Рябинин 2003 - *Рябинин Е.А.* У истоков Северной Руси. СПб., 2003.

Рябинин, Черных 1988 - *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1.

Рябинин, Дубашинский 2002 - *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Самойлова 2015 - *Самойлова И.* Археолог Рябинин нашел древнейшую на Руси крепость / Электронный ресурс: http://www.oldladoga.ru/arheolog_rjbinin_nashel_drevneishuyu_na-2.html (дата обращения - 28.08.2015).

Серяков 2015 - *Серяков М.Л.* Одиссея варяжской Руси. М., 2015.

Серяков 2016 - *Серяков М.Л.* Рюрик и мистика истинной власти. М., 2016.

Славянские хроники 2011 - *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский* // Славянские хроники. М., 2011.

Татищев 1962 - *Татищев В.Н.* История российская. Т. I. М.; Л., 1962.

Трухачев 1981 - *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1981.

Фасмер 1986 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986.

Фомин 1982 - *Фомин А.В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 171.

Фульдские анналы - Фульдские анналы / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (дата обращения - 13.10.2016).

Херрман 1978 - *Херрман Й.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Херрман 1986 - *Херрман Й.* Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Цветков 2012 - *Цветков С.В.* Князь Рюрик и его время. М.; СПб., 2012.

Чернов 1999а - *Чернов А.* Здесь была столица России // Огонек. 1999. № 8.

Чернов 1999б - *Чернов А.* Загадки северных людей // Огонек. 1999. № 9.

Чернов 2000 - *Чернов А.* Звон Любшанской казны / Электронный ресурс: http://chernov-trezin.narod.ru/chudesa6.htm (дата обращения - 13.10.2016).

Noonan 1994 - *Noonan T.S.* The Vikings in the East: Coins and Commerce // Birka Studies. Vol. 3. Stockholm, 1994.

Uino 1997 - *Pirjo Uino.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997.

REFERENCES

Aleksandrovskij A.L. i dr. 2009 - *Aleksandrovskij A.L., Arslanov X.A., Davydova N.N., Doluhanov P.M., Zajceva G.I., Kirpichnikov A.N., Kuznecov D.D., Lavento M., Ludikova A.V., Nosov E.N., Savel'eva L.A., Sapelko T.V., Subetto D.A.* Novye dannye otnositel'no transgressii Ladozhskogo ozera, obrazovanija reki Nevy i zemledel'cheskogo osvoenija Severo-Zapada Rossii [The new transgressions of Lake Ladoga, formation of the Neva River and agricultural development of the Northwest of Russia given relatively], in: Doklady RAN. T. 424 [Reports of the Russian Academy of Sciences. Volume 424], 2009, № 5 [in Russian].

Annaly Hil'deshajma - Annaly Hil'deshajma [Annals of Hildesheim], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Hildesheim/frametext1.htm (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Bertinskie annaly - Bertinskie annaly [Annales Bertiniani], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text2.phtml (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Chernov 1999a - *Chernov A.* Zdes' byla stolica Rossii [There was a capital of Russia], in: Ogonek [Spark], 1999, № 8 [in Russian].

Chernov 1999b - *Chernov A.* Zagadki severnyh ljudej [Riddles of northern people], in: Ogonek [Spark], 1999, № 9 [in Russian].

Chernov 2000 - *Chernov A.* Zvon Ljubshanskoj kazny [Ring of Lyubshansky treasury], Electronic resource: http://chernov-trezin.narod.ru/chudesa6.htm (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Cvetkov 2012 - *Cvetkov S.V.* Knjaz' Rjurik i ego vremja [Prince Rurik and his time], Moscow; St. Petersburg, 2012 [in Russian].

DRZI 3 - Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatija. T. 3 [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Volume 3], Moscow, 2009 [in Russian].

Dubov 1990 - *Dubov I.V.* Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi [New sources on stories of Ancient Russia], Leningrad, 1990 [in Russian].

Dubov i dr. 1986 - *Dubov I.V., Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S.* Rus' i varjagi (Russko-skandinavskie otnoshenija domongol'skogo vremeni) [Russia and Varangians (Russian-Scandinavian relations of domongolsky time)], in: Slavjane i skandinavy [Slavs and Scandinavians], Moscow, 1986 [in Russian].

Dudko 2003 - *Dudko D.* Mater' Lada [Mater Lada], Moscow, 2003 [in Russian].

Fasmer 1986 - Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 1 [Etymological dictionary of Russian. Volume 1], Moscow, 1986 [in Russian].

Fomin 1982 - *Fomin A.V.* Nachalo rasprostranenija kuficheskih monet v rajone Baltiki [The beginning of distribution of kufichesky coins near Baltic], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. 1982. Vyp. 171 [Short messages of Institute of archeology. 1982. Release 171] [in Russian].

Ful'dskie annaly - Ful'dskie annaly [Annales Fuldenses], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Gel'mol'd 1963 - *Gel'mol'd.* Slavjanskaja hronika [Slavic chronicle], Moscow, 1963 [in Russian].

Giljarov 1878 - *Giljarov F.* Predanija russkoj nachal'noj letopisi [Bringing to the Russian initial chronicle], Moscow, 1878 [in Russian].

Gramoty 1949 - Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov], Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

Herrman 1978 - *Herrman J.* Polabskie i il'menskie slavjane v rannesrednevekovoj baltijskoj torgovle [Polabsky and Ilmen Slavs in early medieval Baltic trade], in: Drevnjaja Rus' i slavjane [Ancient Russia and Slavs], Moscow, 1978 [in Russian].

Herrman 1986 - *Herrman J.* Obodrity, ljutichi, rujane [Obotrites, Lutici, Rujani], in: Slavjane i skandinavy [Slavs and Scandinavians], Moscow, 1986 [in Russian].

Isachenko 2004 - *Isachenko G.A.* Vuoksinskaja jepopeja [Vuoksinsky epic], Electronic resource: http://www.aroundspb.ru/history/suvanto/suvanto.php (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Kazanskij 2010 - *Kazanskij M.M.* Skandinavskaja mehovaja torgovlja i «Vostochnyj put'» v jepohu pereselenija narodov [Scandinavian fur trade and «East way» to an era of resettlement of the people], in: Stratum plus [Stratum plus], 2010, № 4 [in Russian].

Kirpichnikov 1979 - *Kirpichnikov A.H.* Istoriko-arheologicheskoe issledovanie drevnej Korely [Historical and archaeological research of ancient Korela], in: Finno-ugry i slavjane [Finno-Ugric peoples and Slavs], Leningrad, 1979 [in Russian].

Kirpichnikov 1985 - *Kirpichnikov A.N.* Rannesrednevekovaja Ladoga (Itogi arheologicheskih issledovanij) [Early medieval Ladoga (Results of archaeological researches)], in: Srednevekovaja Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytija i issledovanija [Medieval Ladoga. New archaeological opening and researches], Leningrad, 1985 [in Russian].

Kirpichnikov 2002 - *Kirpichnikov A.N.* Velikij volzhskij put' i evrazijskie torgovye svjazi v jepohu rannego srednevekov'ja [Great Volga way and Euroasian commercial relations to an era of the early Middle Ages], in: Ladoga i ee sosedi v jepohu srednevekov'ja [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Kirpichnikov, Gubchevskaja 2002 - *Kirpichnikov A.N., Gubchevskaja L.A.* Staraja Ladoga [Old Ladoga], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Kniga bol'shomu chertezhu 1950 - Kniga bol'shomu chertezhu [Book of the big drawing], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Kochkurkina 1981 - *Kochkurkina S.I.* Arheologicheskie pamjatniki korely V-XV vv. [Archaeological monuments Karelians of the 5-15th centuries], Leningrad, 1981 [in Russian].

Kochkurkina 1982 - *Kochkurkina S.I.* Drevnjaja korela [Ancient korela], Leningrad, 1982 [in Russian].

Kochkurkina 1986 - *Kochkurkina S.I.* Korela i Rus' [Korela also Russia], Leningrad, 1986 [in Russian].

Korzuhina 1961 - *Korzuhina G.F.* O vremeni pojavlenija ukreplennogo poselenija v Ladoge [About time of emergence of the strengthened settlement in Ladoga], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1961, № 3 [in Russian].

Ksantenskie i dr. annaly - Ksantenskie annaly [Annales Xantenses], in: Istoriki jepohi Karolingov [Historians of an era of Carlovingians], Moscow, 1999 [in Russian].

Kulakov 1990 - *Kulakov V.I.* Pogrebal'nyj obrjad prussov v jepohu rannego srednevekov'ja [Funeral ceremony of pruss during an era of the early Middle Ages], in: Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obrjad [Researches in the field of balto-Slavic spiritual culture. Funeral ceremony], Moscow, 1990 [in Russian].

Kuza 1975 - *Kuza A.V.* Novgorodskaja zemlja [Novgorod earth], in: Drevnerusskie knjazhestva X-XIII vv. [Old Russian principalities of the 10-13th centuries], Moscow, 1975 [in Russian].

Kuzenkov 2003 - *Kuzenkov P.V.* Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshhenie rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 g to Constantinople and the first Christianization of Kievan Rus' in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [The most ancient states of Eastern Europe], 2000, Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 1970 - *Kuz'min A.G.* «Varjagi» i «Rus'» na Baltijskom more [«Varangians» and «Russia» on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History questions], 1970, № 10 [in Russian].

Kuz'min 2003 - *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi [Beginning of Russia], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min, Machinskaja 1989 - Kuz'min S.L., Machinskaja A.D. Ladoga i ee okruga v VIII-X vv. [Ladoga and its districts in the 8-10th centuries], in: Tezisy dokladov XI Vsesojuznoj konferencii po izucheniju istorii, jekonomiki, literatury i jazyka skandinavskih stran i Finljandii [Theses of reports of the XI

All-Union conference on studying of history, economy, literature and language of the Scandinavian countries and Finland], Moscow, 1989 [in Russian].

Lebedev 2002 - *Lebedev G.S.* Slavjanskij car' Dir [Slavic tsar Deere], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11-12 [in Russian].

Lebedev 2005 - *Lebedev G.S.* Jepoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [Era of Vikings in Northern Europe and in Russia], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Mihajlov 2002 - *Mihajlov K.A.* Skandinavskij mogil'nik v urochishhe Plakun (zametki o hronologii i topografii) [The Scandinavian burial ground in the natural boundary Plakun (notes about chronology and topography)], in: Ladoga i ee sosedi v jepohu srednevekov'ja [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Moroshkin 1867 - *Moroshkin M.* Slavjanskij imenoslov [Slavic names], St. Petersburg, 1867 [in Russian].

Noonan 1994 - *Noonan T.S.* The Vikings in the East: Coins and Commerce, in: Birka Studies, Vol. 3, Stockholm, 1994 [in English].

Onomastika Ukraini 1992 - Onomastika Ukraini pershogo tisjacholittja nashoi eri [Onomastics of Ukraine of I thousand AD.], Kiev, 1992 [in Ukrainian].

Pashkina 2000 - *Pashkina L.D.* Rusy [Rusy], Electronic resource: http://www.priozersk.ru/1/text/0042.shtml (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Paul' 2014a - *Paul' A.* Rol' rjugenskih slavjan v juzhnobaltijskih svjazjah s Vostochnoj Evropoj [Role of ryugensky Slavs in the South Baltic communications with Eastern Europe], in: Vestnik LGPU. 2014. Serija gumanitarnye nauki. Vyp. 2 [Bulletin of the Lipetsk state pedagogical university. 2014. Series humanities. Release 2] [in Russian].

Paul' 2014b - *Paul' A.* Kontakty baltijskih slavjan s severnoj i severo-vostochnoj Evropoj v rannem srednevekov'e [Contacts of the Baltic Slavs with northern and northeast Europe in the early Middle Ages], in: Vestnik LGPU. 2014. Serija gumanitarnye nauki. Vyp. 1 [Bulletin of the Lipetsk state pedagogical university. 2014. Series humanities. Release 1] [in Russian].

Paul' 2016 - *Paul' A.* Baltijskie slavjane ot Rerika do Starigarda [The Baltic Slavs from Rerik to Starigard], Moscow, 2016 [in Russian].

Pchelov 2010 - *Pchelov E.V.* Rjurik [Rurik], Moscow, 2010 [in Russian].

Perepisnaja okladnaja kniga 1852 - Perepisnaja okladnaja kniga po Novugorodu Vot'skoj pjatiny [The census okladny book on Novugorodu Votskoy of a pyatina], in: Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih. Kn. XII [Vremennik Imperatorskogo of the Moscow society of history and antiquities Russian. Book XII], Moscow, 1852 [in Russian].

Petrov 2013a - *Petrov I.V.* Devjatyj jetap obrashhenija kuficheskogo dirhema i katastroficheskij spad finansovoj aktivnosti na Volhovsko-Il'menskom denezhnom rynke (880–890-e gg.) [The ninth stage of the address of kufichesky dirhem and catastrophic recession of financial activity in the Volkhov and Ilmen monetary market (the 880-890th)], in: Uspehi sovremennogo estestvoznanija [Achievements of modern natural sciences], 2013, № 5 [in Russian].

Petrov 2013b - *Petrov I.V.* Vos'moj jetap obrashhenija kuficheskogo dirhema v Vostochnoj i Severnoj Evrope: dejatel'nost' Rjurika i finansovye potoki 860–870-h gg. [The eighth stage of the address of kufichesky dirhem in Eastern and Northern Europe: Rurik's activity and financial streams of the 860-870th], in: Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International magazine of applied and basic researches], 2013, № 8 [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].

Rjabinin 2003 - Rjabinin E.A. U istokov Severnoj Rusi [At sources of Northern Russia], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Rjabinin, Chernyh 1988 - *Rjabinin E.A., Chernyh N.B.* Stratigrafija, zastrojka i hronologija nizhnego sloja Staroladozhskogo Zemljanogo gorodishha v svete novyh issledovanij [Stratigraphy, building and chronology of the lower layer of the Old Ladoga Earth ancient settlement in the light of new researches], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1988, № 1 [in Russian].

Rjabinin, Dubashinskij 2002 - *Rjabinin E.A., Dubashinskij A.V.* Ljubshanskoe gorodishhe v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'noe soobshhenie) [The Lyubshansky ancient settlementin Nizhny Novgorod Povolkhovye (the preliminary message)], in: Ladoga i ee sosedi v jepohu srednevekov'ja [Ladoga and its neighbors during a Middle Ages era], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Rjurik v Karelii - Rjurik v Karelii [Rurik in Karelia], Electronic resource: http://www.kirjazh.spb.ru/legend_kar/r_k.htm (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Samojlova 2015 - *Samojlova I.* Arheolog Rjabinin nashel drevnejshuju na Rusi krepost' [The archeologist Ryabinin found the most ancient fortress in Russia], Electronic resource: http://www.oldladoga.ru/arheolog_rjbinin_nashel_drevneishuyu_na-2.html (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Serjakov 2015 - *Serjakov M.L.* Odisseja varjazhskoj Rusi [Odyssey of Varangian Russia], Moscow, 2015 [in Russian].

Serjakov 2016 - *Serjakov M.L.* Rjurik i mistika istinnoj vlasti [Rurik and mysticism of the true power], Moscow, 2016 [in Russian].

Slavjanskie hroniki 2011 - *Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Ljubekskij* [Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck], in: Slavjanskie hroniki [Slavic chronicles], Moscow, 2011 [in Russian].

Tatishhev 1962 - *Tatishhev V.N.* Istorija rossijskaja. T. I [History is the Russian. Volume I], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Truhachev 1981 - *Truhachev N.S.* Popytka lokalizacii Pribaltijskoj Rusi na osnovanii soobshhenij sovremennikov v zapadnoevropejskih i arabskih istochnikah X-XIII vv. [Attempt of localization of Baltic Russia on the basis of messages of contemporaries in the Western European and Arab sources of the 10-13th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches], 1980, Moscow, 1981 [in Russian].

Uino 1997 - Pirjo Uino. Ancient Karelia. Archaeological studies, Helsinki, 1997 [in English].

Veselovskij 1906 - *Veselovskij A.N.* Russkie i vil'tiny v sage o Tidrike Bernskom [Russians and viltina in the saga about Theoderic the Great], in: Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti. 1906. T. 11. Kn. 3 [News of office of Russian and literature. 1906. Volume 11. Book 3] [in Russian].

Vilinbahov V.B. 1963 - *Vilinbahov V.B.* Baltijsko-Volzhskij put' [Baltic-Volga way], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1963, № 3 [in Russian].

Zabelin 1876 - *Zabelin I.E.* Istorija russkoj zhizni s drevnejshih vremen. Ch. 1 [History of the Russian life since the most ancient times. Part 1], Moscow, 1876 [in Russian].

Ziborov 1981 - *Ziborov V.K.* K istorii predanija o smerti knjazja Rjurika v g. Korele [To a legend story about death of the prince Rurik in of Korele], in: Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 36 [Works of department of Old Russian literature. Volume 36], Leningrad, 1981 [in Russian].

Серяков Михаил Леонидович – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Mikhail Seryakov – Independent researcher (St. Petersburg, Russia).
E-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

УДК 929.659

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[1]

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

Социальные сети уже использовались как источники для исследований в сфере общественных наук, фольклористики. Они могут быть использованы и как исторический источник. Прежде всего, как массовый источник, подвергнутый машинной обработке. Таким образом, можно получить сведения о восприятии разными группами людей тех или иных исторических событий, их ментальности. Материалы блогосферы могут стать существенным подспорьем для биографической составляющей исторической науки. Они могут выступать и одним из источников для изучения фактологической составляющей исторических событий.

Ключевые слова: социальные сети, блогосфера, исторический источник, постфольклор, медиалор, массовый источник, историческая личность, событийная история.

SOCIAL NETWORKS AS A HISTORICAL SOURCE

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

Social networks have already been used as sources for research in social sciences and folklore studies. They can also be used as a source for historical research - first of all, as a massive volume of data processed with the use of computers. In this way it is possible to study the perception by different groups of people of various historical events and mentality of a time period. The blogosphere can help to add a biographic component to historical science. They can also be one of the sources for studying factual components of historical events.

Keywords: Xavier social networks, blogosphere, historical source, post-folklore, medialore, mass source, historical figure, event history.

* * *

[1] Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР, проект «Геополитические трансформации в Каспийско-Черноморском регионе: инструменты поддержания нестабильности» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 «Пространственное развитие России в веке: природа. Общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», номер проекта АААА-А15-115102010113-6, 0256-2015-0083.

В современной исторической науке остро стоит вопрос введения в оборот новых источников. Поскольку многие прежние их виды близки к исчерпанию. Так же новые источники необходимы для освещения новых аспектов реальности. С появление сети Интернет в жизни учёных произошли существенные изменения. Стали доступнее научные труды, многие виды традиционных источников. Но появились и новые их виды (Информационные ресурсы).

Например, с появлением в Интернете профессиональных форумов и различных сообществ в социальных сетях существенный шаг вперёд сделала антропология профессий и изучение постфольклора. В Интернете современный фольклор получил очень удобную площадку, как для бытования, так и для изучения. Различные сегменты Интернета могут выступать как носители этих источников (например, фольклора представителей какой – либо профессии), либо сами порождать новые виды источников (Щепанская 2003: 141).

Одним из их видов являются социальные сети (блогосфера). Это набор мощных интернет-платформ, где отдельные пользователи Интернета или их группы могут легко создавать управляемые ими сегменты.

Специфика блогосферы в том, что посредством социальных сетей самые разные люди могут самостоятельно насыщать Интернет текстами, фото- и видео материалами, выражать и пропагандировать свою точку зрения. Хотя подавляющее большинство блогеров не слишком востребованы и непопулярны, в целом блогосферавесьма полно отражает жизнь общества и влияет на неё (Чобанян; Браславец 2009).

Социальные сети, прежде всего, дают представление о пожеланиях блогеров по поводу того, какой они хотели бы видеть реальность. Причём в данный конкретный момент. Реакция блогосферы на какое-либо историческое событие – это попытка быстрого построения виртуальной реальности. Которую, причём, очень быстро можно изменить.

Например, вооруженное противостояние на Донбассе продолжается уже третий год. И уже сформировался многочисленный и разнообразный корпус источников для изучения этих многогранных военно-политических событий. Это и многочисленные кино- и фотодокументы, записи в социальных сетях, публикации в СМИ. Война на Донбассе – это война в Интернете. Любая война всегда порождала особую виртуальную реальность, состоящую из пропаганды, намеренной дезинформации, «самопроизвольных» слухов, воспоминаний «по горячим следам» и через много лет, художественного и научного осмысления, памятников и других видов мемориалов. А с появлением Интернета «виртуальная» сторона войны стала во много раз значительнее и выпуклее, формируется гораздо быстрее.

Именно это в должной степени и отразила книга Е.В. Семёновой «Украина: русофобия, репрессии, геноцид (2014-2015). Материалы для будущего трибунала». Эта книга, помимо прочего один из первых сборников материалов, который может быть использован для изучения событий на Украине и на Донбассе в 2013 – 2015 гг. (Семёнова 2016).

Блогосфера отражает направление мыслей той или иной социально-политической группы, очень чётко выражает чей-либо социальный заказ по

конкретному поводу. Целенаправленные многолетние наблюдения над определёнными сегментами блогосферы могут немало рассказать о ментальности, системе ценностей, картине мира различных категорий населения. Исследователи постфольклора, например, фольклора различных профессиональных групп, накопили в данной сфере уже немалый опыт. Кроме профессионального фольклора, блогосфера весьма полно отражает ньюслор (медиалор) мифологические представления, тиражируемые прессой; специфику циркулирования слухов (Щепанская 2003: 141).

Так же она отражает эволюцию направления мыслей того или иного общественного деятеля, известного человека. В плане просопографического анализа она, несомненно, открывает новые горизонты.

Для работы с материалами блогосферы необходима быстрая обработка и анализ массового материала, различные виды контент-анализа и пр. (Браславец 2009). Необходимо быстрое и массовое сохранение и паспортизация материалов блогосферы. Для чего, несомненно, необходимы соответствующие компьютерные программы. Нередко – «двойного назначения», но без возможности считывать личную и закрытую информацию, такую, как переписка, «подзамочные» посты и пр. Необходимы специализированные программы по быстрому поиску и группировке материала на подобие интернет – поисковиков, только более компактные и узконаправленные. Работа с материалами блогосферы относительно «традиционным» образом, как со значимым самим по себе письменным текстом, возможна лишь в случае, когда объектом исследования является отдельный блогер.

Полноценным историческим источником может быть только сохранённая копия или скриншот, правильным образом паспортизированные (с обязательным указанием URL, даты обращения, количества подобных электронных документов, имеющихся в распоряжении исследователя с разбивкой по адресам ссылок и датам). Необходимо выделение типов и подтипов документов, так или иначе близких друг другу. Т.е. социальные сети являются историческим источником прежде всего как обработанный массовый материал, а не отдельные документы.

В контексте социальным сетей работа с такими источниками, как фото и видеоматериалы приобретает особую специфику. Необходима работа с массовым материалом, выявление сходства и различия, типологизации сходных друг с другом документов.

Такой материал может быть историческим источником не только по вопросам умонастроений и деятельности пропаганды. Они могут служить и для выяснения деталей и особенности того или иного исторического факта, события, личности. Но обязательно на основе более «традиционных» источников, таких, как архивные материалы, мемуары, устноисторические материалы и пр., после их введения в научный оборот. С которыми материалы блогосферы должны обязательно сопоставляться. Особое место занимают блоги, где публикуются «классические» исторические источники: документы органов власти, отрывки из летописей и пр. (см. например: Славянские древности).

Таким образом, представляется, что материалы социальных сетей нужно рассматривать как массовый источник, подлежащий машинной обработке. Как

исторический источник они наиболее пригодны для имагологических исследований, изучения идеологической борьбы на стыке истории, политологии и социологии. С точки зрения событийной истории материалы социальных сетей должны использоваться вместе с как можно более обширным перечнем других видов источников.

ЛИТЕРАТУРА

Браславец 2009 - *Браславец Л.А.* Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология и журналистика. 2009. № 1.

Информационные ресурсы - Информационные ресурсы Интернета как исторический источник / Электронный ресурс: http://studme.org (дата обращения – 11.08.2016).

Семёнова 2016 - *Семёнова Е.* Украина: русофобия, репрессии, геноцид (2014-2015). Материалы для будущего трибунала. М., 2016.

Славянские древности - Славянские древности (сообщество при научно-образовательном портале, посвященном истории и культуре славянских народов «Славянские древности» / редактор М.И. Жих) / Электронный ресурс: https://www.facebook.com/slavdrevnostiru (дата обращения – 11.08.2016).

Чобанян - *Чобанян К.* Социальные сети как источник информации и форма интерактивности телевизионных программ / Электронный ресурс: http://www.relga.ru (дата обращения – 11.08.2016).

Щепанская 2003 - *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том IV. № 1.

REFERENCES

Braslavec 2009 - *Braslavec L.A.* Social'nye seti kak sredstvo massovoj informacii: k postanovke problemy [Social networks as mass media: to statement of a problem], in: Vestnik VGU. Serija: Filologija i zhurnalistika [Bulletin of VSU. Series: Philology and journalism], 2009, № 1 [in Russian].

Chobanjan - *Chobanjan K.* Social'nye seti kak istochnik informacii i forma interaktivnosti televizionnyh programm [Social networks as source of information and form of interactivity of television programs], Electronic resource: http://www.relga.ru (Date of access – 11.08.2016) [in Russian].

Informacionnye resursy - Informacionnye resursy Interneta kak istoricheskij istochnik [Information resources of the Internet as historical source], Electronic resource: http://studme.org (Date of access – 11.08.2016) [in Russian].

Semjonova 2016 - *Semjonova E.* Ukraina: rusofobija, repressii, genocid (2014-2015). Materialy dlja budushhego tribunal [Ukraine: russophobia, repressions, genocide (2014-2015). Materials for future tribunal], Moscow, 2016 [in Russian].

Shhepanskaja 2003 - *Shhepanskaja T.B.* Antropologija professij [Anthropology of professions], in: Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Magazine of sociology and social anthropology], 2003, Tom IV, № 1 [in Russian].

Slavjanskie drevnosti - Slavjanskie drevnosti (soobshhestvo pri nauchno-obrazovatel'nom portale, posvjashhennom istorii i kul'ture slavjanskih narodov «Slavjanskie drevnosti» / redaktor M.I. Zhih) [Slavic antiquities (community at the scientific and educational portal devoted to history and culture of the Slavic people «Slavic antiquities» / the editor M.I. Zhikh)], Electronic resource: https://www.facebook.com/ slavdrevnostiru (Date of access – 11.08.2016) [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Igor Vasilyev – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru



THE RUSSIAN-GERMAN HISTORICAL SEMINAR: COMMUNITY RESEARCH PROJECT GENERAL STRATEGY

«Российско-немецкий исторический семинар» – это открытый общественно-научный проект, целью которого является научное изучение и популяризация российско-немецкой «совместной истории». В то же время, деятельность проекта имеет долгосрочную стратегию, которая охватывает не только научную сферу, но и развитие общественной жизни и межгосударственные отношения России и Германии.

После распада Советского Союза Российская Федерация переживает длительный переходный период, который пока ещё не завершен. Современные вызовы в сочетании с актуальным состоянием России формируют картину будущего с неопределёнными среднесрочными и долгосрочными перспективами, которые могут реализоваться по различным сценариям.

Принципиальные сложности взаимоотношений между Россией и Европой могут быть минимизированы путём создания «точек совпадения интересов», основанных на позитивных исторических примерах и концептуальном подходе. Для этого был создан проект «Российско-немецкий исторический семинар», основной целью которого является выработка и развитие концепции межкультурного диалога, понятной и в России, и в Европе. Вне зависимости от государственно-политического развития Российской Федерации и ЕС, подобная работа может иметь серьёзные стратегические успехи.

Вместе с тем, в Германии проживает большое количество русскоязычных жителей, выходцев из республик бывшего СССР. Их интеграция в немецкое общество не всегда происходит просто. Поэтому работа «Российско-немецкого исторического семинара» направлена также на то, чтобы содействовать этой интеграции русскоязычных жителей, а заодно вырабатывать концепции, которые

были бы понятны для русскоязычной аудитории в Германии и ЕС. В итоге это может сформировать информационные рычаги влияния на общественное мнение в среде выходцев из бывшего СССР, проживающих сейчас на территории Германии и ЕС – информационные факторы, созданные на научной основе.

Успешная реализация этих двух ключевых направлений требует создания определённых идейных ориентиров на основе российско-немецкой «совместной истории», которые впоследствии могли бы становится факторами общественного мнения посредством средств массовой информации. В то же время, соединение этих двух основных направлений могло бы создать сильный стратегический базис для позитивного диалога Германия – Россия вне зависимости от политической конъюнктуры, расширить поле для маневров европейской политики и бизнеса по отношению к России.

«Российско-немецкий исторический семинар» обладает определённым кадровым и информационным потенциалом, который можно задействовать для реализации упомянутых целей. К общей работе проекта будут привлекаться различные специалисты и информационные ресурсы как в Германии, так и в России.

* * *

«Russisch-deutsches historisches Seminar» ist ein öffentlich-wissenschaftliches Projekt, dessen Ziel die wissenschaftliche Forschung und die Popularisierung der russisch-deutschen «gemeinsamen Geschichte» ist. Gleichzeitig hat die Tätigkeit des Projektes eine langfristige Strategie, die nicht nur die wissenschaftliche Sphäre, sondern auch die Entwicklung des gesellschaftlichen Lebens und die zwischenstaatlichen Beziehungen Russlands und Deutschlands umfasst.

Nach dem Zerfall der Sowjetunion erlebt die Russische Föderation eine dauerhafte Übergangsperiode, die bis jetzt noch nicht beendet ist. Die heutigen Herausforderungen in der Kombination mit dem aktuellen Zustand Russlands erzeugen das Zukunftsbild ohne bestimmte langfristige Perspektiven, die nach verschiedenen Varianten realisiert werden können.

Die prinzipiellen Schwierigkeiten der gegenseitigen Beziehungen zwischen Russland und Europa können durch das Schaffen von gemeinsamen Anknüpfungs-punkten minimiert werden, die auf den positiven historischen Beispielen und einer gut entwickelten Konzeption basieren. Zu diesem Zweck wurde das Projektdas «Russisch-deutsche historische Seminar» erarbeitet. Das Hauptziel des Projektes ist die Entwicklung der Konzeption des interkulturellen Dialoges, die den europäischen sowie russischen Bürgern naheliegt. Unabhängig von der staatlich-politischen Entwicklung der Russischen Föderation und der EU, kann solche Initiative einen deutlichen strategischen Erfolg haben.

Zugleich wohnt in Deutschland eine große Menge der russischsprachigen Bewohner, die aus den Republiken der ehemaligen UdSSR zugewandert sind. Bei ihrer Integration in die deutsche Gesellschaft läuft es nicht immer glatt. Die Tätigkeit des «Russisch-deutschen historischen Seminares» ist gerade darauf gerichtet, die Integration

der russischsprachigen Bevölkerung zu fördern und zugleich die Konzeptionen zu entwickeln, die dem russischsprachigen Auditorium in Deutschland und in der EU verständlich wäre. Im Endeffekt kann man damit die Informationshebel ansetzen, die die öffentliche Meinung der Zugewanderten aus der ehemaligen UdSSR beeinflussen, das heißt informative Faktoren bilden, die auf der wissenschaftlichen Grundlage beruhen.

Die erfolgreiche Realisierung dieser zwei Schlüsselrichtungen fordert die Bildung bestimmter Ideenorientierungspunkte aufgrund der russisch-deutschen «gemeinsamen Geschichte», die später zu den Faktoren der öffentlichen Meinung mittels der Massenmedien werden könnten. Zugleich könnte die Verbindung dieser zwei Hauptrichtungen eine starke strategische Basis für einen positiven Dialog zwischen Deutschland und Russland unabhängig von der politischen Konjunktur schaffen und die Möglichkeiten des politischen und ökonomischen Manövrierens der EU in Bezug auf Russland erweitern.

«Russisch-deutsches historisches Seminar» verfügt über ein bestimmtes Personal- und Informationspotential, das für die Realisierung der obigen Ziele einzusetzen ist. Zu den Projektaufgaben werden verschiedene Fachkräfte und Informationsressourcen aus Deutschland und Russland herangezogen.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБОУВО РК «КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Факультет истории, искусства, крымскотатарского языка и литературы
Кафедра декоративного искусства

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Многоуважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе
Ежегодной XI научно-практической конференции
«Крымские диалоги: культура, искусство, образование».

2-3 ноября 2017 г.

К участию в конференции приглашаются
ученые, аспиранты, магистранты, студенты.

Рабочие языки конференции – русский, крымскотатарский, украинский.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

В рамках работы конференции планируется проведение пленарного и секционных заседаний с участием исследователей и специалистов в области культуры, искусства, филологии, образования.

Поступившие материалы будут сгруппированы по направлениям:

- *Педагогика:* перспективы совершенствования профессионального образования, методики преподавания в профессиональной подготовке специалистов в области, филологии, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, дизайна, музыкального искусства.
- *Культурология:* диалог культур, национальные и этнические культуры Крыма и России.
- *Искусствоведение:* этнические традиции, современные тенденции развития изобразительного и декоративно-прикладного искусства, дизайна, архитектуры; проблемы актуализации и сохранения

Регламент выступлений на секционных заседаниях: доклады – 20 минут, сообщения – 10 минут, выступления – 5 минут**.**

Заезд участников конференции 1 ноября. Конференция состоится 2 и 3 ноября 2017 г. в ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8.

Контактные телефоны Оргкомитета:

+79787289953 – Котляр Елена Романовна, доцент кафедры декоративного искусства факультета истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-педагогического университета. E-mail: **allenkott@mail.ru**

При получении полного комплекта материалов (заявка + текст доклада) оргкомитет в течение трех дней будет высылать авторам подтверждение по электронной почте.

Сборник планируется издать к началу конференции с присвоением международного стандартного номера ISBN и включением его в систему цитирования РИНЦ. Оргкомитет оставляет за собой право отказать в публикации, если статья не соответствует предъявленным требованиям. Ориентировочная стоимость публикации до 100 руб. за страницу после подтверждения о приеме статьи к публикации.

Основные контрольные сроки:

Прием заявок и текстов докладов (статей) до 1 мая 2017 г.
по адресу: **allenkott@mail.ru** (кафедра декоративного искусства)
Извещение о принятии материалов до 30 июня 2017 г.

ЗАЯВКА

Фамилия, имя, отчество:	
Страна, город	
Место работы, должность, ученая степень и звание.	
Название доклада	
Форма участия (очная или заочная)	
Контактный адрес и телефон:	
E-mail:	
Необходимость бронирования гостиницы (указать дату).	

Национальный Музей Истории Азербайджана НАНА
приглашает принять участие

Международная Научно-Практическая Конференция на тему:

«Новые взгляды на историю Ширвана: факты, гипотезы»

Азербайджан, Баку, 26-27 сентября 2017 г.

Основной целью проведения конференции является привлечение внимания на политическую историю, культуру, экономику государства Ширваншахов, имеющего тысячелетнюю историю и являющегося одним из центров и символов азербайджанской государственности.

Темы конференции: история, культура, архитектура, археология, этнография, нумизматика, эпиграфика, литература, фольклор, история искусства, реставрационные работы, туризм и медиа, роль музеев и заповедников в деле охраны культурного наследия.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА

Э.Эфендиев – (Заместитель премьер-министра Азербайджанской Республики)
Исмаил Садыгов (Кабинет Министров)
Акиф Ализаде – Академик, Президент НАНА

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

Аскер Алекперов – начальник Управления Государственного Историко-Архитектурного Заповедника «Ичеришехер» при Кабинете Министров Азербайджанской Республики

Наиля Велиханлы – академик, директор Национального Музея Истории Азербайджана НАНА

ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

Вафа Кулиева - д.и.н., Государственный Историко-Архитектурный Заповедник «Ичеришехер» при Кабинете Министров Азербайджанской Республики

Эльхан Мамедов - Государственный Историко-Архитектурный Заповедник «Ичеришехер» при Кабинете Министров Азербайджанской Республики

Джавид Казымов - Государственный Историко-Архитектурный Заповедник «Ичеришехер» при Кабинете Министров Азербайджанской Республики

Ганира Пиркулиева – д.ф.и., доцент, Государственный Историко-Архитектурный Заповедник «Ичеришехер» при Кабинете Министров Азербайджан-ской Республики

Габиба Алиева – д.ф.и., Национальный Музей Истории Азербайджана НАНА

Махфуза Зейналова – д.ф.и., Национальный Музей Истории Азербайджана НАНА

Эмин Дадашов Национальный Музей Истории АзербайджанаНАНА

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Встреча, размещение и питание зарубежных участников конференции оплачивается оргкомитетом. Доклады принимаются на Азербайджанском, тюркском, русском и английском языках. Срок представления докладов до 01 июня 2017 года. Количество страниц с иллюстрациями не должно превышать 8 страниц.

КОНТАКТ:

v.quliyeva@mail.ru
nargiz.aliyeva.52@mail.ru

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.
4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2016, № 4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 12.03.2017
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/



ISSN 2411-9415